Проф. В. Ключевский

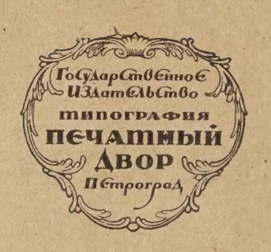
КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ

Часть IV

2-Е ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1925 . . . ПЕТРОГРАД

Гиз. № 4291. Отпеч. 11.000 экз.

Памяти Анисии Михаиловны Ключевской.

(†21 марта 1909 г.).

*

Лекция LIX.

Жизнь Петра Великого до начала Северной войны.—Младенчество.—Придворный учитель. — Учение.—События 1682 г. — Петр в Преображенском.—Потешные.—Вторичная школа.—Нравственный рост Петра. – Правление царицы Натальи. — Компания Петра. — Значение потех.—Поездка за границу.—Возвращение.

Младенчество.

Петр родился в Москве, в Кремле, 30 мая 1672 г. Он был четырнадцатое дитя многосемейного царя Алексея и первый ребенок от его второго брака—с Натальей Кирилловной Нарышкиной. Царица Наталья была взята из семьи западника А. С. Матвеева, дом которого был убран по-европейски, и могла принести во дворец вкусы, усвоенные в доме воспитателя; притом и до нее заморские новизны проникали уже на царицыну половину, в детские комнаты кремлевского дворца. Как только Петр стал помнить себя, он был окружен в своей детской иноземными вещами; все, во что он играл, напоминало ему немца. Некоторые из этих заморских игрушек особенно обращают на себя наше внимание: двухлетнего Петра забавляли музыкальными ящиками, «цимбальцами» и «большими цимбалами» немецкой работы; в его комнате стоял даже какой-то «клевикорд» с медными зелеными струнами. Все это живо напоминает нам придворное общество царя Алексея, столь падкое на иноземные художественные вещи. С летами детская Петра наполняется предметами военного дела. В ней появляется

целый арсенал игрушечного оружия, и в некоторых мелочах этого детского арсенала отразились тревожные заботы взрослых людей того времени. Так в детской Петра довольно полно представлена была московская артиллерия, встречаем много деревянных пищалей и пушек с лошадками.

На четвертом году Петр лишился отца. При царе Федоре, сыне Милославской, положение матери Петра с ее родственниками и друзьями стало очень затруднительно. Другие люди всплыли наверх, овладели делами. Царь Алексей был женат два раза, следовательно, оставил после себя две клики родственников и свойственников, которые насмерть злобствовали одна против другой, ничем не брезгуя в ожесточенной вражде. Милославские осилили Нарышкиных и самого сильного человека их стороны Матвеева не замедлили убрать подальше на север, в Пустозерск. Молодая царица-вдова отступила на задний план, стала в тени.

Придворный учитель.

Не раз можно слышать мнение, будто Петр был воспитан не по-старому, иначе и заботливее, чем воспитывались его отец и старшие братья. В ответ на это мнение люди первой половины XVIII в., еще по свежему преданию рассказывая о том, как Петра учили грамоте, дают понять, что по крайней мере до десяти лет Петр рос и воспитывался пожалуй даже более по-старому, чем его старшие братья, чем даже его отец. Рассказ записан некиим Крекшиным, младшим современником Петра, лет 30 трудолюбиво, но довольно неразборчиво собиравшим всякие известия, бумаги, слухи и предания о благоговейно чтимом им преобразователе. Рассказ Крекшина любопытен, если не как документально достоверный факт, то как нравоописательная картинка. По старорусскому обычаю

Петра начали учить с пяти лет. Старший брат и крестный отец Петра, царь Федор, не раз говаривал куме-мачехе, царице Наталье: «пора, государыня, учить крестника». Царица просила кума найти учителя кроткого, смиренного, божественное писание ведущего. Как нарочно, выбор учителя решен был человеком, от которого слишком пахло благочестивой стариной, боярином Фед. Прокоф. Соковниным. Дом Соковниных был убежищем староверья: они придерживались раскола. Две родные сестры Соковнина, Феодосья Морозова и княгиня Авдотья Урусова еще при царе Алексее запечатлели мученичеством свое древнее благочестие: царь подверг их суровому заключению в земляной Боровской тюрьме за упрямую привязанность к старой вере и к протопопу Аввакуму. Другой брат этих боярынь Алексей впоследствии сложил голову на плахе за участие в заговоре против Петра во имя благочестивой старины. Федор Соковнин и указал царю на мужа кроткого и смиренного, всяких добродетелей исполненного, в грамоте и писании искусного: то был Никита Моисеев сын Зотов, подьячий из приказа Большого Прихода (ведомства неокладных сборов). Р сказ о том, как Зотов введен был в должность придворного учителя, дышит такой древнерусской простотой, что не оставляет сомнения в характере зотовской педагогики. Соковнин привез Зотова к царю и, оставив в передней, отправился с докладом. Вскоре из комнат царя вышел дворянин и спросил: «кто здесь Никита Зотов?» Будущий придворный учитель так оробел, что в беспамятстве не мог тронуться с места, и дворянин должен был взять его за руку. Зотов просил повременить немного, чтобы дать ему прийти в себя. Отстоявшись, он перекрестился и пошел к царю, который пожаловал его к руке и проэкзаменовал в присутствии

Симеона Полоцкого. Ученый воспитатель царя одобрил чтение и письмо Зотова; тогда Соковнин повез аттестованного учителя к царице-вдове. Та приняла его, держа Петра за руку, и сказала: «знаю, что ты доброй жизни и в божественном писании искусен; вручаю тебе моего единственного сына». Зотов залился слезами и, дрожа от страха, повалился к ногам царицы со словами: «недостоин я, матушка государыня, принять такое сокровище». Царица пожаловала его к руке и велела на следующее утро начать учение. На открытие курса пришли царь и патриарх, отслужили молебен с водосвятием, окропили святой водой нового спудея и, благословив, посадили за азбуку. Зотов поклонился своему ученику в землю и начал курс своего учения, при чем тут же получил и гонорар: патриарх дал ему сто рублей (слишком 1.000 рубл. на наши деньги), государь пожаловал ему *двор*, произвел во дворяне, а царица-мать прислала две пары богатого верхнего и исподнего платья и «весь убор», в который по уходе государя и патриарха Зотов тут же и перерядился. Крекшин отметил и день, когда началось обучение Петра— 12 марта 1677 г., когда, следовательно, Петру не исполнилось и пяти лет. Выслушав этот рассказ, и не говорите, что Зотов мог посвятить своего ученика в новую науку, обучить его каким-нибудь «еллинским и латинским борзостям».

Учение. По словам Котошихина, для обучения царевичей выбирали из приказных подьячих «учительных людей тихих и небражников». Что Зотов был учительный человек тихий, за это ручается только-что приведенный рассказ; но, говорят, он не вполне удовлетворял второму требованию, любил выпить. Впоследствии Петр назначил его князем-папой, президентом шутовской коллегии пьян-

ства. Историки Петра иногда винят Зотова в том, что он не оказал воспитательного, развивающего влияния на своего ученика. Но ведь Зотова позвали во дворец не воспитывать, а просто учить грамоте, и он, может-быть, передал своему ученику курс древнерусской грамотной выучки если не лучше, то и не хуже многих предшествовавших ему придворных учителей, грамотеев. Он начал, разумеется, со «словесного учения», т.-е, прошел с Петром азбуку, Часослов, Псалтырь, даже Евангелие и Апостол; все пройденное по древнерусскому педагогическому правилу взято было на зубок. Впоследствии Петр свободно держался на клиросе, читал и пел своим негустым баритоном не хуже любого дьячка; говорили даже, что он мог прочесть наизусть Евангелие и Апостол. Так учился царь Алексей; так начинали учение и его старшие сыновья. Но простым обучением грамотному мастерству не ограничилось преподавание Зотова. Очевидно, новые веяния коснулись и этого импровизованного педагога из приказа Большого прихода. Подобно воспитателю царя Алексея Морозову, Зотов применял прием наглядного обучения. Царевич учился охотно и бойко. На досуге он любил слушать разные рассказы и рассматривать книжки с «кунштами», картинками. Зотов сказал об этом царице, и та велела ему выдать «исторические книги», рукописи с рисунками из дворцовой библиотеки и заказала живописного дела мастерам в Оружейной палате несколько новых иллюстраций. Так составилась у Петра коллекция «потешных тетрадей», в которых изображены были золотом и красками города, здания, корабли, солдаты, оружие, сражения и «истории лицевые с прописьми», иллюстрированные повести и сказки с текстами. Все эти тетради, писанные самым лучшим мастерством,

Зотов разложил в комнатах царевича. Заметив, когда Петр начинал утомляться книжным чтением, Зотов брал у него из рук книгу и показывал ему эти картинки, сопровождая обзор их пояснениями. При этом он, как пишет Крекшин, касался и русской старины, рассказывал царевичу про дела его отца, про царя Ивана Грозного, восходил и к более отдаленным временам Дмитрия Донского, Александра Невского и даже до самого Владимира. Впоследствии Петр очень мало имел досуга заниматься русской историей, но не терял интереса к ней, придавал ей важное значение для народного образования и много хлопотал о составлении популярного учебника по этому предмету. Кто знает? быть может, во всем этом сказывалась память об уроках Зотова. И на том подьячему спасибо!

События 1682 г.

Едва минуло Петру десять лет, как начальное обучение его прекратилось, точнее, прервалось. Царь Федор умер 27 апреля 1682 года. За смертью его последовали известные бурные события: провозглашение Петра царем мимо старшего брата Ивана, интриги царевны Софьи и Милославских, вызвавшие страшный стрелецкий мятеж в мае того года, избиение бояр, потом установление двоевластия и провозглашение Софьи правительницей государства, наконец шумное раскольничье движение с буйными выходками старообрядцев 5 июля в Грановитой палате. Петр, бывший очевидцем кровавых сцен стрелецкого мятежа, вызвал удивление твердостью, какую сохранил при этом: стоя на Красном крыльце подле матери, он, говорят, не изменился в лице, когда стрельцы подхватывали на копья Матвеева и других его сторонников. Но майские ужасы 1682 г. неизгладимо врезались в его памяти. Он понял в них больше, чем можно было предполагать по его возрасту: через год 11-летний Петр по раз-

витости показался иноземному послу 16-летним юношей. Старая Русь тут встала и вскрылась перед Петром со всей своей многовековой работой и ее плодами. Когда огражденный грозой палача и застенка кремлевский дворец превратился в большой сарай и по нему бегали и шарили одурелые стрельцы, отыскивая Нарышкиных, а потом буйствовали по всей Москве, пропивая добычу, взятую из богатых боярских и купеческих домов, то духовенство молчало, творя волю мятежников, благословляя двоевластие, бояре и дворяне попрятались, и только холопы боярские вступились за попранный порядок. Напрасно стрельцы заманивали их обещанием свободы, громили Холопий приказ, рвали и разбрасывали по площади кабалы и другие крепости. Холопы унимали мятежников, грозя им: «лежать вашим головам на площади; до чего вы добунтуетесь? Русская земля велика, вам с ней не совладать». Холопы, которых в боярской столице было вдвое больше стрельцов, ждали только знака от своих господ на усмирение мятежников и не дождались. От общественных сил, считавшихся опорами государственного порядка, Петр отвернулся прежде, чем мог сообразить, как обойтись без них и чем их заменить. С тех пор Московский Кремль ему опротивел и был осужден на участь заброшенной барской усадьбы со своими древностями, запутанными дворцовыми хоромами и доживавшими в них свой век царевнами, тетками и сестрами, двумя Михайловнами и семью Алексеевнами, и с сотнями их певчих, крестовых дьяков и «всяких верховых чинов».

Петр в Преображенском.

События 1682 г. окончательно выбили царицу-вдову из Московского Кремля и заставили ее уединиться в Преображенском, любимом подмосковном селе царя Алексея. Этому селу суждено было стать временной царской рези-

денцией, станционным двором на пути к Петербургу. Здесь царица с сыном, удаленная от всякого участия в управлении, по выражению современника кн. Б. И. Куракина, «жила тем, что давано было от рук царевны Софии», нуждалась и принуждена была принимать тайком денежную помощь от патриарха Троицкого монастыря и ростовского митрополита. Петр, опальный царь, выгнанный сестриным заговором из родного дворца, рос в Преображенском на просторе. Силой обстоятельств он слишком рано предоставлен был самому себе, с десяти лет перешел из учебной команды прямо на задворки. Легко можно себе представить, как мало занимательного было для мальчика в комнатах матери: он видел вокруг себя печальные лица отставных придворных, слышал все одни и те же горькие или озлобленные речи о неправде и злобе людской, про падчерицу и ее злых советчиков. Скука, какую должен был испытывать здесь живой мальчик, надо думать, и выжила его из комнат матери на дворы и в рощи села Преображенского. С 1683 г., никем не руководимый, он начал здесь продолжительную игру, какую сам себе устроил и которая стала для него школой самообразования, а играл он в то, во что играют все наблюдательные дети в мире, в то, о чем думают и говорят взрослые. Современники приписывали природной склонности пробудившееся еще в младенчестве увлечение Петра военным делом. Темперамент подогревал эту охоту и превратил ее в страсть, толки окружающих о войсках иноземного строя, может быть, и рассказы Зотова об отцовых войнах дали с летами юношескому спорту определенную цель, а острые впечатления мятежного 1682 года вмешали в дело чувство личного самосохранения и мести за обиды. Стрельцы дали незаконную власть царевне Софье; надо завести своего солдата,

чтобы оборониться от своевольной сестры. По сохранившимся дворцовым записям можно следить за занятиями Петра, если не за каждым шагом его в эти годы. Здесь видим, как игра с летами разрастается и осложняется, принимая все новые формы и вбирая в себя разнообразные отрасли военного дела. Из кремлевской Оружейной палаты к Петру в Преображенское таскают разные вещи, преимущественно оружие, из его комнат выносят на починку то сломанную пищаль, то прорванный барабан. Вместе с образом Спасителя Петр берет из Кремля и столовые часы с арабом, и карабинец винтовой немецкий, то и дело требует свинца, пороха, полковых знамен, бердышей, пистолей; дворцовый кремлевский арсенал постепенно переносился в комнаты Преображенского дворца. При этом Петр ведет чрезвычайно непоседный образ жизни, вечно в походе; то он в селе Воробьеве, то в Коломенском, то у Троицы, то у Саввы Сторожевского, рыщет по монастырям и дворцовым подмосковным селам и в этих походах за ним всюду возят иногда на нескольких подводах его оружейную казну. Следя за Петром в эти годы, видим, с кем он водится, кем окружен, во что играет; не видим только, садился ли он за книгу, продолжались ли его учебные занятия. В 1688 г. Петр забирает из Оружейной палаты вместе с калмыцким седлом «глебос большой». Зачем понадобился этот глобус — неизвестно; только, должно быть, он был предметом довольно усиленных занятий не совсем научного характера, так как вскоре его выдали для починки часовому мастеру; затем вместе с потешной обезьяной высылают ему какую-то «книгу огнестрельную».

Таская нужные для потехи вещи из кремлевских кладовых, Петр набирал около себя толпу товарищей Потешные.

своих потех. У него был под руками обильный материал для этого набора. По заведенному обычаю, когда московскому царевичу исполнялось пять лет, к нему из придворной знати назначали в слуги, в стольники и спальники породистых сверстников, которые становились его «комнатными людьми». Прежние цари жили широким и людным хозяйством. Для любимой соколиной потехи царя Алексея на царских дворах содержали больше 3,000 соколов, кречетов и других охотничьих птиц, а для их ловли и корма больше 100,000 голубиных гнезд; для ловли, выучки и содержания тех птиц в «сокольничьем пути», т.-е. ведомстве, служило больше 200 человек сокольников и кречетников. В конюшенном ведомстве числилось свыше 40,000 лошадей, к которым приставлено было чиновных людей, столповых приказчиков, конюхов, стремянных, задворных, стряпчих, стадных и разных ремесленников больше 600 человек. Это были, большею частью, все люди породою «честные», не простые, были пожалованы денежным жалованьем и платьем погодно и поместьями и вотчинами, «пили и ели царское». Со смерти царя Алексея в этих ведомствах осталось мало дела или не стало никакого: больным царю Федору и царевичу Ивану было трудно выезжать из дворца часто, а царевнам некуда и непристойно; Петр терпеть не мог соколиной охоты и любил бегать пешком или ездить запросто, на чем ни попало. Этому праздному придворному и дворовому люду Петр и задал более серьезную работу. Он начал верстать в свою службу молодежь из своих спальников и дворовых конюхов, а потом сокольников и кречетников, образовав из них две роты, которые прибором охотников из дворян и других чинов, даже из боярских холопов, развились в два батальона, человек по 300 в каждом. Они и получили название *потешных*. Не

думайте, что это были игрушечные, шуточные солдаты. Играл в солдаты царь, а товарищи его игр *служили* и за свою потешную службу получали жалованье, как настоящие служилые люди. Звание потешного стало особым чином: «пожалован я, читаем в одной челобитной, в ваш великих государей чин, в потешные конюхи». Набор потешных производился официальным, канцелярским порядком; так в 1686 г. Конюшенному приказу предписано было выслать к Петру в Преображенское 7 придворных конюхов для записи в потешные пушкари. В числе этих потешных рано является и Александр Данилович Меншиков, сын придворного конюха, «породы самой низкой, ниже шляхетства», по замечанию князя Б. Куракина. Впрочем потом в потешные стала поступать и знатная молодежь: так в 1687 году с толпой конюхов поступили И. И. Бутурлин и кн. М. М. Голицын, будущий фельдмаршал, который за малолетством записался в «барабанную науку», как говорит дворцовая запись. С этими потешными Петр и поднял в Преображенском неугомонную возню, построил потешный двор, потешную съезжую избу для управлени командой, потешную конюшню, забрал из Конюшенного приказа упряжь под свою артиллерию. Словом, игра обратилась в целое учреждение с особым штатом, бюджетом, с «потешной казной». Играя в солдаты, Петр хотел сам быть настоящим солдатом и такими же сделать участников своих игр, одел их в темно-зеленый мундир, дал полное солдатское вооружение, назначил штаб-офицеров, обер-офицеров и унтер-офицеров из своих комнатных людей все «изящных фамилий», и в рощах Преображенского чуть не ежедневно подвергал команду строгой солдатской выучке, при чем сам проходил все солдатские чины, начиная с барабанщика. Чтобы приучить солдат к осаде и

штурму крепостей, на реке Яузе построена была «регулярным порядком потешная фортеция», городок Плесбурх, который осаждали с мортирами и со всеми приемами осадного искусства. Во всех этих воинских экзерцициях, требовавших технического знания, Петр едва ли мог обойтись одними доморощенными сведениями. По соседству с Преображенским давно уже возник заманчивый и своеобразный мирок, на который искоса посматривали из Кремля руководители Московского государства: то была Немецкая слобода. При царе Алексее она особенно населилась военным людом: тогда вызваны были из-за границы для командования русскими полками иноземного строя пара генералов, да сотни полковников и бесчисленное количество офицеров. Сюда и обратился Петр за новыми потехами и воинскими хитростями, каких не умел придумать со своими потешными. В 1684 г. иноземный мастер Зоммер показывал ему гранатную стрельбу, любимую его потеху впоследствии. Иноземные офицеры были привлечены и в Преображенское для устройства потешной команды; по крайней мере в начале 1690-х годов, когда потешные батальоны развернулись уже в два регулярных полка, поселенные в селах Преображенском и Семеновском и от них получившие свои названия, полковники, майоры, капитаны были почти все иноземцы и только сержанты — из русских. Но главным командиром обоих полков был поставлен русский, Автамон Головин, «человек гораздо глупый, но знавший солдатскую экзерцицию», как отзывается о нем тогдашний семеновец и свояк Петра, помянутый кн. Куракин.

Вторичная школа.

Страсть к иноземным диковинам привела Петра ко вторичной выучке, незнакомой прежним царевичам. По рассказу самого Петра, в 1687 г. кн. Я. Ф. Долгорукий, отправляясь послом во Францию, в разговоре с царевичем

сказал, что у него был инструмент, которым «можно брать дистанции или расстояния, не доходя до того места», да жаль — украли. Петр просил князя купить ему этот инструмент во Франции, и в следующем году Долгорукий привез ему астролябию. Не зная, что с ней делать, Петр прежде всего обратился, разумеется, ко всеведущему немцу «дохтуру». Тот сказал, что и сам не знает, но сыщет знающего человека. Петр с «великою охотою» велел найти такого человека, и доктор скоро привез голландца Тиммермана. Под его руководством Петр «гораздо с охотою» принялся учиться арифметике, геометрии, артиллерии и фортификации. До нас дошли учебные тетради Петра с задачами, им решенными, и объяснениями, написанными его же рукой. Из этих тетрадей прежде всего видим, как плохо обучен был Петр грамоте: он пишет невозможно, не соблюдает правил тогдашнего правописания, с трудом выводит буквы, не умеет разделять слов, пишет слова по выговору, между двумя согласными то и дело подозревает твердый знак: *всегъда*, *сътърелять*, *възяфъ*. Он плохо вслушивается в непонятные ему математические термины: сложение (additio) он пишет то *адицое*, то *водицыя*. И сам учитель был не бойкий математик: в тетрадях встречаем задачи, им самим решенные, и в задачах на умножение он не раз делает ошибки. Но те же тетради дают видеть степень охоты, с какой Петр принялся за математику и военные науки. Он быстро прошел арифметику, геометрию, артиллерию и фортификацию, овладел астролябией, изучил строение крепостей, умел вычислять полет пушечного ядра. С этим Тиммерманом, осматривая в селе Измайлове амбары деда Никиты Ивановича Романова, Петр нашел завалявшийся английский бот, который, по рассказу самого Петра,

послужил родоначальником русского флота, пробудил в нем страсть к мореплаванию, повел к постройке флотилии на Переяславском озере, а потом под Архангельском. Но у прославленного «дедушки русского флота» были безвестные боковые родичи, о которых Петр не счел нужным упомянуть. Еще в 1687 г., за год или больше до находки бота, Петр таскал из Оружейной казны «корабли малые», вероятно, старые отцовские модели кораблей, оставшиеся от постройки «Орла» на Оке; даже еще раньше, в 1686 г., по дворцовым записям, в селе Преображенском строились потешные суда. Вспомним, что правительство царя Алексея много хлопотало о заведении флота; для Петра это дело было наследственным преданием.

Нравственный рост Петра.

Изложенные черты детства и юности Петра дают возможность восстановить ранние моменты его духовного роста. До десяти лет он проходит совершенно древнерусскую выучку мастерству церковной грамоты. Но эта выучка шла среди толков и явлений совсем не древнерусского характера. С десяти лет кровавые события, раздражающие впечатления, вытолкнули Петра из Кремля, сбили его с привычной колеи древнерусской жизни, связали для него старый житейский порядок с самыми горькими воспоминаниями и дурными чувствами, рано оставили его одного с военными игрушками и зотовскими кунштами. Во что он играл в кремлевской своей детской, это теперь он разыгрывал на дворах и в рощах села Преображенского уже не с заморскими куклами, а с живыми людьми и с настоящими пушками, без плана и руководства, окруженный своими спальниками и конюхами. И так продолжалось до 17-летнего возраста. Он оторвался от понятий, лучше сказать, от привычек и преда-

ний кремлевского дворца, которые составляли политическое миросозерцание старорусского царя, его государственную науку, а новых на их место не являлось, взять их было негде и выработать было не из чего. Обучение, начатое с зотовской указкой и рано прерванное по обстоятельствам, потом возобновилось, но уже под другим руководством и в ином направлении. Старшие братья Петра переходили от подъячих, обучавших их церковной грамоте, к воспитателю, который кое-как все же знакомил воспитанников с политическими и нравственными понятиями, шедшими далее обычного московского кругозора, говорил о гражданстве, о правлении, о государе и его обязанностях к подданным. Петру не досталось такого учителя: место Симеона Полоцкого или Ртищева для него заступил голландский мастер со своими математическими и военными науками, с выучкой столь же мастеровой, технической, как зотовская, только с другим содержанием. Прежде, при Зотове, была занята преимущественно память; теперь вовлечены были в занятия еще глаз, сноровка, сообразительность; разум, сердце оставались праздными попрежнему. Понятия и наклонности Петра получили крайне одностороннее направление. Вся политическая мысль его была поглощена борьбой с сестрой и Милославскими; все гражданское настроение его сложилось из ненавистей и антипатий к духовенству, боярству, стрельцам, раскольникам; солдаты, пушки, фортеции, корабли заняли в его уме место людей, политических учреждений, народных нужд, гражданских отношений. Необходимая для каждого мыслящего человека область понятий об обществе и общественных обязанностях, гражданская этика, долго, очень долго оставалась заброшенным углом в духовном хозяйстве Петра.

*

Он перестал думать об обществе раньше, нежели успел сообразить, чем мог быть для него.

Правление царицы Натальи.

Между тем, царевна Софья со своим новым «голантом» Шакловитым построила было новый стрелецкий умысел против брата и мачехи. В августе 1689 г. за полночь, внезапно разбуженный, Петр ускакал в лес и оттуда к Троице, бросив мать и беременную жену. Это был с ним едва ли не единственный случай крайнего испуга, показавший, каких ужасов привык он ожидать со стороны сестры. Замысел не удался. Троевластное правление, которому насмешливо удивлялись за границей, но которым все были довольны дома, кроме села Преображенского, кончилось: «третье зазорное лицо», как называл Петр Софью в письме к брату Ивану, заперли в монастырь. Царь Иван остался выходным, церемониальным царем; Петр продолжал свои потехи. Власть перешла от падчерицы к мачехе. Но царица Наталья, по отзыву кн. Куракина, «была править некапабель, ума малаго». Дела правления распределились между ее присными. Лучший из них, кн. Б. А. Голицын, ловко проведший последнюю кампанию против царевны, был человек умный и образованный, говорил по-латыни, но «пил непрестанно» и, правя Казанским Дворцом почти неограниченно, разорил Поволжье. О двух других временщиках, брате царицы Льве Нарышкине и свойственнике обоих царей по бабушке Тихоне Стрешневе тот же современник говорит, что первый был человек очень недалекий и пьяный, взбалмошный, делавший добро «без резону, по бизарии своего гумору», а второй — тоже человек недалекий, но лукавый и злой, «интригант дворовый». Эти люди и повели «правление весьма непорядочное», с обидами и судейскими неправдами; началось «мздоимство великое и

кража государственная». Они вертели Боярской думой; бояре первых домов остались «без всякого повоира и в консилии или палате токмо были спектакулями». Родовитый кн. Куракин возмущен этим падением первых фамилий, особенно княжеских, их унижением перед какими-то Нарышкиными, Стрешневыми, «господами самого низкого и убогого шляхетства», а брак Петра привел ко двору более чем три десятка Лопухиных обоего пола, встреченных здесь дружной ненавистью, главы которых, приказные доки, были «люди злые, скупые ябедники, умов самых низких». Правящей среде вполне подстать было московское общество, служилое и приказное, проявлявшее себя рядом скандалов. В записках окольничьего Желябужского, близкого наблюдателя и участника московских дел в те годы, длинной вереницей проходят бояре, дворяне, дьяки думные и простые, судившиеся, пытанные и разнообразно наказанные разжалованием, кнутом, батогами, ссылкой, конфискацией, лишением жизни за разные преступления и проступки, за брань во дворце, за «неистовые слова» про государей, за женоубийство, оскорбление девичьей чести, за подделку документов, за кражу казенных золотых с участием жены министра Т. Стрешнева; а кн. Лобанов-Ростовский, владевший несколькими сотнями крестьянских дворов, разбоем отбил царскую казну на троицкой дороге, за то был бит кнутом и однако лет через 6 в Кожуховском походе шел капитаном Преображенского полка. В этом придворном обществе напрасно искать деления на партии старую и новую, консервативную и прогрессивную: боролись дикие инстинкты и нравы, а не идеи и направления.

Компания Петра.

В такой обстановке очутился Петр по низложении Софьи. Впечатления, шедшие отсюда, не привлекали его,

внимания к правительственным и общественным делам, и он вполне отдался своим привычным занятиям, весь ушел в «Марсовы потехи». Это теснее сблизило его с Немецкой слободой: оттуда вызывал он генералов и офицеров для строевого и артиллерийского обучения своих потешных, для руководства маневрами, часто сам туда ездил запросто, обедал и ужинал у старого служаки генерала Гордона и других иноземцев. Слободские знакомства расширили первоначальную «кумпанию» Петра. К комнатным стольникам и спальникам, к потешным конюхам и пушкарям присоединились бродяги с Кокуя. Рядом с бомбардиром «Алексашкой» Меншиковым, человеком темного происхождения, невежественным, едва умевшим подписать свое имя и фамилию, но шустрым и сметливым, а потом всемогущим «фаворитом», стал Франц Яковлевич Лефорт, авантюрист из Женевы, пустившийся за тридевять земель искать счастья и попавший в Москву, невежественный немного менее Меншикова, но человек бывалый, веселый говорун, вечно жизнерадостный, преданный друг, неутомимый кавалер в танцовальной зале, неизменный товарищ за бутылкой, мастер веселить и веселиться, устроить пир на славу с музыкой, с дамами и танцами,— словом, душа-человек или «дебошан французский», как суммарно характеризует его кн. Куракин, один из царских спальников в этой компании. Иногда здесь появлялся и степенный шотландец, пожилой, осторожный и аккуратный генерал Патрик Гордон, наемная сабля, служившая в семи ордах семи царям, по выражению нашей былины. Если иноземцев принимали в компанию, как своих, русских, то двое русских играли в ней роли иноземцев. То были потешные генералисимусы кн. Ф. Ю. Ромодановский, носивший имя Фридриха, главнокомандую-

щий новой солдатской армии, король Пресбургский, облеченный обширными полицейскими полномочиями, начальник розыскного Преображенского приказа, министр кнута и пыточного застенка, «собою видом как монстра, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян по вся дни», но по-собачьи преданный Петру, и И. И. Бутурлин, король польский или по своей столице царь Семеновский, командир старой, преимущественно стрелецкой армии, «человек злорадный и пьяный и мздоимливый». Обе армии ненавидели одна другую заправской, не потешной ненавистью, разрешавшейся настоящими, не символическими драками. Эта компания была смесь племен, наречий, состояний. Чтобы видеть, как в ней объяснялись друг с другом, достаточно привести две строчки из русского письма, какое Лефорт написал Петру французскими буквами в 1696 г., двадцать лет спустя по прибытии в Россию: Slavou Bogh sto ti prechol sdorova ou gorrod voronets. Daj boc ifso dobro sauersit i che Moscva sdorovou buit (здорову быть). Но ведь и сам Петр в письмах к Меншикову делал русскими буквами такие немецкие надписи: *мейн либсте камарат, мейн бест фринт*, а архангельского воеводу Ф. М. Апраксина величал в письмах просто иностранным алфавитом *Min Mer Guverneur Archangel*. В компании обходились без чинов: раз Петр сильно упрекнул этого Апраксина за то, что тот писал «с зельными чинами, чего не люблю, а тебе можно знать для того, что ты нашей компании, как писать». Эта компания постепенно и заменила Петру домашний очаг. Брак Петра с Евдокией Лопухиной был делом интриги Нарышкиных и Тихона Стрешнева: неумная, суеверная и вздорная, Евдокия была совсем не пара своему мужу. Согласие держалось, только

пока он и она не понимали друг друга, а свекровь, невзлюбившая невестку, ускорила неизбежный разлад. По своему образу жизни Петр часто и надолго отлучался из дома; это охлаждало, а охлаждение учащало отлучки. При таких условиях у Петра сложилась жизнь какого-то бездомного, бродячего студента. Он ведет усиленные военные экзерциции, сам изготовляет и пускает замысловатые и опасные фейеверки, производит смотры и строевые учения, предпринимает походы, большие маневры с примерными сражениями, оставляющими после себя немало раненых, даже убитых, испытывает новые пушки, один без мастеров и плотников строит на Яузе речную яхту со всей отделкой, берет у Гордона или через него выписывает из-за границы книги по артиллерии, учится, наблюдает, все пробует, расспрашивает иноземцев о военном деле и о делах европейских и при этом обедает и ночует, где придется, то у кого-нибудь в Немецкой слободе, чаще на полковом дворе в Преображенском у сержанта Буженинова, всего реже дома, только по временам приезжает пообедать к матери. Однажды в 1691 г. Петр напросился к Гордону обедать, ужинать и даже ночевать. Гостей набралось 85 человек. После ужина все гости расположились на ночлег по-бивачному, вповалку, а на другой день все двинулись обедать к Лефорту. Последний, нося чины генерала и адмирала, был собственно министром пиров и увеселений, и в построенном для него на Яузе дворце компания по временам запиралась дня на три, по словам кн. Куракина, «для пьянства, столь великого, что невозможно описать, и многим случалось от того умирать». Уцелевшие от таких побоищ с «Ивашкой Хмельницким» хворали по нескольку дней; только Петр поутру просыпался и бежал на работу, как ни в чем не бывало.

Воинские потехи занимали Петра до 24-го года его жизни среди частых попоек с компанией и поездок в Александровскую слободу, в Переяславль и Архангельск. С летами игра незаметно теряла характер детской забавы и становилась серьезным делом: это потому, что и в детстве она была очень похожа на серьезное дело, о котором думали старшие современники Петра. Вместе с царем росло и все незрелое, что его окружало, и пушки, и люди. Толпы потешных превращались в настоящие регулярные полки с иностранными офицерами; из игрушечных пушек и пушкарей вышли настоящая артиллерия и заправские артиллеристы. Напрасно Гордон, сведущий руководитель потешных походов, в своем дневнике называет их военным балетом: в этих походах, как и во флотилии на Переяславском озере, видимо бесцельной и смешной, вырабатывались кадры формировавшейся армии и будущего флота. Потехи имели немаловажное *учебное* значение. Трехнедельные маневры под Кожуховом на берегу реки Москвы в 1694 г., в которые, по свидетельству участника кн. Куракина, едва ли впрочем не преувеличенному, введено было до 30 тысяч человек, велись по плану, серьезно разработанному при содействии того же Гордона, и о них составлена была целая книга с чертежами станов, обозов и боев. Кн. Куракин говорит об этих экзерцициях, что они весьма содействовали обучению солдатства, а о кожуховском походе замечает, что едва ли какой монарх в Европе может учинить лучше того, прибавляя однако, что тогда «убито с 24 персоны пыжами и иными случаи и ранено с 50». Правда, сам Петр об этой последней своей потехе писал, что под Кожуховом у него кроме игры ничего на уме не было, но что эта игра стала предвестницей настоящего дела, каким были азовские походы 1695 и 1696 гг. Они

Значение потех.

оправдали эту игру, показав ее практическую пользу: Азов взят был с помощью артиллерии, подготовленной потешными экзерцициями, и флота, в одну зиму построенного на р. Воронеже под непосредственным руководством Петра, запасшегося необходимыми для того знаниями на переяславской верфи, и с помощью мастеров, там же им выученных.

Петр в Германии.

В 1697 г. 25-летний Петр увидел, наконец, Западную Европу, о которой ему так много толковали его друзья и знакомые из Немецкой слободы, куда съездить уговаривал его Лефорт. Впрочем, мысль о поездке на Запад рождалась сама собою из всей обстановки и направления деятельности Петра. Он был окружен пришельцами с Запада, учился их мастерствам, говорил их языком, в письмах своих даже к матери уже в 1689 г. подписывался Petrus, лучшую галеру воронежского флота, им самим построенную, назвал «Principium». Проходя сухопутную и морскую службу, он принял за правило первому обучаться всякому новому делу, чтобы показать пример и обучать других. Командируя десятки молодежи в заграничную выучку, он, естественно, должен был командировать и себя самого туда же. Он ехал за границу не как любознательный и досужий путешественник, чтобы полюбоваться диковинами чужой культуры, а как рабочий, желавший спешно ознакомиться с недостававшими ему надобными мастерствами; он искал на Западе техники, а не цивилизации. На заграничных письмах его явилась печать с надписью: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». На эту цель рассчитана была обстановка поездки. Он зачислил себя под именем Петра Михайлова в свиту торжественного посольства, отправлявшегося к европейским дворам по поводу шедшей тогда коалиционной

борьбы с Турцией, чтобы скрепить прежние или завязать новые дружественные отношения с западно-европейскими государствами. Но это была открытая цель посольства. Великие послы: Лефорт, Головин и думный дьяк Возницын получили еще негласную инструкцию сыскать за границей на морскую службу капитанов добрых, «которые б сами в матросах бывали, а службою дошли чина, а не по иным причинам», таких же поручиков и кучу всевозможных мастеров, «которые делают на кораблях всякое дело». Волонтерам, посланным в чужие края, предписывалось «знать чертежи или карты морские, компас и прочие признаки морские», владеть судном как в бою, так и в простом шествии, знать все снасти или инструменты, к тому надлежащие, искать всяческого случая быть на море во время боя, непременно запастись от морских начальников свидетельством о достаточной подготовке к делу, а при возврате в Москву—привести с собою по два искусных мастера морского дела с уплатой расходов из казны по исполнении подряда; кто из дворян обучит морскому делу за границей своего дворового человека,—получит за него из казны 100 руб. (около 1.000 руб. на наши деньги). Отправляя 19 дворян в Венецию, московская грамота 1697 г. извещала дожа, что их царское намерение «во Европе присмотреться новым воинским искусствам и поведениям»; но из дневника кн. Б. И. Куракина, бывшего в числе этих дворян, видим, что они учились там математике, части астрономии, навтике, механике, фортификации оборонительной и наступательной, и много плавали. Великое посольство, со своей многочисленной свитой под прикрытием дипломатического поручения, было одной из снаряжавшихся тогда в Москве экспедиций на Запад с целью все нужное там высмотреть, вызнать, перенять

европейское мастерство, сманить европейского мастера. Волонтер посольства, Петр Михайлов, как только попал за границу, принялся доучиваться артиллерии. В Кенигсберге учитель его, прусский полковник, дал ему аттестат, в котором, выражая удивление быстрым успехам ученика в артиллерии, свидетельствовал, что означенный Петр Михайлов всюду за осторожного, благоискусного, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера и художника признаваем и почитаем быть может. На пути в Голландию в городке Коппенбурге—ужин, которым угостили знатного путника курфюрстины ганноверская и бранденбургская был, как бы сказать, первым выездом Петра в большой европейский свет. Сначала растерявшись, Петр скоро оправился, разговорился, очаровал хозяек, перепоил их со свитой по-московски, признался, что не любит ни музыки, ни охоты, а любит плавать по морям, строить корабли, фейерверки, показал свои мозолистые руки, участвовал в танцах, причем московские кавалеры приняли корсеты своих немецких дам за их ребра, приподнял за уши и поцеловал 10-летнюю принцессу, будущую мать Фридриха Великого, испортив ей всю прическу. Испытательные смотрины, устроенные московскому диву двумя звездами немецкого дамского мира, сошли довольно благополучно, и принцессы потом, конечно, не скупились на росказни о вынесенном впечатлении. Они нашли в Петре много красоты, обилие ума, излишество грубости, неуменье есть опрятно и свели оценку на двусмыслицу: это де государь очень хороший и вместе очень дурной, полный представитель своей страны. Все это можно было написать, не выезжая из Ганновера в Коппенбург, или недели за две до коппенбургского ужина.

Петр в Голландии и Англии.

Сообразно со своими наклонностями, Петр спешил ближе ознакомиться с Голландией и Англией, с теми странами Западной Европы, в которых особенно была развита военно-морская и промышленная техника. Опередив посольство с немногими спутниками, Петр с неделю работал простым плотником на частной верфи в местечке Саардаме среди кипучего голландского кораблестроительства, нанимая каморку у случайно встреченного им кузнеца, которого знал по Москве, между делом осматривал фабрики, заводы, лесопильни, сукновальни, навещая семьи голландских плотников, уехавших в Москву. Однако, красная фризовая куртка и белые холщевые штаны голландского рабочего не укрыли Петра от досадливых разоблачений, и скоро ему не стало прохода в Саардаме от любопытных зевак, собиравшихся посмотреть на царя-плотника. Лефорт с товарищами приехал в Амстердам 16-го августа 1697 г.; 17-го августа были в комедии, 19-го—присутствовали на торжественном обеде от города с фейерверком, а 20-го—Петр, съездив ночью в Саардам за своими инструментами, перебрался со спутниками прямо на верфь Ост-Индской голландской компании, где амстердамский бургомистр Витзен или «Вицын», человек бывалый в Москве, выхлопотал Петру разрешение поработать. Все волонтеры посольства, посланные учиться, «розданы были по местам», как писал Петр в Москву, рассованы на разные работы «по охоте»: 11 человек с самим царем и А. Меншиковым пошли на Ост-Индскую верфь плотничать, из остальных 18-ти—кто к парусному делу, кто в матросы, кто мачты делать. Для Петра на верфи заложили фрегат, который делали «наши люди», и недель через 9 спустили на воду. Петр целый день на работе, но и в свободное время редко сидит дома, все осматривает, всюду бегает. В Утрехте,

куда он поехал на свидание с королем английским и штатгалтером голландским Вильгельмом Оранским, Витзен должен был провожать его всюду. Петр слушал лекции профессора анатомии Рюйша, присутствовал при операциях и, увидав в его анатомическом кабинете превосходно препарированный труп ребенка, который улыбался как живой, не утерпел и поцеловал его. В Лейдене он заглянул в анатомический театр доктора Боэргава, медицинского светила того времени, и, заметив, что некоторые из русской свиты выказывают отвращение к мертвому телу, заставил их зубами разрывать мускулы трупа. Петр постоянно в движении, осматривает всевозможные редкости и достопримечательности, фабрики, заводы, кунсткамеры, госпитали, воспитательные дома, военные и торговые суда, влезает на обсерваторию, принимает у себя или посещает иноземцев, ездит к корабельным мастерам. Поработав месяца четыре в Голландии, Петр узнал, «что подобало доброму плотнику знать», но, недовольный слабостью голландских мастеров в теории кораблестроения, в начале 1698 г. отправился в Англию для изучения процветавшей там корабельной архитектуры, радушно был встречен королем, подарившим ему свою лучшую новенькую яхту, в Лондоне побывал в Королевском обществе наук, где видел «всякие дивные вещи», и перебрался неподалеку на королевскую верфь в городок Дептфорд, чтобы довершить свои познания в кораблестроении и из простого плотника стать ученым мастером. Отсюда он ездил в Лондон, в Оксфорд, особенно часто в Вулич, где в лаборатории наблюдал приготовление артиллерийских снарядов и «отведывал метания бомб». В Портсмуте он осматривал военные корабли, тщательно замечая число пушек и калибр их, вес ядер. У острова Вайта для него дано было примерное морское

сражение. *Юрнал* заграничного путешествия изо дня в день отмечает занятия, наблюдения и посещения Петра с товарищами. Бывали в театре, заходили в «костелы», однажды принимали английских епископов, которые посидели с полчаса и уехали, призывали к себе женщину-великана, четырех аршин ростом, и под ее горизонтально вытянутую руку Петр прошел, не нагибаясь, ездили на обсерваторию, обедали у разных лиц и приезжали домой «веселы», не раз бывали в Тауэре, привлекавшем своим монетным двором и политической тюрьмой, «где английских честных людей сажают за караул», и раз заглянули в парламент. Сохранилось особое сказание об этом «скрытном» посещении, очевидно, Верхней палаты, где Петр видел короля на троне и всех вельмож королевства на скамьях. Выслушав прения с помощью переводчика, Петр сказал своим русским спутникам: «весело слушать, когда подданные открыто говорят своему государю правду; вот чему надо учиться у англичан». Изредка Юрнал отмечает: «были дома и веселились довольно», т. е. пили целый день за полночь. Есть документ, освещающий это домашнее времяпровождение. В Дептфорде Петру со свитой отвели помещение в частном доме близ верфи, оборудовав его по приказу короля, как подобало для такого высокого гостя. Когда после трехмесячного жительства царь и его свита уехали, домовладелец подал, куда следовало, счет повреждений, произведенных уехавшими гостями. Ужас охватывает, когда читаешь эту опись, едва ли преувеличенную. Полы и стены были заплеваны, запачканы следами веселья, мебель поломана, занавески оборваны, картины на стенах прорваны, так как служили мишенью для стрельбы, газоны в саду так затоптаны, словно там маршировал целый полк в железных сапогах. Всех повреждений было

насчитано на 350 фунтов стерлингов, до 5 тыс. руб. на наши деньги по тогдашнему отношению московского рубля к фунту стерлингов. Видно, что пустившись на Запад за его наукой, московские ученики не подумали, как держаться в тамошней обстановке. Зорко следя там за мастерствами, они не считали нужным всмотреться в тамошние нравы и порядки, не заметили, что у себя в Немецкой слободе они знались с отбросами того мира, с которым теперь встретились лицом к лицу в Амстердаме и Лондоне, и вторгнувшись в непривычное им порядочное общество всюду оставляли здесь следы своих москворецких обычаев, заставлявшие мыслящих людей недоумевать, неужели это властные просветители своей страны. Такое именно впечатление вынес из беседы с Петром английский епископ Бернет. Петр одинаково поразил его своими способностями и недостатками, даже пороками, особенно грубостью, и ученый английский иерарх не совсем набожно отказывается понять неисповедимые пути Провидения, вручившего такому необузданному человеку безграничную власть над столь значительною частью света.

Возвращение.

Но Петру было не до впечатления, оставляемого им в Западной Европе, когда он, наняв в Голландии до 900 человек всевозможных мастеров, от вице-адмирала до корабельного повора и, истратив на заграничную поездку не менее $2^1/_2$ миллионов рублей на наши деньги, в мае 1698 г. спешил в Вену, а оттуда в июле, внезапно отказавшись от поездки в Италию, поскакал в Москву по вестям о новом заговоре сестры и о стрелецком бунте. Можно представить себе, с каким запасом впечатлений, собранных за 15 месяцев заграничного пребывания, возвращался Петр домой. Попав в Западную Европу, он поспешил прежде всего забежать в мастерскую ее культуры и не

хотел повидимому итти никуда больше, по крайней мере оставался рассеянным, безучастным зрителем, когда ему показывали другие стороны европейской жизни. Возвращаясь в Россию, Петр должен был представлять себе Европу в виде шумной и дымной мастерской с машинами, кораблями, верфями, фабриками, заводами. Тотчас по приезде в Москву он принялся за жестокий розыск нового стрелецкого мятежа, на много дней погрузился в раздражающие занятия со своими старыми недругами, вновь поднятыми мятежной сестрой. Это воскресило в нем детские впечатления 1682 г. Ненавистный образ сестры с ее родственниками и друзьями, Милославскими и Шакловитыми, опять восстал в его нервном воображении со всеми ужасами, каких он привык ожидать с этой стороны. Не даром Петр был совершенно вне себя во время этого розыска и в пыточном застенке, как тогда рассказывали, не утерпев, сам рубил головы стрельцам. А затем Петр почти без передышки должен был приняться за другое еще более тяжелое дело: через два года по возвращении из-за границы началась Северная война. Торопливая и подвижная, лихорадочная деятельность, сама собой начавшаяся в ранней молодости, теперь продолжалась по необходимости и не прерывалась почти до конца жизни, до 50-летнего возраста. Северная война с ее тревогами, с поражениями в первое время и с победами потом, окончательно определила образ жизни Петра и сообщила направление, установила темп его преобразовательной деятельности. Он должен был жить изо дня в день, поспевать за быстро несшимися мимо него событиями, спешить навстречу возникавшим ежедневно новым государственным нуждам и опасностям, не имея досуга перевести дух, одуматься, сообразить наперед план действий. И в Северной войне

Петр выбрал себе роль, соответствовавшую привычным занятиям и вкусам, усвоенным с детства, впечатлениям и познаниям, вынесенным из-за границы. Это не была роль ни государя-правителя, ни боевого генерала-главнокомандующего. Петр не сидел во дворце подобно прежним царям, рассылая всюду указы, направляя деятельность подчиненных; но он редко становился и во главе своих полков, чтобы водить их в огонь, подобно своему противнику Карлу XII. Впрочем Полтава и Гангуд навсегда останутся в военной истории России светлыми памятниками личного участия Петра в боевых делах на суше и на море. Предоставляя действовать во фронте своим генералам и адмиралам, Петр взял на себя менее видную техническую часть войны: он оставался обычно позади своей армии, устроял ее тыл, набирал рекрутов, составлял планы военных движений, строил корабли и военные заводы, заготовлял аммуницию, провиант и боевые снаряды, все запасал, всех ободрял, понукал, бранился, дрался, вешал, скакал из одного конца государства в другой, был чем то вроде—генерал-фельдцейхмейстера, генерал-провиантмейстера и корабельного обер-мастера. Такая безустанная деятельность, продолжавшаяся почти три десятка лет, сформировала и укрепила понятия, чувства, вкусы и привычки Петра. Петр отлился односторонне, но рельефно, вышел тяжелым и вместе вечно-подвижным, холодным, но ежеминутно готовым к шумным взрывам—точь в точь как чугунная пушка его петрозаводской отливки.

Лекция LX.

Петр Великий, его наружность, привычки, образ жизни и мыслей, характер.

Петр Великий, по своему духовному складу, был один из тех простых людей, на которых достаточно взглянуть, чтобы понять их.

Петр был великан, без малого трех аршин ростом, целой головой выше любой толпы, среди которой ему приходилось когда-либо стоять. Христосуясь на Пасху, он постоянно должен был нагибаться до боли в спине. От природы он был силач; постоянное обращение с топором и молотком еще более развило его мускульную силу и сноровку. Он мог не только свернуть в трубку серебряную тарелку, но и перерезать ножом кусок сукна на лету. В свое время я уже говорил о династической хилости мужского потомства патриарха Филарета. Первая жена царя Алексея не осилила этого недостатка фамилии. Зато Наталья Кирилловна оказала ему энергичный отпор. Петр уродился в мать и особенно походил на одного из ее братьев Федора. У Нарышкиных живость нервов и бойкость мысли были фамильными чертами. Впоследствии из среды их вышел ряд остряков, а один успешно играл роль шута-забавника в салоне Екатерины II. Одиннадцатилетний Петр был живым красивым мальчиком, как описывает его иноземный посол, представлявшийся в 1683 г. ему и его

брату Ивану. Между тем как царь Иван в Мономаховой шапке, нахлобученной на самые глаза, опущенные вниз и ни на кого не смотревшие, сидел мертвенной статуей на своем серебряном кресле под образами, рядом с ним на таком же кресле в другой Мономаховой шапке, сооруженной по случаю двоецария, Петр смотрел на всех живо и самоуверенно, и ему не сиделось на месте. Впоследствии это впечатление портилось следами сильного нервного расстройства, причиной которого был либо детский испуг во время кровавых кремлевских сцен 1682 г., либо слишком часто повторявшиеся кутежи, надломившие здоровье еще не окрепшего организма, а вероятно то и другое вместе. Очень рано, уже на двадцатом году, у него стала трястись голова и на красивом круглом лице в минуты раздумья или внутреннего волнения появлялись безобразившие его судороги. Все это вместе с родинкой на правой щеке и привычкой на ходу широко размахивать руками делало его фигуру всюду заметной. В 1697 г. в саардамской цырюльне по этим приметам, услужливо сообщенным земляками из Москвы, сразу узнали русского царя в плотнике из Московии, пришедшем побриться. Непривычка следить за собой и сдерживать себя сообщала его большим блуждающим глазам резкое, иногда даже дикое выражение, вызывавшее невольную дрожь в слабонервном человеке. Чаще всего встречаются два портрета Петра. Один написан в 1698 г. в Англии по желанию короля Вильгельма III Кнеллером. Здесь Петр с длинными вьющимися волосами весело смотрит своими большими круглыми глазами. Несмотря на некоторую слащавость кисти, художнику, кажется, удалось поймать неуловимую веселую, даже почти насмешливую мину лица, напоминающую сохранившийся портрет бабушки Стрешневой. Другой

портрет написан голландцем Карлом Моором в 1717 г., когда Петр ездил в Париж, чтобы ускорить окончание Северной войны и подготовить брак своей 8-летней дочери Елизаветы с 7-летним французским королем Людовиком XV. Парижские наблюдатели в том году изображают Петра повелителем, хорошо разучившим свою повелительную роль, с тем же проницательным, иногда диким взглядом, и вместе политиком, умевшим приятно обойтись при встрече с нужным человеком. Петр тогда уже настолько сознавал свое значение, что пренебрегал приличиями, при выходе из парижской квартиры спокойно садился в чужую карету, чувствовал себя хозяином всюду, на Сене, как на Неве. Не таков он у К. Моора. Усы, точно наклеенные, здесь заметнее, чем у Кнеллера. В складе губ и особенно в выражении глаз, как будто болезненном, почти грустном, чуется усталость: думаешь, вот-вот человек попросит позволения отдохнуть немного. Собственное величие придавило его; нет и следа ни юношеской самоуверенности, ни зрелого довольства своим делом. При этом надобно вспомнить, что этот портрет изображает Петра, приехавшего из Парижа в Голландию, в Спа, лечиться от болезни, спустя 8 лет его похоронившей.

Петр был гостем у себя дома. Он вырос и возмужал на дороге и на работе под открытым небом. Лет под 50, удосужившись оглянуться на свою прошлую жизнь, он увидел бы, что он вечно куда-нибудь едет. В продолжение своего царствования он исколесил широкую Русь из конца в конец, от Архангельска и Невы до Прута, Азова, Астрахани и Дербента. Многолетнее безустанное движение развило в нем подвижность, потребность в постоянной перемене мест, в быстрой смене впечатлений. Торопливость стала его привычкой. Он вечно и во всем спешил. Его

обычная походка, особенно при понятном размере его шага, была такова, что спутник с трудом поспевал за ним в припрыжку. Ему трудно было долго усидеть на месте, на продолжительных пирах он часто вскакивал со стула и выбегал в другую комнату, чтобы размяться. Эта подвижность делала его в молодых летах большим охотником до танцев. Он был обычным и веселым гостем на домашних праздниках вельмож, купцов, мастеров, много и недурно танцовал, хотя не проходил методически курса танцовального искусства, а перенимал его «с одной практики» на вечерах у Лефорта. Если Петр не спал, не ехал, не пировал или не осматривал чего-нибудь, он непременно что-нибудь строил. Руки его были вечно в работе, и с них не сходили мозоли. За ручной труд он брался при всяком представлявшемся к тому случае. В молодости, когда он еще многого не знал, осматривая фабрику или завод, он постоянно хватался за наблюдаемое дело. Ему трудно было оставаться простым зрителем чужой работы, особенно для него новой; рука инстинктивно просилась за инструмент; ему все хотелось сработать самому. Охота к рукомеслу развила в нем быструю сметливость и сноровку: зорко вглядевшись в незнакомую работу, он мигом усвоял ее. Ранняя наклонность к ремесленным занятиям в технической работе обратилась у него в простую привычку, в безотчетный позыв: он хотел узнать и усвоить всякое новое дело, прежде чем успевал сообразить, на что оно ему понадобится. С летами он приобрел необъятную массу технических познаний. Уже в первую заграничную его поездку немецкие принцессы из разговора с ним вывели заключение, что он в совершенстве знал до 14 ремесл. Впоследствии он был как дома в любой мастерской на какой угодно фабрике. По смерти его чуть не везде,

где он бывал, рассеяны были вещицы его собственного изделия, шлюпки, стулья, посуда, табакерки и т. п. Дивиться можно, откуда только брался у него досуг на все эти бесчисленные безделки. Успехи в рукомесле поселили в нем большую уверенность в ловкости своей руки: он считал себя и опытным хирургом и хорошим зубным врачем. Бывало близкие люди, заболевшие каким-либо недугом, требовавшим хирургической помощи, приходили в ужас при мысли, что царь проведает об их болезни и явится с инструментами, предложит свои услуги. Говорят, после него остался целый мешок с выдернутыми им зубами—памятник его зубоврачебной практики. Но выше всего ставил он мастерство корабельное. Никакое государственное дело не могло удержать его, когда представлялся случай поработать топором на верфи. До поздних лет, бывая в Петербурге, он не пропускал дня, чтобы не завернуть часа на два в адмиралтейство. И он достиг большого искусства в этом деле; современники считали его лучшим корабельным мастером в России. Он был не только зорким наблюдателем и опытным руководителем при постройке корабля: он сам мог сработать корабль с основания до всех технических мелочей его отделки. Он гордился своим искусством в этом мастерстве и не жалел ни денег, ни усилий, чтобы распространить и упрочить его в России. Из него, уроженца континентальной Москвы, вышел истый моряк, которому морской воздух нужен был как вода рыбе. Этому воздуху вместе с постоянной физической деятельностью он сам приписывал целебное действие на свое здоровье, постоянно колеблемое разными излишествами. Отсюда же, вероятно, происходил и его несокрушимый, истинно матросский аппетит. Современники говорят, что он мог есть всегда и везде; когда бы ни

приехал он в гости, до или после обеда, он сейчас готов был сесть за стол. Вставая рано, часу в пятом, он обедал в 11—12 часов и по окончании последнего блюда уходил соснуть. Даже на пиру в гостях он не отказывал себе в этом сне и освеженный им возвращался к собеседникам, снова готовый есть и пить.

Печальные обстоятельства детства и молодости, выбившие Петра из старых чопорных порядков кремлевского дворца, пестрое и невзыскательное общество, которым он потом окружил себя, самое свойство любимых занятий, заставлявших его поочередно браться то за топор, то за пилу или токарный станок, то за нравоисправительную дубинку, при подвижном, непоседном образе жизни сделали его заклятым врагом всякого церемониала. Петр ни в чем не терпел стеснений и формальностей. Этот властительный человек, привыкший чувствовать себя хозяином всегда и всюду, конфузился и терялся среди торжественной обстановки, тяжело дышал, краснел и обливался потом, когда ему приходилось на аудиенции, стоя у престола в парадном царском облачении, в присутствии двора выслушивать высокопарный вздор от представлявшегося посланника. Будничную жизнь свою он старался устроить возможно проще и дешевле. Монарха, которого в Европе считали одним из самых могущественных и богатых в свете, часто видали в стоптанных башмаках и чулках, заштопанных собственной женой или дочерьми. Дома, встав с постели, он принимал в простом стареньком халате из китайской нанки, выезжал или выходил в незатейливом кафтане из толстого сукна, который не любил менять часто; летом, выходя недалеко, почти не носил шляпы; ездил обыкновенно на одноколке или на плохой паре и в таком кабриолете, в каком, по замечанию ино-

земца-очевидца, не всякий московский купец решился бы выехать. В торжественных случаях, когда, например, его приглашали на свадьбу, он брал экипаж на прокат у щеголя сенатского генерал-прокурора Ягужинского. В домашнем быту Петр до конца жизни оставался верен привычкам древнерусского человека, не любил просторных и высоких зал и за границей избегал пышных королевских дворцов. Ему, уроженцу безбрежной русской равнины, было душно среди гор в узкой немецкой долине. Странно одно: выросши на вольном воздухе, привыкнув к простору во всем, он не мог жить в комнате с высоким потолком и, когда попадал в такую, приказывал делать искусственный низкий потолок из полотна. Вероятно, тесная обстановка детства наложила на него эту черту. В селе Преображенском, где он вырос, он жил в маленьком и стареньком деревянном домишке, не стоившем, по замечанию того же иноземца, и 100 талеров. В Петербурге Петр построил себе также небольшие дворцы зимний и летний с тесными комнатами: царь не может жить в большом доме, замечает этот иноземец. Бросив кремлевские хоромы, Петр вывел и натянутую пышность прежней придворной жизни московских царей. При нем во всей Европе разве только двор прусского короля-скряги Фридриха Вильгельма I мог поспорить в простоте с петербургским; не даром Петр сравнивал себя с этим королем и говорил, что они оба не любят мотовства и роскоши. При Петре не видно было во дворца ни камергеров, ни камер-юнкеров, ни дорогой посуды. Обыкновенные расходы двора, поглощавшие прежде сотни тысяч рублей, при Петре не превышали 60 тысяч в год. Обычная прислуга царя состояла из 10—12 молодых дворян, большею частью незнатного происхождения, называвшихся денщиками. Петр не любил ни ливрей, ни

дорогого шитья на платьях. Впрочем, в последние годы Петра у второй его царицы был многочисленный и блестящий двор, устроенный на немецкий лад и не уступавший в пышности любому двору тогдашней Германии. Тяготясь сам царским блеском, Петр хотел окружить им свою вторую жену, может-быть, для того, чтобы заставить окружающих забыть ее слишком простенькое происхождение.

Ту же простоту и непринужденность вносил Петр и в свои отношения к людям; в обращении с другими у него мешались привычки старорусского властного хозяина с замашками бесцеремонного мастерового. Придя в гости, он садился, где ни попало, на первое свободное место; когда ему становилось жарко, он, не стесняясь, при всех скидал с себя кафтан. Когда его приглашали на свадьбу маршалом, т.-е. распорядителем пира, он аккуратно и деловито исполнял свои обязанности, распорядившись угощением, он ставил в угол свой маршальский жезл и, обратившись к буфету, при всех брал жаркое с блюда прямо руками. Привычка обходиться за столом без ножа и вилки поразила и немецких принцесс за ужином в Коппенбурге. Петр вообще не отличался тонкостью в обращении, не имел деликатных манер. На заведенных им в Петербурге зимних ассамблеях, среди столичного бомонда, поочередно съезжавшегося у того или другого сановника, царь запросто садился играть в шахматы с простыми матросами, вместе с ними пил пиво и из длинной голландской трубки тянул их махорку, не обращая внимания на танцовавших в этой или соседней зале дам. После дневных трудов, в досужие вечерние часы, когда Петр по обыкновению или уезжал в гости, или у себя принимал гостей, он бывал весел, обходителен, разговор-

чив, любил и вокруг себя видеть веселых собеседников, слышать непринужденную беседу за стаканом венгерского, в которой и сам принимал участие, ходя взад и вперед по комнате, не забывая своего стакана, и терпеть не мог ничего, что расстраивало такую беседу, никакого ехидства, выходок, колкостей, а тем паче ссор и брани, провинившегося тотчас наказывали, заставляя «пить штраф», опорожнить бокала три вина или одного «орла» (большой ковш), чтобы «лишнего не врал и не задирал». На этих досужих товарищеских беседах щекотливых предметов конечно, избегали, хотя господствовавшая в обществе Петра непринужденность располагала неосторожных или чересчур прямодушных людей высказывать все, что приходило на ум. Флотского лейтенанта Мишукова Петр очень любил и ценил за знание морского дела и ему первому из русских доверил целый фрегат. Раз,—это было еще до дела царевича Алексея,—на пиру в Кронштадте, сидя за столом возле государя, Мишуков, уже порядочно выпивший, задумался и вдруг заплакал. Удивленный государь с участием спросил, что с ним. Мишуков откровенно и во всеуслышание объяснил причину своих слез: место, где сидят они, новая столица, около него построенная, балтийский флот, множество русских моряков, наконец, сам он, лейтенант Мишуков, командир фрегата, чувствующий, глубоко чувствующий на себе милости государя,—все это—создание его, государевых, рук; как вспомнил он все это да подумал, что здоровье его, государя, все слабеет, так и не мог удержаться от слез. «На кого ты нас покинешь?»—добавил он.—«Как на кого?»—возразил Петр: «у меня есть наследник-царевич».—«Ох, да ведь он глуп, все расстроит». Петру понравилась звучавшая горькой правдой откровенность моряка; но грубоватость выражения и неуместность

неосторожного признания подлежали взысканию. «Дурак!»— заметил ему Петр с усмешкой, треснув его по голове: «этого при всех не говорят». Привыкнув поступать во всем прямо и просто, он и от других прежде всего требовал дела, прямоты и откровенности и терпеть не мог уверток. Неплюев рассказывает в своих записках, что, воротившись из Венеции по окончании выучки, он сдал экзамен самому царю и поставлен был смотрителем над строившимися в Петербурге судами, почему видался с Петром почти ежедневно. Неплюеву советовали быть расторопным и особенно всегда говорить царю правду. Раз, подгуляв на именинах, Неплюев проспал и явился на работу, когда царь был уже там. В испуге Неплюев хотел бежать домой и сказаться больным, но передумал и решился откровенно покаяться в своем грехе.—«А я уже, мой друг, здесь»,—сказал Петр.—«Виноват, государь»,—отвечал Неплюев,—«вчера в гостях засиделся». Ласково взяв его за плечи так, что тот дрогнул и едва удержался на ногах, Петр сказал: — «Спасибо, малый, что говоришь правду; Бог простит; кто Богу не грешен, кто бабушке не внук, а теперь поедем на родины». Приехали к плотнику, у которого родила жена. Царь дал роженице 5 гривен и поцеловался с ней, велев то же сделать и Неплюеву, который дал ей гривну.—«Эй, брат, вижу, ты даришь не позаморски»,—сказал Петр, засмеявшись.—«Нечем мне дарить много, государь: дворянин я бедный, имею жену и детей, и когда бы не ваше царское жалованье, то, живучи здесь, и есть было бы нечего». Петр расспросил, сколько за ним душ крестьян и где у него поместье. Плотник поднес гостям по рюмке водки на деревянной тарелке. Царь выпил и закусил пирогом с морковью. Неплюев не пил и отказался было от угощения, но Петр

сказал: «выпей, сколько можешь, не обижай хозяина», и, отломив ему кусок пирога, прибавил:—«на, закуси, это родная, не итальянская пища».—Но добрый по природе, как человек, Петр был груб, как царь, не привыкший уважать человека ни в себе, ни в других; среда, нам уже знакомая, в которой он вырос, и не могла воспитать в нем этого уважения. Природный ум, лета, приобретенное положение прикрывали потом эту прореху молодости; но порой она просвечивала и в поздние годы. Любимец Алексашка Меншиков в молодости не раз испытывал на своем продолговатом лице силу петровского кулака. На большом празднестве, один иноземный артиллерист, назойливый болтун, в разговоре с Петром расхвастался своими познаниями, не давая царю выговорить слова. Петр слушал-слушал хвастуна, наконец не вытерпел и, плюнув ему прямо в лицо, молча отошел в сторону. Простота обращения и обычная веселость делали иногда обхождение с ним столь же тяжелым, как и его вспыльчивость или находившее на него по временам дурное расположение духа, выражавшееся в известных его судорогах. Приближенные, чуя грозу при виде этих признаков, немедленно звали Екатерину, которая сажала Петра и брала его за голову, слегка ее почесывая. Царь быстро засыпал, и все вокруг замирало, пока Екатерина неподвижно держала его голову в своих руках. Часа через два он просыпался бодрым, как ни в чем не бывало. Но и независимо от этих болезненных припадков прямой и откровенный Петр не всегда бывал деликатен и внимателен к положению других, и это портило непринужденность, какую он вносил в свое общество. В добрые минуты он любил повеселиться и пошутить; но часто его шутки шли через край, становились неприличны или жестоки. В торжествен-

ные дни летом в своем Летнем саду перед дворцом, в дубовой рощице, им самим разведенной, он любил видеть вокруг себя все высшее общество столицы, охотно беседовал со светскими чинами о политике, с духовными о церковных делах, сидя за простыми столиками на деревянных садовых скамейках и усердно потчуя гостей, как радушный хозяин. Но его хлебосольство порой становилось хуже Демьяновой ухи. Привыкнув к простой водке, он требовал, чтобы ее пили и гости, не исключая дам. Бывало, ужас пронимал участников и участниц торжества, когда в саду появлялись гвардейцы с ушатами сивухи, запах которой широко разносился по аллеям, причем часовым приказывалось никого не выпускать из сада. Особо назначенные для того майоры гвардии обязаны были потчевать всех за здоровье царя, и счастливым считал себя тот, кому удавалось какими-либо путями ускользнуть из сада. Только духовные власти не отвращали лиц своих от горькой чаши и весело сидели за своими столиками; от иных далеко отдавало редькой и луком. На одном из празднеств проходившие мимо иностранцы заметили, что самые пьяные из гостей были духовные, к великому удивлению протестантского проповедника, никак не воображавшего, что это делается так грубо и открыто. В 1721 г. на свадьбе старика-вдовца кн. Ю. Ю. Трубецкого, женившегося на 20-летней Головиной, когда подали большое блюдо со стаканами желе, Петр велел отцу невесты, большому охотнику до этого лакомства, как можно шире раскрыть рот и принялся совать ему в горло кусок за куском, даже сам раскрывая ему рот, когда тот разевал его недостаточно широко. В то же время за другим столом дочь хозяина, пышная богачка и модница кн. Черкасская, стоя за стулом своего брата, хорошо образованного

молодого человека, бывшего дружкой на свадьбе отца, по знаку сидевшей тут императрицы принималась щекотать его, а тот ревел, как теленок, которого режут, при дружном хохоте всего общества, самого изящного в тогдашнем Петербурге.

Такой юмор царя сообщал тяжелый характер увеселениям, какие он завел при своем дворе. К концу Северной войны составился значительный календарь собственно придворных ежегодных праздников, в состав которого входили викториальные торжества, а с 1721 г. к ним присоединилось ежегодное празднование Ништадтского мира. Но особенно любил Петр веселиться по случаю спуска нового корабля: новому кораблю он был рад, как новорожденному детищу. В тот век пили много везде в Европе, не меньше, чем теперь, а в высших кругах, особенно придворных, пожалуй, даже больше. Петербургский двор не отставал от своих заграничных образцов. Бережливый во всем, Петр не жалел расходов на попойки, какими вспрыскивали новосооруженного пловца. На корабль приглашалось все высшее столичное общество обоего пола. Это были настоящие морские попойки, те, к которым идет или от которых идет поговорка, что пьяным по колено море. Пьют бывало до тех пор, пока генерал-адмирал старик Апраксин начнет плакать, разливаться горючими слезами, что вот он на старости лет остался сиротою круглым, без отца, без матери, а военный министр светлейший князь Меншиков свалится под стол и прибежит с дамской половины его испуганная княгиня Даша отливать и оттирать бездыханного супруга. Но пир не всегда заканчивался так просто: за столом вспылит на кого нибудь Петр и раздраженный убежит на дамскую половину, запретив собеседникам

расходиться до его возвращения, и солдата приставит к выходу; пока Екатерина не успокоивала расходившегося царя, не укладывала его и не давала ему выспаться, все сидели по местам, пили и скучали. Заключение Ништадтского мира праздновалось семидневным маскарадом. Петр был вне себя от радости, что кончил бесконечную войну, и, забывая свои годы и недуги, пел песни, плясал по столам. Торжество совершалось в здании Сената. Среди пира Петр встал из-за стола и отправился на стоявшую у берега Невы яхту соснуть, приказав гостям дожидаться его возвращения. Обилие вина и шума на этом продолжительном торжестве не мешало гостям чувствовать скуку и тягость от обязательного веселья по наряду, даже со штрафом за уклонение (50 руб., около 400 руб. на наши деньги). Тысяча масок ходила, толкалась, пила, плясала целую неделю, и все были рады-радешеньки, когда дотянули служебное веселье до указного срока.

Эти официальные празднества были тяжелы, утомительны. Но еще хуже были увеселения, тоже штатные и непристойные до цинизма. Трудно сказать, что было причиной этого—потребность ли в грязном рассеянии после черной работы или непривычка обдумывать свои поступки. Петр старался облечь свой разгул с сотрудниками в канцелярские формы, сделать его постоянным учреждением. Так возникла коллегия пьянства или «сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор». Он состоял под председательством набольшего шута, носившего титул князя-папы или всешумнейшего и всешутейшего патриарха московского, кокуйского и всея Яузы. При нем был конклав 12 кардиналов, отъявленных пьяниц и обжор, с огромным штатом таких же епископов, архимандритов и других духовных чинов,

носивших прозвища, которые никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати. Петр носил в этом соборе сан протодьякона и сам сочинил для него устав, в котором обнаружил не менее законодательной обдуманности, чем в любом своем регламенте. В этом уставе определены были до мельчайших подробностей чины избрания и поставления папы и рукоположения на разные степени пьяной иерархии. Первейшей заповедью ордена было напиваться каждодневно и не ложиться спать трезвыми. У собора, целью которого было славить Бахуса питием непомерным, был свой порядок пьянодействия, «служения Бахусу и честнаго обхождения с крепкими напитками», свои облачения, молитвословия и песнопения, были даже всешутейшие матери-архиерейши и игуменьи. Как в древней Церкви спрашивали крещаемого «веруеши ли?», так в этом соборе новопринимаемому члену давали вопрос «пиеши ли?». Трезвых грешников отлучали от всех кабаков в государстве, инако мудрствующих еретиков-пьяноборцев предавали анафеме. Одним словом, это была неприличнейшая пародия церковной иерархии и церковного богослужения, казавшаяся набожным людям пагубой души, как бы вероотступлением, противление коему—путь к венцу мученическому. Бывало на святках компания человек в 200 в Москве или Петербурге на нескольких десятках саней на всю ночь до утра пустится по городу «славить»; во главе процессии шутовской патриарх в своем облачении, с жезлом и в жестяной митре; за ним сломя голову скачут сани, битком набитые его сослужителями, с песнями и свистом. Хозяева домов, удостоенных посещением этих славильщиков, обязаны были угощать их и платить за славление; пили при этом страшно, замечает

современный наблюдатель. Или бывало на первой неделе Великого поста его всешутейшество со своим собором устроит покаянную процессию: в назидание верующим выедут на ослах и волах или в санях, запряженных свиньями, медведями и козлами, в вывороченных полушубках. Раз на масленице в 1699 г. после одного пышного придворного обеда царь устроил служение Бахусу: патриарх, князь-папа Никита Зотов, знакомый уже нам бывший учитель царя, пил и благословлял преклонявших перед ним колена гостей, осеняя их сложенными накрест двумя чубуками, подобно тому как делают архиереи дикирием и трикирием; потом с посохом в руке «владыка» пустился в пляс. Один только из присутствовавших на обеде, да и то иноземный посол, не вынес зрелища этой одури и ушел от православных шутов. Иноземные наблюдатели готовы были видеть в этих безобразиях политическую и даже народовоспитательную тенденцию, направленную будто бы против русской церковной иерархии и даже самой Церкви, а также против порока пьянства: царь де старался сделать смешным то, к чему хотел ослабить привязанность и уважение; доставляя народу случай позабавиться, пьяная компания приучала его соединять с отвращением к грязному разгулу презрение к предрассудкам. Трудно взвесить долю правды в этом взгляде; но все же это—скорее оправдание, чем объяснение. Петр играл не в одну церковную иерархию или в церковный обряд. Предметом шутки он делал и собственную власть, величая кн. Ф. Ю. Ромодановского королем, государем, «Вашим пресветлым царским величеством», а себя «всегдашним рабом и холопом Piter'ом» или просто по русски Петрушкой Алексеевым. Очевидно, здесь больше настроения, чем тенденции. Игри-

вость досталась Петру по наследству от отца, который тоже любил пошутить, хотя и остерегался быть шутом. У Петра и его компании было больше позыва к дурачеству, чем дурацкого творчества. Они хватали формы шутовства, откуда ни попало, не щадя ни преданий старины, ни народного чувства, ни собственного достоинства, как дети в играх пародируют слова, отношения, даже гримасы взрослых, вовсе не думая их осуждать или будировать. В пародии церковных обрядов глумились не над Церковью, даже не над церковной иерархией, как учреждением: просто срывали досаду на класс, среди которого видели много досадных людей. Можно не дивиться крайней беззаботности о последствиях, о впечатлении от оргий. Хотя Петр жаловался, что ему приходится иметь дело не с одним бородачем, как его отцу, а с тысячами; но с этой стороны можно было ждать больше неприятностей, чем опасностей. К большинству тогдашней иерархии был приложим укор, обращенный противниками нововведений на последнего патриарха Адриана, что он живет из куска, спать бы ему да есть, бережет мантии для клобука белого, затем и не обличает. Серьезнее был ропот в народе, среди которого уже бродила молва о царе-антихристе; но и с этой стороны надеялись на охранительную силу кнута и застенка, а об общественной стыдливости в тогдашних правящих сферах имели очень слабое помышление. Да и народные нравы если не оправдывают, то частью объясняют эти непристойные забавы. Кому неизвестна русская привычка в веселую минуту пошутить над церковными предметами, украсить праздное балагурство священным изречением? Известно также отношение народной легенды к духовенству и церковному обряду. В этом повинно само духовенство: строго требуя наружного исполнения церков-

*

ного порядка, пастыри не умели внушить должного к нему уважения, потому что сами недостаточно его уважали. И Петр был не свободен от этой церковно-народной слабости: он был человек набожный, скорбел о невежестве русского духовенства, о расстройстве Церкви, чтил и знал церковный обряд, вовсе не для шутки любил в праздники становиться на клиросе в ряды своих певчих и пел своим сильным голосом,—и однако же включил в программу празднования Ништадтского мира в 1721 г. непристойнейшую свадьбу князя-папы, старика Бутурлина со старухой, вдовой его предшественника Никиты Зотова, приказав обвенчать их в присутствии двора при торжественно-шутовской обстановке в Троицком соборе. Какую политическую цель можно найти в этой непристойности, как и в ящике с водкой, формат которого напоминал пьяной коллегии Евангелие. Здесь не тонкий или лукавый противоцерковный расчет политиков, а просто грубое чувство властных гуляк, вскрывавшее общий факт, глубокий упадок церковного авторитета. При господстве монашества, унизившем белое духовенство, дело церковно-пастырского воспитания нравственного чувства в народе превратилось в полицию совести.

Но Петр от природы не был лишен средств создать себе более приличные развлечения. Он, несомненно, был одарен здоровым чувством изящного, тратил много хлопот и денег, чтобы доставать хорошие картины и статуи в Германии и Италии: он положил основание художественной коллекции, которая теперь помещается в петербургском Эрмитаже. Он имел вкус особенно к архитектуре; об этом говорят увеселительные дворцы, которые он построил вокруг своей столицы и для которых выписывал за дорогую цену с Запада первоклассных мастеров, в роде, на-

пример, знаменитого в свое время Леблона, «прямой диковины», как называл его сам Петр, сманивший его у французского двора за громадное жалованье. Построенный этим архитектором петергофский дворец Монплезир, со своим кабинетом, украшенным превосходной резной работой, с видом на море и тенистыми садами, вызывал заслуженные похвалы от посещавших его иностранцев. Правда, незаметно, чтобы Петр был любителем классического стиля: он искал в искусстве лишь средства для поддержания легкого, бодрого расположения духа; упомянутый его петергофский дворец украшен был превосходными фламандскими картинами, изображавшими сельские и морские сцены, большею частью забавные. Привыкнув жить кое-как, в черной работе, Петр, однако, сохранил уменье быть неравнодушным к иному ландшафту, особенно с участием моря, и бросал большие деньги на загородный дворец с искусственными террасами, каскадами, хитрыми фонтанами, цветниками и т. д. Он обладал сильным эстетическим чутьем; только оно развивалось у Петра несколько односторонне, сообразно с общим направлением его характера и образа жизни. Привычка вникать в подробности дела, работа над техническими деталями создала в нем геометрическую меткость взгляда, удивительный глазомер, чувство формы и симметрии; ему легко давались пластические искусства, нравились сложные планы построек; но он сам признавался, что не любит музыки, и с трудом переносил на балах игру оркестра.

По временам на шумных увеселительных собраниях петровой компании слышались и серьезные разговоры. Чем шире развертывались дела войны и реформы, тем чаще Петр со своими сотрудниками задумывался над смыслом своих деяний. Эти беседы любопытны не столько взгля-

дами, какие в них высказывались, сколько тем, что позволяют ближе всмотреться в самих собеседников, в их побуждения и отношения, и притом смягчают впечатление их нетрезвой и беспорядочной обстановки. Сквозь табачный дым и звон стаканов пробивается политическая мысль, освещающая этих дельцов с другой, более привлекательной, стороны. Раз в 1722 г., в веселую минуту, под влиянием стаканов венгерского, Петр разговорился с окружавшими его иностранцами о тяжелых первых годах своей деятельности, когда ему приходилось разом заводить регулярное войско и флот, насаждать в своем праздном, грубом народе науки, чувства храбрости, верности, чести, что сначала все это стоило ему страшных трудов, но это теперь, слава Богу, миновало, и он может быть спокойнее, что надобно много трудиться, чтобы хорошо узнать народ, которым управляешь. Это были, очевидно, давние, привычные помыслы Петра; едва ли не он сам начал продолжавшуюся и после него обработку легенды о своей творческой деятельности. Если верить современникам, эта легенда у него стала даже облекаться в художественную форму девиза, изображающего ваятеля, который высекает из грубого куска мрамора человеческую фигуру и почти до половины окончил свою работу. Значит, к концу шведской войны Петр и его сотрудники сознавали, что достигнутые военные успехи и исполненные реформы еще не завершают их дела, и их занимал вопрос, что предстоит еще сделать. Татищев в своей *Истории Российской* передает рассказ об одной застольной беседе, слышанной очевидно, от собеседников. Дело было в 1717 г., когда блеснула надежда на скорое окончание тяжкой войны. Сидя за столом на пиру со многими знатными людьми, Петр разговорился о своем отце, об его делах в Польше,

о затруднениях, какие наделал ему патриарх Никон. Мусин-Пушкин принялся выхвалять сына и унижать отца, говоря, что царь Алексей сам мало что делал, а больше Морозов с другими великими министрами; все дело в министрах: каковы министры у государя, таковы и его дела. Государя раздосадовали эти речи; он встал из-за стола и сказал Мусину-Пушкину: «В твоем порицании дел моего отца и в похвале моим больше брани на меня, чем я могу стерпеть». Потом, подошедши к кн. Я. Ф. Долгорукому, не боявшемуся спорить с царем в Сенате, и став за его стулом, говорил ему: «Вот ты больше всех меня бранишь и так больно досаждаешь мне своими спорами, что я часто едва не теряю терпения; а как рассужу, то и увижу, что ты искренно меня и государство любишь и правду говоришь, за что я внутренно тебе благодарен; а теперь я спрошу тебя, как ты думаешь о делах отца моего и моих, и уверен, что ты нелицемерно скажешь мне правду». Долгорукий отвечал: «Изволь, государь, присесть, а я подумаю». Петр сел подле него, а тот по привычке стал разглаживать свои длинные усы. Все на него смотрели и ждали, что он скажет. Помолчав немного, князь говорил так:

«На вопрос твой нельзя ответить коротко, потому что у тебя с отцом дела разные: в одном ты больше заслуживаешь хвалы и благодарности, в другом—твой отец. Три главные дела у царей: первое—внутренняя расправа и правосудие; это ваше главное дело. Для этого у отца твоего было больше досуга, а у тебя еще и времени подумать о том не было, и потому в этом отец твой больше тебя сделал. Но когда ты займешься этим, может быть, и больше отцова сделаешь. Да и пора уж тебе о том подумать. Другое дело—военное. Этим делом отец твой много хвалы заслужил и великую пользу государству принес, устройством

регулярных войск тебе путь показал; но после него неразумные люди все его начинания расстроили, так что ты почти все вновь начинал и в лучшее состояние привел. Однако, хоть и много я о том думал, но еще не знаю, кому из вас в этом деле предпочтение отдать: конец войны прямо нам это покажет. Третье дело—устройство флота, внешние союзы, отношения к иностранным государствам. В этом ты гораздо больше пользы государству принес и себе чести заслужил, нежели твой отец, с чем, надеюсь, и сам согласишься. А что говорят, якобы каковы министры у государей, таковы и дела их, так я думаю о том совсем напротив, что умные государи умеют и умных советников выбирать и верность их наблюдать. Потому у мудрого государя не может быть глупых министров, ибо он может о достоинстве каждого рассудить и правые советы отличить». Петр выслушал все терпеливо и, расцеловав Долгорукого, сказал: *Благий рабе верный! в мале был еси мне верен, над многими тя поставлю.* «Меншикову и другим сие весьма было прискорбно,—так заключает свой рассказ Татищев,—и они всеми мерами усиливались озлобить его государю, но ничего не успели».

Петр прожил свой век в постоянной и напряженной физической деятельности, вечно вращаясь в потоке внешних впечатлений, и потому развил в себе внешнюю восприимчивость, удивительную наблюдательность и практическую сноровку. Но он не был охотник до досужих общих соображений; во всяком деле ему легче давались подробности работы, чем ее общий план; он лучше соображал средства и цели, чем следствия; во всем он был больше делец, мастер, чем мыслитель. Такой склад его ума отразился и на его политическом и нравственном характере. Петр вырос в среде, совсем неблаго-

приятной для политического развития. То были семейство и придворное общество царя Алексея, полные вражды, мелких интересов и ничтожных людей. Придворные интриги и перевороты были первоначальной политической школой Петра. Злоба сестры выбросила его из царской обстановки и оторвала от сросшихся с ней политических понятий. Этот разрыв сам по себе не был большой потерей для Петра: политическое сознание кремлевских умов XVII в. представляло беспорядочный хлам, составившийся частью из унаследованных от прежней династии церемониальных ветошей и вотчинных привычек, частью из политических вымыслов и двусмыслиц, мешавших первым царям новой династии понять свое положение в государстве. Несчастье Петра было в том, что он остался без всякого политического сознания, с одним смутным и бессодержательным ощущением, что у его власти нет границ, а есть только опасности. Эта безграничная пустота сознания долго ничем не наполнялась. Мастеровой характер усвоенных с детства занятий, ручная черная работа мешала размышлению, отвлекала мысль от предметов, составляющих необходимый материал политического воспитания, и в Петре выростал правитель без правил, одухотворяющих и оправдывающих власть, без элементарных политических понятий и общественных сдержек. Недостаток суждения и нравственная неустойчивость при гениальных способностях и обширных технических познаниях резко бросались в глаза и заграничным наблюдателям 25-летняго Петра, и им казалось, что природа готовила в нем скорее хорошего плотника, чем великого государя. С детства плохо направленный нравственно и рано испорченый физически, невероятно грубый по воспитанию и образу жизни и бесчеловечный по ужасным обстоятельствам молодости, он при этом был

полон энергии, чуток и наблюдателен по природе. Этими природными качествами несколько сдерживались недостатки и пороки, навязанные ему средой и жизнью. Уже в 1698 г. английский епископ Бернет заметил, что Петр с большими усилиями старается победить в себе страсть к вину. Как ни мало был Петр внимателен к политическим порядкам и общественным нравам Запада, он при своей чуткости не мог не заметить, что тамошние народы воспитываются и крепнут не кнутом и застенком, а жестокие уроки, данные ему под первым Азовом, под Нарвой и на Пруте, постепенно указывали ему на его политическую неподготовленность, и по мере этого начиналось и усиливалось его политическое самообразование: он стал понимать крупные пробелы своего воспитания и вдумываться в понятия, во время им не продуманные, о государстве, народе, о праве и долге, о государе и его обязанностях. Он умел свое чувство царственного долга развить до самоотверженного служения, но не мог уже отрешиться от своих привычек, и если несчастия молодости помогли ему оторваться от кремлевского политического жеманства, то он не сумел очистить свою кровь от единственного крепкого направителя московской политики, от инстинкта произвола. До конца жизни он не мог понять ни исторической логики, ни физиологии народной жизни. Впрочем, нельзя слишком винить его за это: с трудом понимал это и мудрый политик и советник Петра Лейбниц, думавший и, кажется, уверявший Петра, что в России тем лучше можно насадить науки, чем меньше она к тому подготовлена. Вся преобразовательная его деятельность направлялась мыслью о необходимости и всемогуществе властного принуждения: он надеялся только силой навязать народу недостающие ему блага и, сле-

довательно, верил в возможность своротить народную жизнь с ее исторического русла и вогнать в новые берега. Потому, радея о народе, он до крайности напрягал его труд, тратил людские средства и жизни безрасчетно, без всякой бережливости. Петр был честный и искренний человек, строгий и взыскательный к себе, справедливый и доброжелательный к другим; но по направлению своей деятельности он больше привык обращаться с вещами, с рабочими орудиями, чем с людьми, а потому и с людьми обращался, как с рабочими орудиями, умел пользоваться ими, быстро угадывал, кто на что годен, но не умел и не любил входить в их положение, беречь их силы, не отличался нравственной отзывчивостью своего отца. Петр знал людей, но не умел или не всегда хотел понимать их. Эти особенности его характера печально отразились на его семейных отношениях. Великий знаток и устроитель своего государства, Петр плохо знал один уголок его, свой собственный дом, свою семью, где он бывал гостем. Он не ужился с первой женой, имел причины жаловаться на вторую и совсем не поладил с сыном, не уберег его от враждебных влияний, что привело к гибели царевича и подвергло опасности самое существование династии.

Так Петр вышел непохож на своих предшественников, хотя между ними и можно заметить некоторую генетическую связь, историческую преемственность ролей и типов. Петр был великий хозяин, всего лучше понимавший экономические интересы, всего более чуткий к источникам государственного богатства. Подобными хозяевами были и его предшественники, цари старой и новой династии; но те были хозяева-сидни, белоручки, привыкшие хозяйничать чужими руками, а из Петра вышел подвижной хозяин-чернорабочий, самоучка, царь-мастеровой.

Лекция LXI.

Внешняя политика и реформа Петра В.—Задачи внешней политики. — Международные отношения в Европе. — Начало Северной войны.—Ход войны.—Ее влияние на реформу.—Ход и связь реформ.—Порядок изучения.—Военная реформа.—Формировка регулярной армии.—Балтийский флот.—Военный бюджет.

Внешняя политика.

Насколько Петрова реформа была заранее обдумана, планомерна, и насколько она исполнена по задуманному плану—вот вопросы, встречающие нас на пороге истории Петра Великого. Есть наклонность или привычка думать, что Петр родился и вырос с готовой преобразовательной программой, которая вся—его дело, создание его творческого гения, что деятельность ближайших предшественников Петра была только подготовкой к реформе, дала ему преобразовательные побуждения, но не преобразовательные идеи и средства. Оканчивая обзор деятельности этих предшественников, я, напротив, заметил, что самая программа Петра была вся начертана людьми XVII в. Но необходимо отличать задачи, доставшиеся Петру, от усвоения и исполнения их преобразователем. Эти задачи были потребности государства и народа, сознанные людьми XVII в., а реформы Петра направлялись условиями его времени, до него не действовавшими, частью созданными им самим, частью вторгнувшимися в его дело со стороны. Программа заключалась не в заветах, не в преданиях, а в государственных нуждах, неотложных и всем очевидных.

Ее задачи.

Война была важнейшим из этих условий. Петр почти не знал мира: весь свой век он воевал с кем-нибудь, то с сестрой, то с Турцией, Швецией, даже с Персией. С осени 1689 г., когда кончилось правление царевны Софьи, из 35 лет его царствования только один 1724-й год прошел вполне мирно, да из других лет можно набрать не более 13 мирных месяцев. Притом, с главными своими врагами, с Турцией и Швецией, Петр воевал не как его предшественники: это были войны коалиционные, союзные. Чтобы понять их значение, оглянемся на внешнюю политику Московского государства в XVII в. Петру достались от предшественников две задачи, разрешение которых было необходимо для того, чтобы обеспечить внешнюю безопасность государства: во-первых, надо было довершить политическое объединение русского народа, едва не половина которого находилась еще за пределами русского государства; во вторых, предстояло исправить границы государственной территории, которые с иных сторон, именно с южной и западной, были слишком открыты для нападения. Разрешение этих задач до Петра было только начато. Вторая задача, территориальная, еще до него приводила Московское государство в столкновение с двумя внешними врагами: со Швецией, у которой нужно было отвоевать восточный берег Балтийского моря, и с крымскими татарами, т.-е. с Турцией. Точно также и первая задача, национально-политическая, состоявшая в необходимости государственного объединения русского народа, еще задолго до Петра вызвала ряд упорных войн с третьим врагом и ближайшим соседом, с Речью Посполитой. Но еще до Петра московским правительством была сознана невозможность одновременного разрешения обеих задач. Правительство царя Алексея уже испытало невозможность одно-

временной борьбы на три фронта: с Польшей, Швецией и Турцией. Вот почему московские государственные люди XVII в. начали выбирать между своими врагами, сближаться или только мириться с тем или другим из них, чтобы тем вернее справиться с третьим. Необходимость такого выбора произвела в царствование Алексея крутой перелом во внешней политике Московского государства. Главной целью этой политики была западная соседка Польша: на борьбу с ней в продолжение веков были обращены народные силы. Андрусовское перемирие 1667 г. надолго приостановило эту борьбу. Обессиленная ею Польша перестала казаться опасной, и ее можно было на некоторое время оставить в покое, даже сблизиться с ней. Настойчивым провозвестником этого поворота, как мы видели, был Ордин-Нащокин. В московском договоре 1686 г. перемирие превратилось в вечный мир и даже в наступательный союз. Россия об руку с Польшей вступила в священную лигу Польши, Австрии и Венеции для борьбы с Турцией. Так еще до Петра покинута была на неопределенное время мысль о национально-политическом объединении русского народа: чтобы поддержать добрые отношения с союзницей и соседкой, разумеется, нельзя было затрагивать вопроса о воссоединении юго-западной Руси с Великороссией. Петр, начиная свою деятельность, прямо вступил в это сочетание международных отношений, до него создавшееся. Он также в начале царствования обратил все свои усилия и народные силы на юг, следовательно, поставил своей ближайшей задачей исправление и ограждение южной границы государственной территории. Для этого надобно было укрепить за собой и обезопасить берега Черного и Азовского морей. На Азовском море появился первый русский флот; там возникли верфи и

гавани. Но потом международные отношения западной Европы переверстались. В северной и средней Европе с Тридцатилетней войны царила над международными отношениями маленькая Швеция. Ее преобладание тяжелым гнетом ложилось особенно на государства, близкие к Балтийскому морю: на Данию, Польшу и Московию. Для Дании Швеция создала под боком у нее непримиримого врага, герцога шлезвиг-гольштейнского, которому она покровительствовала. У Польши Швеция в XVII в. успела значительно урезать территорию, захватив Лифляндию, а еще раньше Эстляндию. Обе страны чувствовали себя жестоко обобранными и обиженными с шведской стороны и искали третьего союзника в Московии, считавшей себя тоже обобранной и обиженной после Кардисского мира 1661 г., не возвратившего ей ни Ингрии, ни Карелии. Это заставило Петра повернуть свои усилия с берегов Черного и Азовского морей к Балтийскому морю, перегнать туда народные силы, направленные на внешнюю борьбу. Новой столицей государства суждено было стать не Азову или Таганрогу, а С.-Петербургу. Таким образом задача исправления южной границы была покинута ради ограждения северо-западных пределов. Итак, Петр следовал указаниям своих предшественников, однако, не только не расширил, но еще сузил их программу внешней политики, ограничил свои задачи.

Международные отношения.

Коалиционными войнами с Турцией и Швецией Московское государство впервые деятельно вступало, как органический член, в семью европейских держав, впутывалось в международные отношения западной Европы. Тогда в Европе были три задорных государства, борьба с которыми сбивала остальные державы в коалиции: это — Франция на западе, Швеция на севере и Турция

на юге. Франция соединяла против себя Англию, Голландию, Испанию, Австрию и Германскую империю, Турция—ту же Австрию, Венецию и Польшу, Швеция—ту же Польшу, Данию и Пруссию, тогдашнее курфюршество Бранденбург. Государства, участвовавшие в разных коалициях, не объединяли их, а только осложняли международные отношения. Москва договором 1686 г. с Польшей вошла в юго-восточный противотурецкий союз. Но интересы союзников двоились. Австрия в ожидании громадной войны за испанское наследство спешила выгодным миром 1699 г. в Карловице развязать себе руки на юго-востоке, но очень хлопотала, чтобы Петр один продолжал коалиционную войну, оберегая австрийский тыл с турецко-татарской стороны. Друг Петра, новый король Речи Посполитой, Август II чувствовал себя на польском престоле, как на горячих угольях, а в 1700 г. во время мирных переговоров московского посла Украинцева в Константинополе польский посол очень упрашивал турок не мириться с русским царем, обещая сбросить его друга короля с королевства. Союз завершился тем, что по карловицкому договору 1699 г. венециане и австрийцы хорошо себя удовольствовали, взяли у Турции венециане Морею, австрийцы Трансильванию, турецкую Венгрию и Славонию и заткнули горло туркам, по выражению московского посла Возницына, своими союзниками, предоставив полякам опустошенную Подолию, а московитам Азов с новопостроенными побережными городками. Петр очутился в неловком положении. Воронежское дело его было разрушено; флот, стоивший таких усилий и издержек и предназначавшийся для Черного моря, остался гнить в азовских гаванях; вытягать Керчи, стать прочно в Крыму не удалось; канал между Волгой и Доном, уже начатый тыся-

чами согнанных рабочих, был брошен. Восточный вопрос со взбудораженными ожиданиями балканских христиан, безопасность южной Руси от татар — все это отодвинуто было в сторону. Петр должен был круто повернуть фронт с юга на север, где составилась прибалтийская коалиция против Швеции; новая европейская конъюнктура перебросила его, как игрушечный мяч, с устья Дона на Нарову и Неву, где у него ничего не было заготовлено; сам он, столько готовившийся в черноморские моряки, со всеми своими переяславскими, беломорскими, голландскими и английскими навигацкими познаниями принужден был много лет вести сухопутную войну, чтобы пробиться к новому чужому морю.

Начало Северной войны.

Редкая война даже Россию заставала так врасплох, так плохо была обдумана и подготовлена, как *Северная*. Какие были союзники у Петра в начале этой войны? Польский король Август II, не сама Польша, а курфюрст Германской империи, совсем бессовестный саксонский авантюрист, кое-как забравшийся на польский престол и которого чуть не половина Польши готова была сбросить с этого престола, потом какая-то Дания, не умевшая собрать солдат для защиты своей столицы от 15 тысяч шведов, неожиданно под нее подплывших, и в несколько дней позорно бежавшая из коалиции по миру в Травендале, а душою союза был ливонский проходимец Паткуль, предназначавший Петру, единственному серьезному участнику этой опереточной коалиции, роль совсем балаганного простака, который за свои будущие победы должен удовольствоваться болотами Ингрии и Карелии. Войну начали кое-как, спустя рукава. Намечены были ближайшие цели, но не заметно разработанного плана. За 5 месяцев до разрыва Петр приторговывал продажные пушки у шведов.

с которыми собирался воевать. Двинутая под Нарву армия численностью около 35 тыс. состояла большею частью из новобранцев под командой плохих офицеров и иноземных генералов, не пользовавшихся доверием. Стратегических путей не было; по грязным осенним дорогам не могли подвести достаточно ни снарядов, ни продовольствия. Начали обстреливать крепость; но пушки оказывались негодными, да и те скоро перестали стрелять за недостатком пороха. Осаждающие, по словам очевидца, ходили около крепости, как кошки около горячей каши; мер против наступления Карла XII не приняли. В злую ноябрьскую вьюгу король подкрался к русскому лагерю и шведская 8-тысячная бригада разнесла русский корпус. Однако победа ежеминутно была на волос от беды. Король пуще всего боялся, как бы дворянская и казачья конница Шереметева не ударила ему в тыл; но она, по словам Карла, была так любезна, что бросилась бежать вплавь через р. Нарову, потопив тысячу коней. Победитель так боялся своих побежденных, что за ночь поспешил навести новый мост вместо обрушившегося под напором беглецов, чтобы помочь им поскорее убраться на свою сторону реки. Петр уехал из лагеря накануне боя, чтобы не стеснять главнокомандующего, иноземца, и тот действительно не стеснился, первый отдался в плен и увлек за собой других иноземных командиров, испуганных озлоблением своей русской команды. В Европе ходила медаль с изображением, как Петр бежит из-под Нарвы, бросив шпагу, в валившейся с головы шапке, утирая платком слезы и с евангельской подписью: *и исшед вон плакася горько*. Уцелевшие от боя, от голода и холода во время бегства русские ратники, по выражению современника, приплелись в Новгород, «ограбленные шведами без остатка», без пушек,

палаток и всего своего скарба. Позднее, спустя 24 года, уже прославленный император Петр, собираясь праздновать третью годовщину Ништадтского мира, имел мужество признаться в собственноручной программе торжества что начал шведскую войну, как слепой, не ведая ни своего состояния, ни силы противника.

Ход войны.

Около трети осадного корпуса, вся артиллерия и десятков восемь начальных людей, в том числе десять генералов, были потеряны. Шведский 18-летний мальчик выражал полное удовольствие, что так легко выручил Нарву, неприятельскую армию разбил и весь генералитет в полон взял. Через 8 месяцев он таким же неожиданным нападением выручил и Ригу, на голову разбив (на З. Двине) собиравшиеся осаждать ее саксонские и русские войска. Но и Петр не унывал от неудач по стойкости ли духа, или по слабости чувства ответственности, тотчас принялся укрепляться, пополнять войска усиленной вербовкой, конфисковал четвертую часть всех церковных и монастырских колоколов, чтобы отлить новую артиллерию. Правда, Карл XII ему помогал, как умел, гоняясь за Августом II по польским городам и лесам и оставив на русской границе слабые отряды. Началось прерывистое взаимное кровососание, длившееся 7 лет. Пользуясь таким досугом, Петр сформировал расстроенную армию и мелкими стычками, набегами, осадами, штурмами слабых пограничных крепостей подготовлял ее к крупным делам. Жертв не жалели, на положение народа не обращали внимания, играли на-пропалую и ставили на карту последние средства, обещали союзнику субсидию, не зная, чем ее уплатить. Ход внешней борьбы затруднялся еще борьбой внутренней, возникавшей в связи с ней же. Летом 1705 г. вспыхнул астраханский бунт, дальний отзвук стрелецких мятежей,

отвлекший с театра войны целую дивизию. Не успели погасить его, как Карл XII, прохлаждавшийся под Варшавой, в январе 1706 г. вдруг явился под Гродной, переморозив в быстром походе тысячи три из своего 24-тысячного корпуса, и перерезал сообщения сосредоточенных здесь главных сил Петра числом свыше 35 тыс. Это было еще более озорное движение Карла, чем под Нарву в 1700 г. На юго-восток от Гродны, в Слониме, Мире, Несвиже зимовало много казаков да Петр спешно мог привести в Минск 12 тыс. регулярного войска. Но и на русской стороне еще не прошел нарвский озноб 1700 г. Петр был страшно смущен, «в адской горести» обретался, велел наскоро укрепить границу длинной засекой от Смоленска до Пскова. Вызвав с Волыни самого гетмана Мазепу с казаками, располагая силами втрое больше Карла, Петр думал только о спасении своей гродненской армии и сам составил превосходно обдуманный во всех подробностях план отступления, приказав взять с собой «зело мало, а по нужде хотя и все бросить». В марте, в самый ледоход, когда шведы не могли перейти Неман в погоню за отступавшими, русское войско, спустив в реку до ста пушек с зарядами, мимо Бреста через Волынь «с великою нуждою и трудом», но благополучно отошло к Киеву, обогнув юго-западную окраину непроходимого Полесья. В 1708 г., когда Карл, разделавшись с Августом, стал один-на-один с Петром, повел из Гродны свою прекрасно-устроенную 44-тысячную армию прямо на Москву, а 30 тыс. готовы были итти к нему на помощь из Лифляндии и Финляндии, у Петра в тылу запылал бунт башкирский, охвативший Заволжье казанское и уфимское, а вслед за ним на Дону бунт булавинский, вызванный сыском беглых и распространившийся до Тамбова и Азова. Эти

мятежи страшно смутили Петра, вынудили его разделить свои силы, заставили, следя за врагом на западе, оглядываться назад, дали ему почувствовать, сколько народной злобы накопил он у себя за спиной. Он, к тому же больной, обессилевший «от лекарства, как младенец», по его собственному признанию, принимал против этих народных вспышек всякие меры, хотел бросить свою западную армию и ехать на Дон, обещал прощение мятежникам и в то же время предписывал колеса и колья, чтобы «себя от таких оглядок вольными в сей войне сочинить». Но и Карл оставался верен своему правилу—выручать Петра в трудные минуты: это были два врага, влюбленные друг в друга. Когда король, пройдя литовские болота, в июле 1708 г. занял Могилев, Петру предстояло не допустить, чтобы Карл, истративший без толку весь 1707-й год, соединился со своим генералом Левенгауптом, везшим из Ливонии военные припасы и продовольствие Карлу, которому было нечего есть и нечем стрелять. Соединившись с Левенгауптом, Карл был бы непобедим. Но направлявшийся к Смоленску король круто повернул на юг в хлебообильную Малороссию, где его ждал бесполезный предатель Петра гетман Мазепа, и головой выдал Петру Левенгаупта, который 28 сентября был разбит при деревне Лесной на Соже 14 тысячами русских и потерял две трети своей 16-тысячной дивизии со всем, что вез королю, в том числе и шведскую непобедимую самоуверенность. Полтавская победа на Ворскле была одержана под Лесной на Соже: после сам Петр признавал Лесную матерью Полтавской баталии, случившейся ровно девять месяцев спустя. Стыдно было проиграть Полтаву после Лесной. Я не берусь судить о стратегическом достоинстве того крутого поворота, каким был поход Карла от Могилева на

юго-восток к Полтаве. Тогда толковали, что Украйна манила к себе Карла обилием продовольствия, недостатком укреплений, близостью к Крыму и Польше, надеждой найти в казаках сильное подкрепление и с их помощью безопасно пробраться к Москве, куда он не решался пробиться сквозь царские войска через Смоленск. Трудно сказать, предчувствовал ли он на целое столетие вперед роковой путь Наполеона. Во всяком случае под Полтавой девятилетний камень свалился с плеч Петра: русское войско, им созданное, уничтожило шведскую армию, т.-е. 30 тысяч отощавших, обносившихся, деморализованных шведов, которых затащил сюда 27-летний скандинавский бродяга. Петр праздновал Полтаву, как великодушный победитель, усадил за свой победный стол пленных шведских генералов, пил за их здоровье, как своих учителей, на радостях позабыл преследовать остатки разгромленной армии, был в восторге от гремевшего красным звоном панегирика, какой, в виде проповеди, произнес ему в киевском Софийском соборе префект духовной академии Феофан Прокопович. Но победа 27 июня не достигла своей цели, не ускорила мира, напротив, осложнила положение Петра и косвенно затянула войну. Лесная и Полтава показали, что Петр одинокий сильнее, чем с союзниками, а ближайшим следствием Полтавы было возрождение прежней коалиции, разбитой Карлом. И виды Петра расширились. В 1701 г. после Нарвы по новому договору с Августом, деля шкуру еще не убитого медведя, он ограничивался Ингрией и Карелией, отказавшись в пользу Августа и Польши от всякого притязания на Лифляндию и Эстляндию; в 1707 г., когда Карл, покончив с Августом, собирался итти на Москву, Петр готов был удовольствоваться одною гаванью на Балтийском море.

Теперь прямо после Полтавы он послал Меншикова в Польшу восстановлять своего дорогого союзника на потерянном им престоле, а Шереметева отрядил осаждать Ригу и в 1710 г. завоевал весь Балтийский берег от устья Западной Двины до Выборга. Однако, еще по договору в Торне в октябре 1709 г. Петр уступал Лифляндию в наследственную собственность Августа, как курфюрсту саксонскому. Силы Петра опять начали рассыпаться. Внимание его перекидывалось из стороны в сторону. Военные успехи русских подняли на ноги французскую дипломатию которая вместе с Карлом вовлекла Петра в новую войну с Турцией. С излишним запасом надежд на турецких христиан, пустых обещаний со стороны господарей молдавского и валахского и со значительным количеством собственной полтавской самоуверенности, но без достаточного обоза и изучения обстоятельств, Петр летом 1711 г. пустился в знойную степь с целью не защитить Малороссию от турецкого нашествия, а разгромить Турецкую империю, и на р. Пруте получил еще новый урок, будучи окружен впятеро сильнейшей турецкой армией, едва не был взят в плен и по договору с визирем отдал туркам все свои азовские крепости, потеряв все плоды своих 16-летних воронежских, донских и азовских усилий и жертв. Петр и на этот раз утешал себя и свое правительство надеждой, что неудача на юге укрепит другую сторону, северный фронт, несравненно более важный. Привыкнув никого и ничего не жалеть, он и не жалел ни о ком и ни о чем. Но Прут отодвинул черноморский вопрос более чем на полвека, потому что победоносная, но бестолковая и бесполезная война с Турцией при императрице Анне не подвинула его ни на шаг вперед. Все усилия теперь обратились к Балтийскому морю. Петр усердно помогал

союзникам вытеснять шведов из Германии, в 1714 г. со своим подроставшим балтийским флотом разбил при Гангуде шведский флот, старого хозяина Балтийского моря, и в два года завоевал один всю Финляндию. На его беду, к нему в союзники поступили тогда еще Бранденбург и Ганновер, курфюрст которого только что стал английским королем, а у Петра зародился новый спорт: охота вмешиваться в дела Германии. Разбрасывая своих племянниц по разным глухим углам немецкого мира, выдав одну за герцога курляндского, другую за герцога мекленбургского, Петр втягивался в придворные дрязги и мелкие династические интересы огромной феодальной паутины, опутывавшей великую культурную нацию. С другой стороны, это московское вмешательство пугало и раздражало. Ни с того, ни с сего Петр впутался в раздор своего мекленбургского племянника с его дворянством, а оно через собратов своих, служивших и при ганноверском, и при датском дворе, поссорило Петра с его союзниками, которые начали прямо оскорблять его. Германские отношения перевернули всю внешнюю политику Петра, сделали его друзей врагами, не сделав врагов друзьями, и он опять начал бросаться из стороны в сторону, едва не был запутан в замысел служившего шведскому королю голштинца Герца, этого Паткуля на-изнанку, хотевшего помирить Россию со Швецией, чтобы они низвергли ганноверского курфюрста с английского престола и восстановили Стюартов. Когда эта фантастическая затея вскрылась, Петр поехал во Францию, чтобы навязать свою дочь Елизавету в невесты малолетнему королю Людовику XV и этим матримониальным пособием дипломатии найти союзницу в постоянной своей противнице. Так, главная задача, стоявшая перед Петром после Полтавы, решительным уда-

ром на Балтийском море вынудить мир у Швеции, разменялась на саксонские, мекленбургские и датские пустяки, продлившие томительную 9-летнюю войну еще на 12 лет. Кончилось все это тем, что Петру пришлось разделывать собственное дело, согласиться на мир с Карлом XII, обязавшись помогать ему в возврате шведских владений в Германии, отнятию которых он сам больше других содействовал, и согнать с польского престола своего друга Августа, которого так долго и платонически поддерживал. Но судьба еще раз посмеялась над Петром. По смерти Карла, застреленного в 1718 г. под норвежской крепостью Фридрихсгаллем, шведы помирились с союзниками Петра, который опять остался глаз на глаз со своим врагом и опять, как под Полтавой, одинокий нанес ему решительный удар двукратной опустошительной высадкой в Швецию (1719 и 1720 г.г.). Ништадтский мир 1721 г. положил запоздалый конец 21-летней войне, которую сам Петр называл своей «трехвременной школой», где ученики обыкновенно сидят по семи лет, а он, как туго понятливый школьник, засиделся целых три курса, все время цепляясь за союзников, страшась одиночества, и только враги-шведы открыли ему, что вся Северная война велась исключительно русской силой, а не силой союзников.

Влияние войны на реформу.

Самое глубокое действие Полтавской победы сказалось не во внешней политике, веденной так плохо, а в ходе внутренних дел. Курбатов, обер-инспектор ратушного правления, как бы сказать, министр городов и финансов, поздравляя Петра с победой письмом, составленным в форме церковного икоса с припевом *радуйся*, напоминал царю, что теперь, когда его воинство «переполеровася, яко злато в горниле», на очередь стало «гражданское правление», что победоносная война при-

близила народ к конечному разорению и необходимо ослабить взыскание накопившихся недоимок, от которого идет «превеликий всенародный вопль». Полтава произвела решительный поворот во внутренней деятельности Петра. До той поры дела велись изо дня в день. Главной и грозной пружиной управления было перо Петра. Его необ'ятная переписка с лицами, на которые падали его поручения по текущим надобностям, охватывала весь правительственный механизм. Эти письма заменяли собою законы; лица, которым они посылались, превращались в государственные учреждения. Да и все управление было направлено к целям войны, превратилось в генеральный штаб и военную кассу. Вся преобразовательная деятельность замыкалась в кругу предметов, о которых Петр писал 22 января 1702 г. артиллерии генерал-майору Брюсу, повелевая ему приставить доброго человека делать дубовые лафеты к пушкам, да при этом дуб берег бы, не рубил бы самого крупного, да и тот, что помельче, распиливали бы вдоль, а не поперек, «чтоб лесу не было истратно», а Брюс отвечал, что ведь пушки-то не походные, на станки для них не стоит дуб тратить, и сосновые сойдут, лишь бы хорошенько их выкрасить. До Полтавы можно отметить только два законодательных акта устроительного характера: это указы 30 января 1699 г., о восстановлении земских учреждений, и 18 декабря 1708 г., о разделении государства на губернии. Петр не получил такого политического воспитания, чтобы «превеликий всенародный вопль» от взыскания недоимок мог сам по себе его тронуть. Но другие менее чувствительные соображения побуждали его обратить внимание в эту сторону. Он попрежнему оставался туг к пониманию нужд народа, но стал более

чуток к условиям своего международного положения. Победы при Лесной и под Полтавой показали, что главное дело было сделано, регулярная армия создана; создался и балтийский флот. Ту и другую силу предстояло поддерживать на достигнутом уровне, даже приподнимать по возможности. Полтава выводила Петра на большую европейскую дорогу, грозившую новыми расходами. Его стали бояться на Западе. Московия выступала новым международным могуществом, следовательно приобретала врагов во всех старых друзьях. Военный и дипломатический престиж надобно было дорого оплачивать. Между тем источники государственных доходов истощались, накоплялись многолетние недоимки; Курбатов грозил, что при строгом их взыскании многие плательщики скоро совсем выбьются из сил. Через пять месяцев после Полтавы Петр указал взыскивать недоимки только за два прошедшие года (1707, 1708). В 1710 г. сосчитали приход и расход за 1705—1707 г.г. и открыли, что ежегодными доходами казна покрывала только $^4/_5$ своих расходов, $^2/_3$ которых шло на армию и флот. При неуменьи тогдашних финансистов изыскивать недостающие средства «мерами в порядке кредитных операций», как выражаются теперь, дефицит просто раскладывался на плательщиков в виде дополнительного налога. С каждым шагом становилось яснее, что вели игру не по карману. Это поворачивало мысль от боевой границы во-внутрь, от военных операций к изысканию новых источников казенного дохода. Их можно было найти только путем лучшего устроения народного труда и государственного хозяйства, что доселе за военным и дипломатическим недосугом оставалось в пренебрежении. Этот поворот и отмечен в сборнике материалов по истории Северной

войны, который редактирован самим Петром и известен под названием *Гистории Свейской войны.* Здесь сказано, что после полтавских торжеств Петр начал трудиться «во управлении гражданских дел». Даже в таком неполном своде памятников русского законодательства, как *Полное собраніе законов Россійской имперіи* 1830 г., отразился этот подъем законодательной деятельности. С 1700 года, который почему-то казался Петру началом нового столетия, по 1709 г. включительно в собрании помещено 500 актов, а в следующее десятилетие до конца 1719 г. число их дошло до 1238, и почти столько же напечатано их за одно пятилетие 1720—1725 (до смерти Петра 28 января 1725 г.); между ними находим уже длинный ряд обширных законоположений, регламентов, штатов, инструкций, международных трактатов. Так законодательство шло все более усиленным шагом в связи с ходом войны. До Полтавы на новую нужду, вызванную войной, на недостатки или злоупотребления, ею вскрытые, Петр отвечал спешным письмом или указом, намечавшим предварительные меры исправления, и так дело шло одновременно по разным отраслям правительственной деятельности. После, при большем досуге и навыке к государственному строительству, временные меры с поправками разрабатывались в законы, в регламенты, в целые новые учреждения и так же в одно время по разным ведомствам без видимого порядка. Все наиболее капитальные законоположения Петра относятся ко второй после-полтавской половине его царствования. Распорядительное законодательство постепенно становилось учредительным, благодаря войне, как она же превратила Петра из корабельного мастера и войскового организатора в многостороннего преобразователя.

Ход и связь реформ.

Теперь мы можем выяснить себе связь войны и реформы. При первом взгляде на преобразовательную деятельность Петра она представляется лишенной всякого плана и последовательности. Постепенно расширяясь, она захватила все части государственного строя, коснулась самых различных сторон народной жизни. Но ни одна часть не перестраивалась зараз, в одно время и во всем своем составе; к каждой реформа подступала по нескольку раз, в разное время касаясь ее по частям, по мере надобности, по требованию текущей минуты. Изучая тот или другой ряд преобразовательных мер, легко видеть, к чему они клонились, но трудно догадаться, почему они следовали именно в таком порядке. Видны цели реформы, но не всегда уловим ее план; чтобы уловить его, надобно изучать реформу в связи с ее обстановкой, т.-е. с войной и ее разнообразными последствиями. Война указала порядок реформы, сообщила ей темп и самые приемы. Преобразовательные меры следовали одна за другой в том порядке, в каком вызывали их потребности, навязанные войной. Она поставила на первую очередь преобразование военных сил страны. Военная реформа повлекла за собой два ряда мер, из коих одни направлены были к поддержанию регулярного строя преобразованной армии и новосозданного флота, другие к обеспечению их содержания. Меры того и другого порядка или изменяли положение и взаимные отношения сословий, или усиливали напряжение и производительность народного труда, как источника государственного дохода. Нововведения военные, социальные и экономические требовали от управления такой усиленной и ускоренной работы, ставили ему такие сложные и непривычные задачи, какие были ему не под силу при его прежнем

строе и составе. Потому об руку с этими нововведениями и частью даже впереди их шла постепенная перестройка управления, всей правительственной машины, как необходимое общее условие успешного проведения прочих реформ. Другим таким общим условием была подготовка дельцов и умов к реформе. Для успешного действия нового управления, как и других нововведений, необходимы были исполнители, достаточно подготовленные к делу, обладающие нужными для того знаниями, необходимо было и общество, готовое поддерживать дело преобразования, понимающее его сущность и цели. Отсюда усиленные заботы Петра о распространении научного знания, о заведении общеобразовательных и профессиональных, технических школ.

Порядок изучения.

Таков общий план реформы, точнее, ее порядок, установленный не наперед обдуманными предначертаниями Петра, а самым ходом дела, гнетом обстоятельств. Война была главным движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра, военная реформа—ее начальным моментом, устройство финансов—ее конечной целью. Преобразованием государственной обороны начиналось дело Петра, к преобразованию государственного хозяйства оно направлялось; все остальные меры были либо неизбежными следствиями начального дела, либо подготовительными средствами к достижению конечной цели. Сам Петр ставил свою преобразовательную деятельность в такую связь с веденной им войной. В последние годы жизни, собирая материалы о шведской войне, он обдумывал план ее истории. После него остались заметки по этому делу. В 1722 г. он отметил: «вписать в гисторию, что в сию войну сделано, каких когда распорядков земских и воинских, обоих путей регламентов и духовных, тако ж строе-

ние фортец, гаванов, флотов корабельного и генерального и мануфактур всяких и строения в Питербурхе и на Котлине и в прочих местах». За полтора месяца до кончины сделана Петром заметка: «вписать в гисторию, в которое время какие вещи для войны и прочих художеств и по какой причине или принуждению зачаты, например, ружье для того, что не стали пропускать, тако ж и о прочем». Значит, в гисторию войны предполагалось ввести, как дела, тесно с нею связанные, меры для устройства не только военных сил, но и порядка земского и церковного, для развития промышленности и торговли. Этому плану будем следовать и мы в своем изучении; в состав его войдут: 1) военная реформа; 2) меры для поддержания регулярного строя сухопутной армии и флота, именно перемены в положении дворянства, направленные к поддержанию его служебной годности; 3) подготовительные меры к увеличению государственных доходов, имевшие целью умножения количества и подъем качества податного труда; 4) финансовые нововведения; наконец 5) общие средства обеспечения успешного исполнения военных и народнохозяйственных реформ, именно преобразование управления и устройство учебных заведений. Повторяю: этот план не значит, что реформа следовала именно такому порядку, что, покончив с одной преобразуемой областью, она обращалась к другой. Перестройка шла по разным областям одновременно, урывками и вперемежку, и только к концу царствования стала складываться в нечто цельное, что можно уложить в изложенный план.

Военная реформа.

Военная реформа была первоочередным преобразовательным делом Петра, наиболее продолжительным и самым тяжелым как для него самого, так и для народа. Она имеет очень важное значение в нашей истории; это

не просто вопрос о государственной обороне: реформа оказала глубокое действие и на склад общества и на дальнейший ход событий.

Московское войско перед реформой.

По росписи 1681 г. (л. LI) значительно большая часть московской рати была уже переведена на иноземный строй (89 тыс. на 164 тыс. без малороссийских казаков). Переформировка едва ли продолжалась. В состав 112-тысячной армии, какую в 1689 г. кн. В. В. Голицын повел во второй крымский поход, входили те же 63 полка иноземного строя, как и по росписи 1681 г., только численностью до 80 тыс., с убавившимся составом полков, хотя и дворянской конной милиции русского строя значилось не более 8 тыс., в 10 раз меньше иноземного строя, а по росписи 1681 г. ее было всего в 5—6 раз меньше. Потому совсем неожиданным является состав сил, направленных в 1695 г. в первый азовский поход. В 30-тысячном корпусе, который пошел с самим Петром, тогда ротным бомбардиром Преображенского полка, можно насчитать не более 14 тыс. солдат иноземного строя, тогда как огромное 120-тысячное ополчение, направленное диверсией на Крым, все состояло из ратников русского строя, т.-е. в сущности нестроевых, строю никакого не знавших, по выражению Котошихина, преимущественно из конной дворянской милиции. Откуда взялась такая нестроевая масса и куда девались 66 тыс. солдат иноземного строя, которые за вычетом 15 тыс., шедших с Петром под Азов, участвовали в крымском походе 1689 г.? Ответ на это дал на известном нам пиру 1717 г. кн. Я. Ф. Долгорукий, знакомый с состоянием московского войска при царе Федоре и царевне Софье, бывший первым товарищем кн. В. В. Голицына во втором крымском походе. Он тогда сказал Петру, что отец его царев устроением регулярных войск

ему путь показал, «да по нем несмысленные все его учреждения разорили», так что Петру пришлось почитай все вновь делать и в лучшее состояние приводить. Отзыв кн. Долгорукого не мог относиться ни к царю Федору, ни к царевне Софье: накануне падения царевны, во втором крымском походе, полки иноземного строя были в исправности. Но дворянство оказало деятельную поддержку матери Петра в борьбе с царевной Софией и ее стрельцами, и с падением царевны всплыли наверх все эти Нарышкины, Стрешневы, Лопухины, цеплявшиеся за неумную царицу, которым было не до благоустройства государственной обороны. Они повидимому и спустили тяготившееся иноземным строем дворянство на более легкий русский. И комплектование войска Петр застал в полном расстройстве. Прежде солдатские и рейтарские полки, распущенные по домам на мирное время, призывались на службу в случае надобности. Это был призыв отпускных или запасных, бывалых людей, уже знакомых со строем. При формировке Петром армии для борьбы со Швецией такого запаса уже не заметно. Полки иноземного строя пополнялись двумя способами: или «кликали вольницу в солдаты», охотников, или собирали с землевладельцев даточных, рекрутов, по числу крестьянских дворов. Петр указал писать в солдаты вольноотпущенных холопов и крестьян, годных к службе, и даже дал холопам свободу поступать в солдатские полки без отпуска от господ. При такой вербовке наскоро составленные, наскоро обученные немцами полки новобранцев, по выражению бывшего в Москве в 1698—1699 гг. секретаря австрийского посольства Корба, являлись сбродом самых дрянных солдат, набранных из беднейшей черни, «самый горестный народ», по выражению другого иноземца, жившего в России в 1714—1719 гг.,

брауншвейгского резидента Вебера. Подобным же способом составлена была и первая армия Петра в Северную войну: 29 новоприборных полков из вольницы и даточных по 1000 чел. в каждом пристегнуты были к 4 старым полкам, двум гвардейским и двум кадровым. Нарва обнаружила их боевое качество

Формировка регулярной армии.

Но сама война перерабатывала сбродное ополчение вольницы и даточных в настоящую регулярную армию. Среди непрерывной борьбы новоприборные полки, оставаясь много лет на походной службе, сами собой превращались в постоянные. После Нарвы началась неимоверная трата людей. Наскоро собираемые полки быстро таяли в боях, от голода, болезней, массовых побегов, ускоренных передвижений на огромных расстояниях от Невы до Полтавы, от Азова и Астрахани до Риги, Калиша и Висмара, а между тем расширение театра военных действий требовало усиления численного состава армии. Для пополнения убыли и усиления армейского комплекта один за другим следовали частичные наборы охотников и даточных из всяких классов общества, из детей боярских, из посадских и дворовых, из стрелецких детей и даже из безместных детей духовенства; в продолжение одного 1703 г. забрано было до 30 тыс. человек. Армия постепенно становилась всесословной; но в нее ставилось кое как на ходу выправленное или совсем небоевое сырье. Отсюда возникла потребность в другом порядке комплектования, который давал бы заранее и правильно подготовленный запас. Случайный и беспорядочный прибор охотников и даточных заменен был периодическими общими рекрутскими наборами, хотя и при них иногда повторялись старые приемы вербовки. Рекрутов холостых в возрасте от 15 до 20 лет, а потом и женатых от 20 до 30 лет распре-

деляли по «станциям», сборным пунктам, в ближайших городах партиями человек в 500—1000, расквартировывали по постоялым дворам, назначали из них же капралов и ефрейторов для ежедневного пересмотра и надзора и отдавали их отставным за ранами и болезнями офицерам и солдатам «учить военному солдатскому строю по артикулу непрестанно». С этих сборных учебных пунктов рекрутов рассылали, куда требовалось, «на упалые места», для пополнения старых полков и для сформирования новых. По объяснению самого Петра, цель таких армейских питомников—«когда спросят в дополнку в армию, чтоб всегда на упалые места были готовы». Это и были «бессмертные» рекруты и солдаты, как их тогда прозвали: указ гласил, что кто из них на учебной станции или уже на службе умрет, будет убит или сбежит, вместо того брать нового рекрута с тех же людей, с которых взят выбылой, «чтоб всегда те солдаты были сполна и к государеве службе во всякой готовности». Первый такой общий набор был произведен в 1705 году; он повторялся ежегодно до конца 1709 г. и все по одной норме, по одному рекруту с 20 тяглых дворов, что должно было давать в каждый набор по 30 тыс. рекрутов и даже более. Всего велено было собрать в эти первые пять наборов 168 тыс. рекрутов; но неизвестен действительный сбор, ибо наборы производились с большими недоимками. С начала шведской войны до первого общего набора считали всех рекрутов с вольницей и даточными до 150 тыс. Значит, первые 10 лет войны обошлись приблизительно 14-миллионному населению более чем в 300 тыс. человек. Так создана была вторая, *полтавская* регулярная армия, комплект которой к концу 1708 г. только по трем первым наборам поднят был с 40 тыс. в 1701 г.

*

до 113 тыс. Таким же порядком комплектовалась и усиливалась армия и в дальнейшие годы. Помянутый Вебер, внимательно присматривавшийся к русскому военному строю, пишет в своих любопытных записках о преобразованной России (Das veränderte Russland), что обыкновенно предписывается набирать 20 тыс. штатных рекрутов в год. На деле бывало и больше, и меньше: собирали по рекруту с 50, 75 и 89 дворов, тысяч по 10, 14, по 23, не считая матросов, а в 1724 г., уже по окончании всех войн, понадобилось для укомплектования армейских и гарнизонных полков, артиллерии и флота 35 тыс. Усиленные наборы нужны были не только для увеличения комплекта, но и для пополнения убыли от побегов, болезней и страшной смертности в полках, из которых реформа устроила солдатские морильни, а также вследствие больших недоборов. В 1718 г. числилось по прежним наборам «недоимочных», недобранных рекрутов 45 тыс., а в бегах 20 тыс. Тот же Вебер замечает, что при дурном устройстве содержания гораздо больше рекрутов гибнет еще в учебные годы от голода и холода, чем в боях от неприятеля. К концу царствования Петра всех регулярных войск, пехоты и конницы числилось уже от 196 до 212 тыс., да 110 тыс. казаков и другой нерегулярной рати, не считая инородцев. При том создана была новая вооруженная сила, незнакомая древней Руси, флот. С началом Северной войны азовская эскадра была заброшена, а после Прута потеряно было и Азовское море. Все усилия Петра обратились на создание балтийского флота. Еще в 1701 г. он мечтал, что у него здесь будет до 80 больших кораблей. Спешно вербовали экипаж; в 1702 г., по свидетельству кн. Куракина, «кликали в матросы молодых ребят и набрано с 3.000 человек».

Балтийский флот.

В 1703 г. Лодейнопольская верфь спустила 6 фрегатов: это была первая русская эскадра, появившаяся на Балтийском море. К концу царствования балтийский флот считал в своем составе 48 линейных кораблей и до 800 галер и других мелких судов с 28 тыс. экипажа. Для управления, комплектования, обучения, содержания и обмундировки всей этой регулярной армии был создан сложный военно-административный механизм с коллегиями Военной и Адмиралтейской, Артиллерийской канцелярией с генерал-фельдцейхмейстером во главе, с Провиантской канцелярией под начальством генерал-провиантмейстера, с главным комиссариатом под управлением генерал-кригс-комиссара для приема рекрутов и их размещения по полкам, для раздачи войску жалованья и снабжения его оружием, мундиром и лошадьми; сюда надо прибавить еще генеральный штаб во главе с генералитетом, который по табели 1712 г. состоял из двух генерал-фельдмаршалов, кн. Меншикова и гр. Шереметева, и из 31 генерала, в числе которых было 14 иностранцев. Войска получили указный мундир. Если вам случится рассматривать иллюстрированные издания по военной истории России, остановите ваше внимание на петровском гвардейце в темнозеленом кафтане немецкого покроя, в низенькой приплюснутой трехуголке, вооруженного ружьем с привинченным к нему «багинетом», штыком.

Военный расход.

В основу регулярной реорганизации военных сил положены были такие технические перемены: в порядке комплектования прибор охотников заменен рекрутским набором; мирные кадровые полки, «выборные», как их тогда называли, превратились в постоянный полковой комплект; в соотношении родов оружия дано решительное численное преобладание пехоте над конницей; исполнен

окончательный переход к казенному содержанию вооруженных сил. Эти перемены и особенно последняя сильно подняли стоимость содержания армии и флота. Смета только на генеральный штаб, не существовавший до Петра, уже в 1712 г. сведена была в сумме 111 тыс. руб. (около 900 тыс. на наши деньги). По смете 1680 г. стоимость войска доходила почти до 10 милл. руб. на наши деньги. В продолжение всего царствования Петра сухопутная армия росла и дорожала, и к 1725 г. расход на нее более чем упятерился, превысил 5 милл. тогдашних рублей, а на флот шло $1^{1}/_{2}$ милл. рублей; в сложности это составляло 52—58 милл. рублей на наши деньги, не менее $^{2}/_{3}$ всего тогдашнего бюджета доходов.

Лекция LXII.

Значение военной реформы. – Положение дворянства.—Дворянство столичное.—Троякое значение дворянства до реформы. – Дворянские смотры и разборы.—Малоуспешность этих мер.—Обязательное обучение дворянства.—Порядок отбывания службы. –Разделение службы. — Перемена в генеалогическом составе дворянства. — Значение изложенных перемен.—Сближение поместий и вотчин.— Указ о единонаследии.—Действие указа.

Переходим к обзору мер, направленных к поддержанию регулярного строя сухопутной армии и флота. Мы уже видели способы комплектования вооруженных сил, распространившие воинскую повинность на неслужилые классы, на холопов, на тяглых людей, городских и сельских, на людей вольных-гулящих и церковных, что придало новой армии всесословный состав. Теперь остановимся на мерах для устройства команды; они ближе всего касались дворянства, как командующего класса, и направлены были к поддержанию его служебной годности.

Значение военной реформы.

Военная реформа Петра осталась бы специальным фактом военной истории России, если бы не отпечатлелась слишком отчетливо и глубоко на социальном и нравственном складе всего русского общества, даже на ходе политических событий. Она выдвигала вперед двойное дело, требовала изыскания средств для содержания преобразованных и дорогих вооруженных сил

и особых мер для поддержания их регулярного строя. Рекрутские наборы, распространяя воинскую повинность на неслужилые классы, сообщая новой армии всесословный состав, изменяли установившиеся общественные соотношения. Дворянству, составлявшему главную массу прежнего войска, приходилось занять новое служебное положение, когда в ряды преобразованной армии стали его холопы и крепостные крестьяне и не спутниками и слугами своих господ, а такими же рядовыми, какими начинали службу сами дворяне.

Положение дворянства.

Это положение не было вполне нововведением реформы: оно подготовлялось давно ходом дел с XVI в. Опричина была первым открытым выступлением дворянства в политической роли; оно выступило полицейским учреждением, направленным против земщины, прежде всего против боярства. В Смутное время оно поддерживало своего царя Бориса Годунова, низложило боярского царя Василия Шуйского, в земском приговоре 30 июня 1611 г. в лагере под Москвой заявило себя не представителем всей земли, а настоящею «всею землею», игнорируя остальные классы общества, но заботливо ограждая свои интересы, и под предлогом стояния за дом Пресвятой Богородицы и за православную христианскую веру провозгласило себя владыкой родной страны. Крепостное право, осуществившее эту лагерную затею, отчуждая дворянство от остального общества и понижая уровень его земского чувства, однако внесло в него объединяющий интерес и помогло разнородным слоям его сомкнуться в одну сословную массу. С отменой местничества остатки боярства потонули в этой массе, а грубые издевательства Петра и его худородных сподвижников над великородной знатью роняли ее нравственно в гла-

зах народа. Современники чутко отметили час исторической смерти боярства, как правящего класса: в 1687 г. запасный фаворит царевны Софьи из мужиков думный дьяк Шакловитый объявил стрельцам, что бояре—это зяблое, упалое дерево, а кн. Б. Куракин отметил правление царицы Натальи (1689—1694 г.), как время «наибольшего начала падения первых фамилий, а особливо имя князей было смертельно возненавидено и уничтожено», когда всем распоряжались господа «из самого низкого и убогого шляхетства», в роде Нарышкиных, Стрешневых и т. п. Аристократическая попытка верховников в 1730 г. была уже глухим криком из-за могилы. Поглощая в себя боярство и объединяясь, служилый люд «по отечеству» получил в законодательстве Петра одно общее название, при том двойное, польское и русское: его стали звать *шляхетством* или *дворянством*. Это сословие очень мало было подготовлено проводить какое-либо культурное влияние. Это было собственно военное сословие, считавшее своей обязанностью оборонять отечество от внешних врагов, но не привыкшее воспитывать народ, практически разрабатывать и проводить в общество какие-либо идеи и интересы высшего порядка. Но ему суждено было ходом истории стать ближайшим проводником реформы, хотя Петр выхватил подходящих дельцов и из других классов без разбора, даже из холопов. В умственном и нравственном развитии дворянство не стояло выше остальной народной массы и в большинстве не отставало от нее в несочувствии к еретическому Западу. Военное ремесло не развило в дворянстве ни воинственного духа, ни ратного искусства. Свои и чужие наблюдатели описывают сословие, как боевую силу, самыми жалкими чертами. Крестьянин

Посошков в донесении боярину Головину 1701 г. *О ратном поведении*, припоминая недавние времена, горько плачется о трусости, малодушии, неумелости, полной негодности этого сословного воинства. «Людей на службу нагонят множество, а если посмотреть на них внимательным оком, то кроме зазору ничего не узришь. У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели, только боронились ручным боем, копьями и бердышами и то тупыми и меняли своих голов на неприятельскую голову по три и по четыре и гораздо больше. А если на конницу посмотреть, то не то что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно: клячи худые, сабли тупые, сами скудны и безодежны, ружьем владеть никаким неумелые; иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то что ему стрелять по цели хорошенько. Попечения о том не имеют, чтобы неприятеля убить; о том лишь печется, как бы домой быть, а о том еще молятся Богу, чтоб и рану нажить легкую, чтоб не гораздо от нее поболеть, а от государя пожаловану б за нее быть, и на службе того и смотрят, чтоб где во время бою за кустом притулиться, а иные такие прокураты живут, что и целыми ротами притуляются в лесу или в долу. А то я у многих дворян слыхал: дай Богъ великому государю служить, а сабли изъ ножен не вынимать».

Столичное дворянство.

Впрочем, верхний слой дворянства по своему положению в государстве и обществе усвоил себе привычки и понятия, которые могли пригодиться для нового дела. Этот класс сложился из служилых фамилий, постепенно оседавших при московском дворе, как только завелся в Москве княжеский двор, еще с удельных веков, когда с разных сторон начали стекаться сюда служилые люди

из других русских княжеств и из-за границы, из татарских орд, из немцев и особенно из Литвы. С объединением Московской Руси эти первые ряды постепенно пополнялись новобранцами из провинциального дворянства, выдававшимися из среды своей рядовой братии заслугами, служебной исправностью, хозяйственной состоятельностью. Со временем по роду придворных обязанностей в этом классе образовалось довольно сложное и запутанное чиноначалие: то были *стольники*—при парадных царских обедах, подававшие яства и питья, *стряпчие*—при выходах царя носившие, а в церкви державшие его *стряпню*, скипетр, шапку и платок, в походах возившие его панцырь и саблю, *жильцы*—«спавшие» на царском дворе очередными партиями. На этой чиновной лестнице ниже стольников и стряпчих и выше жильцов помещались *дворяне московские;* для жильцов это был высший чин, до которого надобно было дослуживаться, для стольников и стряпчих—сословное звание, которое приобреталось стольничеством и стряпчеством: стольник или стряпчий не из боярской знати; прослужив 20—30 лет в своем чине и став непригодным для исполнения соединенной с ним придворной обязанности, доживал свой век дворянином московским. Это звание не соединялось ни с какой специальной придворной должностью: дворянин московский—это чиновник особых поручений, которого посылали,—по словам Котошихина,—«для всякихъ дел»: на воеводство, в посольство, начальным человеком провинциальной дворянской сотни, роты. Войны царя Алексея особенно усилили приток провинциального дворянства в столичное. В московские чины жаловали за раны и кровь, за полонное терпение, за походную или боевую смерть отца или родственников, а эти источники столичного

дворянства никогда не били с такой кровавой силой, как при этом царе: достаточно было поражения 1659 г. под Конотопом, где погибла лучшая конница царя, да капитуляции Шереметева со всей армией под Чудновом в 1660 г., чтобы пополнить московский список сотнями новых стольников, стряпчих и дворян. Благодаря этому притоку столичное дворянство всех чинов разрослось в многочисленный корпус: по росписи 1681 г. в нем числилось 6.385 человек, а в 1700 г. назначено было в поход под Нарву столичных чинов 11.533 человека. При том, обладая значительными поместьями и вотчинами, столичные чины до введения общих рекрутских наборов выводили с собой в поход своих вооруженных холопов или выставляли вместо себя из них же сдаточных людей, рекрутов, десятки тысяч. Привязанные службой ко двору, московские чины ютились в Москве и в своих подмосковных; в 1679—1701 г.г. в Москве из 16 тысяч дворов за этими чинами вместе с думными числилось более 3.000. На этих столичных чинах лежали очень разнообразные служебные обязанности. Это был, собственно, *двор* царя. При Петре в официальных актах они так и называются *царедворцами* в отличие от «шляхетства всякого звания», т.-е. от городовых дворян и детей боярских. В мирное время столичное дворянство составляло свиту царя, исполняло различные придворные службы, ставило из своей среды персонал центрального и областного управления. В военное время из столичных дворян составлялся собственный полк царя, первый корпус армии; они же образовали штабы других армейских корпусов и служили командирами провинциальных дворянских батальонов. Словом, это был и административный класс, и генеральный штаб, и гвардейский корпус. За свою тяжелую и дорогую

службу столичное дворянство пользовалось сравнительно с провинциальным и возвышенными окладами денежного жалованья, и более крупными поместными дачами. Руководящая роль в управлении вместе с более обеспеченным материальным положением развивала в столичном дворянстве привычку к власти, знакомство с общественными делами, сноровку в обращении с людьми. Государственную службу оно считало своим сословным призванием, единственным своим общественным назначением. Живя постоянно в столице, редко по краткосрочным отпускам заглядывая в глушь своих разбросанных по Руси поместий и вотчин, оно привыкло чувствовать себя во главе общества, в потоке важнейших дел, видело близко иноземные сношения правительства и лучше других классов знакомо было с иноземным миром, с которым соприкасалось государство. Эти качества и делали его более других классов сподручным проводником западного влияния. Это влияние должно было служить нуждам государства, и его нужно было проводить в несочувствовавшее ему общество привыкшими распоряжаться руками. Когда в XVII в. начались у нас нововведения по западным образцам и для них понадобились пригодные люди, правительство ухватилось за столичное дворянство, как за ближайшее свое орудие, из его среды брало офицеров, которых ставило рядом с иноземцами во главе полков иноземного строя, из него же набирало учеников в новые школы. Сравнительно более гибкое и послушное столичное дворянство уже в тот век выставило и первых поборников западного влияния, подобных кн. Хворостинину, Ордину-Нащокину, Ртищеву и др. Понятно, что при Петре этот класс должен был стать главным туземным орудием реформ. Начав устроять регулярную армию, Петр постепенно преобразовал столичное

дворянство в гвардейские полки, и офицер гвардии, преображенец или семеновец, стал у него исполнителем самых разнообразных преобразовательных поручений: стольника, потом гвардии офицера назначали и за море в Голландию для изучения морского дела, и в Астрахань для надзора за солеварением, и в Св. Синод «обер-прокурором».

Троякое значение дворянства.

Городовые служилые люди «по отечеству» или, как называет их Уложение, «исстаринные природные дети боярские» вместе со столичным дворянством имели в Московском государстве троякое значение: военное, административное и хозяйственное. Они составляли главную вооруженную силу страны; они же служили главным орудием правительства, которое из них набирало личный состав суда и управления; наконец, в их руках сосредоточивалась огромная масса основного капитала страны, земли, в XVII в. даже с крепостными землепашцами. Эта тройственность сообщала дворянской службе беспорядочное течение: каждое значение ослаблялось и портилось двумя другими. В промежутке между «службами», походами городовые служилые люди распускались по усадьбам, а столичные—или также уезжали в кратковременный отпуск в свои деревни или, как и некоторые городовые, занимали должности по гражданскому управлению, получали административные и дипломатические поручения, бывали «у дел» и «в посылках», как тогда говорили. Таким образом, гражданская служба была слита с военной, отправлялась военными же людьми. Некоторые дела и посылки освобождали от службы и в военное время с обязательством высылать за себя в поход даточных по числу крестьянских дворов; дьяки и подьячие, постоянно занятые в приказах, числились как бы в постоянном деловом отпуску или в бессрочной командировке и, подобно вдовам

и недорослям, выставляли за себя даточных, если обладали населенными имениями. Такой порядок и порождал много злоупотреблений, облегчая уклонения от службы. Тягости и опасности походной жизни, как и хозяйственный вред постоянного или частого отсутствия из деревень, побуждали людей со связями добиваться дел, освобождавших от службы, или просто «отлеживаться», укрываясь от походного призыва, а отдаленные усадьбы в медвежьих углах давали к тому возможность. Стрелец или подьячий поедет по усальбам с повесткой о мобилизации, а усадьбы—пусты, никто не знает, куда девались владельцы, и сыскать их было негде и некем.

Смотры и разборы.

Петр не снял с сословия обязательной службы, поголовной и бессрочной, даже не облегчил ее, напротив, отяготил ее новыми повинностями и установил более строгий порядок её отбывания с целью извлечь из усадеб все наличное дворянство и пресечь укрывательство. Он хотел завести точную статистику дворянского запаса и строго предписывал дворянам представить в Разряд, а позднее в Сенат списки недорослей, своих детей и живших при них родственников не моложе 10 лет, а подросткам сиротам самим являться в Москву для записи. По этим спискам учащенно производились смотры и разборы. Так, в 1704 г. сам Петр пересмотрел в Москве более 8 тысяч недорослей, вызванных из всех провинций. Эти смотры сопровождались распределением подростков по полкам и школам. В 1712 г. велено было недорослям, жившим по домам или учившимся в школах, явиться в канцелярию Сената в Москве, откуда их гужом отправили в Петербург на смотр и там распределили на три возраста: младшие назначены в Ревель учиться мореплаванию, средние в Голландию для той же цели, а старшие зачис-

лены в солдаты, «в каковых числах за море и я, грешник, в первое несчастие определен», жалобно замечает в своих записках В. Головин, одна из средневозрастных жертв этой переборки. Высокородие не спасало от смотра: в 1704 г. сам царь разбирал недорослей «знатных самых персон», и 500 — 600 молодых князей Голицыных, Черкасских, Хованских, Лобановых-Ростовских и т. п. написали солдатами в гвардейские полки — «и служат», добавляет кн. Б. Куракин. Добрались и до приказного люда, размножавшегося выше меры по прибыльности занятия: в 1712 г. предписано было не только по провинциальным канцеляриям, но и при самом Сенате пересмотреть подьячих и из них лишних молодых и годных в службу забрать в солдаты. Вместе с недорослями или особо вызывались на смотры и взрослые дворяне, чтобы не укрывались по домам и всегда были в служебной исправности. Петр жестоко преследовал «нетство», неявку на смотр или для записи. Осенью 1714 г. велено было всем дворянам в возрасте от 10 до 30 лет явиться в наступающую зиму для записи при Сенате, с угрозой, что донесший на неявившегося, кто бы он ни был, хотя бы собственный слуга ослушника, получит все его пожитки и деревни. Еще беспощаднее указ 11 января 1722 года: не явившийся на смотр подвергался «шельмованию» или «политической смерти», он исключался из общества добрых людей и объявлялся вне закона; всякий безнаказанно мог его ограбить, ранить и даже убить; имя его, напечатанное, палач с барабанным боем прибивал к виселице на площади «для публики», дабы о нем всяк знал, как о преслушателе указов и равном изменникам; кто такого нетчика поймает и приведет, тому обещана была половина его движимого и недвижимого имения, хотя бы то был его крепостной

Малоуспешность этих мер.

Эти крутые меры были малоуспешны. Посошков в сочинении *О скудости и богатстве*, писанном в последние годы царствования Петра, яркими чертами изображает плутни и увороты, на какие пускались дворяне, чтобы «отлынять» от службы. Не только городовые дворяне, но и царедворцы при наряде в поход пристраивались к какому-нибудь «бесдельному делу», пустому полицейскому поручению и под его прикрытием проживали в своих вотчинах военную пору; безмерное размножение всяких комиссаров, командиров облегчало уловку. Многое множество, по словам Посошкова, состоит у дела таких бездельников-молодцов, что один мог бы пятерых неприятелей гнать, а он, добившись наживочного дела, живет себе да наживается. Иной ускользал от призыва подарками, притворной болезнью или юродство на себя напустит, залезет в озеро по самую бороду — бери его на службу. «Иные дворяне уже состарились, в деревнях живучи, а на службе одной ногою не бывали». Богатые от службы лыняют, а бедные и старые служат. Иные лежебоки просто издевались над жестокими указами царя о службе. Дворянин Золотарев «дома соседям страшен, яко лев, а на службе хуже козы». Когда ему не удалось отлынять от одного похода, он послал за себя убогого дворянина под своим именем, дал ему своего человека и лошадь, а сам по деревням шестериком разъезжал да соседей разорял. Во всем виноваты приближенные правители: неправыми докладами вытянут у царя слово из уст да и делают, что хотят, мирволя своим. Куда ни посмотришь, уныло замечает Посошков, нет у государя прямых радетелей; все судьи криво едут; кому было служить, тех отставляют, а кто не может служить, тех заставляют. Трудится великий монарх, да ничего не успевает; пособ-

ников у него мало; он на гору сам-десять тянет, а под гору миллионы тянут: как же его дело споро будет? Не изменя старых порядков, сколько ни бейся, придется дело бросить. Публицист-самоучка при всем своем набожном благоговении к преобразователю незаметно для себя самого рисует с него до смешного жалкий образ.

Обязательное обучение.

Такой наблюдатель, как Посошков, имеет цену показателя, во сколько следует учитывать действительное значение идеального строя, какой созидался законодательством преобразователя. Этот учет приложим и к такой подробности, как установленный Петром порядок отбывания дворянской службы. Петр удержал прежний служебный возраст дворянина—с 15 лет; но теперь обязательная служба осложнена была новой подготовительной повинностью — *учебной*, состоявшей в обязательном начальном обучении. По указам 20 января и 28 февраля 1714 г. дети дворян и приказного чина, дьяков и подьячих должны обучиться цыфири, т.-е. арифметике и некоторой части геометрии, и полагался «штраф такой, что не вольно будет жениться, пока сего выучится»; венечных памятей не давали без письменного удостоверения о выучке от учителя. Для этого предписано было во всех губерниях при архиерейских домах и в знатных монастырях завести школы, а учителями посылать туда учеников заведенных в Москве около 1703 г. математических школ, тогдашних реальных гимназий; учителю назначалось жалованья 300 руб. в год на наши деньги. Указы 1714 г. вводили совершенно новый факт в историю русского просвещения,—обязательное обучение мирян. Дело задумано было в крайне скромных размерах. На каждую губернию назначено было всего по два учителя из учеников математических школ, выучивших географию

и геометрию. Цыфирь, начальная геометрия и кой-какие сведения по закону Божию, помещавшиеся в тогдашних букварях,—вот и весь состав начального обучения, признанный достаточным для целей службы; расширение его пошло бы в ущерб службе. Предписанную програму дети должны были пройти в возрасте от 10 до 15 лет, когда обязательно кончалось ученье, потому что начиналась служба. По указу 17 октября 1723 г. светских чинов людей держать в школах далее 15 лет не велено, «хотя б они и сами желали, дабы под именем той науки от смотров и определения в службу не укрывались». Но опасность грозила совсем не с этой стороны, и здесь опять припоминается Посошков: тот же указ говорит, что архиерейские школы в прочих епархиях, кроме одной Новгородской, до 1723 г. «еще не определены», а цыфирные школы, возникавшие независимо от архиерейских и предназначавшиеся повидимому стать всесословными, с трудом кое-где существовали: инспектор таких школ в Пскове, Новгороде, Ярославле, Москве и Вологде в 1719 г. доносил, что только в ярославскую школу выслано было 26 учеников из церковников, «а в прочие школы ничего учеников в высылке не было», так что учителя без дела сидели и даром жалованье получали. Дворяне страшно тяготились цыфирной повинностью, как бесполезным бременем, всячески старались от нее укрыться. Раз толпа дворян, не желавших поступить в математическую школу, записалась в духовное Заиконоспасское училище в Москве. Петр велел взять любителей богословия в Петербург в морскую школу и в наказание заставил их бить сваи на Мойке. Генерал-адмирал Апраксин, верный древнерусским понятиям о родовой чести, обиделся за свою младшую братию и в простодушной форме выразил свой протест.

Явившись на Мойку и завидя приближающегося царя, он снял с себя адмиральский мундир с Андреевской лентой, повесил его на шест и принялся усердно вколачивать сваи вместе с дворянами. Петр, подошедши, с удивлением спросил: «Как, Өедор Матвеевич, будучи генерал-адмиралом и кавалером, да сам вколачиваешь сваи?» Апраксин шутливо отвечал: «Здесь, государь, бьют сваи все мои племянники да внучата (младшая братия по местнической терминологии), а я что за человек, какое имею в роде преимущество?».

Порядок отбывания службы.

С 15 лет дворянин должен был служить рядовым в полку. Молодежь знатных и богатых фамилий обыкновенно записывалась в гвардейские полки, победнее и худородные даже в армейские. По мысли Петра дворянин—офицер регулярного полка; но для этого он непременно обязан прослужить несколько лет рядовым. Закон 26 февраля 1714 г. решительно запрещает производить в офицеры людей «из дворянских пород», которые не служили солдатами в гвардии и «с фундамента солдатского дела не знают». И *Воинский Устав* 1716 г. гласит: «шляхетству российскому иной способ не остается в офицеры происходить, кроме что служить в гвардии». Этим объясняется дворянский состав гвардейских полков при Петре; их было три к концу царствования: к двум старым пехотным прибавлен был в 1719 г. драгунский «лейб-регимент», потом переформированный в конногвардейский полк. Эти полки служили военно-практической школой для высшего и среднего дворянства и рассадниками офицерства: прослужив рядовым в гвардии, дворянин переходил офицером в армейский пехотный или драгунский полк. В лейб-регименте, состоявшем исключительно из «шляхетскихъ дѣтей», числилось до

300 рядовых из князей; в Петербурге нередко можно было видеть на карауле с ружьем на плече какого-нибудь кн. Голицына или Гагарина. Дворянин-гвардеец жил, как солдат, в полковой казарме, получал солдатский паек и исполнял все работы рядового. Державин в своих записках рассказывает, как он, сын дворянина и полковника, поступив рядовым в Преображенский полк уже при Петре III, жил в казарме с рядовыми из простонародья и вместе с ними ходил на работы, чистил канавы, ставился на караулы, возил провиант и бегал на посылках у офицеров. Так дворянство в военном строе Петра должно было образовать подготовленные кадры или офицерский, командный запас через гвардию для всесословных армейских полков, а через Морскую академию для флотского экипажа. Военная служба в продолжение бесконечной Северной войны сама собой стала постоянной в точном смысле слова, непрерывной. С наступлением мира дворян стали отпускать на побывку в деревни по очереди, обыкновенно раз в два года месяцев на шесть; отставку давали только за старостью или увечьем. Но и отставные не совсем пропадали для службы: их определяли в гарнизоны или к гражданским делам по местному управлению; только никуда негодных и недостаточных оставляли с некоторой пенсией из «госпитальных денег», особого налога на содержание военных госпиталей, или отсылали в монастыри на пропитание из монастырских доходов.

Разделение службы.

Такова была нормальная военно-служебная карьера дворянина, как ее наметил Петр. Но дворянин был нужен всюду, и на военной, и на гражданской службе; между тем при более строгих условиях первой и вторая в новых судебных и административных учреждениях стала

труднее, так же требовала подготовки, специальных знаний. Соединять ту и другую стало невозможно; совместительство осталось привилегией гвардейских офицеров и высших генералов, которые долго и после Петра считались годными на все руки. Служба «гражданская» или «штатская» личным составом постепенно обособлялась от военной. Но выбор того или иного поприща не был предоставлен самому сословию: дворянство, разумеется, набросилось бы на гражданскую службу, как более легкую и доходную. Установлена была обязательная пропорция личного состава из дворянства на той и другой службе: инструкция 1722 г. герольдмейстеру, ведавшему дворянство, предписывала смотреть, «дабы в гражданстве более трети от каждой фамилии не было, чтоб служивых на земле и море не оскудить», не повредить комплектованию армии и флота. В инструкции высказано и главное побуждение к разделению дворянской службы: это—мысль, что кроме невежества и произвола, прежде достаточных условий для исправного отправления гражданской должности, теперь требуются еще некоторые специальные познания. В виду скудости или почти отсутствия научного образования по предметам гражданским, а особенно экономическим, инструкция предписывает герольдмейстеру «учинить краткую школу» и в ней обучать «гражданству и экономии» указную треть зачисленного на службу наличного состава знатных и средних дворянских фамилий.

Перемена в генеалогическом составе дворянства.

Ведомственное разделение было техническим улучшением службы. Петр изменил и самые условия служебного движения, чем внес новый элемент в генеалогический состав дворянства. В Московском государстве служилые люди занимали положение на службе прежде всего «по отечеству», по степени знатности. Для каждой фамилии

открыт был известный ряд служебных ступеней или чинов, и служилый человек, взбираясь по этой лестнице, достигал доступной ему по его породе высоты с большей или меньшей скоростью, смотря по личной служебной годности или ловкости. Значит, служебное движение служилого человека определялось отечеством и службой заслугой, и отечеством гораздо более, чем заслугой, служившей только подспорьем к отечеству; заслуга сама по себе редко поднимала человека выше, чем могла поднять порода. Отмена местничества поколебала старинный обычай, на котором держалась эта генеалогическая организация служилого класса; но она осталась в нравах. Петр хотел вытеснить ее и отсюда и дал решительный перевес службе над породой. Он твердил дворянству, что служба— его главная обязанность, ради которой «оно благородно и от подлости (простонародья) отлично»; он указал объявить всему шляхетству, чтоб каждый дворянин во всяких случаях, какой бы фамилии ни был, почесть и первое место давал каждому обер-офицеру. Этим широко растворялись двери в дворянство людям недворянского происхождения. Дворянин, начиная службу рядовым, предназначался в офицеры; но по указу 16 января 1721 г. и рядовой из недворян, дослужившийся до обер-офицерского чина, получал потомственное дворянство. Если дворянин по сословному призванию — офицер, то и офицер «по прямой службе» — дворянин: таково правило, положенное Петром в основу служебного порядка. Старая чиновная иерархия бояр, окольничих, стольников, стряпчих, основанная на породе, на положении при дворе и в Боярской думе, утратила значение вместе с самой породой, да уже не стало ни старого двора в Кремле с перенесением резиденции на берега Невы, ни думы с учрежде-

нием Сената. Роспись чинов 24 января 1722 г., *Табель о рангах*, вводила новую классификацию служащего люда. Все новоучрежденные должности все с иностранными названиями, латинскими и немецкими, кроме весьма немногих, выстроены по табели в три параллельные ряда, воинский, статский и придворный, с разделением каждого на 14 рангов или классов. Этот учредительный акт реформированного русского чиновничества ставил бюрократическую иерархию заслуги и выслуги на место аристократической иерархии породы, родословной книги. В одной из статей, присоединенных к табели, с ударением пояснено, что знатность рода сама по себе без службы ничего не значит, не создает человеку никакого положения: людям знатной породы никакого ранга не дается, пока они государю и отечеству заслуг не покажут «и за оные характера («чести и чина» по тогдашнему словотолкованию) не получат». Потомки русских и иностранцев, зачисленные по этой табели в первые 8 рангов (до майора и коллежского ассесора включительно), причислялись к «лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и авантажах, хотя б они и низкой породы были». Благодаря тому, что служба всем открывала доступ к дворянству, изменился и генеалогический состав сословия. К сожалению, нельзя точно рассчитать, как велик был пришлый недворянский элемент, вошедший в состав сословия с Петра. В конце XVII в. у нас числилось до 2.985 дворянских фамилий, содержавших в себе до 15.000 землевладельцев, не считая их детей. Секретарь прусского посольства при русском дворе в конце царствования Петра Фоккеродт, собравший основательные сведении о России, в 1737 году писал, что во время первой ревизии дворян с их семействами считалось до 500 тысяч человек; следовательно можно пред-

положить до 100 тысяч дворянских семейств. По этим данным трудно ответить на вопрос о количестве недворянской примеси, ранговым путем вошедшей в состав дворянства при Петре.

Значение изложенных перемен.

Преобразование дворянского поместного ополчения в регулярную всесословную армию произвело троякую перемену в дворянской службе. Во-первых, разделились два прежде сливавшиеся ее вида, служба военная и гражданская. Во-вторых, та и другая осложнилась новой повинностью, обязательной учебной подготовкой. Третья перемена была, может быть, самая важная для судьбы России, как государства. Регулярная армия Петра утратила территориальный состав своих частей. Прежде не только гарнизоны, но и части дальних походов, отбывавшие «полковую службу», состояли из земляков, дворян одного уезда. Полки иноземного строя, набиравшиеся из разноуездного служилого люда, начали разрушение этого территориального состава. Вербовка охотников и потом рекрутские наборы довершили это разрушение, дали полкам разносословный состав, отняв состав местный. Рязанский рекрут, надолго, обыкновенно навсегда оторванный от своей Пехлецкой или Зимаровской родины, забывал в себе рязанца и помнил только, что он драгун фузелерного полка полковника Фамендина; казарма гасила чувство землячества. То же случилось и с гвардией. Прежнее столичное дворянство, оторванное от провинциальных дворянских миров, само сомкнулось в местный московский, столичный дворянский мир. Постоянная жизнь в Москве, ежедневные встречи в Кремле, соседство по подмосковным вотчинам и поместьям сделали Москву для этих «царедворцев» таким же уездным гнездом, каким был г. Козельск для дворян и детей боярских козличей. Преобразованные

в полки Преображенский и Семеновский и перенесенные на невское финское болото, они стали забывать в себе москвичей и чувствовали себя только гвардейцами. С заменой местных связей полковыми казарменными, гвардия могла быть под сильной рукой только слепым орудием власти, под слабой — преторианцами или янычарами. В 1611 г. в Смутное время, в дворянском ополчении, собравшемся под Москвой под предводительством кн. Трубецкого, Заруцкого и Ляпунова, чтобы выручить столицу от засевших в ней ляхов, какой-то инстинктивной похотью сказалась мысль завоевать Россию под предлогом ее обороны от внешних врагов. Новая династия установлением крепостной неволи начала это дело; Петр созданием регулярной армии и особенно гвардии дал ему вооруженную опору, не подозревая, какое употребление сделают из нее его преемники и преемницы и какое употребление она сделает из его преемников и преемниц.

Сближение поместий и вотчин.

Осложненные служебные обязанности дворянства требовали лучшего материального обеспечения его служебной годности. Эта потребность внесла важную перемену в хозяйственное положение дворянства, как землевладельческого класса. Вам известно юридическое различие между основными видами древнерусского служилого землевладения, между вотчиной, наследственной собственностью, и поместьем, владением условным, временным, обыкновенно пожизненным. Но задолго до Петра оба эти вида землевладения стали сближаться друг с другом; во владение вотчинное проникали черты поместного, а поместное усвояло юридические особенности вотчинного. В самой природе поместья, как земельного владения, заключались условия его сближения с вотчиной. Первоначально, при свободном крестьянстве, предметом помест-

ного владения по его идее был собственно поземельный доход с поместья, оброк или работа тяглых его обывателей, как жалованье за службу, похожее на кормление. В таком виде переход поместья из рук в руки не создавал особых затруднений. Но помещик естественно обзаводился хозяйством, строил себе усадьбу с инвентарем и рабочими холопами, заводил барскую дворовую пашню, расчищал новые угодия, селил крестьян со ссудой. Так на государственной земле, отданной служилому человеку во временное владение, возникали хозяйственные статьи, стремившиеся стать полной наследственной собственностью своего хозяина. Значит, право и практика тянули поместье в противоположные стороны. Крестьянская крепость дала практике перевес над правом: как могло поместье оставаться временным владением, когда крестьянин укреплялся за помещиком навсегда и по ссуде и подмоге? Затруднение ослаблялось тем, что, не касаясь права владения, закон, уступая практике, расширял права распоряжения поместьем, допускал покупку поместья в вотчину, обращение в иск, мену и сдачу поместья сыну, родственнику, жениху за дочерью или племянницей в виде приданого, даже чужеродцу с обязательством кормить сдатчика или сдатчицу либо жениться на сдатчице, а иногда и прямо за деньги, хотя право продажи решительно отрицалось. Верстаньем *в отвод* и *в припуск* (конец л. XXXII) выработалось правило, устанавливавшее фактически не только наследственность, но и единонаследие, неделимость поместий. В верстальных книгах это правило выражалось так: «а как сыновья в службу поспеют, старшего верстать в отвод, а меньшему служить с отцом с одного поместья», которое по смерти и справля-

лось целиком за сыном-сослуживцем. В указах уже при царе Михаиле появляется термин со странным сочетанием непримиримых понятий: *родовые поместья*. Этот термин сложился из распоряжений тогдашнего правительства «мимо родства поместий не отдавать». Но из фактической наследственности поместий вытекало новое затруднение. Поместные оклады возвышались по степени чинов и заслуг помещика. Отсюда возникал вопрос: как передавать отцово поместье, особенно большое, сыну, еще не выслужившему отцова оклада? Московский приказный ум разрешил эту кляузу указом 20 марта 1684 г., предписывавшим большие поместья после умерших справлять в нисходящей прямой линии за их сыновьями и внуками, верстанными и неверстанными в службу, *сверх* их окладов, т.-е. независимо от этих окладов, сполна без отрезки, а родственникам и чужеродцам отрезок не давать, при отсутствии прямых наследников отдавать боковым на известных условиях. Этот указ перевернул порядок поместного владения. Он не устанавливал наследственности поместий ни по закону, ни по завещанию, а только укреплял их за фамилиями: это можно назвать *фамилиаризацией* поместий. Поместное верстание превращалось в разверстку вакантного поместья между обильными наличными наследниками, нисходящими или боковыми, следовательно отменялось единонаследие, что вело к дроблению поместий. Образование регулярной армии довершило разрушение основ поместного владения: когда дворянская служба стала не только наследственной, но и постоянной, и поместье должно было стать не только постоянным, но и наследственным владением, слиться с вотчиной. Все это повело к тому, что поместные дачи постепенно заменялись пожалованиями насе-

ленных земель в вотчину. В сохранившемся перечне дворцовых сел и деревень, розданных монастырям и разным лицам в 1682 — 1710 г.г., редко, да и то только до 1697 г., отмечены дачи «в поместье»; обычно имения раздавались «в вотчину». Всего роздано в эти 28 лет около 44 тыс. крестьянских дворов с полумиллионом десятин пашни, не считая лугов и леса. Так к началу XVIII в. поместье приблизилось к вотчине на незаметное для нас расстояние и готово было исчезнуть, как особый вид служилого землевладения. Тремя признаками обозначилось это сближение: поместья становились родовыми, как и вотчины; они дробились в порядке разверстки между нисходящими или боковыми, как дробились вотчины в порядке наследования; поместное верстание вытеснялось вотчинным пожалованием.

Указ о единонаследии.

Таким положением дела вызван был указ Петра, обнародованный 23 марта 1714 г. Основные черты этого указа или «пунктов», как его называли, таковы, 1) «Недвижимые вещи», вотчины, поместья, дворы, лавки не отчуждаются, но «обращаются в род». 2) Недвижимое по духовной переходит к одному из сыновей завещателя по его выбору, а остальные дети наделяются движимостью по воле родителей; при отсутствии сыновей так же поступать и с дочерьми; в случае отсутствия духовной недвижимое переходит к старшему сыну или за отсутствием сыновей к старшей дочери, а движимое делится между остальными детьми *поровну*. 3) Бездетный завещает недвижимое одному из своей фамилии, «кому похочет», а движимое передает своим сродникам или посторонним по своему произволению; без завещания недвижимое переходит к одному по линии ближнему, а прочее другим кому надлежит, «равным образом». 4) Последний в роде

завещает недвижимое одному из женских лиц своей фамилии под условием письменного обязательства со стороны ее мужа или жениха принять на себя и на своих наследников фамилию угасшего рода, присоединив ее к своей. 5) Вступление обделенного дворянина, «кадета», в купечество или в какое знатное художество, а по достижении 40-летнего возраста и в белое духовенство не ставится в бесчестье ни ему, ни его фамилии. Закон обстоятельно мотивирован: единонаследник нераздельного имения не будет разорять «бедных подданных», своих крестьян, новыми тягостями, как это делают разделившиеся братья, чтобы жить по-отцовски, но будет льготить крестьян, облегчая им исправный платеж податей; дворянские фамилии не будут упадать, «но в своей ясности непоколебимы будут чрез славные и великие домы», а от дробления имений между наследниками знатные фамилии будут беднеть и превращаться в простых поселян, «как уже много тех экземпелев есть в российском народе»; имея даровой хлеб, хотя и малый, дворянин без принуждения служить с пользой для государства не станет, будет уклоняться и жить в праздности, а новый закон заставит кадетов «хлеба своего искать» службою, учением, торгами и прочим. Указ очень откровенен: всемогущий законодатель сознается в своем бессилии оградить подданных от хищничества беднеющих помещиков, а на дворянство смотрит, как на сословие тунеядцев, не расположенных ни к какой полезной деятельности. Указ вносил важные перемены в служилое землевладение. Это — не закон о майорате или «о первенстве», навеянный будто бы порядками западно-европейского феодального наследования, как его иногда характеризуют, хотя Петр и наводил справки о правилах наследования в Англии, Франции,

Венеции, даже в Москве у иноземцев. Мартовскй указ не утверждал исключительного права за старшим сыном; майорат был случайностью, наступавшей только при отсутствии духовной: отец мог завещать недвижимое и младшему сыну мимо старшего. Указ установлял не майорат, а *единонаследие*, неделимость недвижимых имений, и шел навстречу затруднению чисто-туземного происхождения, устранял дробление поместий, усилившееся вследствие указа 1684 г. и ослаблявшее служебную годность помещиков. Юридическая постройка закона 23 марта была довольно своеобразна. Завершая сближение вотчин и поместий, он устанавливал для тех и других одинаковый порядок наследования; но при этом превращал ли он вотчины в поместья или наоборот, как думали в XVIII в., называя мартовские пункты изящнейшим благодеянием, коим Петр Великий поместные дачи в собственность пожаловал? Ни то, ни другое, а сочетанием юридических особенностей поместья и вотчины создавался новый, небывалый вид землевладения, который можно характеризовать названием *наследственного, неделимого и вечно-обязанного*, с которым связана вечная наследственная и потомственная служба владельца. Все эти черты существовали и в древнерусском землевладении; только две из них не совмещались: наследственность была правом вотчинного землевладения, неделимость обычным фактом землевладения поместного. Вотчина не была неделима, поместье не было наследственно; обязательная служба одинаково падала на то и на другое владение. Петр соединил эти черты и распространил их па все дворянские имения, да еще положил на них запрет отчуждения. Служилое землевладение теперь стало более однообразно, но менее свободно. Таковы перемены,

внесенные в него указом 23 марта. В этом указе особенно явственно вскрылся обычный преобразовательный прием, усвоенный Петром в перестройке общества и управления. Принимая сложившиеся до него отношения и порядки, как он их заставал, он не вносил в них новых начал, а только приводил их в новые сочетания, приноровляя их к изменившимся условиям, не отменял, а видоизменял действовавшее право применительно к новым государственным потребностям. Новое сочетание сообщало преобразованному порядку как будто новый, небывалый вид. На деле новый порядок строился из старых отношений.

Действие указа.

Закон 23 марта, выделяя единонаследника, освобождал кадетов, безземельных его братьев и часто племянников, от обязательной службы, предоставляя им избирать себе род жизни и занятий. Для военной службы Петру нужна была не вся служилая наличность дворянских семейств, составлявшая прежде массу дворянской милиции. В единонаследнике он искал офицера, имеющего средства исправно служить и приготовиться к службе, не обременяя своих крестьян поборами. Это было согласно с ролью, какую Петр назначал дворянству в своей всесословной регулярной армии — служить офицерской командой. Но и в этом законе, как в других своих социальных реформах, преобразователь мало соображал нравы, бытовые понятия и привычки. При строгом проведении в жизнь закон раскалывал дворянство на два слоя: на счастливых обладателей отцовских гнезд и на обездоленных, безземельных и бездомных пролетариев, братьев и сестер, проживающих нахлебниками и нахлебницами в доме единонаследника или «волочащихся меж двор». Понятны семейные жалобы и распри, какие должен был вызвать закон, к тому же и сам мало облегчавший

свое применение. Он плохо обработан, не предвидит многих случаев, дает неясные определения, допускающие разноречивые толкования; в первом пункте решительно запрещает отчуждение недвижимостей, а в 12-м предусматривает и нормирует их продажу по нужде; устанавливая резкую разницу в порядке наследования движимых и недвижимых имуществ, не указывает, что разуметь под теми и другими, а это порождало недоразумения и злоупотребления. Эти недостатки вызывали неоднократное разъяснение в последующих указах Петра, а после него указ 1714 г. в новых пунктах 28 мая 1725 г. подвергнут был подробной казуистической разработке, допустившей значительные от него отступления, что еще более затруднило его исполнение. Кажется, и сам Петр видел в своем указе не окончательное положение, а скорее временную меру: допустив важные отступления от него, предписав в дополнительном указе 15 апреля 1716 года выдел из нераздельной недвижимости умершего супруга четвертой части оставшемуся в живых в вечное владение, царь пометил на указе: «до времени быть по сему». Обязательная служба для кадетов не была отменена: недорослей попрежнему всех брали в военную службу и на смотры вызывали одинаково строго и первенцев, и кадетов. Притом до конца царствования Петра продолжались между родичами сутяжные разделы имений, доставшихся им еще до «пунктов» по закону 1684 г., и повидимому об этих разделах говорит Посошок в сочинении *О скудости и богатстве*, яркими чертами описывая, как дворяне после умерших своих сродников земли жилые и пустые делят на дробные части, со ссорами, даже с «уголовщиной» и с большим вредом для казны, одну какую-нибудь пустошь или деревню дробя на ничтожные доли, словно

закона о единонаследии и не существовало. Эти разделы были признаны и пунктами 1725 г. Словом, закон 1714 г., не достигнув предположенных целей, только внес в землевладельческую среду путаницу отношений и хозяйственное расстройство.

Итак, подготовленный и обеспеченный неделимой недвижимостью офицер армейского полка или секретарь коллегиального учреждения—таково служебное назначение рядового дворянства по мысли Петра.

Лекция LXIII.

Крестьяне и первая ревизия.—Состав общества по Уложению.—Вербовка и наборы.—Подушная перепись.—Расквартирование полков.—Упрощение общественного состава.—Подушная перепись и крепостное право. — Народно-хозяйственное значение подушной переписи.

Дворянство юридически и экономически всего теснее соприкасалось с крестьянством; но меры Петра, коснувшиеся сельского населения, направлены были к обеим основным целям преобразователя, не только к упрочению военной реформы, но пожалуй еще более к решению задачи, составлявшей после переустройства армии важнейшую его заботу, к усилению средств казны.

Состав общества.

Уложение определило права и обязанности трех основных классов гражданского общества: то были люди служилые, люди посадские, торгово-промышленные и люди уездные, т.-е. крестьянство, подразделявшееся на крестьян крепостных и черносошных, государственных, с которыми слились и дворцовые. Но между этими тремя, а с духовенством и четырьмя, сословиями оставались промежуточные, межеумочные слои, которые, соприкасаясь с основными классами, не входили плотно в их состав и сами не имели сословной плотности и стояли вне прямых государственных обязанностей, служа частному интересу. То были: 1) холопы *полные*, вечные, *кабальные*, вре-

*

менные, и *жилые*, срочные; 2) вольно-гулящие люди, *вольница*, как их еще называли, составлявшаяся из отпущенных холопов, из посадских и крестьян, бросивших тягло и свое занятие, даже из служилых людей, замотавшихся беспоместных или бросивших свои поместья, вообще из бездомных и бесхозяйных людей—переходный класс между крепостными и свободными тяглыми людьми; к ним же можно причислить и нищих по ремеслу, многолюдный тунеядный класс, неосторожно распложенный духовенством и мирянами посредством ложно направленной благотворительности; разумеется, я не причисляю к этому классу настоящих богодельных людей, убогих, стариков, старух, находивших приют при церквах и в частных домах; 3) архиерейские и монастырские слуги и служки, из которых первые, служа по управлению церковными землями, очень походили на служилых государевых людей, получали от кафедры и монастырей земельные участки на поместном праве и иногда прямо переходили в государевы служилые люди, а вторые были как бы церковными холопами, хотя служили без крепостей; 4) многочисленные дети духовенства, *церковники*, как их называли, ждавшие или не находившие себе церковнослужительского места, кое-как перебивавшиеся при церквах около своих родителей, иногда занимавшиеся городскими торгами и промыслами, иногда поступавшие в частное услужение. Между этими слоями по их положению в государстве можно провести такое различие: холопы и церковные служки были лично крепостные люди, не несшие государственного тягла; гулящие и церковники были свободные лица, но также не несли государственного тягла; черносошные крестьяне были также свободные лица, но несли государственное тягло; крепостные кре-

стьяне, а из холопов задворные были несвободные люди, но несли государственное тягло. Людность всех этих переходных слоев, придававших такую пестроту общественному составу, производила впечатление на непривычный глаз: иноземные наблюдатели в XVII в. удивлялись, как много праздного люда в Московском государстве. Эта праздная или непроизводительно занятая масса почти всею тяжестью своего содержания падала на те же рабочие тяглые классы, из которых и казна извлекала свои доходы, и в этом отношении являлась соперницей государства, перехватывая у него средства, которые могли бы идти на пополнение государственной казны. Петр со своей природной хозяйственной чуткостью хотел пристроить этот люд к настоящему делу, использовать его в интересах государства, для тягла и службы. Солдатской вербовкой и потом подушной переписью он произвел генеральную чистку общества, упрощая его состав.

Вербовка и набор.

Вольница и холопство были самыми усердными поставщиками новобранцев, когда начала формироваться регулярная армия. Из этих классов преимущественно набирался первоначальный рядовой персонал гвардейских полков, потом уже получивший шляхетский состав. Для их комплектования Петр даже нарушил крепостное право: боярским холопам разрешено было поступать в них без согласия господ. Из тех же классов преимущественно составились и новые полки, двинутые под Нарву в 1700 г. Перед тем указано было брать в солдаты отпущенных на волю холопов и крепостных крестьян, оказавшихся по свидетельствовании годными к военной службе. Князь Б. Куракин в своей летописной автобиографии записал, что тогда «сказана всякому чину воля, кто хочет в солдаты итти, коли хочет, тогда поди, и многие из домов

шли», тогда же снаряжался балтийский флот; потому «кликали в матросы молодых ребят и набрано с 3.000 человек». Так разрежалась густая масса лишних людей в закосневшем от недостатка работы обществе. Чистка была основательная: из десятков тысяч этих боевых охотников едва ли кто воротился домой, лучше сказать, в прежнее бездомное состояние; кто не успел пуститься в бега, все полегли под двумя Нарвами, под Ригой, Эрестфером, Шлюссельбургом, а более всего от голода, холода и повальных болезней. Когда установились периодические рекрутские наборы, они захватили не только тяглых людей, городских и сельских, но и дворовых, гулящих, церковников, монастырских служек, даже подьячих. Так в государственный строй вводилось дотоле чуждое ему начало, всесловная повинность.

Подушная перепись.

Подушная перепись была другим и еще более сильным средством упрощения общественного состава. Самое производство ее довольно характерно, ярко освещает приемы и средства преобразователя. Когда с завоеванием Лифляндии, Эстляндии и Финляндии стало ослабевать напряжение Северной войны, Петру пришлось подумать о постановке созданной им регулярной армии на мирную ногу. Эту армию и по окончании войны надобно было держать под ружьем на постоянных квартирах и на казенном содержании, не распуская по домам, и не легко было придумать, куда с ней деваться. Петр составил мудреный план расквартирования и содержания своих полков. В 1718 г., когда на Аландском конгрессе шли мирные переговоры со Швецией, он дал 26 ноября указ, изложенный по его привычке первыми словами, какие пришли ему на мысль. Первые два пункта указа с обычным торопливым и небрежным лаконизмом законодатель-

ного языка Петра гласили: «Взять сказки у всех, дать на год сроку, чтоб правдивые принесли, сколько у кого в которой деревне душ мужеска пола, объявя им то, что кто что утаит, то отдано будет тому, кто объявит о том; расписать, на сколько душ солдат рядовой с долею на него роты и полкового штаба, положа средний оклад». Далее столь же неясно указ предписывал порядок своего исполнения, стращая исполнителей конфискациями, жестоким государевым гневом и разорением, даже смертной казнью, обычными украшениями законодательства Петра. Этот указ задал суетливую работу губернским и сельским управлениям, как и землевладельцам. Для подачи сказок о душах назначен был годовой срок; но до конца 1719 г. сказки поступили лишь из немногих мест и то большею частью неисправные. Тогда Сенат командировал в губернии гвардейских солдат с предписанием заковать в железа собиравших сказки чиновников и самих губернаторов и держать их на цепях, никуда не выпуская, пока не пошлют в учрежденную для переписи в Петербурге канцелярию всех сказок и составленных по ним ведомостей. Строгость мало помогла делу: подача сказок еще продолжалась в 1721 г. Замедление происходило прежде всего от трудности понять сбивчивый указ, который потребовал целого ряда разъяснений и дополнений. Сперва его поняли так, что он касается только владельческих крестьян; но потом велено было заносить в сказки и дворовых, живших в деревнях, и потребовали дополнительных сказок. Явилась другая помеха: чуя, что дело ведет к новому тяжелому налогу, владельцы или их приказчики писали души не сполна, «с великой утайкой». К началу 1721 г. раскрыто было более 20 тыс. утаенных душ. Воеводам и губернаторам велено было личным объездом на

местах проверить поданные сказки. Св. Синод призвал к содействию этой проверке, *ревизии*, приходское духовенство, обещая ему за покрытие утайки лишение мест, сана, имения «и по безпощадном на теле наказанiи каторжную работу, хотя б кто и в старости немалой был». Наконец при помощи строжайших указов, пыток, конфискаций, которыми смазывали ржавые колеса правительственной машины, к началу 1722 г. насчитали по сказкам 5 милл. душ. Тогда приступили к исполнению 2-го пункта указа 26 ноября, «к раскладке войска на землю», к расписанию полков по душам, которые должны были их содержать. Раскладчиками посланы были в 10 переписанных губерний 10 генералов и полковников с бригадиром. Полки предположено было разместить на «вечные квартиры» по-ротно, особыми слободами, не расставляя их по крестьянским дворам, для предупреждения ссор хозяев с постояльцами. Раскладчик должен был созвать дворян своего округа и уговорить их построить эти слободы с ротными дворами для офицеров и с полковыми для штаба. Новая беда: раскладчикам велено было предварительно проверить душевые сказки. Это была вторичная ревизия сказок, и она открыла огромную утайку душ, доходившую в иных местах до половины наличных душ. Первоначально сосчитанной сказочной цифрой в 5 милл. стало нельзя руководиться при разверстке полков по душам. Петр и Сенат обращались к помещикам, приказчикам и старостам с угрозами и ласками, назначали сроки для исправления сказок, и все эти сроки пропускались. Притом сами ревизоры по неясности инструкций или по неуменью понимать их путались в сортировке душ. Недоумевали, кого писать в подушный оклад и кого не писать, и тормошили правительство запросами, да и точных сведений о наличном

составе армии у них не было в руках, и только в 1723 г. догадались собрать справки об этом. Однако ревизорам наказано было «всеконечно» кончить свое дело и вернуться в столицу к началу 1724 г., когда Петр указал начать подушный сбор. Никто из них к сроку не вернулся и все заранее уведомили Сенат, что дело к январю 1724 г. не кончат; им пересрочили до марта, а правильный подушный сбор отложили до 1725 г. Преобразователь так и не дождался в шесть лет конца предпринятого им дела: ревизоры не вернулись и к 28 января 1725 г., когда он закрыл глаза.

Расквартирование полков.

Полкам предназначено было своеобразное положение на местах их расквартирования. Большинство помещиков отказалось строить полковые слободы, считая за лучшее разместить солдат по крестьянским дворам. Тогда их обязали к постройке, и она легла новой «великой тягостью» на их крестьян. Начали стройку спешно, вдруг по всем местам, отрывая крестьян от домашних работ. Для покупки земли под слободы обложили души единовременным сбором, это затруднило поступление подушной подати. Вскоре по смерти Петра слободы, которые он велел построить непременно к 1726 г., были рассрочены на 4 года, кое-где начаты стройкой, но нигде не были кончены, и свезенный крестьянами огромный материал пропал; построили только штабные дворы. Все дело велось зря, без соображения средств и последствий. Солдаты и офицеры разместились по обывательским домам в городах и деревнях. Но полки были не просто постояльцами и нахлебниками ревизских душ, на которые они были положены. По странной прихоти усталого воображения Петр усмотрел в них удобное орудие управления и сверх их строевых занятий возложил на них сложные полицейские и наблюдательные обязанности. Для содержания расквартированных

полков дворянство должно было образовать из себя уездные сословние общества и для сбора подушной подати ежегодно выбирать из своей среды особых комиссаров, учитывая их на ежегодных съездах с правом судить и штрафовать за незаконные действия. Комиссар обязан был наблюдать порядок и благочиние в своем уезде об руку и даже по указаниям начальства расположенного в нем полка. Полковник с офицерами должен был преследовать воров и разбойников в своем округе, удерживать крестьян от побегов и ловить беглых, искоренять корчемство и контрабанду, не позволять чиновникам губернских управителей разорять уездное население, охранять его от всяких обид и налогов. Полномочия их были так широки, что по соглашению с губернаторами и воеводами они могли отдавать под суд выборных комиссаров, даже наблюдать за действиями самих воевод и губернаторов по исполнению указов, донося о неисправностях в столицу. Если бы эти полки сохранили территориальный состав и были размещены по своим родинам, они, пожалуй, на что-нибудь пригодились бы землякам. Но, оставаясь чуждыми пришельцами, вбитые какими-то клиньями в местное общество и управление, они не могли уживаться мирно с местным населением и ложились тяжелым и обидным бременем не только на крестьян, но и на самих помещиков. Крестьянин не мог уйти на работу в другой уезд даже с отпускным письмом от своего помещика или приходского священника, не явившись на полковой двор, где отпускное письмо свидетельствовалось и записывалось в книгу комиссаром, выдававшим крестьянину пропускной билет за подписью и печатью полковника со взысканием пошлины. Правительство Екатерины I принуждено было сознаться, что бедные крестьяне бегают не только от недорода и по-

душной, но «и от несогласия у офицеров с земскими управителями и у солдат с мужиками». Но всего тяжелее для населения был сбор подушной при содействии полков. Еще первый указ о переписи 1718 г. возложил это дело на одних выборных комиссаров без участия полков. Но дворяне надумались выбрать их только к 1724 г. При своей неодолимой вере в офицера, Петр в 1723 г. начертал коротенький указ, предписывая из опасения, чтоб комиссары по новости дела «какой конфузии не сделали», на первый год собирать подать с участием штаб и оберофицеров, «дабы добрый анштальт внесть». Но это участие продолжено было на несколько лет. Долго после помнили плательщики этот добрый анштальт. Полковые команды, руководившие сбором подати, были разорительнее самой подати. Она собиралась по третям года, и каждая экспедиция длилась два месяца: шесть месяцев в году села и деревни жили в паническом ужасе от вооруженных сборщиков, содержавшихся при этом на счет обывателей, среди взысканий и экзекуций. Не ручаюсь, хуже ли вели себя в завоеванной России татарские баскаки времен Батыя. И Сенат, и отдельные сановники по смерти Петра громко заявляли, что бедным мужикам страшен один въезд и проезд офицеров, солдат, комиссаров и прочих командиров, из которых никто ни о чем больше не думает, как лишь от том, чтобы взять у крестьянина последнее в подать и тем выслужиться; крестьяне от этих взысканий не только пожитки и скот, но и хлеб в земле за бесценок отдают и бегут «за чужие границы». Эти сановные протесты были стыдливым умовением пилатовых рук: почему бы не сказать этого при жизни Петра и ему в лицо? Едва полки стали размещаться по вечным квартирам, начала обнаруживаться огромная убыль в ревиз-

ских душах от усиления смертности и побегов: в Казанской губернии вскоре по смерти Петра один пехотный полк не досчитался более половины назначенных на его содержание ревизских плательщиков, слишком 13 тыс. душ. Создать победоносную полтавскую армию и под конец превратить ее во 126 разнузданных полицейских команд, разбросанных по 10 губерниям среди запуганного населения—во всем этом не узнаешь преобразователя.

Упрощение общественного состава.

Отлагая вопрос о финансовом значении подушной подати до чтения о финансовой реформе Петра, скажу теперь о ее социальном и народно-хозяйственном действии. Набрасывая свой первый указ о подушной переписи, Петр едва ли ясно представлял себе размеры предпринимаемого дела, и оно расширялось на ходу в силу своей внутренней логики. Петр, повидимому, имел в виду сперва только владельческих крепостных людей, крестьян и деревенских дворовых. Но, вводя новую податную единицу, ревизскую душу, для этих классов, нельзя было оставить другие при старом подворном обложении. Потому подушная перепись постепенно распространена была на крестьян дворцовых и государственных, на однодворцев, на тяглых посадских людей. Особенно важно было распространение переписи на промежуточные классы. Здесь в произвольном распоряжении человеческой личностью законодательство Петра далеко превзошло его предшественников. В 1722 г. велено было писать в подушный оклад живших при церквах сыновей, внучат, племянников и прочих свойственников «прежде бывших и ныне при церквах не служащих попов, дьяконов, дьячков и пономарей», прикрепляя их ни за что ни про что к владельцам, на землях которых те церкви стояли, а где погосты «особь стоят», на не владельческой земле, таких церковников приписывать

к прихожанам, к кому они похотят,—на каких условиях, указ не поясняет. Не лучше поступил закон и с вольницей. По указу 31 марта 1700 г. принимали в солдаты холопов, бежавших от своих господ и пожелавших вступить в военную службу, а по указу 1 февраля того же года вольноотпущенных и кабальных, по закону вышедших на волю за смертью господ, по осмотре в случае годности велено записывать в солдаты. По указу 7 марта 1721 г. тех из них, которые с 1700 г. еще не подвергались осмотру, предписано было ревизорам осмотреть и годных зачислить в солдаты, а негодным под страхом галер определиться «в другие службы или к кому в дворовое услужение», чтоб никто из них в гулящих не был и без службы не шатался, а кто из годных в солдаты не пойдет и пожелает опять поступить к кому в холопы, приемщик же будет просить взять у него в солдаты другого годного к службе человека взамен принятого, такого заместителя брать в солдаты. Кабальный человек старика мечтал уже о скором выходе на волю по смерти барина, перешагнув через рекрутский возраст; но барин принял другого кабального, годного к солдатской службе, и мечтатель против своей воли и вопреки кабальному праву попадал в бессрочную солдатскую службу, которая ничем не была лучше холопства. Или солдат, или холоп, или галерный каторжник—таков выбор карьер, предоставленный целому классу вольных людей. Решительно поступлено было и с холопством. Два вида его, задворные и деловые люди, устроенные на пашне, с поземельными наделами, еще задолго до подушной переписи были поверстаны в тягло наравне с крестьянами. Теперь и остальные виды холопства, юридические и экономические, слуги светских господ и духовных властей, дворовые пашенные и не-

пашенные, городские и сельские, сбиты были в одну юридически безразличную массу и резолюцией 19 января 1723 г. положены в подушный оклад наравне с крестьянами, как вечные крепостные своих господ. Холопство, как особое юридическое состояние, свободное от государственных повинностей, исчезло, слившись с крепостным крестьянством в один класс *крепостных людей*, который господам предоставлено было устроять и эксплуатировать экономически по своему усмотрению.

Крепостное право и подушная перепись.

Подушная перепись довершила жестокое упрощение общественного состава, произведенное распоряжениями Петра: все промежуточные слои были без внимания к действовавшему праву втиснуты в два основных сельских состояния—*государственных крестьян и крепостных людей,* при чем в первое из этих состояний вошли однодворцы, черносошные крестьяне, татары, ясашные и сибирские пашенные служилые люди, копейщики, рейтары, драгуны и т. п. Область крепостного права значительно расширилась; но потерпело ли крепостное право какое-либо изменение в своем юридическом составе? Здесь совершился целый переворот, только отрицательного свойства: отмена холопства, как нетяглого состояния, не была упразднением неволи холопов, а только их переводом в государственное тягло, при чем исчезли ограничения неволи, заключавшиеся в условиях холопства кабального и жилого; записка в подушную сказку землевладельца стала крепостью, заменившей служилую кабалу и жилую запись. Этот переворот впрочем подготовлялся на протяжении 70 лет до первой ревизии. Мы уже знаем, как плохо была выражена сущность крепостной неволи крестьян в Уложении, и какими чертами все-таки отличалась она в ту эпоху от неволи

холопьей (л. XLIX). Дальнейшая судьба крепостного права после Уложения и определилась плохой постановкой этого института в кодексе 1649 г. По Уложению крепостной крестьянин крепок *лицу* владельца под условием земельного надела, а не *земле* под условием зависимости от землевладельца в пределах поземельных отношений и только поземельных. Потому дальнейшее законодательство разрабатывало не пределы и условия крепостного права, как права, а только способы эксплуатации крепостного труда и эксплуатации двусторонней, фискальной со стороны казны и хозяйственной со стороны землевладельца. В крепостном владении со времени Уложения являются не хозяева и сельские рабочие, как юридические стороны, а поработители и порабощенные, повинные платить произвольно налагаемую контрибуцию господам и их вождям, составлявшим правительство. Потому правительство расширяет или допускает расширение полицейской власти помещика над крепостными, чтобы сделать его своим финансовым агентом, податным инспектором крепостного труда и блюстителем тишины и порядка в готовой разбежаться деревне, а помещик донимает свое дворянское правительство челобитьями о принятии более строгих мер для возврата своих беглых крепостных. Недостаток закона открывал широкий простор практике, т.-е. произволу сильнейшей стороны, землевладельцев. С Уложения наблюдаем двойной процесс в крепостном состоянии под действием практики: раньше выработавшиеся юридические виды холопства смешиваются в хозяйственных состояниях, в какие попадают холопы, и в то же время сглаживаются черты, отличавшие крепостное крестьянство от холопства. Вопреки Уложению

крестьян переводят во двор, а крестьянских детей, взятых во двор, указ предписывает по смерти господ отпускать на волю, как кабальных детей; задворные люди из полных и кабальных холопов перекрепляются своим же господам на условиях крестьянской ссудной записи и вместе с дворовыми людьми, устроенными на пашне, зачисляются в государственное тягло; являются деловые и задворные холопы из крестьян, а кабальных и старинных людей господа сажают в крестьяне со ссудой и с правом при переходе имения в другие руки перевозить этих крестьян с их животами, куда захотят. Уже к концу XVII в. в кругу поземельных отношений все виды холопства стали сливаться в одно общее понятие крепостного человека; подушная перепись только утвердила фактическое положение, созданное неконтролируемой никем практикой. С другой стороны, тоже вопреки Уложению помещики присвояют себе уголовную юрисдикцию над своими крепостными с правом наказывать по усмотрению. Из частных дел конца XVII в. узнаем, что за покражу двух ведер вина у приказчика, за составление челобитной барину от имени всех крестьян села посадить их по бедности и малоземелью на оброк «противу их мочи» и переменить приказчика, за выражение крепостного, что он барину не крепок, изрекался приговор: «бить кнутом нещадно, только лишь чуть душу в нем оставить». Крестьянское крепостное общество еще держалось, но уже без действительной силы, только как вспомогательное следственное средство помещичьей власти: барин предписывал «сыскать всеми крестьяны» и на основании этого обыска изрекал свой приговор. Безнадзорный рост помещичьей власти пробуждал мысль о необходимости законодательного ее

ограничения. К концу царствования Петра эта мысль, можно думать, не у одного Посошкова созрела до ясного и твердого убеждения. Крестьянин по происхождению, он смотрел на крепостную неволю крестьян как на временное зло: «крестьянам помещики не вековые владельцы; того ради они их не весьма и берегут, а прямой их владетель всероссийский самодержец, а они владеют временно». Значит, среди сколько-нибудь мыслившего крестьянства, литературным представителем которого выступил Посошков, еще тлела или уже загоралась мысль, что помещичья власть над крестьянами—не вещное право, как на рабочий скот, а государственное поручение, которое в свое время снимут с помещиков, как снимают должность с чиновника за выслугой лет или за ненадобностью. Посошков возмущается произволом господ в распоряжении крестьянским трудом и имуществом. Он настаивает на необходимости установить законом, «учинить помещикам расположение указное, почему им с крестьян оброку и иного чего имать и по колику дней в неделю на помещика своего работать». Он даже проектирует какой-то всероссийский съезд «высоких господ и мелких дворян» для совещания о всяких крестьянских поборах помещичьих и о «сделье», барщине, как бы обложить крестьян «с общего совета и с докладу Его Величества». Это было самое раннее сновидение, в котором русскому крестьянину пригрезились дворянские губернские комитеты по делу об улучшении положения крестьян, созванные слишком 130 лет спустя по окончании сочинения Посошкова. Он ведет свой план еще дальше, предлагает совершенно отделить крестьянскую надельную землю от помещичьей и уже не числить ее за помещиками: при «указном расположении» создавались поземельные отношения, напо-

минающие статьи Положения 19 Февраля 1861 г. о временно-обязанных крестьянах. Очевидно, начинали подумывать о развязке крепостного узла. От последних лет царствования Петра дошло иноземное известие, что царю не раз советовали отменить рабство, пробудить и ободрить большинство своих подданных дарованием им умеренной свободы, но царь в виду дикой натуры русских и того, что без принуждения их ни к чему не приведешь, до сих пор отвергал эти советы. Это не мешало ему замечать нелепости сложившегося порядка и в то же время косвенно их поддерживать. Уложение 1649 г. допустило случаи отчуждения крепостных крестьян подобно холопам без земли и даже в розницу, с разбивкой семейств. Исключительные случаи развились в обычай, в норму. Петра возмущала розничная торговля крепостными, как скотом, «чего во всем свете не водится и от чего немалой вопль бывает». В 1721 г. он передал Сенату указ «оную продажу людем пресечь, а ежели невозможно будет того вовсе пресечь, то бы хотя по нужде продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь». Но это был не закон к непременному исполнению, а только добродушный совет в руководство Сенату при составлении нового уложения, как господа сенаторы «за благо рассудят». Самодержец, не знавший границ своей власти, чувствует себя бессильным перед мелким шляхетством, среди которого была в ходу розничная торговля крепостными. Однако незадолго до того Петр подтвердил свой указ, разрешавший холопам по своей воле вступать в солдаты и предписавший отдавать им жен с детьми ниже 12 лет, но с оставлением более возрастных в прежней неволе. Крепостное состояние обращено было к Петру не правовой, а только фискальной своей стороной, и здесь он хорошо понимал

свой казенный интерес. До тех пор правительство и помещик владели крепостным селом как бы *чересполосно:* первое ведало крепостных крестьян и пахотных холопов, как тяглых,—через помещика, как своего полицейского агента, предоставляя нетяглых дворовых в полное его распоряжение с соблюдением ограничительных условий неволи того или другого вида. Теперь это чересполосное владение сменилось *совместным.* Прежние виды крепостной неволи исчезали вместе с ограничительными условиями, их различавшими: оставались только хозяйственные разряды, сортируемые по воле владельца. Но расширяя власть помещика, правительство за эту уступку накладывало руку на часть труда нетяглых крепостных. Что же случилось? Холопы ли превратились в крепостных крестьян, или наоборот? Ни то, ни другое; случилось то же, что было в судьбе поместий и вотчин: из нового сочетания старых крепостных отношений, из слияния владельческих крестьян с холопами и вольницей образовалось новое состояние, за которым со временем утвердилось звание *крепостных людей*, наследственно и потомственно крепких господам, как прежние полные холопы, и подлежащих государственному тяглу, как прежние крепостные крестьяне.

Народно-хозяйственное значение переписи.

Из реформы Петра Россия выходила не более, но и не менее крепостной, чем была до нее. Древнерусское право, начав полным, *обельным* холопством Русской Правды, похожим на греко-римское рабство, потом выработало несколько смягченных условных видов неволи. В XVII в. простор, данный землевладельцам слабыми или сословно-своекорыстными правительствами новой династии, помогал господствующим классам, пользуясь народным оскудением, посредством хозяйственных сделок

сглаживать стеснительные для них условия этих видов холопства и даже закрепостить большую часть вольного крестьянства. Законодательство Петра не пошло прямо против этих вредных для государства холоповладельческих стремлений, даже загнало в крепостную неволю целые разряды свободных лиц и уравняло все виды неволи близко к типу полного холопства. Так оно отбрасывало общество далеко назад к знакомой на Руси исстари греко-римской норме: «Рабство неделимо; состояние рабов не допускает никаких различений; о рабе нельзя сказать, ольше или меньше он раб». Но зато Петр положил податную таксу на право рабовладения, обложив всякую мужскую холопью душу государственным тяглом под ответственностью владельца. Петр думал о своей казне, а не о народной свободе, искал не граждан, а тяглецов, и подушная перепись дала ему не одну сотню тысяч новых тяглецов, хотя и с большим ущербом для права и справедливости. При всей видимой финансовой нерациональности своей подушное обложение однако в XVIII в. оказало благоприятное действие на сельское хозяйство. Старые прямые налоги, поземельный посошный и сменивший его подворный, в основе своей тоже поземельный, тяжестью своей вынуждали крестьян и землевладельцев сокращать тяглую пашню, наверстывая убыль земельного дохода разными ухищрениями в обход казенного интереса. Отсюда измельчание крестьянских участков, наблюдаемое в XVI и в XVII в.в. Когда правительство новой династии с целью приостановить это сокращение запашки перешло от посошного обложения к подворному, землевладельцы и крестьяне, не расширяя пашни, начали сгущать дворы, скучивая в них возможно больше людей, или сгораживали по три, по пяти, даже

по десяти крестьянских дворов в один, оставляя для прохода одни ворота, а прочие забирали заборами. Сельское хозяйство не улучшалось, а казенные доходы убавлялись. С переложением налога на души, т.-е. прямо на труд, на рабочие силы, должно было исчезнуть побуждение сокращать тяглую пашню: крестьянин платил все те же 70 копеек с души, пахал ли 2 или 4 десятины. В истории русского сельского хозяйства XVIII в. находим указания на этот успех, достигнутый если не исключительно подушной податью, то не без ее участия. В самый момент введения подушной подати Посошков мечтал, как об идеале, чтобы полный крестьянский двор пахал не менее 6 десятин во всех трех полях: такой надел давал всего по $1^1/_2$ десятины на душу при обычном тогда четырехдушном составе двора. В конце XVIII в. такие участки являются уже сравнительно мелкими: обыкновенно крестьяне пахали тогда гораздо более, по 10 десятин на двор и больше. Так в древней Руси прямой налог, связанный с землей, отрывал крестьянский труд от земли, со времени Петра подушный налог, оторвавшись от земли, все крепче привязывал крестьянский труд к земле. Благодаря подушной подати, не ей одной, но во всяком случае и ей, Русская земля в XVIII в. распахалась, как не распахивалась никогда прежде. Таково значение подушной подати: не будучи переворотом в праве, она была важным поворотом в народном хозяйстве. Указы о подушной подати не предвидят такого ее действия, но, может быть, при всей тугости правового понимания Петру и на этот раз не изменило хозяйственное чутье; во всяком случае его выручила жизнь, умеющая целесообразно перерабатывать самые рискованные мероприятия законодателей.

Лекция LXIV.

Промышленность и торговля.—План и приемы деятельности Петра в этой области. I. Вызов иностранных мастеров и фабрикантов.—II. Посылка русских людей за границу.—III. Законодательная пропаганда.—IV. Промышленные компании, льготы, ссуды и субсидии.—Увлечения, неудачи и успехи.—Торговля и пути сообщения.

Промышленность и торговля.

Подушная перепись нашла для казны много новых податных плательщиков, увеличила количество тяглого труда. Меры, обращенные на промышленность и торговлю, имели целью подъем качества этого труда, усиление производительной работы народа. Это была область преобразовательной деятельности, после войска всего более заботившая преобразователя, наиболее сродная его уму и характеру и не менее военной обильная результатами. Здесь он обнаружил и удивительную ясность и широту взгляда, и находчивую распорядительность, и неутомимую энергию и явился не только истым преемником московских царей, хозяев-вотчинников, умевших приобретать и копить, но и государственным деятелем, мастером-экономом, способным созидать новые средства и пускать их в народный оборот. Предшественники Петра оставили ему в этой области только помыслы и робкие начинания; Петр нашел план и средства для широкого развития дела.

План и приемы.

Одной из плодотворнейших идей, какие начинают шевелиться в московских умах XVII в., было сознание коренного недостатка, которым страдала финансовая система Московского государства. Эта система, возвышая налоги по мере увеличения нужд казны, отягощала народный труд, не помогая ему стать более производительным. Мысль о предварительном подъеме производительных сил страны, как о необходимом условии обогащения казны, и легла в основу экономической политики Петра. Он поставил себе задачей вооружить народный труд лучшими техническими приемами и орудиями производства и ввести в народно-хозяйственный оборот новые промыслы, обратив народный труд на разработку нетронутых еще богатств страны. Задав себе это дело, он затронул все отрасли народного хозяйства; не осталось, кажется, ни одного производства, даже самого мелкого, на которое Петр не обратил бы зоркого внимания: земледелия во всех его отраслях, скотоводства, коннозаводства, овцеводства, шелководства, садоводства, хмелеводства, виноделия, рыболовства и т. д.—всего коснулась его рука. Но более всего потратил он усилий на развитие обрабатывающей промышленности, мануфактур, особенно горного дела, как наиболее нужного для войска. Он не мог пройти мимо полезной работы, как бы скромна она ни была, чтобы не остановиться, не войти в подробности. Во французской деревушке он увидел священника, работавшего в садике; сейчас с распросами и с практическим выводом для себя: буду понуждать своих ленивых деревенских попов к обработке садов и полей, чтобы они снискивали надежнейший хлеб и лучшую жизнь. Познакомившись с Западной Европой, Петр навсегда остался под обаянием ее промышленных успехов. Эта сторона западно-европейской культуры,

кажется, всего более приковала к себе его внимание: фабрики и заводы главных промышленных центров Западной Европы, Амстердама, Лондона, Парижа он изучил особенно тщательно, записывая свои наблюдения. Он познакомился с Западной Европой, когда там в государственном и народном хозяйстве господствовала меркантильная система, основная мысль которой, как известно, состояла в том, что каждый народ для того, чтобы не беднеть, должен сам производить все, им потребляемое, не нуждаясь в помощи чужестранного труда, а чтобы богатеть, должен вывозить как можно больше и ввозить как можно меньше. Усвоив себе такой же взгляд по наблюдениям или самобытно, Петр старался завести дома всевозможные производства, не обращая внимания на то, во что обойдется их заведение. Его поклонник Посошков, кажется, верно истолковывал его мысль, говоря, что хотя в первые годы новое домашнее производство обойдется и дороже заморского, зато потом, упрочившись, окупится. Здесь Петр руководился двумя соображениями: 1) Россия не уступает другим странам, а превосходит их обилием разных природных богатств, еще не тронутых и даже не приведенных в известность; 2) разработку этих богатств должно вести само государство принудительными мерами. Оба эти соображения Петр не раз высказывал в своих указах. Так он писал: «наше Российское государство пред многими иными землями преизобилует и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынешнего времени без всякого прилежания исканы». Завести новое полезное производство, шелковицу, виноградарство, отыскать нетронутую доходную статью и разработать ее, чтобы «Божие благословение под землею втуне не оставалось»,—это стало главным предметом на-

родно-хозяйственных забот Петра. Но в то же время это был крайне бережливый хозяин, зорким глазом вникавший во всякую хозяйственную мелочь: поощряя разработку нетронутых природных богатств страны, он дорожил ими, оборонял их от хищнических рук, от бесцельного истребления, особенно берег строевой лес, зная бестолковое отношение к нему русского народа, хлопотал об ископаемом топливе, торфе и каменном угле, думал о полезном употреблении вещей, которые бросали за негодностью, из обрубков и сучьев корабельного дерева предписывал делать оси и жечь поташ. Как эта мелочная бережливость напоминает вел. кн. московского Ивана III, который, посылая баранов на продовольствие иноземных послов в Москве, шкурки приказывал вернуть обратно! Для корабельного леса Петр стеснял даже непререкаемую по закону и набожному чувству волю русских покойников, любивших ложиться на вечный покой в цельных выдолбленных гробах, дубовых или сосновых. В инструкции 1723 г. обер-вальдмейстеру, лесному министру при Адмиралтейской коллегии, дозволялись цельные гробы только еловые, березовые и ольховые, а сосновые разрешались лишь сшивные из досок и то указной меры; дубовые запрещались безусловно. Петр следил за всеми, будил дремлющие силы и очень мало рассчитывал на добровольную частную инициативу. При русской робости перед новым делом без правительственного принуждения Петр не надеялся добиться успеха в промышленности: «хотя что добро и надобно, а новое дело, то наши люди без принуждения не сделают». Мануфактур-коллегии он предписывал вести дела с фабрикантами «не предложением одним, но и принуждением, и вспомогать наставлением, машинами и всякими способами», поддерживая промыш-

ленников-предпринимателей, чтобы «видя ту государеву милость, всяких чинов и народов люди с вящей охотой и безопасно в компании вступали». Он сравнивал свой народ с детьми: без понуждения от учителя сами за азбуку не сядут и сперва досадуют, а как выучатся, благодарят; «не все ль неволею сделано,—раздумчиво восклицает он в 1723 г., оглядываясь на свою слишком тридцатилетнюю деятельность,—а уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел». Из наблюдений над порядками западно-европейской промышленности и из собственных соображений и опытов Петра вышел ряд мер, которые он прилагал к развитию русской промышленности. Вот краткий их перечень.

I. *Вызов иностранных мастеров и фабрикантов.* Вслед за Петром в 1698 г. в Россию наехала пестрая толпа всевозможных художников, мастеров и ремесленников, которых Петр за границей пригласил на свою службу; в одном Амстердаме он нанял до тысячи разных мастеров и ремесленников. Одной из главных обязанностей русских резидентов при иностранных дворах также был набор иноземных мастеров на русскую службу. В 1702 г. по Германии распубликован был манифест Петра, приглашавший в Россию иноземных капиталистов, фабрикантов и ремесленников на выгодных условиях. С тех пор начался усиленный прилив в Россию заграничного фабричного и ремесленного люда; иноземцы соблазнялись выгодными условиями, какие им предлагались, и точным исполнением данных обещаний со стороны русского правительства. Петр особенно дорожил французскими мастерами и ремесленниками, получившими громкую известность в Европе со времени Кольбера. Осматривая фабрики в Париже, Петр особенно пленился шпалерной гобеленовой

и захотел основать такую же в Петербурге, в 1716 г. выписал четырех мастеров и во главе их знаменитого в свое время французского архитектора Леблона, «прямую диковину»,—как называл его сам Петр,—дал ему в Петербурге казенную квартиру на три года и жалованья 5 тыс. рублей (около 40 тыс. рублей на наши деньги) с правом выехать через пять лет из России со всем имуществом беспошлинно. Шпалерную фабрику завели, но мастерам пришлось, за неимением пригодной шерсти для выделки шерстяных шпалер, сидеть без дела. Ни за кем из своих Петр не ухаживал так, как за заграничными мастерами: по инструкции Мануфактур-коллегии, в случае, если иноземный мастер захочет выехать за границу до контрактного срока,—производилось строгое расследование, «не было ли ему какого стеснения, не обидел-ли его кто-нибудь, и хотя бы он не выразил прямо недовольства, а только показал вид недовольного, предписывалось жестоко наказывать виновных. Такие выгоды давались иноземным мастерам и фабрикантам с одним непременным условием: «учить русских людей без всякой скрытности и прилежно».

II. *Посылка русских людей за границу для обучения мастерствам.* В продолжение царствования Петра по всем главным промышленным городам Европы рассеяны были десятки русских учеников, за обучение которых Петр дорого платил иноземным мастерам. Как в военном деле русские матросы ездили учиться в Голландию, а оттуда плавали в Турцию, в обе Индии и в другие государства,—по выражению кн. Куракина,—«по всему свету рассеяны были», так и в промышленной области русские люди, по распоряжению правительства, учились всюду за границей всевозможным искусствам и мастерствам, начиная с «филозовских и дохтурских наук» до печного мастер-

ства и до искусства обивать комнаты и убирать кровати. Особенно заботило Петра обучение мануфактурам. Срочно-наемные иноземные мастера, обязывавшиеся обучать русских, делали это неохотно и небрежно, и, отжив сроки, уезжали, оставляя «учеников без совершенства ихъ науки», возбуждая подозрение, не дают-ли они на то присяжного обязательства своим цехам на родине. Петр предписывал Мануфактур-коллегии посылать в чужие края склонных к мануфактурному обучению молодых людей, обещая им казенное содержание за границей и привилегии их фамилиям в меру их успехов.

III. *Законодательная пропаганда.* Государственное руководительство и церковное пастырство воспитали в древне-русском человеке две совести: публичную для показа согражданам и приватную для себя, для домашнего обихода. Первая требовала наблюдать честь и достоинство звания, в каком кому привелось состоять; вторая— все разрешала и только требовала периодической покаянной очистки духовником хотя бы раз в год. Эта двойственность совести много затрудняла успехи промышленности в России. На посадских торгово-промышленных людях лежало тяжелое тягло «по торгам и промыслам»; они оплачивали прямым налогом свои городские дворы и промысловые заведения, вносили пошлину в 5% с торгового оборота и несли ответственные безмездные службы по нарядам казны. По Уложению всякий промышляющий в городе обязан приписаться к городскому тягловому обществу или участвовать в городском тягле. Но привилегированные классы, служилые люди и духовенство, особенно богатые монастыри, вели беспошлинную торговлю, стесняя купеческий рынок, и без того тесный при господстве натурального хозяйства и бедности сельского населения. При

своей гражданской недобросовестности эти классы, не стыдясь промысла, но гнушаясь званием, свысока, с пренебрежением смотрели на торгашей, как на «подлое всенародство», наклонное к обману, к обмеру и обвесу, порокам, помощью которых изворачивались в своем трудном положении многие из торгового люда. В записках иностранных наблюдателей плутовство московского купечества стало общим местом на тему: «не обманешь — не продашь». Между тем, на земских соборах XVII в., например, в 1642 г., как и в сословных совещаниях с правительством, видели мы, торгово-промышленные люди, в лице своих выборных представителей, являются единственным классом русского общества, в котором еще светился политический смысл, пробивалось гражданское чувство, понимание общего блага. У Посошкова, крестьянина-промышленника, успевшего подумать о многом, о чем не умели думать высшие классы, звучит заслуженное чувство профессиональной досады, когда он пишет, что торгуют дворяне, бояре и их дворовые, офицеры, церковные причетники, приказные люди, солдаты и крестьяне, и торгуют беспошлинно, отбивая хлеб у тяглого торговца. Русским купцам приходилось вести тяжелую конкуренцию с опытным и сплоченным иноземным купечеством, покровительствуемым подкупными московскими властями. Пора,— желчно замечает Посошков об этих иноземных купцах в Москве,— пора им положить свою прежнюю гордость; хорошо им было над нами ломаться, когда наши монархи сами в купеческие дела не вступались, а управляли бояре. Иноземцы, приехав, «засунут сильным персонам подарок рублев во сто—другое, то за сто рублев сделают они, иноземцы, прибыли себе полмиллиону, потому что бояре не ставили купечество ни в яичную скорлупку; бывало

на грош все купечество променяют». Петр был, вероятно, очень доволен этими строками, если читал сочинение Посошкова, для него и написанное. Все время своего царствования он проповедывал в России о достоинстве, «честности» и государственной пользе ремесленных и промышленных занятий, настойчиво провозглашал в своих указах, что такие занятия никого не бесчестят, что торги и ремесла столь же полезны для государства и почетны, как государственная служба и ученье. Вероятно, не один дворянин поморщился, прочитав в указе о единонаследии, что обделенные отцовской недвижимостью кадеты не будут праздны, а принуждены будут «хлеба своего искать службою, *учением, торгами и прочим»*, и этого не ставить ни в какое бесчестие им и их фамилиям ни словесно, ни письменно. В кабинетный свой дневник законодательных предположений, рядом с капитальными преобразовательными замыслами, Петр заносил и меморию о посылке в Англию для учения делать сапоги, слесарные работы и пр. В 1703 г., когда основывался Петербург, он велел строить в Москве рабочий дом для праздношатающихся и при нем завести различные ремесла, а в 1724 г., когда он слыл уже одной из великих держав в Европе, он велел учить незаконнорожденных всяким художествам в устроенных специально для того домах в Москве и других городах. Мысль положить ни в чем неповинные плоды греха одною из основ русской буржуазии, очевидно, впервые пришла в голову не екатерининскому дельцу И. И. Бецкому, автору проекта о создании в России среднего чина людей из питомцев и питомок Воспитательного Дома. При тогдашнем складе понятий и вкусов надобно было обладать известной силой мысли и гражданской смелостью, чтобы самодержавному

солдату и мастеровому в законодательных актах пропагандировать буржуазные идеи, казавшиеся тогда столь мало достойными внимания серьезного законодателя. Промышленное предприятие, обдуманно начатое и умело поведенное, Петр признавал государственной заслугой, потому что оно увеличивало количество полезного народного труда и давало хлеб голодным людям. Здесь фискальный инстинкт Петра углублялся до понимания коренных основ гражданского общежития. После, в философское царствование Екатерины II, Петру много досталось от опрятных и изящных людей, в роде кн. Дашковой, за то, что он тратил свой державный досуг на ремесленные и торговопромышленные пустяки. Они были бы снисходительнее, если бы помнили, что Петру приходилось выписывать из-за границы мастеров, которые научили бы его подданных лесовиков делать метелки и коробки, и что русское духовенство в своих 700-летних заботах о спасении русских душ не завело школы дешевой, доступной для деревенского народа, и пристойной иконописи: «где надлежало голову, глаза да уста написать, то тут одни точечки наткнуты — да то и образ стал», — пишет Посошков про деревенских иконописцев своего времени.

IV. *Промышленные компании, льготы, ссуды и субсидии.* Торгово-промышленные заботы Петра, имевшие целью между прочим отучить высшие классы гнушаться промышленном людом и делом, не были бесплодны. При нем люди знатные и сановные, корифеи бюрократии, являются промышленными предпринимателями, фабрикантами и заводчиками, об руку с простыми купцами. Самым возбудительным средством для промышленной предприимчивости были льготы, казенные субсидии и ссуды; но при этом Петр хотел дать промышленности устройство,

которое оправдывало бы эти правительственные заботы. Насмотревшись на приемы и обычаи западно-европейской промышленности, Петр старался и своих капиталистов приучить действовать по-европейски, соединять капиталы, смыкаться в компании. До Петра Русь выработала несколько видов или форм соединения промышленных сил. Так среди крупного купечества обычной формой такого соединения был *торговый дом*. Это — союз неразделенных родственников, отца или старшего брата с сыновьями, младшими братьями, племянниками. Здесь не было ни складки капиталов, ни товарищеского совещательного ведения операций: всем делом орудовал посредством нераздельного домового капитала большак, который и отвечал перед правительством за своих подручных, домочадцев-участников, этих *купеческих сыновей*, *братьев*, *племянников*, как их стали звать впоследствии, равно и за простых приказчиков. В конце XVI в. славен был торговый дом соловаров братьев Строгановых, за которыми считали до 300 тыс. руб. наличного капитала (не меньше 15 мил. руб. на наши деньги). В конце XVII в. известен был дом архангельских судостроителей Бажениных, у которых была своя верфь на С. Двине. Кроме того встречаем в XVII в. различные виды *складства*. Это собственно союзы для сбыта, а не для производства: купец, ездивший по ярмаркам, забирал на комиссию товары у их производителей и продавал вместе со своими, делясь выручкой с доверителями по соглашению. Одну из форм такого складства пытался ввести, как мы видели (л. LVII), Ордин-Нащокин, по плану которого маломочные торговцы складывались с крупными для поддержания высоких цен на русские вывозные товары. Как в торговом доме основой союза служило родство, так в комиссионном склад-

стве — доверие. Не говорю об артелях, представляющих соединение капитала и труда. Петр предоставил этим самородным союзам действовать, как умеют, хотя и принимал их во внимание. Но он считал их недостаточными средствами в международной торгово-промышленной конкуренции. В тот самый год (1699), когда посадские люди изъяты были из ведомства воевод и получили самоуправление, указ 27 октября предписал купецким людям торговать, как торгуют в иных государствах, компаниями, и «иметь о том всем купецким людям меж собою с общего совета установление, как пристойно б было к распространению торгов». Голландцы перепугались было, почуяв в указе опасность для своего господства на московском рынке; но московский резидент успокоил их, известив, что русские совсем не умеют приняться за новое дело, и оно пало само собою. Но у Петра были средства удержать его на ногах: это — льготы и принуждение. Льготы, какими Петр поощрял вообще фабричную и заводскую предприимчивость, особенно щедро расточались компаниям. Основатели фабрики или завода освобождались от казенных и городских служеб и других повинностей, иногда с неотделенными сыновьями и братьями, приказчиками, мастерами и их учениками, могли известное число лет беспошлинно продавать свои товары и покупать материалы, получали безвозвратные субсидии и беспроцентные ссуды. Мануфактур-коллегия обязана была особенно прилежно следить за компанейскими фабриками, в случае их упадка «какъ наискорее» расследовать причину и, если она оказывалась в недостатке оборотных средств, тотчас «чинить капиталом вспоможение». Промышленные предприятия ограждались от иноземной конкуренции запретительными пошлинами, которые возвышались по мере

роста туземного производства, так что достигли стоимости привозного товара, если выработка этого товара на русских фабриках равнялась заграничному привозу. До учреждения Мануфактур-коллегии в 1719 г. компаниям предоставлялось право суда над фабричными служащими и рабочими по гражданским и фабричным делам, потом перешедшее к названной коллегии, которая судила вместе с фабричными и самих фабрикантов. В интересах промышленности Петр нарушал даже собственные указы: во все продолжение своего царствования он свирепствовал против беглых крестьян, строжайше повелевая возвращать их к владельцам и штрафуя приемщиков; но указом 1722 г. (18 июля) прямо запрещено было отдавать с фабрик рабочих, хотя бы это были беглые крепостные. Наконец указом 18 января 1721 г. фабрикантам и заводчикам из купцов дано было дворянское право приобретать к их фабрикам и заводам «деревни», т. е. земли, населенные крепостными крестьянами, только с оговоркой, «токмо под такою кондициею, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно». Так фабрикант-купец получал возможность иметь обязанные рабочие руки. Все это дает понять то чрезвычайно привилегированное положение, в какое поставил Петр класс мануфактурных и заводских промышленников. Занятие их Петр ставил на ряду с государственной службой, в некоторых отношениях даже выше ее, предоставил фабрикам и заводам право укрывать беглых, которым не обладали служилые землевладельцы, дал мужику-капиталисту дворянскую привилегию, право владеть землей с крепостным населением. Фабрика и завод при Петре являются преемниками древнерусского монастыря: подобно последнему они получают значение нравственно-исправительных

учреждений. Целым рядом указов Петр предписывал «виновных баб и девок» отсылать на фабрики и заводы для исправления. Таким образом на смену старого боярства теперь рядом с вельможами табели о рангах становилась знать ткацкого станка и чугуно-плавильной печи.

Увлечения, неудачи, успехи.

В какой мере достиг Петр целей своей народно-хозяйственной политики—пробудить русскую промышленную предприимчивость, направить ее на разработку нетронутых богатств страны и освободить туземный рынок от гнета заграничного ввоза? Он верил в возможность всего этого, и патриотически настроенные современники разделяли его веру. Посошков, например, отважно уверен, что мы можем обойтись без иноземных товаров, а иноземцам без наших и 10 лет не прожить, и потому «нам подобает над ними господствовать, а им рабствовать перед нами». Повидимому с той же целью поднять предпринимательскую энергию Петр вовлекал в промышленные компании не только купцов, но и дворян и сановников. Светлейший кн. Меншиков, который мог беспошлинно трепать за бороду любого именитого торговца, вместе с несколькими купцами образовал товарищество для ловли трески, моржей и других зверей на Белом море. Люди, далеко разошедшиеся по своему общественному состоянию, теперь встречались и шли об руку на промышленном поприще. Впрочем один крупный случай не позволяет преувеличивать промышленного уменья сановных «интересентов», как тогда звали компанейщиков. В 1717 г. Петр во Франции увлекся тамошними шелковыми изделиями. Сметливые царедворцы вице-канцлер барон Шафиров и тайн. сов. гр. Толстой вызвались устроить компанию и основать шелковую мануфактуру. В компанию был принят сам кн. Меншиков. Петр дал ей широкие при-

вилегии и щедрые пособия, и учредители поставили дело на широкую ногу, но скоро перессорились: Меншиков от компании был отставлен и заменен генерал-адмиралом гр. Апраксиным, при чем компании даны были новые льготы, между прочим право беспошлинного ввоза шелковых товаров, которое учредители не замедлили продать частным купцам за 20 тыс. руб., а потом, изубытчив казну и истратившись сами, совсем бросили дело. Такая участь постигла не одну эту любительскую фабрику. Да и сам Петр, лелея льготами любимые компании, постепенно отдалял их от западно-европейских образцов и не в сторону свободной предприимчивости, переделывая их на московский лад. Русская предприимчивость не оправдала ожиданий преобразователя: приходилось указами предписывать капиталистам строить фабрики, составлять компании, назначать компанейщиков и их товарищей. Петр обыкновенно на казенный счет строил надобную новую фабрику или завод и потом на льготных условиях сдавал их, даже навязывал частным предпринимателям. Так в 1712 г. велено было завести казной суконные фабрики и отдать торговым людям, собрав компанию, «а буде волею не похотят, хотя в неволю, а за завод деньги брать погодно с легкостью, дабы ласково им в том деле промышлять было». Так заведение фабрики или образование компании становились службой по наряду, своего рода повинностью, а фабрика и компания получали характер государственного учреждения. Петр пользовался старым порядком, чтобы, перетасовав его условия, применить его к новым фискальным нуждам. Прежде казна эксплоатировала свои доходные статьи, кабаки, таможни, или посредством вольного *откупа* с торгов из-за наддачи, или посредством *верной службы* выборных агентов.

Теперь возникли новые производства, новые доходные статьи, обещавшие также, по указу о компаниях, «в сборах казны пополнение», но требовавшие видоизмененных способов фискальной эксплоатации. В своих фабриках и компаниях Петр соединил принудительность предприятия с монопольностью производства. Такое казенно-парниковое воспитание промышленности неизбежно вело к правительственному вмешательству, а мелочная регламентация и придирчивый надзор при непривычке к делу отпугивал охотников. Была и еще одна помеха успехам промышленности: это—запуганность капиталов. При общем бесправии внизу и произволе наверху робкие люди не пускали в оборот своих сбережений: крестьяне и рядовые промышленные люди прятали их в землю от помещиков, от податных и таможенных сборщиков, а дворяне по ходячему тогда между ними правилу стричь своих крестьян догола, как овец, не желая колоть глаза другим столь благоприобретаемыми избытками, запирали свое золото в ларцы или, кто поумнее, отправляли его в лондонские, венецианские и амстердамские банки. Так свидетельствуют современники Петра, прибавляя, что сам кн. Меншиков держал в Лондоне на вкладе не один миллион. Таким образом из народно-хозяйственного оборота уходила масса капитала. Но капитал, воздерживавшийся от своего права наростать оборотом, тогда почитался тунеядцем, лишавшим казну ее законной прибыли, *десятой деньги*, 5% сбора с оборота, и преследовался, как контрабанда, подлежавшая полицейской выемке. В первые годы Северной войны был издан указ: кто станет деньги в землю хоронить, а кто про то доведет и деньги вынет, доносчику из тех денег треть, а остальное на государя. По требованию подлежащих учреждений все торгово-промышлен-

ные обыватели обязаны были заявлять свои пожитки, оборотные средства, по которым шла общественная раскладка налога. Донос тогда служил главным агентом государственного контроля и его очень чтила казна. В селе Дединове на Оке жили братья Шустовы, люди смирные, никаким промыслом не занимавшиеся, жившие в свое удовольствие. Они заявили у себя пожитков всего тысячи на две—на три. Но плут-купец в 1704 г. донес, что это богачи, унаследовавшие от дедов огромное богатство, которое истощают пьянством, а не умножают. Из Москвы последовала выемка, которая обнаружила в нежилых палатах двора Шустова между полов и сводов 4 пуда 13 фунтов червонцев да китайского золота и старых московских серебряных денег 106 пудов. Переложив эту массу золота и серебра на тогдашние деньги, а эти последние на нынешнюю валюту, найдем, что этот открытый выемкой дедовский клад Шустовых представлял собою капитал более чем в 700 тыс р. на наши деньги, который и был конфискован за то, что не был объявлен. Здесь капитал, опасаясь погибнуть среди безнарядья, прятался от работы, к какой призывал его преобразователь; в других местах ценный материал, уже заготовленный для дела, пропадал от того, что преобразователь не умел или не успевал им распорядиться. Велено было заготовить к походу конскую сбрую и другие полковые припасы; ими завалили в Новгороде две палаты; там они и сгнили за непоследованием дальнейшего указа, и эту гниль потом выгребали оттуда лопатами. Предписано было везти к Петербургу вышневолоцкою системою дубовый лес для балтийского флота: в 1717 г. это драгоценное дубье, среди которого иное бревно ценилось тогдашних рублей во сто, целыми горами валялось по берегам

и островам Ладожского озера, полузанесенное песком, потому что указы не предписывали освежать напоминаниями утомленную память преобразователя, который в то время блуждал по Германии, Дании и Франции, устрояя мекленбургские дела. Это — изнанка дела. От большой стройки всегда остается много сора, и в торопливой работе Петра пропадало много добра. На впечатлительных и поверхностных наблюдателей народно-хозяйственные его предприятия производили сильное впечатление: Россия представлялась им как бы одним заводом; повсюду извлекались из недр земных сокрытые дотоле сокровища; повсюду слышен был стук молотов и топоров; отовсюду текли туда ученые и всяких званий мастера с книгами, инструментами, машинами, и при всех этих работах виден был сам монарх, как мастер и указатель. Но даже иноземцы, недоверчиво смотревшие на промышленные усилия Петра, признавали, что при множестве лопнувших предприятий некоторые производства не только удовлетворяли внутренний спрос, но и снабжали заграничные рынки, например, железом, парусиной. Петр оставил после себя 233 фабрики и завода по самым разнообразным отраслям промышленности. Больше всего заботили его производства, связанные с военным делом, полотняное, парусинное. суконное: с 1712 г. он предписал так поставить суконные фабрики, чтобы через пять лет можно было «не покупать мундиру заморского», но до конца жизни не достиг этого. Наиболее успешное развитие получило при нем горное дело. Горные заводы образовали при нем четыре крупных группы или округа: тульский, олонецкий, уральский и петербургский. В первых двух горное дело завелось еще при царе Алексее, но потом пришло в упадок. Петр поднял его: построены были железные заводы казенный

и частные кузнецами Баташовым и Никитою Демидовым, а потом в Туле возник казенный оружейный завод, снабжавший оружием всю армию, с обширным арсеналом и слободами оружейных мастеров и кузнецов. В Олонецком краю на берегу Онежского озера в 1703 г. построен был чугуно-литейный и железоделательный завод, ставший основанием г. Петрозаводска. Вслед за тем возникло несколько железных и медных заводов, казенных и частных в Повенце и других местах края. Особенно широко развернулось горное дело в нынешней Пермской губернии; в этом отношении Урал можно назвать открытием Петра. Еще до первой поездки за границу Петр велел разведать всякие руды на Урале. Воротившись с кучей нанятых горных инженеров и мастеров, ободренный благоприятными поисками и опытами, показавшими, что железная руда давала чистого доброго железа почти половину своего веса, он построил в 1699 г. на реке Невье в Верхотурском уезде железные заводы, на которые казна истратила 1.541 рубль, да на наем рабочих собрано было с крестьян 10.347 руб. Еще в 1686 г. для потех Петра привозили в Преображенское сотни тульских ружей мастера Демидова; ему Петр в 1702 г. и сдал Невьянские железные заводы с обязательством ставить артиллерийские припасы, сколько понадобится. В 1713 г. у Демидова лежало на складе в Москве с его заводов более полумиллиона одних лишь ручных гранат. При умеренных подрядных ценах Демидов так повел дело, что при императрице Анне сын его получал дохода с отцовских заводов более 100 тыс. руб. (около 900 тыс. руб. на наши деньги). Вслед за Невьянскими возникло на Урале много других казенных и частных заводов, которые образовали обширный горнозаводский округ. Управление им сосредоточено было в Екатеринбурге,

городе, построенном на р. Исети управителем уральских заводов генералом Генингом, знатоком горного и артиллерийского дела, одним из благороднейших сотрудников Петра. Город был назван в честь императрицы Екатерины I. К заводам округа, для работ и охраны от враждебных инородцев, башкир и киргизов, приписано было до 25 тыс. душ крестьян. К концу царствования Петра в Екатеринбургском округе находилось 9 казенных и 12 частных заводов, железных и медных, из которых пять принадлежали Демидову. В 1718 г. на всех русских заводах, частных и казенных, выплавлено было более $6^1/_2$ мил. пудов чугуна и около 200 тыс. пудов меди. Такая минеральная добыча дала возможность Петру вооружить и флот и полевую армию огнестрельным оружием из русского материала и русской выделки. После Петра осталось более 16 тыс. пушек, не считая флотских.

Торговля. Каналы.

Двигая сильной рукой обрабатывающую промышленность, Петр не меньше того думал о сбыте, о торговле внутренней и особенно внешней морской, в которой Россия рабствовала перед западными мореплавателями. Главнейшим побуждением к войне со Швецией было желание приобрести гавани, даже хотя бы только одну торговую гавань на Балтийском море. Но здесь поперек всем замыслам Петра ложился вопрос о подвозных путях. До прутского похода для постоянных передвижений войск и воинских припасов на бесконечных расстояниях Петр с неимоверными жертвами для окрестного населения прокладывал сеть грунтовых дорог от Азова до Москвы и в других направлениях. С основанием Петербурга пролегла извилистая сухопутная дорога между обеими столицами, тянувшаяся верст на 750. По этой дороге даже иностранные послы недель в 5 добирались из Москвы

до Петербурга вследствие грязи и поломанных мостов, дней по 8 дожидались лошадей на станциях. Петр хотел выпрямить этот путь, сократив его верст на сто слишком, построил уже 120 верст новой дороги от Петербурга, но потом бросил ее, не сумев справиться с новгородскими лесами и болотами. Трудность сухопутных сообщений обращала мысль на русскую реку, и Петр с удивительной силой внимания изучил эту единственную в мире сеть вечно движущихся и не требующих ремонта шоссейных дорог, какую природа дала русской торговле в бассейнах русских рек. В уме Петра много лет складывался великолепный план канализации этих столь остроумно расчерченных природой бассейнов. Но на исполнении этого плана тяжело отозвались колебания внешней политики Петра. В начале деятельности, после взятия Азова, когда для укрепления своей азовской позиции он думал направить торговое движение к азовским портам и даже помышлял о черноморском флоте, он предпринял двойное соединение центральных водных путей с Черным морем двумя каналами, одним между притоками Волги и Дона, Камышинкой и Иловлей, и другим через небольшое Иван-озеро (Епифан. уезда), из которого с одной стороны выходит Дон, а с другой речка Шать, приток Упы, впадающей в Оку; озеро и реки надобно было канализировать, расчистить и углубить. В обоих местах много лет заняты были десятки тысяч рабочих, потрачено множество материала; на Ивановском канале построено было уже 12 каменных шлюзов. Но Северная война отвлекла внимание Петра в другую сторону, а потеря Азова в 1711 г. заставила бросить все страшно дорогие азовские и донские сооружения. С основанием Петербурга естественно воз-

никала мысль связать новую столицу водным путем с внутренними областями. Сесть в лодку на Москве-реке и высадиться на Неве без пересадки стало мечтой Петра. Со сведущим крестьянином Сердюковым он исходил глухие смежные места новгородского и тверского края, обследовал реки и озера и приступил к устройству Вышневолоцкой судоходной системы, прорыв канал, связавший приток Волги Тверцу с р. Цной, которая, образуя своим расширением озеро Мстино, выходит из него под названием р. Мсты и впадает в Ильмень. В 1706 г. 4-летняя работа, веденная 20 тысячами рабочих, была окончена; но лет через десять каменный шлюз по небрежности надзора занесло песком и с трудом удалось расчистить путь. Движение судов по этому водному пути, установившему сообщение Волги с Невой, затруднялось бурным Ладожским озером, причинявшим судоходству большие потери. Плоскодонные суда, проходившие по мелководным рекам Вышневолоцкой системы, не выдерживали бурь на озере и гибли во множестве. Для избежания этих неудобств Петр в 1718 г. задумал провести обходный Ладожский канал, которым суда проходили бы прямо из Волхова при его устье под Ладогой в Неву под Шлюссельбургом, минуя Ладожское озеро. Петр сам с инженерами осмотрел местность между Ладогой и Шлюссельбургом и поручил дело кн. Меншикову, ничего в нем не понимавшему, но во все совавшемуся. Меншиков с товарищем своим повел дело так, что истратил больше 2 (16) мил. рублей, без толку копаясь в земле, переморил дурным продовольствием и болезнями тысячи рабочих и ничего не сделал. Петр передал работу вступившему тогда в русскую службу опытному инженеру Миниху, который окончил 100-верстное сооружение уже по смерти Петра. В план Петра входил и другой канал,

имевший соединить Волгу с Невой; предположено было прорыть водораздел между реками Вытегрой, притоком Онежского озера, и Ковжей, впадающей в Белоозеро, где много позднее, уже в XIX в., была устроена Мариинская система. Делались также розыскания для соединения Белого моря с Балтийским. Ко всем этим работам не было и приступлено, так что из 6 задуманных каналов при Петре окончен был только один — успех очень умеренный. Реки и каналы служили подъездными путями, питавшими подвозом новую столицу и приобретенные Петром балтийские гавани, встречные пункты русской внешней торговли. Северная война дала Петру 7 балтийских портовых городов: Ригу, Пернов, Ревель, Нарву, Выборг, Кронштадт и С.-Петербург; два последних им и были построены. Эти приобретения уже в 1714 г., если не раньше, возбудили вопрос о необходимости изменить самое направление торговых сношений с Западной Европой, которые шли Белым морем через Архангельск, единственную морскую гавань у Московского государства до Петра. По основании Петербурга, по мере того, как Петр утверждался на балтийских берегах, он хотел перевести внешнюю торговлю с кружного беломорского пути на балтийский, направив ее к новой столице. Но этот торговый переворот затрогивал множество интересов и привычек; против него были и голландцы, давно свившие себе прочное гнездо в Архангельске, и русские купцы, привыкшие к торной северо-двинской дороге. Сенаторы поддерживали тех и других, а генерал-адмирал Апраксин даже пригрозил Петру в глаза, что он своей затеей разорит купечество и возьмет себе на шею вечные, никогда не осушаемые слезы. Но Петр твердил одно, что применение принципов всегда трудно, но со временем все интересы

примирятся, и устоял в борьбе, лет в 8 перегнул спор в свою сторону. Петербург одержал верх над Архангельском, стал главным портом для внешней торговли: в 1710 г. к Архангельску приходило 153 иноземных корабля, а число иностранных кораблей, пришедших к Петербургу, уже в 1722 году дошло до 116, в 1724 г. увеличилось до 240; по всем балтийским портам, кроме Пернова и Кронштадта, в 1725 году числилось в приходе 914 купеческих кораблей из разных стран Западной Европы. Значит, интересы скоро примирились. Из двух задач, какие Петр поставил себе в устроении внешней торговли, успешно разрешена была одна: русский вывоз получил значительное преобладание над ввозом; года через два по смерти Петра Россия вывозила на 2.400.000 руб., а ввозила на 1.600.000 руб. Но совсем не удалась другая задача—завести русский торговый флот, чтобы вырвать внешнюю торговлю из рук захвативших ее иноземцев: русских предпринимателей на это не нашлось. Настойчивость Петра в деле перевода торговли из Архангельска в Петербург понятна. Петербург со своим оплотом, Кронштадтом, возник, как боевой форпост против Швеции. С окончанием войны он утратил бы право на звание столицы, если бы не удержал значение средоточия торговых и всяких других сношений с Западной Европой, а для упрочения этих сношений предпринята была и самая война: не мог же он оставаться только городом чиновников, да лагерем двух гвардейских полков, водворенных на Московской его стороне, и четырех гарнизонных, поселенных на Петербургском острове. Но новая столица обошлась крайне дорого. Она строилась на чрезвычайные сборы и людьми, которых по наряду из года в год сгоняли сюда из всех областей государства, даже из Сибири,

и содержали кое-как. После 9 лет обременительной работы на 1712 г. наряжено было в Петербург с 8 тогдашних губерний до 5 тысяч новых работников. Едва ли найдется в военной истории побоище, которое вывело бы из строя больше бойцов, чем сколько легло рабочих в Петербурге и Кронштадте. Петр называл новую столицу своим «парадизом», но она стала великим кладбищем для народа. А как она застраивалась и продовольствовалась! В ней обязаны были строить себе дома высшие должностные лица правительственных учреждений, там возникавших или туда переводимых; туда переселялись, точнее, перегонялись указами дворяне, купцы, ремесленники с семьями, кое-как обстраивались и размещались; все это поселение походило на цыганский табор; сам Петр жил в барачном домике с протекавшею крышею. Пустынные окрестности Петербурга не могли продовольствовать скоплявшегося там люда, и по зимним путям туда тянулись Бог весть из какой дали тысячи возов из дворцовых сел и помещичьих усадеб с хлебом и прочими припасами для двора и дворян, другие тысячи из внутренних городов с купеческими товарами. И такое бивачное, случайное существование продолжалось до конца царствования Петра, положив глубокий отпечаток на склад и дальнейшей жизни невской столицы. Петр слыл уже правителем, который, раз что задумает, не пожалеет ни денег, ни жизней. Рабочих, погибших при постройке гавани у Таганрога, потом разрушенной по договору с турками, исчисляли сотнями тысяч, вероятно, преувеличенно. То же рассказывали и про балтийские гавани. Порты Кронштадта и Петербурга страдали важными недостатками, продолжительным замерзанием, сравнительной пресностью воды, вредной для тогдашних деревянных

судов, мелководьем фарватера между этими городами. Потратив напрасно много усилий и денег на устранение неудобств ото льда и мелководья, Петр искал для балтийского флота другой более удобной гавани, чем кронштадтская, и нашел в Рогервике, в нескольких милях от Ревеля, хороший рейд. Но его надобно было оградить от западных ветров плотинами. Навезли невероятное множество бревен, опустошив леса Лифляндии и Эстляндии, наделали огромных ящиков и, наполнив их булыжником, опустили на глубокое дно рейда; но буря раскидала сооружение. Работу повторяли, но с такой же неудачей, так что наконец страшно дорогое дело было брошено.

Лекция LXV.

Финансы.—Затруднения.—Меры для их устранения.—Новые налоги: доносители и прибыльщики.—Прибыли.—Монастырский приказ.—Монополии.—Подушная подать.—Ее значение.—Бюджет 1724 г.—Итоги финансовой реформы.—Помехи реформе.

Финансы. Обозрев меры Петра для увеличения количества и подъема качества народного труда, т.-е. для расширения источников государственного дохода, перечислим их финансовые результаты. Не было, кажется, другой сферы деятельности, в которой Петр встретил бы больше затруднений, частию им и созданных или поддержанных, и где бы он обнаружил меньше находчивости для их устранения. Он сам признавался, что из всех правительственных дел для него нет ничего труднее торгового дела и что никогда он не мог составить себе ясного о нем понятия. В значительной мере это признание приложимо и к финансовой политике. Он хорошо понимал источники народного богатства, сознавал, что налоги должны быть вводимы без отягощения для народа, но в практической разработке этих понятий не шел дальше столь же простой, как и бесполезной истины, выраженной в инструкции новоучрежденному Сенату: «денег как возможно собирать, понеже деньги суть артериею войны».

Затруднения. В 1710 г. Петр приказал сосчитать свои доходы и расходы. Оказалось, что по 3-летней сложности за 1705—

1707 гг. средняя ежегодная сумма доходов с соляной прибылью не превышала 3.330.000 руб. Армия и флот поглощали до 3 милл.; на все остальные расходы шло около 824.000 руб. Ежегодный дефицит простирался до 500.000 руб., составляя 13% расходного бюджета. Недостаток дохода доселе восполнялся кой-как остатками прежних лет, какие на всякий случай прикапливала казна; но теперь они повидимому истощились. По смете на 1710 г. предвидевшийся полумиллионный дефицит положено было покрыть дополнительным сбором по полтине (4 р. на наши деньги) с тяглого двора: это был при Петре, как и до него, обычный вид внутреннего кредита—заем беспроцентный и безвозратный; другого вида не было, потому что к казне никто не имел доверия ни дома, ни за границей. Предотвратить это затруднение на будущее время Петр надеялся новым пересмотром платежных сил. До сих пор прямое обложение основывалось на подворной переписи 1678 г. Но полного однообразного итога ее не встречаем в актах: число дворов, приводимых со ссылкой на нее, колеблется между 787 и 833 тыс. дворов; разные налоги распределялись по неодинаковому количеству дворов. Во всяком случае в продолжение слишком тридцати лет старая перепись имела право устареть, и только русская канцелярия могла услаждать себя мыслью, что делает дело, по ней располагая в 1710 году прямое обложение. Наткнувшись на такой дефицит, Петр велел произвести новую перепись в твердой надежде на 30-летний прирост плательщиков и потерпел финансовое поражение, равнявшееся военному под Нарвой; в 1714 г. Сенат рассчитал, что перепись 1710 г. обнаружила убыль тяглого населения почти на четверть, хотя более внимательное изучение данных в книге г. Милюкова о государственном

хозяйстве России при Петре смягчило этот испуганно-преувеличенный расчет тогдашней официальной статистики, свело убыль до $^1/_5$. Виновником такого запустения страны был сам Петр, изъявший из тяглого населения сотни тысяч здорового люда рекрутскими наборами, десятки тысяч рабочих нарядами на верфи, на каналы, на стройку новой столицы и десятки же тысяч куда-то бежавших от тяжести управления и налогов или утаенных от переписи благодаря неуменью найти добросовестных исполнителей. Петр понимал экономию народных сил по своему: чем больше колоть овец, тем больше шерсти должно давать овечье стадо. Новая подворная перепись 1716 и 1717 гг. показала только дальнейшую убыль тяглого населения; сам Сенат в 1714 г. засвидетельствовал, что в одной Казанской губернии с 1710 г. убыло 35 тыс. дворов, а это составляло почти треть тяглого населения губернии по переписи 1710 г.

Новые налоги; доносители и прибыльщики.

Финансовые затруднения стали особенно тяжелы с начала Северной войны. При старшем брате Петра, как мы уже видели (л. LI), прямое обложение сведено было в две классовые подати: одна под названием ямских и полоняничных денег падала на крепостных людей, другая, стрелецкая, во много раз более тяжелая, была положена на все остальное тяглое население. Оба налога в прежнем окладе взимались и при Петре. Но регулярная армия и флот потребовали новых средств: введены были новые военные налоги, деньги драгунские, рекрутские, корабельные, подводные; драгунская подать на покупку драгунских лошадей, падавшая и на духовенство, доходила до 2 р. с сельского двора и до 9 р. с посадского на наши деньги. Не было обойдено, конечно, и косвенное обложение, столь трудолюбиво использованное уже старыми

московскими финансистами. Но для разработки этого соблазнительного источника Петр обратился к небывалому средству. До той поры земной творчески-всемогущей силой государственного строения признавалась свыше вдохновляемая государственная власть. Сам Петр долго, если не до конца жизни, разделял этот кремлевской колыбелью воспитанный взгляд. Но нужда побудила его призвать на помощь власти воспособительное средство, русский ум. Образ действий преобразователя пробудил в обществе политическое мышление, и Петр получил на свой призыв благодарный отклик. Явился целый ряд *доносителей*, как их тогда называли, или публицистов, как назвали бы их мы из разных классов общества, от сына вельможи Салтыкова, от полковника Юрлова, от сына Петрова учителя Зотова до посадского человека Муромцева и до промышленного крестьянина Посошкова. Они трактовали в своих «прожектахъ» самые разнообразные предметы, начиная от высших вопросов государственного порядка до канатного мастерства, о чем подавал Петру записку мастер Максим Микулин, а Посошков представил Петру целую книгу, смелую и яркую, хотя углем написанную картину современного положения России с целой уймой средств его исправления. Трудолюбивые люди, наклонные отдохнуть после трудов, не забудут, что этот публицист был едва ли не первым фабрикантом игральных карт в России. Об руку с прожекторами шли *прибыльщики* или *вымышленники*, иногда меняясь ролями, а иногда совмещая в себе оба звания. В том и другом звании можно насчитать до 20 имен, кроме оставшихся неизвестными. Петр внимательно просматривал всякие проекты и награждал даже самые вздорные, говоря: «они для меня трудились, мне добра

хотели». Прибыльщики—это особая должность, учреждение, целое финансовое ведомство: обязанность прибыльщика по указу «сидеть и чинить государю прибыли». т.-е. изобретать новые источники государственного дохода. Замечательно, что они выходили большею частью из холопов: мы уже видели, что среди многочисленной боярской дворни были люди грамотнее и смышленее своих господ. Дворецкий боярина Шереметева Курбатов, путешествуя со своим барином за границей, узнал об изобретенном там незадолго до того гербовом налоге; воротясь домой, он в подметном письме в 1699 г. предложил Петру ввести в России «орленую» бумагу, приносившую казне в первое время, по очень преувеличенному известию кн. Куракина, до 300 тыс. руб. в год; в 1724 г. гербовый сбор рассчитан всего на 17 тыс. руб. За это изобретение он сделан был чем-то в роде директора департамента торговли и промышленности, а потом архангельским веце-губернатором и умер под судом по обвинению в казенной растрате. За Курбатовым, родоначальником прибыльщиков, следовали, все из боярских холопов, Ершов, бывший московским вице-губернатором, Нестеров, обер-фискал, как бы сказать, генеральный контролер, самый смелый обличитель вельможных казнокрадов и наконец сам уличенный во взятках и за то колесованный, далее Вараксин, Яковлев, Старцов, Акиншин и много, много других. Каждый из этих вымышленников выискивал новые предметы обложения, гулящие статьи, ускользавшие от глаз казны, и придумывал какой-нибудь новый налог, прямой или косвенный, для которого тотчас учреждалась особая канцелярия с изобретателем во главе. При этом безоброчные доходные статьи частных владельцев, угодья и промысловые заве-

дения, или отбирались на государя, превращались в собственность казны, например, рыбные ловли, или окладывались оброком до четверти дохода, как было с постоялыми дворами и мельницами, а статьи оброчные переоброчивались в возвышенном размере. Прибыльщики хорошо послужили своему государю: новые налоги как из худого решета посыпались на головы русских плательщиков. Начиная с 1704 г., один за другим вводились сборы поземельный, померный и весчий, хомутейный, шапочный и сапожный—от клеймения хомутов, шапок и сапогов, подужный, с извозчиков — десятая доля найма, посаженный, покосовщинный, кожный — с конных и яловочных кож, пчельный, банный, мельничный, с постоялых дворов, с найма домов, с наемных углов, пролубной, ледокольный, погребной, водопойный, трубный с печей, привальный и отвальный — с плавных судов, с дров, с продажи съестного, с арбузов, огурцов, орехов и «другие мелочные всякие сборы», говорит роспись в заключение. Появились налоги, трудно доступные разумению даже московского плательщика, достаточно расширенному прежним и порядками обложения, или прямо его возмущавшие. Обложению подвергались не одни угодья и промыслы, но и религиозные верования, не только имущество, но и совесть. Раскол терпелся, но оплачивался двойным окладом подати, как едва терпимая роскошь; точно так же оплачивались борода и усы, с которыми древнерусский человек соединял представление об образе и подобии Божием. Указом 1705 г. борода была расценена посословно: дворянская и приказная в 60 руб. (около 480 р. на наши деньги), первостатейная купеческая в 100 руб. (около 800 р.), рядовая торговая в 60 руб., холопья, причетничья и т. п. в 30 р.; крестьянин у себя

в деревне носил бороду даром, но при въезде в город, как и при выезде, платил за нее 1 копейку (ок. 8 коп.). В 1715 г. установлен однообразный побородный налог на православных бородачей и раскольников в 50 р. При бороде полагался обязательный старомодный мундир. Со смущением читаешь самолично данный Сенату в 1722 г. указ царя, додумавшегося до мысли о свободе совести: как серьезно и усиленно повелевает он «подтвердить накрепко старый указ о бородах, чтоб платили по 50 руб. на год и к тому чтоб оные бородачи и раскольщики никакого иного платья не носили, как старое, а именно зипун со стоячим клееным козырем (воротником), ферези и однорядку с лежачим ожерельем»! От бородача, явившегося в приказ не в указном платье, не принимали никакой просьбы, да сверх того тут же, «не выпуская из приказу», вторично взыскивали тот же платеж в 50 рублей, хотя бы годовой был уже внесен; несостоятельных отсылали в каторжный порт Рогервик отрабатывать штраф; всякий, увидевший бородача не в указном платье, мог его схватить и привести к начальству, за что получал половину штрафа да неуказное платье в придачу.

Прибыли. Прибыльщики проявляли большую изобретательность. Из перечня придуманных ими налогов, «выданных прибылей», как тогда говорили, видим, что они устроили генеральную облаву на обывателя, особенно на мелкого промышленника, мастерового и рабочего. В погоне за казенной прибылью они доходили до виртуозности, до потери здравого смысла, предлагали сборы с рождений и браков. Брачный налог и был положен на мордву, черемису, татар и других некрещеных инородцев; эти «иноверческие свадьбы» ведала сборами *медовая* канце-

лярия прибыльщика Парамона Старцова, придумавшего и собиравшего пошлины со всех пчельников. Дивиться надо, как могли прожектеры и прибыльщики проглядеть налог на похороны. Свадебная пошлина была уже изобретена древнерусской администрацией в виде *свадебного убруса* и *выводной куницы* и сама по себе еще понятна: женитьба—все-таки маленькая роскошь, но обложить русского человека пошлиной за решимость появиться на свет и позволить ему умирать беспошлинно—финансовая непоследовательность, впрочем исправленная духовенством. Для сбора прибылей учреждены были канцелярии *рыбная*, *банная*, *постоялая*, *медовая* и другие, подчиненные главной Ижерской канцелярии под начальством ижерского губернатора кн. Меншикова. Потому эти сборы назывались «канцелярскими». Они считались мелочными; но иные являются крупными мелочами: так, рыбная канцелярия, по словам кн. Куракина, собирала тысяч по 100 в год, медовая тысяч по 70. Но к концу царствования в системе прибыльщиков, если можно так назвать их налоговые ухищрения, обнаружилось двоякое неудобство: ее финансовая маловажность и дурное действие на настроение народа. Оба недостатка отмечены Посошковым. Перечислив некоторые из этих налогов, он с горечью замечает, что этими мелочными базарными сборами казны не наполнить, «а токмо людям трубация (турбация, смущение) великая: мелочной сбор мелок он и есть». Эти сборы усилили налоговое напряжение и раздражение, донимали не только тяжестью некоторых из них, но еще более своею численностью, заходившей за 30, назойливым июльским оводом приставая к плательщику на каждом шагу. Постепенно эти сборы падали, накопляя недоимку; по табели за 1720 г. оклад

их вообще ниже цифр кн. Куракина, кроме разве банного, и нет ни одного с полным прибором по смете, так что из всего оклада в 700 тыс. собрано было только 410 тыс. Между прочим окладная борода с неуказным платьем оказалась одной из самых неисправных плательщиц, из положенных на нее 2.148 руб. 87 коп. дала всего 297 р. 20 к. Это вынуждало казну умерять свои требования. По указу 1704 г. думные люди и первостатейные купцы должны были платить с домашних бань по 3 (24) руб., простые дворяне, купцы и всякие разночинцы по 1 р., крестьяне по 15 к. Но в среднем разряде много скудных людей, солдат, дьячков, просвирен и т. п. не могли оплатить своих бань даже с правежа под батогами, и через год их бани перевели на крестьянский оклад. На табели 1724 г. сам Петр поставил кресты над некоторыми из этих сборов. Работа прибыльщиков любопытна тем, что вскрывает одно из основных правил финансовой политики Петра: требуй невозможного, чтобы получить наибольшее из возможного.

Монастырский приказ.

Совершенно особым источником дохода послужили земельные богатства Церкви. Военная нужда указала на этот источник прежде, чем развернулась деятельность прибыльщиков, хотя в их канцелярии шли некоторые сборы, упавшие на церковные учреждения. После Нарвы, перелив в пушки множество церковных колоколов, Петр указом 30 декабря 1701 г. отнял у монастырей распоряжение их вотчинными доходами за то или под тем предлогом, что нынешние монахи вопреки примеру древних и своему обету не питают нищих своими трудами, напротив, сами чужие труды поедают. Сбор доходов с монастырских вотчин ведал Монастырский приказ, государственное судебно-административное учреждение по неду-

ховным делам духовного ведомства, возникшее еще при царе Алексее в 1649 г., закрытое при царе Федоре, а в 1701 г. восстановленное; потом ему подчинены были люди и вотчины патриаршие и архиерейские. Приказ уделял из монастырских доходов денежные и хлебные дачи, равные для всех монахов без различия сана, по 10 р. и по 10 четвертей хлеба на брата (рублей 140 на н. д.). Остатки назначались указом на богадельни и убогие безвотчинные монастыри, но и казне очищалось тысяч по 100—200 р. в год, если верить кн. Куракину. Только в последний год шведской войны Монастырский приказ подчинен был новоучрежденному Св. Синоду и церковным властям возвращено распоряжение их вотчинными доходами. Подготовленная принудительными вспоможениями от богатых монастырей в трудные минуты государства мера Петра в свою очередь подготовляла секуляризацию недвижимых имуществ Церкви.

Монополии.

К прежним казенным монополиям, смоле, поташу, ревеню, клею и т. п., прибавились новые: соль, табак, мел, деготь, рыбий жир и... дубовый гроб: в 1705 г. эта последняя роскошь древне-русского зажиточного человека была отобрана у продавцов в казну, которая продавала ее вчетверо дороже, а потом, когда отобранный товар был распродан, такие гробы были совсем запрещены. Указ 1705 г. предписал принимать соль в казну вольным подрядом и продавать только из казны вдвое дороже против подрядной цены. Но эта монополия, дававшая казне 100% прибыли, устроена была так плохо, что возмущала даже благоверного Посошкова, который требовал вольной продажи соли: в деревнях, по его словам, соль стала так редка и дорога, что иногда платили выше рубля за пуд, а и в Москве по подрядной цене пуд стоил не дороже

24 коп.; многие ели без соли, цынжали и умирали. И страсти людские стали доходной статьей: карты, кости, шахматы и другие игральные инструменты, как табак и водка, вошли в число монополий и отдавались на откуп; «заплатя пошлину, вольно играть», замечает современник. Первый откупной год дал 10 тыс. рублей. Значительную статью дохода составляла переделка, точнее, казенная подделка монеты. До Петра у нас ходили мелкие серебряные монеты, копейки и полукопейки, называвшиеся *деньгами.* Они складывались в счетные единицы, алтыны (3 к.), гривны, полтинники, полуполтинники и рубли. Притом и мелкой серебряной монеты было так мало, что в некоторых местах при расчетах ходили за монету кожаные лоскутки. С 1700 г. стали выпускать и мелкую медную и крупную серебряную монету, последнюю с названиями прежних счетных единиц, постепенно понижая ее вес и пробу и внося в монетное обращение кредитный элемент. На государственный кредит у нас тогда уже смотрели патриотически-смелым взглядом современных финансистов. Посошков, например, вполне уверен, что в России, не как в иных государствах, курс денег зависит единственно от воли государя, который только прикажет копейке быть гривной,—и она станет гривной. Один вымышленник предлагал даже прямой обман для покрытия военных расходов, советовал, обесценив монету на 10%, хранить это в глубочайшем секрете, чем «не докучая никому», можно помешать вывозу монеты за границу. Но рынок не был столь верноподдан и простодушен. В конце царствования денежные дворы давали казне прибыли до 300 тыс. (более 2 милл. на наши деньги). Но это была мнимая прибыль, молотьба ржи на обухе: денежный курс падал, товары дорожали; по сравнению хлебных цен серебряная копейка

в конце царствования Петра была почти вдвое дешевле таковой 1670-х годов и равнялась приблизительно 8 коп. нынешним, тогда как алексеевская стоила 14—15 наших.

Подушная подать.

Коренной переворот потерпело при Петре прямое обложение. «Дворовое число» давно уже стало никуда негодным основанием обложения, а новая петровская канцелярия испортила его еще более. Распределять налоги по переписям 1710 и 1717 гг., показавшим большую убыль дворов против переписи 1678 г., было невыгодно. Правительственная статистика, оберегая казенный интерес, придумала остроумную комбинацию: в основу нового губернского деления 1719 г. она положила роспись дворового числа, составленную по переписям разных лет, выбирая из прежних переписей подходящие цифры. Получился блестящий результат: число тяглых дворов, по переписи 1678 г. не превышавшее 833 (по другим данным 888) тыс., теперь, после засвидетельствованной дважды убыли, перешагнуло за 900 тыс. даже без посадских дворов. Это статистическое дурачество тогдашней канцелярии лишало подворное обложение всякого практического смысла и заставляло искать другой окладной единицы, а переписи 1710 и 1717 гг. прямо на нее указывали, вскрыв любопытное явление, выясненное в упомянутой книге г. Милюкова: убыль дворов шла по местам одновременно с приростом населения. Средний состав тяглого двора сгущался и доходил до $5^1/_2$ мужских душ вместо обычных трех или четырех. При подворном обложении этот прирост для казны пропадал: оставалось перейти к поголовщине. Мысль о поголовной подати зародилась в московских финансовых умах еще во времена Софьина кн. Голицина. Публицисты Петра тоже ничего не придумали умнее головы мужского пола: этой окладной единицей они надеялись

устранить разорительную неравномерность подворного обложения. С этой точки зрения ратовал за поголовный налог в интересе уравнительности обложения обер-фискал Нестеров еще в 1714 г.; за ним другие писали о пользе переложения подати с дворов «на персоны» или на семьи. Петр был, кажется, довольно равнодушен к экономической и юридической выработке новой системы обложения: его больше занимала интендантская сторона дела, довольствие армии и флота. Он не понимал вопроса о согласовании военного расхода с платежными силами народа. На русского плательщика он смотрел самым жизнерадостным взглядом, предполагая в нем неистощимый запас всяких податных взносов. Прожектеры и прибыльщики писали ему, что его «низкие подданые зело суть отягчены» и если больше будут отягчены, останется земля без людей, а он в 1717 г. пишет Сенату из Франции, что «и без великого отягощения людям денег сыскать мочно»; понадобятся деньги — прибавить временно пошлины на всякие промыслы, ввести «поголовщину по городам и иные сему подобные, от чего разоренья государству не будет», а где объявится растрата, «чтоб немедленная инквизиция была и экзекуция». Не задумываясь над сравнительными удобствами или неудобствами разных окладных единиц, двора, семьи, работника, души, представляя это Сенату, Петр видел в податном вопросе только два предмета: солдата, которого надо содержать, и крестьянина, который должен содержать солдата. В ноябре 1717 г., быв в Сенате, Петр сам написал указ, изложенный тем летучим стилем, который поддавался только опытному экзегетическому чутью сенаторов: «Распорядить сухопутное войско и рекруты морские, кроме жалованья, и провиант на крестьян, скольких душ или дворов один, что

удобнее будет, солдат и драгун и офицер по рангам кроме генералитета, применяяся к податям нынешним, ибо как сие положится от прочих всех податей и работ свободные будут». Итак все прямые налоги предполагалось заменить одним военным, подворным ли, или подушным, все равно или еще не было решено; этот налог распределялся на крестьян по расчету стоимости содержания солдата, драгуна и офицера. Через несколько дней предпочтено было распределение по душам, «работным персонам», и Сенат, толкуя указ Петра 26 ноября 1718 г., предписывал перечислить все сельское пахотное население мужского пола всех, «не обходя от старого до самого последнего младенца». Мы уже знаем, как медленно и с какими затруднениями производилась перепись с ее поверкой, ревизией. От нее сохранилось несколько разновременных итогов, среди которых трудно разобраться: число душ по ним колеблется между 5 и почти 6 миллионами. Сохранилась сенатская смета подушного сбора на 1724 год, к которой в 1726 г. Камер-коллегией по указу Верховного Тайного Совета присоединена роспись действительных поступлений подушной подати за сметный год с обозначением недоимки по губерниям. Принятая в руководство для расквартирования полков и для податного учета 1724 г. сенатская смета с прибавленной к ней росписью представляет проверенное изображение подушной системы за первый год ее действия и за последний год жизни ее творца, без перемен, каким она подверглась вскоре после его смерти. По этой ведомости значится всего тяглого населения 5.570.000 душ, в том числе городских 169.000. Подушный оклад устанавливался в связи с ходом переписи: рассчитанный сначала в размере 95 коп., он потом спустился до 74 коп.; с целью уравнять в тягостях все души,

на государственных крестьян взамен платежей владельцам положен был дополнительный 4-х гривенный сбор; городские тяглые обыватели платили по 1 р. 20 коп. с души.

Значение подушной подати.

Эта подать, «подушина», своей окладной единицей, *ревизской душой*, смущала многих. Даже такой горячий защитник преобразователя, как Посошков, не чает в ней проку и отказывается понять ее, «понеже душа вещь неосязаемая и умом непостижимая и цены не имеющая: надлежит ценить вещи грунтованные», земельные владения. Посошков смотрел на дело с народно-хозяйственной точки зрения, совершенно чуждой Петру в этом деле. В народном хозяйстве нет души, а есть только капиталы да рабочие руки; действительными плательщиками могли быть, конечно, только работники, а не старики и младенцы. У Петра был под руками готовый образец для обложения по рабочим силам: это—остзейское крестьянское тягло или *гак*, в котором считалось 10 работников от 15 до 60 лет. Петр думал не о рациональном обложении, а о бездоимочном поступлении. При исполнителях и финансовых понятиях, какими он располагал, никакая рациональная система обложения не могла быть удачна. При невозможности мудреной регистрации производительных сил оставался простой арифметический подсчет живой наличности мужского пола, не обходя и вчера родившихся младенцев. Ревизская душа и была такой расчетной, разверсточной окладной единицей, чисто фиктивной. Дело шло не о народно-хозяйственной, даже не о финансовой политике, а просто о податной бухгалтерии Камер-коллегии по отделению окладных сборов. Вложить жизненный смысл в эту фикцию предоставлялось самим плательщикам, и они его со временем вложили. Под ре-

визской душой стали разуметь известную меру рабочих сил и средств, прилагаемых тяглым человеком к соответственному тяглому же земельному участку или промыслу с причитающейся на них по разверстке долей государственного тягла. В этом смысле крестьянин говорит о половине, четверти, об осьмухе души, не думая ссориться с психологией. Подушная подать была преемницей подворной, распределявшейся и при Петре по устарелой переписи 1678 г. Податная фикция, длившаяся до наших дней, не могла пройти бесследно для народного сознания. Два века податной плательщик недоумевал, за что и с чего собственно он платит. Посошков пишет, что даже господа дворяне не понимали, что такое крестьянский двор, как платежная единица: одни считали дворы по воротам, а другие по избным дымам, не додумываясь до того, что крестьянский двор—это «земельное владение», земельный участок. Ревизская душа была еще непонятнее тяглого двора, и какие бы замысловатые толкования ни вкладывал народ в такие финансовые учреждения, оставался вопрос, зачем это приказные люди придумывают таких плательщиков, которые за себя платить не могут. Государственная повинность превращалась в своенравное требование начальства. Государство, загораживаемое канцелярией, отдалялось от народа, как что-то особое, ему чуждое; плохая школа для воспитания чувства государственного долга в народе, и чичиковские мертвые души были заслуженным эпилогом этого «душевредства душевных поборов»,—как ядовито определил подушную подать все тот же Посошков. Исполнение податной реформы Петра усиливало это впечатление. В оправдание подушной подати выставлялась двоякая цель: уравнение подданных в казенных платежах и увеличение казенных доходов без отягощения народ-

ного. Но указы о подушной подати с крестьян не разъясняли, что такое ревизская душа: счетная-ли только, или и раскладочная единица; лишь указ 1722 г. о подати с посадских людей пояснил: «а им верстаться между собою городами по богатству». С сельского населения подушная взималась по точному смыслу ее названия: не только высчитывалась в сметах по количеству душ, но и при сборе раскладывалась прямо по душам, а не по работникам. Шли жалобы на «отягчение и неравенство в народе», на то, что скудный крестьянин с 3-мя малыми сыновьями должен платить вдвое больше богатого с одним сыном. Однообразный уравнительный налог на деле усиливал естественное неравенство семейных составов и состояний. Трудно определить тяжесть подушного налога сравнительно с подворным, по несоизмеримости этих окладных единиц и по недостатку данных. Можно думать, что Манштейн, много помнивший и слышавший о последних годах Петра, в записках своих передал мнение его современников о подушном налоге, написав, что Петр принужден был собирать двойную подать против прежней. Это вывод, взятый глазомером, а не точным расчетом. Подворный налог чрезвычайно разнообразился по местностям и разрядам плательщиков. Дворы посадские и дворцовые были обложены тяжелее черносошных и церковных, а эти—тяжелее помещичьих. Притом и однородные дворы в разных областях платили не одинаково: в Казанской губернии на помещичий двор падало в среднем окладных налогов 49 коп., а в Киевской—1 руб. 21 коп. Этой видимой цифровой неровностью отчасти уравнивалось различие местных экономических условий. Огромная убыль дворов, обнаруженная переписью 1710 г. в центральных и северных губерниях, разрушила всякую уравнительность.

Там при продолжавшемся подворном обложении по переписи 1678 г. уцелевшим дворам приходилось платить почти вдвое, оплачивая опустелые дворы, а в губерниях Киевской, Казанской, Астраханской и Сибирской, где оказался прирост дворов, подворные платежи понижались. При столь сложных и даже запутанных условиях подушная подать отозвалась неодинаково на разных плательщиках: она вообще повысила прямой налог, но иным лишь на нечувствительный процент, а другим вдвое, втрое и даже больше. Средний подворный налог на крестьянский двор по трем губерниям Архангельской, Казанской и Киевской, около 1710 г., значительно превышал половину подушного сбора со среднего 4-душевого крестьянского двора (190 и 74 $\times$ 4 = 296 коп.). Больнее всех пострадали и без того наиболее обездоленные помещичьи крестьяне. Прямой подворный налог щадил их во внимание к их тяжелым господским повинностям. Подушная подать легла на них в одинаковом размере с лучше устроенными дворцовыми и церковными крестьянами, увеличив втрое и по местам даже вчетверо их окладные платежи. Справедливость требовала, чтобы помещики соразмерно понизили свои поборы с крестьян, и этого, кажется, ожидало правительство. В интересе уравнительности предположено было государственных крестьян, свободных от господских требований, обложить сверх общей подушной подати дополнительным платежем, применяясь к тому, «как помещики *получать будут* с своих крестьян, или иным каким манером, как удобнее и без конфузии людям». Этот дополнительный сбор высчитан был в 40 коп. Но помещики и не думали довольствоваться какими-нибудь 4-мя гривнами. Напротив, усиленные расходы по службе и по оплате казенных повинностей, какие

легли на бездоходных дворовых людей, помещики полностью и даже с избытком переложили на своих крестьян и подняли крестьянский оброк до непомерной высоты, пользуясь отсутствием законной оброчной нормы: в эпоху ревизии, по Посошкову, с крестьянского двора сходило помещику «рублев по 8 или малым чем меньше», а брауншвейгский резидент Вебер, собравший за время своего пребывания в России (1714—1719 г.г.) хорошие сведения о ее положении, в своих записках («Das veränderte Russland») замечает, что редкий крестьянин платит помещику свыше 10—12 рублей оброку, следовательно, крестьянин, плативший около 10 рублей, был не редок. Принимая только 7 руб. с чем-нибудь (рублей 60 на наши деньги) на двор, найдем, что при 4-душевом составе двора помещичий оброк слишком вдвое превосходил подушную подать и почти впятеро был выше 40 коп., нормальной по указу суммы помещичьего оброка. Можно только недоумевать, откуда брались у крестьян деньги для таких платежей при тогдашнем тесном пространстве денежного крестьянского заработка, хотя бы половина их покрывалась хлебом или работой. Значит, подушная подать, сглаживая старые податные неровности, усиливала или вводила новые, подтягивая под одну схематическую, канцелярски составленную мерку возникшие из жизни разнообразные местные и классовые уровни налогоспособности, в общем итоге значительно отягощала бремя прямого обложения и, таким образом, не достигала ни одной из своих целей: ни уравнительности казенных платежей, ни увеличения доходов казны без отягощения народа. Есть и официальное, при том очень яркое свидетельство о неудаче в достижении этой последней цели. В упомянутой ведомости Камер-коллегии 1726 г. читаем, что в 1724 г. не добрано

подушного—848 тыс., а это—18% всего подушного сбора по смете того года. К своей ведомости Камер-коллегия приложила такое жалобное примечание: «А о вышеписанной доимке в Камер-коллегию губернаторы и вице-губернаторы и воеводы, и камериры, и земские комиссары доношенями и репортами объявляют: тех де подушных денег по окладам собрать сполна никоторым образом невозможно, а именно за всеконечною крестьянскою скудостью и за хлебным недородом и за выключением из окладных книг написанных вдвое и втрое и сущею пустотою и за пожарным разорением и за умерших и беглых безвестно и за взятых в рекруты и за престарелых и увечных и слепых и сирот малолетних и бездворных бобылей из солдатских безпашенных детей». Это как бы посмертный аттестат, выданный Петру за подушную подать главным финансовым его учреждением.

Бюджет 1724 г.

В других налогах, окладных и неокладных, повторились те же явления, преувеличенные требования казны, внушенные нуждой и предрассудком, будто деньги всегда найти можно, и молчаливый ответ плательщика — огромный недобор. Прибыльщики поусердствовали в изобретении разных пошлин и поборов с промыслов и угодий, и оклады налогов этого разряда приблизительно с $1^1/_2$ милл. первых годов столетия взогнаны были в 1720 г. почти до 2,6 милл., но поступления даже за вычетом перебора дали полмиллиона недобора, почти 20% против сметы. Финансовые успехи, достигнутые Петром, открываются из его последнего доходного бюджета за 1724 г., составившегося из подушной подати, которую начали собирать в этот год, и из прочих сборов, таможенных, кабацких, промысловых и т. п. Из расход-

*

ного бюджета приведу только главную статью, военный расход.

Ревизские души:

Крепостных людей	4.364.653	78%
Государственных крестьян .	1.036.389	19%
Посадских людей	169.426	3%
	5.570.468	

С них подушной (с 40 к.) .	4.614.637 руб.
Прочих доходов	4.040.090 »
	8.654.727 руб.

Военный расход:

На сухопутное войско (из подушной)	4.596.493 руб.
На флот	1.200.000 »
	5.796.493 руб.

Итоги финансовой реформы.

Эти неполные, минимальные цифры документов 1724 г. дают однако несколько выразительных итогов финансовой реформы; в ведомостях дальнейших лет количества увеличиваются, но пропорции изменяются мало. Резко выступает связь этой реформы с военной, как ее двигателем: расход на войско и флот доходит до 67% всего сметного дохода, а по отношению к действительным поступлениям того года поднимается до 75,5%. Войско стало обходиться стране гораздо дороже, чем оно стоило 44 года назад, когда на него шло меньше половины тогдашнего дохода. Далее, сметный доход 1724 г. почти втрое превосходил доход дефицитного 1710 года. Этот успех достигнут был подушной податью, которая более чем на 2 миллиона увеличила окладной доход казны. Но

в первый же год подушная по упомянутой мною камер-коллежской росписи дала недобора 848 тыс. Значит, 15-летняя борьба с дефицитом 1710 г. в 13% расхода завершилась недобором 18% подушного оклада, т.-е. значительной порчей самого орудия борьбы. В-третьих, Петр к концу царствования был в $3^1/_2$ раза богаче своего старшего брата: переложив бюджеты 1680 и 1724 г.г. на наши деньги, найдем, что первый простирался до 20 милл., а второй до 70. Но Петр разбогател крутым переломом системы налогов: подушная перегнула обложение в другую сторону. До нее прямые налоги уступали косвенным (конец лекции LI). Усиленные заботы Петра о развитии торговли и промышленности, народно-хозяйственного оборота подавали надежду на дальнейший рост косвенного обложения. Случилось иное: подушная одержала решительный перевес, дошла до 53% сметного дохода. Значит, при недостатке доступных обложению капитала и оборота приходилось обременять все тот же голый простонародный труд, тех же «работных персон», и без того достаточно обремененных, и в этом направлении дойти до непереступаемого предела. Между тем свои и чужие наблюдатели выносили из положения дел впечатление, что при обширности государства и при его естественных богатствах царь без народного отягощения мог бы получить гораздо больше дохода. Сам Петр думал так же; по крайней мере в регламенте Камер-коллегии 1719 г. высказана оригинальная или заимствованная мысль, что «никакого государства в свете нет, которое бы наложенную тягость снесть не могло, ежели правда, равенство и по достоинству в податях и расходах осмотрено будет».

Помехи реформе.

Несчастием Петра было то, что он никак не нашел средств создать себе это необходимое для успеха *ежели*.

Те же наблюдатели в один голос говорят, что у Петра было два врага казны и общего блага, которым не было дела ни до какой правды и равенства, но которые были посильнее царской тяжеловесной и беспощадной руки: это—дворянин и чиновник, и тот и другой—творение той же власти, которой они так плохо служили. О дворянах эти наблюдатели пишут, что ничто на свете не занимает их столько, как забота сколь возможно освободить своих крестьян от казенных повинностей—не для облегчения крестьян, а для увеличения собственных доходов, и здесь они не брезгают никакими средствами. Чиновники изображаются истинными виртуозами своего ремесла. Средства для взяточничества неисчислимы и их так же трудно исследовать, как и исчерпать море, по выражению резидента Вебера. Особенно резко бросались в глаза выборные от дворянства ландраты, правители канцелярий и рядовые канцеляристы, которым поручалось взимание податей; на этих людей, по словам того же Вебера, нельзя иначе смотреть, как на хищных птиц, которые смотрят на свои должности как на право высасывать крестьян до костей и на их разорении строить свое благополучие. Писец, при вступлении в должность едва имевший чем прикрыть свое тело, в 4—5 лет, получая 40—50 руб. в год жалованья на наши деньги, разгонял подведомственный ему крестьянский округ, зато скорехонько выстраивал себе каменный домик. Таковы отзывы брезгливых и предубежденных иностранцев. Но и на взгляд *своего*, ко всему притерпевшегося Посошкова современные ему судьи и подьячие хуже воров и разбойников, которым они потакают. Сведущие в чиновничьих изворотах русские люди серьезно или шутливо рассчитывали тогда, что из собранных 100 податных рублей только 30 попадают

в царскую казну, а остальное чиновники делят между собою за свои труды. Свои и чужие наблюдатели, дивившиеся величию деяний преобразователя, поражались огромными пространствами необрабатываемой плодородной земли, множеством пустошей, обрабатываемых кое-как, наездом, не введенных в нормальный народно-хозяйственный оборот. Люди, вдумавшиеся в причины этой запущенности, объясняли ее, во-первых, убылью народа от продолжительной войны, а потом гнетом чиновников и дворян, отбивавших у простонародья всякую охоту приложить к чему-нибудь руки: угнетение духа, проистекшее от рабства, по словам того же Вебера, до такой степени омрачило всякий смысл крестьянина, что он перестал понимать собственную пользу и помышляет только о своем ежедневном скудном пропитании. В своей финансовой политике Петр походил на возницу, который изо всей мочи гонит свою исхудалую лошадь, в то же время все крепче натягивая вожжи. Но едва ли не самую большую помеху своей подушине поставил сам Петр. Как ни тяжела была эта подать сравнительно с подворной, она не казалась чрезмерной. При четырехдушевом крестьянском дворе, считавшемся тогда средним или нормальным, подушная не превышала 3 рублей, как мы видели. Посошков, так возмущавшийся подушной, настаивая на подворном поземельном налоге, признает возможным положить на полный крестьянский двор с 6-десятинным наделом всяких поборов 3—4 руб. Но здесь сопоставляются только денежные платежи, которыми при подворном обложении далеко не ограничивалось окладное бремя: еще тяжелее были натуральные повинности и соединенные с ними экстренные поборы, которые во время войны сыпались, как снег на голову. Чего стоила

одна стройка бездонного Петербурга! Едва не из года в год тысячи работников и десятки, даже сотни тысяч рублей на их содержание раскладывались по губерниям, чтобы на невских болотах возводить египетские пирамиды. То и дело требовали с крестьян и дворовых, за которых платили те же крестьяне, хлеба, лошадей, извозчиков, даточных и подможных денег на снаряжение и поставку затребованных людей и лошадей. Эти сверхокладные поборы приводили к тому, что в иных губерниях оказывалась недоимка на целую треть оклада и раскладывалась по числу дворов в виде нового сверхокладного побора. Крупный землевладелец кн. Куракин в своей автобиографии под 1707 г. высчитывает, что «женерально со всякого двора крестьянского сходилося слишком по 16 рублей в год». Ежегодные многолетние поборы до 120—130 руб. со двора на наши деньги показались бы невероятными, если бы не были засвидетельствованы самим ответственным плательщиком. Подушная, введенная по окончании шведской войны, должна была стать значительным облегчением налогового бремени военных лет, заменив все прежние прямые налоги. Огромный недобор, оказавшийся в первый же год сбора этой подати, вскрыл крайнее налоговое изнурение народного труда. Петр не оставил после себя ни копейки государственного долга, хотя один заводчик, побывавший за границей, и предлагал ему выпустить на 5 милл. руб. кредитных знаков, не бумажных, а деревянных для прочности. В 1721 г. Петр задумал обратиться к знаменитому и громко провалившемуся тогда банковому аферисту Дж. Ло с предложением устроить в России торговую компанию на заманчивых условиях и только требовал с него за это миллион рублей в свою казну. Дело не состоялось

Упадок переутомленных платежных и нравственных сил народа стоил крупного займа и едва ли окупился бы, если бы Петр завоевал не только Ингрию с Ливонией, но и всю Швецию, даже пять Швеций.

Лекция LXVI.

Преобразование управления.—Порядок изучения.—Боярская дума и приказы.—Реформа 1699 г.—Воеводские товарищи.—Московская ратуша и Курбатов.—Подготовка губернской реформы.—Губернское деление 1708 г.—Управление губернией.—Неудача губернской реформы.—Учреждение Сената.—Происхождение и значение Сената.—Фискалы.—Коллегии.

Порядок изучения.

Преобразование управления—едва ли не самая показная, фасадная сторона преобразовательной деятельности Петра: по ней особенно охотно ценили всю эту деятельность. Но при этом принимали во внимание не столько медленный и тяжелый процесс перестройки правительственных учреждений, сколько их строй в окончательной отделке, данной им уже к концу царствования. Административная реформа имела подготовительную цель—создать общие условия успешного исполнения остальных реформ; но управление получило пригодную к тому постановку, когда основные реформы, военная и частью финансовая, были уже в полном ходу. Надобно видеть, как отразился этот разлад средств и целей на ходе всей преобразовательной деятельности. Привычные особенности всей реформы Петра, ее частичность, незаметность цельного плана, зависимость от изменчивых требований текущей минуты, более всего затрудняют изучение произведенных при Петре перемен в управлении. При

хронологическом их обзоре ускользает из рук нить преобразовательной работы, а обзор систематический вносит в нее планомерность, какой она долго не получала. Впрочем, в интересе точного изучения безопаснее следовать за беспорядочными переходами Петра от одной сферы управления к другой, чем за собственной мыслью, наклонной к системе. Мы вынесем смутное впечатление, но исправим его в конце обзора, оглянувшись на изученный предмет, и тогда призовем на помощь схемы государственного права, обычно разделяющего правление на центральное и местное с ветвистыми подразделениями того и другого. Самый ход дела позволяет начать обзор, как следует, с центрального управления.

Боярская дума и приказы.

С падением царевны Софьи чуть не целых двадцать лет, до губернской реформы 1708 г., в самые тяжелые годы, когда заваривались наиболее крутые меры военные, промышленные, финансовые, ни в центральном, ни в областном управлении не видим коренных перемен: действуют старые учреждения и действуют как будто по старому. В центре руководит делами Боярская дума в присутствии государя, чаще без него; только теперь бояре не «сидят вверху о делах», как говорили прежде, а «съезжаются в конзилию». Старые московские приказы соединяются или разделяются, обыкновенно под новыми названиями, и к ним пристраиваются для новых дел новые, формируемые по образцу прежних. *Преображенский* для гвардии и дел тайной полиции, *Адмиралтейский* для флота, *Военный Морской* для наемных моряков, привезенных из-за границы. Но сквозь ветшавшие старые формы управления пробивались тенденции, если не совсем новые, то с обновленной силой. Тройная борьба придворных партий, заведенных разными царицами, правящих

классов, худавшего боярства с худородными новиками политических направлений, западников со стародумами, расширяла дорогу господству лиц в ущерб учреждениям. В регентство царицы Наталии брату ее Льву, начальнику Посольского приказа, совсем пустому человеку, подчинены были все министры кроме Т. Стрешнева, министра военного и внутренних дел, да кн. Б. Голицына, который, сидя в Казанском приказе, по выражению кн. Б. Куракина, правил всем Поволжьем «так абсолютно, как бы был государем», и весь этот край разорил. При временщиках бояре в думе «были токмо спектакулями». Уезжая за границу в 1697 г., Петр приказал всем боярам и начальникам приказов съезжаться к правителю Преображенского приказа кн. Ф. Ромодановскому и «советовать, когда он похочет». Этот «злой тиран, пьяный по вся дни», по выражению кн. Куракина, «скудный в своих рассудках человек, но великомочный в своем правлении», по отзыву Курбатова, облеченный чрезвычайными полномочиями по политическим розыскам, стал главою кабинета, председателем думы, хотя не имел думного чина, был только стольником. Старая законодательная формула «государь указал и бояре приговорили» могла бы теперь замениться другой: Т. Стрешнев или кн. Ф. Ромодановский указал и бояре смолчали. Другая тенденция, точнее, нужда отразилась на правительственном ведомстве самой Боярской думы. Донимаемый на каждом шагу новыми расходами, Петр хотел ежеминутно знать свои наличные средства, рассеянные по многочисленным приказам. Для этого в 1699 г. восстановлен был Счетный приказ или *Ближняя канцелярия*. Это—орган государственного контроля: сюда все приказы обязаны были доставлять еженедельные и ежегодные ведомости о своих доходах и расходах об

управляемых ими людях и зданиях и т. п. Эта канцелярия по отчетам приказов составляла сводные приходо-расходные ведомости, ряд которых за 1701—1709 г.г., приложенный к книге г. Милюкова, дает весьма обильный материал для изучения государственного хозяйства при Петре. Но и сама дума усиленно сосредоточилась на государственном, особенно военном хозяйстве, когда Петр взял в свое непосредственное ведение военные действия и внешнюю политику. По сродству дел контрольная палата стала собственной канцелярией и обычным местом заседаний Боярской думы. Так постепенно изменялись состав, круг дел и характер деятельности боярского совета. Этот совет, искони составлявшийся из родовитых людей, теперь с разложением боярства перестал быть боярским, превратился в тесный комитет с разрушавшимся генеалогическим составом и с иным значением. Боярская дума привыкла действовать при государе и вместе с ним, под его председательством, и, как его неразлучная правительственная спутница, имела законодательное значение. Теперь, действуя без государя, то и дело отлучавшегося, она могла сохранить только распорядительное значение, решая текущие дела из приказов, а также практически разрабатывая и приводя в исполнение наскоро данные особые поручения государя по внутреннему управлению. Петр сам настаивал, чтобы бояре в его отсутствие действовали самостоятельно, не испрашивая издали его решения по всякому делу. Но такая раздельность совета и его верховного председателя вызывала потребность установить порядок ответственности первого перед последним, в чем не было надобности при их совместном действии. В 1707 г. предписано было боярской конзилии вести протоколы заседаний, которые непременно подпи-

сывались бы всеми ее членами, «и без того никакого бы дела не определяли, ибо сим всякого дурость явлена будет», внушительно подтверждало предписание, не грешившее избытком уважения к государственным советникам, призванным делать такие важные дела.

Реформа 1699 г.

Контрольная палата, ставшая канцелярией Боярской думы, и эта дума, превратившаяся в тесную и очень мало боярскую распорядительную и исполнительную конзилию и даже «канцилию» министров по делам военного хозяйства, служили выразительными показателями направления, в каком пойдет административная реформа: ее двигателями, очевидно, станут регулярная армия и флот, а целью движения—военное казначейство. Первым шагом в этом направлении была попытка воспользоваться местным самоуправлением, как фискальным средством. В XVII в. по просьбе местных обществ обязанности слишком притеснительных воевод иногда переносились на выборных из местного дворянства губных старост. По свидетельству Татищева, так как уездные воеводы «смело грабили», при царе Федоре явилась мысль предоставить выбор их дворянству в благодушном чаянии, что доверие и надзор земляков-избирателей обуздают грабительскую смелость местных блюстителей порядка. На деле ограничились тем, что сбор стрелецкой подати и косвенных налогов в интересе сохранности от воеводского хищничества был передан «мимо воевод» выборным старостам и головам под ответственностью избирателей. Указами 30 января 1699 г. ступили еще шаг вперед: торгово-промышленным людям столицы в виду терпимых ими убытков от воевод и приказных людей предоставлено было выбирать из своей среды погодно *бурмистров*, «добрых и правдивых людей, по скольку человек захотят», которые ведали бы их не

только в казенных сборах, но также в судных гражданских и торговых делах; остальным городам, как и обществам черносошных и дворцовых крестьян, сказан был указ ради многих им воеводских обид и взяток воеводам их не ведать, а «буде они похотят», ведаться им в судных делах и казенных сборах своими выборными мирскими людьми в земских избах—только платить им вдвое против прежнего оклада. Значит, воевода ставился тяглому обществу в одну цену с государством. Указ теперь предлагал областным тяглым обществам удвоением податного оклада откупиться от этих вторых государей, как особым государственным оброком откупались от кормленщиков при введении земских учреждений царя Ивана (л.XXXIX). В полтора века правительство не сделало ни шага вперед в административной изобретательности. Но дар, предложенный с таким условием, показался плательщикам слишком дорог, и из 70 городов только 11 приняли его с этим условием; остальные отвечали, что платить вдвойне не в состоянии, а выбрать в бурмистры им некого; некоторые даже выразили довольство своими «правдивыми» воеводами и приказными людьми. Тогда правительство сделало реформу обязательной, отказавшись от двойного оклада. Городовое самоуправление, очевидно, было нужнее самому правительству, чем городам, и оно прямо высказывало эту нужду в указах; воеводы своими «прихотями и ненадобными поборами» причиняли в казенных доходах большие недоборы и запускали многую недоимку, а от безмездных и ответственных бурмистров казна могла ждать больших прибылей. В реформе 1699 г. видим один из многих симптомов недуга, которым страдает русское управление на протяжении столетий. Это—борьба правительства,точнее, государства, насколько оно понималось извест-

ным правительством, со своими собственными органами, лучше которых, однако, ему приискать не удавалось. Так воеводы, потеряв судебную и административную власть над торгово-промышленным городским и свободным сельским населением, остались управителями только служилых людей и их крестьян и совсем исчезли на поморском Севере, где этих классов не было.

Воеводские товарищи.

Но и там, где воеводы уцелели, правительство находило нужным связать им емкие руки их же братией. Указом 10 марта 1702 г. упразднялись губные старосты, выборные уездные блюстители безопасности из местного дворянства. Но правительство не хотело оставлять дворянские общества безучастными в местном управлении: тот же указ предписывал «ведать всякие дела с воеводы дворянам, тех городов помещикам и вотчинникам, добрым и знатным людям, по выборам тех же городов помещиков и вотчинников», от 2 до 4 человек на уезд. Даровав выборное коллегиальное управление посадскому торгово-промышленному населению, логически последовательно было распространить этот порядок и на уездный землевладельческий класс, сословными правителями которого остались воеводы в силу указов 1699 г. Но здесь административная логика шла об руку с полным непониманием или невниманием к положению дел. Уездные дворянские общества старой московской формации, основанные на территориальном составе частей дворянского ополчения, распадались с образованием регулярной армии. Вся дворянская наличность, годная к службе, извлекалась из уездных захолустьев в новые постоянные полки, действовавшие на далеких окраинах; на местах оставались отставные за негодностью к службе и нетчики, укрывавшиеся от службы. Мысль построить местное дворян-

ское самоуправление на инвалидах и «лежебокахъ», подлежавших за неявку на службу лишению прав состояния, сама по себе не обещала удачного осуществления. Архивные документы о воеводских товарищах, приведенные в известность г. Богословским, изображают практику этого учреждения, вполне отвечавшую степени его законодательной обдуманности. Местные дворянские общества, т.-е. их застрявшие по усадьбам остатки, отнеслись довольно безучастно к предоставленному им праву и далеко не везде выбрали воеводских товарищей; пришлось заменить выбор назначением из столичного приказа или даже по усмотрению воеводы, власть которого они должны были регулировать; пошли раздоры воевод с товарищами, и лет через 8—9 этот преобразовательный опыт, более курьезный, чем любопытный, незаметно упразднил сам себя собственной бесполезностью.

Московская ратуша и Курбатов.

Гораздо серьезнее и удачнее была перемена в финансовом устройстве городского торгово-промышленного класса. В этом отношении городские тяглы общества объединялись только московскими приказами: косвенные сборы со времени устранения от них воевод города вносили в приказ Большой Казны, а прямую стрелецкую подать в Стрелецкий приказ. Но правительство хотело поставить высшее московское купечество во главе всех городов, сделать его своим центральным финансовым штабом, возлагая на него важные поручения по устройству и взиманию городских сборов. Так в 1681 г. комиссии московских гостей поручено было установить оклады стрелецкой подати для всех городов по их платежным силам. Реформа 1699 г. облекла эти поручения в постоянное учреждение: одним указом 30 января того года городовые земские избы с их выборными «земскими» бурмист-

рами подчинены были по сборам московской Бурмистерской палате или ратуше, в которой заседали выборные из крупного московского купечества бурмистры. Сюда поступали все собранные по городам суммы и высылались к отчету собиравшие их городовые бурмистры таможенные и кабацкие, подчиненные земским. Как высшее центральное место по управлению торгово-промышленным классом, московская ратуша входила с докладами прямо к государю помимо приказов и стала чем-то в роде министерства городов и городских сборов. В ее ведение переданы были поступавшие прежде в 13 московских приказов сборы стрелецкие, таможенные, кабацкие и другие в окладной сумме свыше миллиона рублей, а с «прибором» сверх оклада доход ратуши уже в 1701 г. возрос до 1.300.000, что составляло больше трети, чуть не половину всего сметного дохода того года. Доходы ратуши шли на содержание войска. Деятельность ратуши особенно оживилась с назначением прибыльщика Курбатова инспектором ратушного правления, т.-е. президентом совета бурмистров московской ратуши. Дворовый человек, заняв министерский пост, не принес на такую высоту рабьего духа, напротив, увидев себя в самом омуте повального взяточничества и казнокрадства, безмерно разросшегося за спиной вечно отсутствовавшего царя, поднял неугомонную войну за государев интерес, не взирая на лица. Что ни письмо к царю, то жалоба на злоупотребления или донос на великочиновных воров. Он доносил, что в Москве и городах чинится в сборах превеликое воровство, что и его ратушские подьячие превеликие воры, и выборные городские бурмистры не лучше их, в Ярославле украли 40 тыс., а в Пскове 90; велено было разыскать про это Нарышкину, а тот взял

с воров многие взятки и покрывал их. Курбатов в своих жалобах царю задирал сильных людей, даже само страшило, заплечного обер-мастера кн. Ф. Ю. Ромодановского, выгораживая только покровителя своего кн. Меншикова, набольшого казнокрада, и для искоренения зла даже просил себе у царя карательной диктатуры, разрешения приговаривать к смерти «производителей воровству». Он писал о сотнях тысяч, прибавленных им к доходам ратуши, о подъеме ее доходного бюджета до $1^{1}/_{2}$ миллиона. Несмотря на эти успехи ратуша с трудом оплачивала военные расходы, и губернская реформа положила конец руководящей финансовой роли Курбатова и самой ратуше.

Подготовка губернской реформы.

Губернская реформа 1708 г. вызвана была направлением деятельности Петра, в свою очередь вынужденным внешними и внутренними событиями, прямо или косвенно связанными с войной. Прежние цари сидели в столице, изредка прогуливаясь на богомолье или в военный поход, и все управление носило характер строгой централизации. Местные средства в виде налогов прямых или косвенных через воевод стекались в столицу, рассыпаясь по разным московским приказам, и большая часть сборов здесь поглощалась, а меньшая доля растекалась по местам в виде жалованья провинциальным служилым людям и на другие местные нужды. Петр поколебал эту старую, устойчивую и даже застоявшуюся централизацию. Прежде всего он сам децентрализовался к окружности, бросив старую столицу, отбыл на окраины, и эти окраины загорались одна за другой либо от его пылкой деятельности, либо от бунтов, вызванных этой же деятельностью. Окончив военную операцию на той или другой границе, в каком-либо углу государства, Петр не оставлял его в покое.

а поднимал на ноги новым тяжелым предприятием. После первого азовского похода он стал строить флот в Воронеже, и ряд городов Донского бассейна приписан был к учрежденному в Воронеже Приказу адмиралтейских дел. Сюда гнали тысячи работников и везли все местные податные сборы на корабельное дело помимо московских приказов. То же было по завоевании Азова, когда другой ряд городов приписан был налогами и рабочими силами к постройке гавани у Таганрога. То же повторилось и на другой окраине по завоевании Ингрии, когда началась постройка Петербурга и основалась Олонецкая верфь для балтийского флота. В Астрахани поднялся в 1705 г. бунт против нововведений Петра: для усмирения и устроения края местные доходы переданы были из ведения центральных учреждений в распоряжение местных властей на местные нужды. Точно так же по заключении королем Августом Альтранштедтского мира в 1706 г., когда Петру стало грозить нашествие Карла XII из покорившейся ему Польши, для обороны западной границы образованы были в ущерб центральному управлению властные административные центры в Смоленске и Киеве. Так ходом дел вырабатывалась мысль, что местные средства вместо кружного пути через московские приказы, где они сильно таяли, выгоднее направлять в областные административные средоточия с надлежащим расширением компетенции местных правителей, которые даже украшаются новым титулом *губернаторов*, хотя их округа еще не зовутся губерниями. Практическая разработка этой общей мысли облегчалась как сделанными уже опытами, так и другими соображениями. В Москве действовал ряд областных приказов, в которых сосредоточивалось финансовое и частью военное управление обширными округами: таковы были приказы

Казанский, Сибирский, Смоленский, Малороссийский. Оставалось только переместить начальника такого приказа в подведомственный округ, приблизив его к управляемому населению и тем облегчив ему руководство местным управлением. Потребность в таком перемещении вызывалась положением, какое создал себе Петр своей войной. Он хорошо понимал, что, руководя среди переездов дипломатическими сношениями и военными операциями на местах, он был не в состоянии следить за ходом внутренних дел, становился плохим правителем. Оправдывая учреждение губерний, Петр писал Курбатову: «человеку трудно за очи все выразуметь и править». Изверившись в способность центральных приказов и самой ратуши удовлетворить военным нуждам, Петр хотел во главе крупных округов поставить полномочных наместников, которые прямо на местах могли бы изыскать необходимые для того средства. Слишком конкретный ум Петра располагал его более доверяться лицам, чем учреждениям. Отсюда — план разложить содержание армии по частям на такие округа, раздробив по ним и военный бюджет. Петр туго вникал в выгоды «единособранного правления», единства государственной кассы, о чем ему толковал Курбатов, и разделял господствовавший взгляд, что каждая статья расхода должна быть приурочена к специальному источнику дохода. После, объясняя смысл губернской реформы, он писал, что все расходы военные и другие он расположил по губерниям, «чтобы всякий знал, откуда определенное число получать моги». Этот план и положен был в основание губернского деления 1708 г.

Губернское деление 1708 г.

Реформа начата была обычным кратким и неясным указом Петра 18 декабря 1707 г. расписать города к Киеву, Смоленску и другим намеченным губернским цент-

рам. В следующем году бояре в Ближней канцелярии после многих перекроек распределили 341 город на 8 новых крупных округов: то были губернии *Московская*, *Ингерманландская* (потом названная *Ст.-Петербургской*), *Киевская*, *Смоленская*, *Архангелогородская*, *Казанская*, *Азовская* и *Сибирская*. Но уже в 1711 г. группа городов Азовской губернии, приписанная к корабельным делам в Воронеже, является со званием губернии *Воронежской*, так что губерний вышло 9, ровно столько, сколько намечено было местных разрядов при царе Федоре. Но этим численным сходством да еще пожалуй административной конструкцией, точнее, общей идеей, крупного военно-административного округа и ограничилась связь губернского деления с прежним разрядным (лекция XLVIII). Территориальными своими очертаниями губернии не совпадали ни с этими разрядами, ни с округами московских областных приказов: в иной губернии совмещалось по нескольку таких округов, а иной округ разрывался между несколькими губерниями. Роспись руководилась расстоянием городов от губернских центров или путями сообщения: так к Москве приписаны были города, радиусами тянувшиеся от столицы по 9 большим дорогам, новгородской, коломенской, каширской и др. Не остались безучастны в этой административной перетасовке и личные расчеты заранее назначенных губернаторов, все людей влиятельных, как кн. Меньшиков, Т. Стрешнев, Ф. Апраксин. Распланировав губернии, предстояло, разложив по ним содержание военных сил, высчитать сумму военного расхода и рассчитать, какую долю его может принять на себя каждая губерния: это было основной целью реформы. Над этим делом работали Ближняя канцелярия и означенные губернаторы; оно обсуждалось на

заседаниях думы и губернаторских съездах и протянулось до 1712 г., когда нашли возможным пустить в ход новопостроенный административный механизм. Над реформой, давно подготовлявшейся, просуетились целых 4 года и не без греха: главное контрольное учреждение, Ближняя канцелярия, расписывая полки по губерниям, по недостатку сведений, пропустила 19 полков. Сам Петр после Полтавы думал не просто о разложении содержания, но по наступлении скорого мира и о расквартировании полков по губерниям: он мечтал о близком окончании войны, продлившейся еще 11 лет.

Управление губернией.

Губернская реформа клала поверх местного управления довольно густой новый административный пласт. По штатам 1715 г. при губернаторе состояли вице-губернатор, как его помощник или управитель части губернии, ландрихтер для дел судебных, обер-провиантмейстер и провиантмейстеры для сбора хлебных доходов и разные комиссары. Но и власть губернатора не была единоличная: попытка в лице воеводских товарищей привлечь дворянское общество к участию в местном управлении, не удавшаяся в уезде, теперь была повторена на более широком пространстве. Указ 24 апреля 1713 года предписал быть при губернаторах «ландраторам» от 8 до 12 человек, смотря по величине губернии, и губернатору все дела решать с ними по большинству голосов; в этом «консилиуме» губернатор был «не яко властитель, но яко президент», только пользовавшийся двумя голосами. Ландраты, должность, заимствованная из Остзейского края по его завоевании, назначались Сенатом из двойного числа «кандидаторов», указанных губернатором. Но потом, вероятно, заметив неловкость назначения советников губернатора по его же представлению, Петр передумал

и 20 января 1714 г. предписал: «ландраторов выбирать в каждом городе или в провинции всеми дворяны за их руками». Сенат оставил это предписание без исполнения и назначил ландратов сам по спискам, присланным губернаторами, а в 1716 г. и сам Петр отменил свое уже забракованное сенаторами распоряжение, указав Сенату назначать в ландраты офицеров, отставленных за старостью или ранами. Так ландрат и не стал выборным представителем губернского дворянского общества при губернаторе, а превратился в чиновника особых поручений Сената и того же губернатора. Повторилась история с воеводскими товарищами. Но уже до указа о ландратах-инвалидах эта должность еще дальше отошла от своего первоначального назначения. Губернии Петра были обширные округа, вмещавшие в себе по несколько современных губерний. Так в состав тогдашней Московской губернии входили целиком или частями нынешние губернии Московская и огибающие ее Калужская, Тульская, Владимирская, Ярославская и Костромская. Подразделениями таких обширных областей оставались прежние уезды, большей частью мелкие. Эта несоразмерность административных частей с целым рождала потребность в промежуточной областной единице. С 1711 г. уезды начали соединять в *провинции* не в виде общей единовременной меры, а постепенно, по местным или другим соображениям. Так большинство уездов Московской губернии образовало 8 провинций. Оба эти подразделения губернии, уездное и провинциальное, Петр перерезал еще третьим. Губернии резко различались между собою по доходности для казны, главным образом по количеству тяглых дворов. В московской губернии, например, считалось 246 тысяч дворов, а в Азовской только 42 тысячи. Учет по дворам был слиш-

ком кропотлив. Любя простейшие математические схемы, Петр хотел привести эти разнообразные губернские величины к одному финансовому знаменателю и придумал крупную расчетную единицу, *долю*, положив на нее почему-то 5536 дворов, а за сумму всех дворов в государстве приняв совершенно произвольную цифру 812 тыс., будто бы выведенную по переписным книгам 1678 г. Числом таких долей, насчитанным на каждую губернию, определялось ее участие в государственных повинностях. Учредив должность ландратов, Петр превратил эту расчетную единицу в административный округ, подразделив на доли самые губернии, а не просто дворовое их число в финансовых табелях. После неудачи воеводского управления с выборными товарищами из местных дворян, с 1711 г. вместе со введением губернских учреждений воеводы там, где они уцелели от реформы 1699 г., под названием *комендантов* являются с восстановленными полномочиями, сосредоточивая в своих руках власть финансовую и судебную не только над сельским, но и над посадским населением уезда. Трудно сказать, совершилась ли эта отмена городского самоуправления по распоряжению сверху, или действием снизу, силой практики и привычки. В то же время, видели мы, уезды по местам складывались в провинции под управлением обер-комендантов, которым подчинялись уездные коменданты провинции. Указом 28 января 1715 г. упразднялось как старинное уездное, так и слагавшееся провинциальное деление с комендантами и обер-комендантами и губерния разделялась на доли, управителями которых становились ландраты с финансовой, полицейской и судебной властью, но только над уездным, не над посадским населением, которого указ предписывал ландратам ни в чем не ведать и в дела его

не вступаться. Этот указ производил новую перекладку областного управления с разрушением векового фундамента, уезда. Ландратские доли иногда совпадали с уездами, иногда совмещали в себе по нескольку уездов, нередко разрывали уезд, не признавая ни истории, ни географии во имя арифметики. Притом, разумеется, нельзя было разграфить губернию на клетки ровно по 5536 дворов в каждой, и указ предоставлял губернаторам класть на долю больше или меньше этой нормы, «поскольку будет удобнее по расстоянию места». Потому в иной доле оказывалось 8000 дворов, в соседней же почти вдвое меньше, и число действительных долей могло далеко отступить от числа нормальных, а числом долей определялась степень участия губернии в государственных повинностях и определялась на-авось, «по рассуждению губернаторскому», которым разрушалась вся долевая математика законодателя. При этом пришлось увеличить количество ландратов: в Московской губернии по числу высчитанных в ней долей понадобилось 44 ландрата вместо назначенных первоначально 13. Наконец указ 1715 г. расстроил ландратский совет при губернаторе, главное правительственное место в губернии. Разослав ландратов по долям, указ опасался оставить губернатора одиноким, безнадзорным: при нем постоянно должны были оставаться два очередных ландрата по месяцу или по два, а к концу года все ландраты губернии съезжались в губернский город, сводили годовые счеты по губернии и решали дела, подлежавшие их полному собранию. Таким порядком создавалось двусмысленное отношение ландрата к губернатору: как правитель части губернии, ландрат был подчинен губернатору, а как член ландратского совета, был его товарищем. При полномочном значении губернатора, как областного министра,

разумеется, восторжествовало первое отношение: губернаторы обращались с ландратами, «яко властелински, а не яко президентски», помыкали ими, командировали не в очередь, даже подвергали аресту — их, своих товарищей, вопреки закону. Спешная перекладка учреждений расстраивала служебную дисциплину: на превышение власти подчиненные отвечали ослушанием властителям. В конце 1715 г., едва ландраты вступили в долевое управление, им поручили произвести новую перепись, каждому в своей доле. Совмещением текущего управления с таким громоздким делом замедлялось и то, и другое: перепись затянулась на весь 1716 и 1717 год, а сенат и царь торопили. Ландратам велено было непременно явиться в Петербург с переписными книгами по первому зимнему пути в конце 1717 г. Во весь 1718 г. явились далеко не все. Одному ландрату послано было 15 указов: он не поехал. Велено было высылать неслухов в цепях; за одним послали с приказом арестовать его, если не поедет, и захватить его людей; но тот не поехал и объявил, кто станет людей брать, того он бить будет.

Неудача губернской реформы.

В губернской реформе законодательство Петра не обнаружило ни медленно обдуманной мысли, ни быстрой созидательной сметки. Цель реформы была исключительно фискальная. Губернские учреждения получили отталкивающий характер пресса для выжимания денег из плательщиков; всего меньше думали о благосостоянии населения. Но нужды казны росли, и губернаторы не поспевали за ними. Флот к 1715 г. требовал почти вдвое больше, чем в 1711 г. Линейные балтийские корабли по недостатку средств для оборудования боялись выступить в открытое море. Полки во-время не получали жалованья и превращались в шайки мародеров; послам не высылали денег

и им нечем было ни содержать себя, ни делать необходимые подкупы. Петр подгонял исполнителей «жестокими указами», грозил неповоротливым губернаторам, которые «зело раку последуют», что будет «не словом, но руками со оными поступать». Сенату предписывалось губернаторов, не умевших «без тягости народной» выискивать новых доходов, «не щадить в штрафах». С ландратов, не высылавших в столицу денег по окладу, полученное ими годовое 120-рублевое жалованье взыскивалось обратно. Губернских комиссаров, служивших лишь передатчиками в сношениях Сената с губернаторами и совсем неповинных в денежных недосылках из их губерний, били на правеже дважды в неделю; иных средств ободрения исполнителей кроме штрафа и правежа не могли придумать. Иные губернаторы, радея о казенной прибыли, пускались на все. Казанский губернатор Апраксин, брат генерал-адмирала, представлял фальшивые ведомости о придуманных им новых доходах, раз подарил Петру из таких доходов 120 тыс. руб. (около миллиона на наши деньги), и для оправдания своей финансовой изобретательности приналег на темных инородцев своей губернии, между прочим, обязав их покупать казенный табак по 2 рубля за фунт на наши деньги; вводился принудительный сбыт тысяч на полтораста рублей на наши деньги. Но прибыль оказалась себе дороже: угнетаемые инородцы многотысячной массой (более 33 тысяч дворов) ушли из губернии, причинив казне ежёгодный убыток чуть не втрое больше всей апраксинской прибыли, какую хотели сорвать с инородцев. Изворачивались всячески, сокращали расходы, вводили чрезвычайные временные сборы; но одного такого сбора не поступило и третьей доли — знак, что стало не с чего брать. В 1708 г., чуя хронический дефицит и не

полагаясь на устарелое приказное управление, Петр искал выхода в децентрализации и переместил казенные палаты из центра в губернии. Малая удача нового порядка заставила его думать о повороте назад к центру, чтобы вполне оправдать басню о музыкантах.

Учреждение Сената.

Особенности, усвоенные при Петре Боярской думой, перешли и в правительственное учреждение, ее сменившее. Сенат явился на свет с характером временной комиссии, какие выделялись из думы на время отъезда царя и в какую сама дума стала превращаться при частых и долгих отлучках Петра. Собираясь в турецкий поход, Петр издал коротенький указ 22 февраля 1711 г., который гласил: «определили быть для отлучек наших Правительствующий Сенатъ для управления», или «для всегдашних наших в сих войнах отлучек определили Управительный Сенат», как сказано в другом указе. Итак, Сенат учреждался на время: ведь Петр не рассчитывал жить в вечной отлучке, подобно Карлу XII. Затем в указе поименованы новоназначенные сенаторы, в числе 9 человек, очень близком к обычному тогда наличному составу когда-то многолюдной Боярской думы; трое из членов ее: гр. Мусин-Пушкин, Стрешнев и Племянников вступили и в Сенат. Одним указом 2 марта 1711 г. Петр на время своего отсутствия возлагал на Сенат высший надзор за судом и расходами, заботу об умножении доходов и ряд особых поручений о наборе молодых дворян и боярских людей в офицерский запас, об осмотре казенных товаров, о векселях и торговле, а другим указом определил власть и ответственность Сената: все лица и учреждения обязаны повиноваться ему, как самому государю, под страхом смертной казни за ослушание; никто не может заявлять даже о несправедливых

распоряжениях Сената до возвращения государя, которому он и отдает отчет в своих действиях. В 1717 г., делая Сенату из-за границы выговор за беспорядки в управлении, «в чем мне за такою дальностью и за сею тяжкою войною усмотреть невозможно», Петр внушал сенаторам строго за всем смотреть, «понеже иного дела не имеете, точию одно правление, которое ежели неосмотрительно будете делать, то пред Богом, а потом и здешнего суда не избежите». Петр иногда вызывал сенаторов из Москвы в место своего временного пребывания, в Ревель, Петербург, со всеми ведомостями для отчета, «что по данным указам сделано и чего не доделано и зачем». Никаких законодательных функций старой Боярской думы не заметно в первоначальной компетенции Сената: как и консилия министров, Сенат—не государственный совет при государе, а высшее распорядительное и ответственное учреждение по текущим делам управления и по исполнению особых поручений отсутствующего государя,—совет, собиравшийся «вместо присутствия Его Величества собственной персоны». Ход войны и внешняя политика не подлежали его ведению. Сенат унаследовал от консилия два вспомогательные учреждения: Расправную палату, как особое судное отделение, и Ближнюю канцелярию, состоявшую при Сенате для счета и ревизии доходов и расходов. Но временная комиссия, какою является Сенат в 1711 г., постепенно превращается в постоянное верховное учреждение, как временная штаб-квартира на Неве превратилась в столицу Империи, как урядник Преображенского полка «Александра» Меншиков стал герцогом Ижорским, «сувреном в своем владетельстве», — по выражению кн. Куракина.

Происхождение и значение Сената.

Происхождение, точнее, такое превращение Сената, тесно связано с губернской реформой 1708 г. Эта реформа опустошила или расстроила центральное приказное управление: одни приказы, как Сибирский и Казанский, она упразднила, переместив их ведомства в соответственные губернии, другие превратила из общегосударственных в учреждения Московской губернии. К числу последних принадлежала и московская ратуша, ставшая теперь просто московской городской управой. Создавалось редкое по конструкции государство, состоявшее из 8 обширных сатрапий ничем не объединявшихся в столице, да и самой столицы не существовало: Москва переставала быть ей, а Петербург еще не успел стать ею. Объединял области центр не географический, а личный и передвижной, блуждавший по радиусам и перифериям, сам государь. Консилия министров собиралась случайно и в случайном составе, несмотря на предписания, точно регулировавшие ее делопроизводство. По списку 1705 г. значилось 38 думных людей, бояр, окольничих и думных дворян, а в начале 1706 г., когда Карл XII неожиданным движением из Польши отрезал сообщение у русского корпуса под Гродной, когда нужно было обсудить и принять решительные меры, при царе в Москве случились только два министра, думных человека: остальные были «на службах», в служебном разгоне. Из приказов в Москве оставались только требующие и расходующие, как Военный, Артиллерийский, Адмиралтейский, Посольский. В столице сосредоточивалось финансовое потребление, а добывала губернская администрация; но в Москве не оставалось учреждения для высшего распоряжения финансовым добыванием и для верховного надзора за финансовыми потребителями, т.-е. не было, правительства. Среди своих военно-стратегических и дипломатических операций Петр как будто не

замечал, что, учреждая 8 губерний, он создал 8 рекрутских и финансовых контор для комплектования и содержания полков в борьбе с опасным врагом, но оставлял государство без центрального внутреннего управления, а себя без прямых ближайших истолкователей и проводников своей державной воли. Таким проводником не мог быть министерский съезд в Ближней канцелярии без определенного ведомства и постоянного состава, из управителей, занятых другими делами и обязанных подписаться под протоколом заседания, чтобы сим явить свою «дурость». Тогда Петру нужна была не государственная дума, совещательная или законодательная, а простая государственная управа из не многих толковых дельцов, способных угадать волю, поймать неясную мысль царя, скрытую в лаконической шараде наскоро набросанного именного указа, разработать ее в понятное и исполнимое распоряжение и властно присмотреть за его исполнением,—управа настолько полномочная, чтобы ее все боялись, и настолько ответственная, чтобы и самой чего-нибудь бояться. Alter ego царя в глазах народа, ежеминутно чувствующий над собою царское quos ego — такова первоначальная идея Сената, если только какая-либо идея участвовала в его создании. Сенат должен был решать дело единогласно. Чтобы это единогласие не выжималось чьим-либо личным давлением, в Сенат не был введен никто из первостепенных сотрудников Петра, ни Меншиков, ни Апраксин, ни Шереметев, ни канцлер Головкин и пр. Эти «верховные господа», «принципалы», как их называет указ, ближайшие сотрудники царя по военным и дипломатическим делам, не входившим в компетенцию Сената, поставлены были вне его ведомства и могли писать ему «указом Царского Величества». В то же время Петр

давал знать Меншикову, что и он, кн. Ижорский, как петербургский губернатор, обязан слушаться Сената наравне с другими губернаторами. Видим два правительства, действовавшие перекрестно, с пересекающимися взаимно компетенциями, то подчиненно одно другому, то независимо: тогдашнее политическое сознание умело совмещать в себе такие сочетания несовместимых отношений просто потому, что не успели или не умели подумать о подобных предметах. Большинство Сената составилось из дельцов далеко не первостепенной чиновной знати: Самарин был военным казначеем, кн. Гр. Волконский управителем тульских казенных заводов, Апухтин генерал-квартирмейстером и т. п. Такие люди понимали военное хозяйство, важнейший предмет сенатского ведения, не хуже любого принципала, а украсть могли наверное меньше Меншикова; если же сенатор кн. М. Долгорукий не умел писать, то и Меншиков немного опередил его в этом искусстве, с трудом рисуя буквы своей фамилии. Итак, двумя условиями созданы были потребности управления, вызвавшие учреждение Сената, как временной комиссии, а потом упрочившие его существование и определившие его ведомство, состав и значение: это — расстройство старой Боярской думы и постоянные отлучки царя. Первое условие, исчезновение центрального правительства, рождало необходимость высшего правительственного учреждения с *постоянным* составом и определенным ведомством, сосредоточенным исключительно на указанных ему делах. Из второго условия вытекали распорядительный и наблюдательный характер учреждения без совещательного значения и законодательного авторитета и строгая отчетность в пользовании чрезвычайными временными полномочиями.

Фискалы.

Важнейшая задача Сената, наиболее выяснившаяся у Петра при его учреждении, состояла в высшем распоряжении и надзоре за всем управлением. Ближняя канцелярия примкнула к сенатской для бюджетного счетоводства. Одним из первых актов правительственного оборудования Сената было устройство органа активного контроля. Указом 5 марта 1711 г. Сенату предписано было выбрать обер-фискала, человека умного и доброго, какого бы звания он ни был, который должен над всеми делами *тайно* надсматривать и проведывать про неправый суд, «тако ж въ сборе казны и прочего». Обер-фискал привлекал обвиняемого «какой высокой степени ни есть» к ответственности перед Сенатом и там его уличал. Доказав свое обвинение, фискал получал половину штрафа с уличенного; но и недоказанное обвинение запрещено было ставить фискалу в вину, даже досадовать на него за это «под жестоким наказанием и разорением всего имения». Обер-фискал действовал посредством раскинутой по всем областям и ведомствам сети подчиненных ему фискалов. Так как по указу каждый город должен быть снабжен одним или двумя фискалами, а городов тогда считалось до 340, то всех таких сыщиков столичных, провинциальных и городовых с ведомственными по комплекту могло быть не меньше 500. Впоследствии сеть эта стала еще сложнее: во флоте явился свой обер-фискал с особыми подчиненными фискалами. Безответственность фискалов манила к произволу и злоупотреблениям, которые и не замедлили обнаружиться. Сам обер-фискал Нестеров, рьяный обличитель всяких неправд, не щадивший даже своих прямых начальников сенаторов, верховных блюстителей правосудия, не исключая и кн. Я. Ф. Долгорукого, служебная корректность которого

входила в пословицу, доведший своими обличениями до виселицы сибирского губернатора кн. Гагарина, — этот самый воитель правды был уличен во взятках, засужен и присужден к смертной казни через колесование. Древнерусское судопроизводство допускало извет, как частное средство возбуждения судного дела, но средство обоюдоострое: подводя оговариваемого под пытку, изветчик и сам мог ей подвергнуться. Теперь донос стал государственным учреждением, свободным от всякого риска. Постановка должности фискала вносила в управление и в общество нравственно недоброкачественный мотив. Великорусские архиереи, равнодушные да и неспособные к нравственному воспитанию своей паствы, по обычаю смолчали; но малоросс митрополит Стефан Яворский, блюститель патриаршего престола, не вытерпел и в 1713 г. в царский день в присутствии сенаторов прямо назвал в проповеди указ о фискалах порочным законом, прибавив к тому прозрачные и укоризненные намеки на образ жизни самого Петра. Сенаторы запретили Стефану проповедывать; но Петр не тронул своего высокосановного обличителя и даже, может быть, вспомнил его проповедь в 1714 г., дав фискальству в новом указе более осторожную и ответственную постановку и между прочим возложив на него прокурорскую обязанность разыскивать «дела народные, за которыхъ нет челобитчика». Впрочем, впоследствии другой малоросс Феофан Прокопович покрыл либеральный грех земляка, вставив в свой *Духовный Регламент* стыдливое предписание, чтобы о церковных беспорядках и суеверных обычаях епископу доносили заказчики или нарочно определенные к тому благочинные, «аки бы духовные фискалы». Но скоро новоучрежденный Синод, оставив ложную стыдливость и ссылаясь на тот же Ду-

ховный Регламент, ввел и в свое ведомство не «аки бы», а настоящих духовных фискалов по образцу светских, только дал им другое, взятое из католической терминологии и более внятное духовному слуху звание *инквизиторов*, и предписал вербовать на эту должность «чистосовестных» людей, разумеется, из монашеского чина. Иеромонах Пафнутий, строитель московского Данилова монастыря, был назначен протоинквизитором. Не ограничивая доноса кругом должностных отношений, законодательство Петра пыталось вывести его на более широкое поле действия. Фискальство было по закону вспомогательным орудием Сената; но сенаторы обращались с фискалами презрительно и грубо, потому что они доносили царю и на Сенат; кн. Я. Долгорукий в Сенате обзывал их антихристами и плутами. Признавая чин фискала тяжелым и ненавидимым и принимая его под свою особую защиту, Петр хотел создать ему опору и в общественных нравах. Ряд всенародно объявленных указов, ополчаясь против грабительства и всякого лукавого посягательства на государственный интерес, призывал всякого чина людей «отъ первых даже и до земледельцев» без опасения приезжать и доносить самому царю о грабителях народа и повредителях интересов государственных; время для таких доношений — с октября по март; правдивый доноситель «за такую службу» получит движимое и недвижимое, даже чин преступника. По букве закона крестьянин кн. Долгорукого, правдиво на него донесший, получал его усадьбу и чин генерал-кригс-пленипотенциара; а кто,— прибавлял указ,—ведая нарушителей указов, не известит, сам «будет без пощады казнен или наказан». Донос становился не для фискала только, но и для простого обывателя «службой», своего рода натуральной повин-

ностью; обывательские совести отбирались в казну, как лошади в армию. Поощряемые штрафами, сыск и донос превращались в ремесло, в заработок и вместе со штрафом грозили стать самой деятельной охраной права и порядка, даже благопристойности. Древнерусское духовенство успело напугать воображение своей паствы ужасами загробного воздаяния, но не умело внушить уважения ни к себе самому, ни к храму Божию. В церкви во время богослужения вели себя небрежно, разговаривали; в 1719 г. не церковный увет, а царский указ для публикации в Москве—стоять в церквах с безмолвием и назначить из добрых людей, кто бы смотрел за тем, подвергая бесчинников тут же, не выпуская из церкви, рублевому штрафу.

Сенат, как высший блюститель правосудия и государственной экономии, располагал с самого начала своей деятельности неудовлетворительными подчиненными органами. То были в центре куча старых и новых, московских и петербургских приказов, канцелярий, контор, комиссий с перепутанными ведомствами и неопределенными отношениями, иногда со случайным происхождением, а в областях—8 губернаторов, не слушавшихся подчас и самого царя, не только что Сената. При Сенате состояли доставшиеся ему от министерской консилии Расправная палата, как его судное отделение, и счетная Ближняя канцелярия. В число главнейших обязанностей Сенату поставлено было «денег возможно сбирать» и рассмотреть государственные расходы, чтобы отменить ненужные, а между тем денежные счета ему ниоткуда не присылались и он за целый ряд лет не мог составить ведомости, сколько было во всем государстве в приходе, в расходе, в остатке и в доимке. Эта безотчетность в самый разгар войны и финансового кризиса всего сильнее должна была

Коллегии.

убедить Петра в необходимости полной перестройки центрального управления. Сам он слишком мало подготовлен был к этой отрасли государственного дела, не имел достаточно ни идей, ни наблюдений, и как прежде в изыскании новых источников доходов пользовался изобретательностью доморощенных прибыльщиков, так и теперь в устройстве управления обратился за помощью к иноземным образцам и знатокам. Он наводил справки об устройстве центральных учреждений за границей: в Швеции, Германии и других странах он находил коллегии; иностранцы подавали ему записки о введении коллегий, и он решил усвоить эту форму русскому управлению. Уже в 1712 г. была сделана попытка устроить «коллегіум» для торгового дела с помощью иноземцев, ибо, как писал Петр, «их торги несравненно есть лучше наших». Он поручил своим заграничным агентам собирать положения об иностранных коллегиях и книги по правоведению, особенно же приглашать иностранных дельцов на службу в русских коллегиях, а без людей «по одним книгам нельзя будет делать, ибо всех циркумстанций никогда не пишут». Долго и с большими хлопотами набирали в Германии и Чехии ученых юристов и опытных чиновников, секретарей и писцов, особенно из славян, которые бы могли наладить дело в русских учреждениях; приглашали на службу даже пленных шведов, успевших узнать русский язык. Познакомившись со шведскими коллегиями, которые тогда считались образцовыми в Европе, Петр в 1715 г. решил взять их за образец при устройстве своих центральных учреждений. В этом решении нельзя видеть ничего неожиданного или что-либо своенравное. Ни в московском государственном прошлом, ни в окружавших Петра дельцах, ни в своем собственном политическом мышлении он не на-

ходил никакого материала для постройки самобытной системы государственных учреждений. На эти учреждения он смотрел взглядом корабельного мастера: зачем изобретать какой-то особый русский фрегат, когда на Белом и Балтийском море прекрасно плавают голландские и английские корабли. Самодельных русских судов уже не мало сгнило в Переяславле. Но и на этот раз дело пошло обычным ходом всех реформ Петра: быстрое решение сопровождалось медленным исполнением. Петр отправил нанятого им голштинского камералиста Фика в Швецию для ближайшего изучения тамошних коллегий и пригласил к себе на службу силезского барона фон-Любераса, знатока шведских учреждений. Оба навезли ему сотни регламентов и ведомостей шведских коллегий и собственных проектов о введении их в России, а второй нанял в Германии, Чехии и Силезии сотни полторы охотников для службы в русских коллегиях. Оба они, особенно Фик, принимали деятельное участие в образовании этих коллегий. Наконец к 1718 г. составили план коллежского устройства, установили должностной состав каждой коллегии, назначили президентов и вице-президентов и всем коллегиям было предписано сочинить себе на основании шведского устава регламенты, а пункты шведского устава неудобные «или с сетуацией сего государству несходные заменить новыми по своему рассуждению». В 1718 году президенты должны были устроять свои коллегии, чтобы с 1719 года начать их работу; но последовали отсрочки и пересрочки, и коллегии не вступили в действие с 1719 г., а иные и с 1720 г. Первоначально установлено было 9 коллегий, которые указ 12 декабря 1718 г. перечисляет в таком порядке и с такими названиями: 1) *Чужестранных дел*, 2) *Камер*, ведомство государственных денеж-

ных доходов, 3) *Юстиция*, 4) *Ревизион*, «счет всех государственных приходов и расходов», т.-е. ведомство финансового контроля, 5) *Воинской* (коллегиум), ведомство сухопутных военных сил, 6) *Адмиралтейской*, ведомство морских сил, 7) *Коммерц*, ведомство торговли, 8) *Берг* и *Мануфактур*, ведомство горнозаводской и фабричной промышленности, и 9) *Штатс-контор*, ведомство государственных расходов. Из этого перечня прежде всего видно, какие государственные интересы, как первенствующие, требовали себе по тогдашним понятиям усиленного проведения в управлении: из девяти коллегий пять ведали государственное и народное хозяйство, финансы и промышленность. Коллегии вносили в управление два начала, отличавшие их от старых приказов: более систематическое и сосредоточенное разделение ведомств и совещательный порядок ведения дел. Из 9 коллегий только разве две совпадали по кругу дел со старыми приказами: Коллегия иностранных дел с Посольским приказом и Ревизион-коллегия со Счетным; остальные коллегии представляли ведомства нового состава. В этом составе исчез территориальный элемент, присущий старым приказам, большинство которых ведало исключительно или преимущественно известные дела только в части государства, в одном или в нескольких уездах. Губернская реформа упразднила много таких приказов; в коллежской реформе исчезли и последние из них. Каждая коллегия в отведенной ей отрасли управления простирала свое действие на все пространство государства. Все вообще старые приказы, еще доживавшие свой век, были либо поглощены коллегиями, либо подчинены им; например, в состав Юстиц-коллегии вошло 7 приказов. Так упрощалось и округлялось ведомственное деление в центре; но оставался еще ряд

новых контор и канцелярий, которые то подчинялись коллегиям, то составляли особые главные управления: так рядом с Воинской коллегией действовали канцелярии *Главная Провиантская* и *Артиллерийская* и *Главный комиссариат*, ведавший комплектование и обмундировку армии. Значит, коллежская реформа не внесла в ведомственный распорядок того упрощения и округления, какое обещает роспись коллегий. И Петр не мог сладить с наследственной привычкой к административным боковушкам, клетям и подклетям, какие любили вводить в свое управление старые московские государственные строители, подражая частному домостроительству. Впрочем, в интересе систематического и равномерного распределения дел и первоначальный план коллегий подвергся изменению при исполнении. Поместный приказ, подчиненный Юстиц-коллегии, по обремененню ее делами обособился в самостоятельную *Вотчинную коллегию*, составные части Берг- и Мануфактур-коллегии разделились на две особые коллегии, а ревизионная коллегия, как контрольный орган, слилась с Сенатом, высшим контролем, и ее обособление, по откровенному признанию указа, «не рассмотря тогда учинено было», как дело недомыслия. Значит, к концу царствования всех коллегий было десять. Другим отличием коллегий от приказов был совещательный порядок ведения дел. Такой порядок не был чужд и старой приказной администрации: по Уложению судьи или начальники приказов должны были решать дела вместе с товарищами и старшими дьяками. Но приказная коллегиальность не была точно регулирована и заглохла под давлением сильных начальников. Петр, проводивший этот порядок в министерской консилии, в уездном и губернском управлении, а потом в Сенате, хотел прочно установить его во всех центральных учреждениях. Абсолютная власть

нуждается в совете, заменяющем ей законы; «все лучшее устроение через советы бывает», гласит *Воинский Устав* Петра; одному лицу легче скрыть беззаконие, чем многим товарищам: кто-нибудь да выдаст. Присутствие коллегии составлялось из 11 членов, президента, вице-президента, 4 советников и 4 асессоров, к которым прибавлялся еще один советник или асессор из иностранцев; из двух секретарей коллежской канцелярии один также назначался из иностранцев. Дела решались по большинству голосов присутствия, а для доклада присутствию распределялись между советниками и асессорами, из коих каждый заведывал и соответственной частью канцелярии, образуя во главе ее особое отделение или департамент коллегии. Введение иноземцев в состав коллегий имело целью поставить опытных руководителей рядом с русскими новичками. С той же целью Петр к русскому президенту обыкновенно назначал вице-президентом иноземца. Так в Военной коллегии при президенте кн. Меншикове вице-президент—генерал Вейде, в Камер-коллегии президент кн. Д. М. Голицын, вице-президент—ревельский ландрат бар. Нирот; только во главе горно-мануфактурной коллегии встречаем двух иностранцев, ученого артиллериста Брюса и упомянутого Любераса. Указ 1717 г. установлял порядок, как назначенным президентам «сочинять свои коллегии», составлять их присутствие; на места советников и асессоров они сами подбирали по два или по три кандидата, только не из своих сродников и «собственных креатур»; по этим кандидатским спискам собрание всех коллегий баллотировало на замещаемые должности.—Так, повторю, коллежское деление отличалось от приказного: 1) ведомственным распределением дел, 2) пространством действия учреждений и 3) порядком ведения дел.

Лекция LXVII.

Преобразование Сената.—Сенат и генерал-прокурор.—Новые перемены в местном управлении.—Комиссары от земли.—Магистраты.—Начала новых учреждений.—Различие основ центрального и областного управления.—Регламенты.—Новое управление на деле.—Разбои.

Преобразование Сената.

Коллежская реформа произвела большие перемены наверху и внизу управления, прежде всего в положении Сената. Лет девять Сенат один составлял все правительство и чуть не все центральное управление: все приказные палаты, как писал сенатский обер-секретарь, зависели от господ сенаторов, образуя как бы ведомственные канцелярии Сената. Получая указы царя по текущим делам финансовым, военно-хозяйственным, рекрутским, вексельным, откупным, он разъяснял их подчиненным центральным и областным учреждениям, указывал меры для их исполнения и в то же время разбирал и решал множество административных и судных дел поступавших к нему из этих учреждений и от частных лиц. Из всего состава предоставленной ему власти всего сильнее напряжена была его распорядительно-исполнительная функция. «Теперь все на них положено», теперь все у вас в руках, писал Петр, указывая за всем обращаться не к нему, а к сенаторам. Коллегии сняли с Сената эту черную работу, получив каждая известную самостоятельную власть в пре-

делах своего ведомства. При большем досуге Сенат мог шире развернуть свои руководительные и наблюдательные полномочия. Коллегии поставлены в прямую зависимость от Сената; туда вносили они дела, которых не могли решить сами; туда же обращались и частные лица с жалобами на задержку решения их дел коллегиями. И распоряжения самого Петра по текущим делам по мере углубления его мысли в сущность и задачи государственного строительства получали все более учредительный характер, вызывая потребность предварительного обсуждения, законодательной разработки. Указы к исполнению превращались в запросы или предложения к «рассмотрению», и Сенат, оставаясь высшим блюстителем правосудия и государственной экономии, из ответственного приказчика становился компетентным советником. Петр сам вовлекал Сенат в законосовещательную и законоподготовительную роль. Указ его теряет решительный тон, требует не исполнения, а законопроекта. В 1720 г. он предписывает детей беглых крестьян не выдавать вместе с отцами, а «быть им тут, где родились», но прибавляет: «о сем совет учинить в Сенат письменно, так ли или инак быть, дабы въ сем конфузии после не было». Или в 1722 г. он требует, чтобы дела, которых Сенат не может решить без доклада, он обсуждал предварительно и к докладу непременно прилагал высказанные при обсуждении мнения, «понеже без того Его Величеству одному определить трудно». Иногда Петр как бы сам становился в ряды сенаторов, предлагая свою мысль на их обсуждение. Ему крайне нужно было провести обводный Ладожский канал, но он затруднялся решить, как это сделать, и в 1718 г. писал Сенату: «я свое мнение прилагаю при сем и вам в рассуждение отдаю; но

так ли, или инако, однако, конечно, надобно». Вопрос решен был Сенатом «инако», не совсем согласно с мнением Петра, как видно из последовавшего вскоре указа. Так Сенат, оставаясь высшим местом подчиненного управления, как распорядительная и надзирающая власть, действующая в силу данного закона, становился участником верховного управления, как законосовещательное учреждение. Вместе с тем возникла потребность установить форму закона и его отличие от простого административного распоряжения. Петр отказывал себе и Сенату в праве давать словесные указы. По Генеральному Регламенту 28 февраля 1720 г. для коллегий в законодательном порядке обязательны только письменные указы царя и Сената. Но в толковании пояснена разница между указами «в действо производить», к исполнению, и указами «к сочинению действа», к установлению способа исполнения. В последнем случае «и словесно приказать мочно», чтобы о том совещались; но по утверждении принятого на совещании плана исполнения без письменного указа к исполнению не приступать. В случае нужды Сенату совместно с Синодом предоставлялось обходиться и без «утверждения»: в письме Синоду 1722 г. из персидского похода одни дела царь отказывается решить заочно без совещания с Синодом и Сенатом; с другими можно повременить: «Бог даст, при возвращении своем оные решим»; о делах неотложных пусть пишут ему только «для ведома, а решить можете обще с Сенатом до моей аппробации, понеже как возможно из такой дальности мне указы на дела давать». Очевидно, это письмо— указ «в действо производить», а не «к сочинению действа» и царь заранее обещает аппробовать не только решение, но и самое исполнение: иначе или неотложные дела

теряли силу неотложности, или выходило предварительное исполнение с опасностью его отмены. Двойственное значение Сената, как участника в законодательстве и вместе как высшего органа подзаконной исполнительной власти, отражалось и на ходе его устроения. Не сразу удалось Петру установить состав Сената, и допущенные при этом колебания он откровенно признал своими ошибками. При учреждении коллегий он указал их президентам сидеть в Сенате; Сенат получил вид комитета министров. Трудно сказать, с какой стороны внушен был этот указ. Так бывало в Швеции; так предлагал и один прожектер из иноземцев. Но присутствие начальников приказов было обычно и в старой Боярской думе, а сменившая ее министерская консилия нередко только из них и составлялась. Опять создавалось перекрестное отношение, на этот раз замеченное Петром; президенты коллегий, как сенаторы, становились начальниками своих коллежских товарищей, а как главы учреждений, ответственных перед Сенатом, были подчинены самим себе, как сенаторам. При том президенты - сенаторы не были в состоянии справляться и с сенатскими, и с коллежскими делами. В 1722 г. президентов указано оставить в Сенате, а на их места выбрать других; «сие сначала не осмотря учинено, что ныне исправить надлежит», прибавлял указ, поясняя, что сенаторы обязаны непрестанно трудиться о распорядке государства и правом суде и смотреть над коллегиями, «яко свободные от них, а ныне сами будущие во оных, какъ могут сами себя судить?» Только президенты трех важнейших коллегий, Иностранной и обеих воинских, призывались в Сенат в особых случаях. Но и в этой перемене сенатского состава опять колебание; Петру приходилось бороться с недостатком «заобычных» людей, годных быть сенаторами,

и четыре месяца спустя коллежским президентам велено было «для малолюдства» сидеть в Сенате равно с другими, только двумя днями в неделю реже.

Сенат и генерал-прокурор.

Сенат облечен был весьма обширными полномочиями. Указом призванный непрестанно трудиться «о распорядке государства», об устройстве правления, дотоле «не распоряженного», не упорядоченного, он в общей перестройке управления сверху донизу, предпринятой Петром в последние годы, являлся руководителем, пользовался чуть не учредительным значением, насколько это было возможно при носителе власти, подобном Петру, распределял права, создавал юридические нормы, в силу повеления «денег как возможно сбирать» вводил новые налоги, разрабатывал мимолетные указы царя, должен был угадывать еще не сформировавшуюся мысль законодателя. Без согласия Сената нельзя было ничего начинать, тем менее вершить; он — заместитель собственной Его Величества персоны в ее отсутствие; закон ставил его рядом с высшими на земле авторитетами, Богом, царем и «всем честным светом». Но трудно было приподнять действительное положение Сената и его личный состав до уровня столь высоких определений, даже сняв с них реторическую окраску. Он был проводником самодержавной воли, не имея своей собственной; его полномочия были приказчичьего, а не хозяйского характера, не права, а ответственные поручения; он — механический прибор управления, а не политическая сила. За каждую ошибку или недогадку ему грозила не министерская отставка, а хозяйская расправа: «вы это насмех сделали, взявши взятки, по старым глупостям, и когда ко мне приедете, то у васъ совершенно иначе объ этом спросится». Личный состав учреждений отвечал такому с ним обращению:

в первое время он воспринял в себя заурядных чиновников и не улучшился с учреждением коллегии, когда в него вошли ранговые и родовитые сановники: кн. Меншиков, кн. Д. Голицын и другие. За Сенатом надобно было присматривать. Устройство надзора за высшим учреждением, которое само надзирало за всем управлением, было мудреным делом; его надобно было согласовать с формами ответственности. Такими формами был царский выговор всему Сенату и денежный штраф, налагаемый на отдельных сенаторов наравне с канцеляристами. В 1719 г. целый пяток сенаторов был оштрафован за неправое решение дел. Но такие формы роняли учреждение и должность в глазах подчиненных и управляемых, а Петру надобно было не только исправлять сенаторов, но и беречь авторитет Сената, как необходимое условие его успешной деятельности. В интересе служебной дисциплины Петр прибегал к отеческому негласному способу исправления досадивших ему сановников: отколотив дубинкой наедине в своей токарной мастерской кн. Меншикова или ему подобного дельца, он звал его на обед, как ни в чем не бывало. Для Сената во избежание огласки он заменил взыскание предупреждением. Перепробованы были различные средства такого надзора. Непослушание чиновников предписаниям высшего начальства и даже царским указам стало при Петре настоящей язвой управления, превосходившей даже смелость старых московских дьяков, которые бывало на 15-м указе непременно послать подьячего по делу стойко помечали: «и по тому его великого государя указу подьячій не послан». Не помогали ни штрафы, ни угрозы лишить чина и «весьма отставить», ни даже сослать на каторгу. В 1715 г. при Сенате

была учреждена должность *генерального ревизора* или *надзирателя указов*, на которую назначен был сын известного нам генерал-президента Ближней канцелярии и штатного обер-шута Никиты Зотова, человек образованный, учившийся заграницей. Генеральный ревизор по указу сидел за особым столиком «в той же избе, где Сенат сидит», записывал сенатские указы, следил за своевременным исполнением их и объявлял о неисправных чиновниках Сенату, обязанному немедленно штрафовать виновных, а неисполненное дело «довершивать», в противном случае доносил на сенаторов государю. Далее этого указ не простирал ревизорского воздействия на Сенат. Главное дело ревизора—«дабы все исполнено было». Но из донесений Зотова видим, что поле его надзирательского зрения расширялось поневоле, само собою: сами сенаторы, обязанные карать неисправных чиновников, оказывались неисправнейшими чиновниками, в положенные три дня в неделю не ездили в Сенат, в три года решили только три дела, штрафов не доправляли, на доношения прибыльщиков и на его собственные предложения не обращали внимания. В 1720 г. сделан был более сильный нажим на Сенат, предписано было наблюдать, чтобы здесь «все было делано порядочно и суетных разговоров, крика и *прочего* не было», а поступали бы так: «по прочтении дела поговорить и подумать полчаса, разве дело тяжкое и будет просить отсрочки «для мысли», то отложить дозавтра, а на неотложное дело прибавить полчаса, час, в крайности до трех часов, и как по песочным часам изойдет срок, тотчас подать бумагу и чернила, чтобы каждый сенатор записал и подписал свое мнение; кто из сенаторов так не сделает, тотчас, все покинув, бежать к царю,

где бы он ни был» и т. д. Кто бы, думали вы, обязан был следить за всем этим, поддерживать порядок в Сенате? Первоприсутствующий старший сенатор? Нет, обер-секретарь Сената Щукин, правитель сенатской канцелярии и докладчик—не более. Через год обязанности и генерального ревизора и обер-секретаря возложили на военных: один из штаб-офицеров гвардии дежурил в Сенате помесячно для наблюдения за порядком, а кто из сенаторов бранился или невежливо поступал, того дежурный офицер арестовывал и отводил в крепость, давая, разумеется, знать государю. Офицеру, небрежно исполнявшему эти обязанности, указ грозил лишением всего и смертью или шельмованием, отнятием чести и всех прав состояния. Наконец еще через год приискали настоящего дядьку для правительствующего ребенка: это был генерал-прокурор при Сенате, должность которого наметил указ 12 января 1722 г. Эта должность много заботила Петра. Изменяя своей привычке импровизировать закон, разработка которого предоставлялась Сенату, Петр сам много работал над этим учреждением без содействия Сената, против которого оно и было направлено, читал проекты, соображал свои прежние указы о надзоре за Сенатом, — словом изучал дело; инструкцию генерал-прокурору он несколько раз переделывал даже после ее утверждения, и плодом этих усилий явился указ 27 апреля 1722 г. о должности генерал-прокурора. Здесь повторено многое из прежних узаконений; но есть и важные новости. Во-первых, определяется существо новой должности: «сей чин яко око наше и стряпчий о делах государственных». Значит, это — представитель верховной власти и государства перед Сенатом. Во-вторых, генерал-прокурор становился прямым начальником сенатской канцелярии, и Сенат

оставался без рук и без ног, с одними песочными часами, да с правом просить суточной отсрочки «для мысли». Все дела, которых не могли решить коллегии по недоумению или недостатку компетенции, также донесения губернаторов и воевод о делах, не подлежавших ведению коллегий, поступали в Сенат через руки генерал-прокурора; ему же были подчинены фискалы, главное орудие сенатского надзора. Генерал-прокурор становился между Сенатом и подчиненными ему учреждениями; надзор за всем управлением отходил от Сената к генерал-прокурору, под надзором которого состоял и сам Сенат. Далее, генерал-прокурор не только наблюдал за порядком и приличием в Сенате, но и входил в суждение о его действиях по существу и делал ему указания на неправоту или пристрастие его мнений и приговоров, а в случае несогласия с этими указаниями останавливал дело и доносил государю тотчас или подумав, посоветовавшись, «с кем заблагорассудит», но не дольше недели. Риск столкновения личного взгляда с коллективным мнением Сената ослаблялся для генерал-прокурора деликатной оговоркой указа, что неумышленное нарушение долга «в вину не ставить, понеже лучше доношением ошибиться, нежели молчанием», хотя учащенная ошибка «не без вины будет». Притом нежелательно было признать кривым свое сенатское око. Наконец, генерал-прокурору предоставлена была законодательная инициатива. В Боярской думе законодательные вопросы возбуждались своеобразным порядком, или сверху, самим царем, или снизу, начальниками приказов, обыкновенно думными же людьми. Но государь и его дума—это не разные власти, а одна нераздельная высшая власть. Так законодатель-

*

ный почин исходил от органических частей думы. При Петре верховная власть отделилась от исчезнувшего боярского совета, и Сенат явился с большими, но только распорядительными полномочиями; возбуждение законодательных вопросов оставалось делом одного царя, а Петр действовал в обстановке, мешавшей и ему держать законодательный почин в своих руках. Поглощенный войной и внешней политикой он не мог направлять хода внутренних дел, мог предъявлять военные и финансовые требования, а не ставить законодательные вопросы. Здесь ему нужны были такие же «вымышленники», прожектеры, какие помогали ему в изобретении новых налогов. Сенат стоял всего ближе к делу, и мы видели, как сам Петр толкал его на этот путь, отказываясь давать указы издали, заочно, обращаясь к нему с запросами, так ли надобно поступить в известном законодательном случае, или как иначе. Но раздоры, пустые пререкания, неумелое и небрежное ведение дела, уменье накопить к 1722 году 16.000 нерешенных дел, — все это помешало Сенату вовремя взять в свои руки нити внутреннего управления, а когда у Петра стало больше досуга, он передал законодательную инициативу своему приставу при Сенате. В выработке законов Сенату оставлена была довольно страдательная роль. Генерал-прокурор, усмотрев дела, не разъясненные законом, предлагал Сенату учинить на них ясные указы, а указ 17 апреля 1722 г. о хранении прав гражданских, который во всех присутственных местах от Сената «до последних судных мест» должен был всегда стоять на столе, «яко зеркало пред очьми судящих», предостерегая их от игры в закон, как в карты, и от подведения мин «под фортецию правды», — этот строгий и программный указ устанавливал порядок

пополнения закона. Возбудив вопрос, генерал-прокурор доставлял Сенату справки о деле, а Сенат не один, а собрав все коллегии, «мыслил и толковал под присягою» и с приложением своего мнения докладывал через генерал-прокурора государю, резолюция которого становилась законом. Таким образом генерал-прокурор, а не Сенат, становился маховым колесом всего управления, не входя в его состав, не имея сенаторского голоса, был однако настоящим его президентом, смотрел за порядком его заседаний, возбуждал в нем законодательные вопросы, судил, когда Сенат поступал право или неправо, посредством своих песочных часов руководил его рассуждениями и превращал его в политическое сооружение на песке. Так же стеснены были и другие полномочия Сената. При нем в одно время с прокуратурой учреждены были еще должности *рекетмейстера* и *герольдмейстера*. Первый ведал «правление дел челобитчиковых», принимал и рассматривал жалобы на медленное или неправое решение их дел в коллегиях, понуждал решать дела в указанные сроки и сам проведывал о судейском пристрастии, ходатайствуя за обижаемых. Сенат был высшим блюстителем правосудия; но апелляция на коллегии шла мимо Сената через рекетмейстера прямо к государю и только по его надписи на апелляционной жалобе переходила в Сенат. Герольдмейстер был преемником Разрядного приказа, вошедшего потом в состав сенатской канцелярии, как один из ее столов, и заведывал дворянством и его службой, между прочим должен был представлять дворян к делам, «когда спросят», для замещения должностей и исполнения поручений. Сенат замещал много должностей, начиная с очень высоких, но только выбирая из двух или трех кандидатов, которых представлял на

каждое дворянское место герольдмейстер, как достойных. Так учреждения, пристроенные к Сенату как будто со значением вспомогательных его орудий, на деле стесняли его и заслоняли от общества, служили для него валами, оборонявшими эту «фортецию правды», но вместе и мешавшими ее расширению.

Новые перемены в местном управлении.

Обновление центральных учреждений вело к новой перестройке и областных. Этого требовало единство управления. Перестроив центр по шведским образцам, надобно было согласовать с ним и провинцию. Притом губернская реформа 1708 г. не оправдывала финансовых расчетов, на которых была построена: ни в денежных недосылках и недоборах, ни в злоупотреблениях губернаторы не отстали от прежних приказов; одного из них, сибирского губернатора кн. Гагарина, пришлось повесить. В 1718 г. Петр указал выписки из положений о шведских областных учреждениях приносить в Сенат, «где надлежит спускать их с русскими обычаи». Сенат решил ввести шведские учреждения. Петр утвердил это решение 26 ноября 1718 г., указав дать новым учреждениям «инструкции и прочие порядки все против шведского, или что переправя», и с 1720 г. начать новое управление. Сенат занялся росписью нового областного деления. Проводник и истолкователь шведской системы Фик принимал руководительное участие в работе и настаивал на необходимости согласовать размеры административных округов и количество дел с силами управителей, как это наблюдалось в шведском областном устройстве. Но такая точка зрения была непривычна для русского приказного взгляда, боявшегося не изобилия, а недостатка дел, убавляющего канцелярские *акциденции* «за труды», делать же дела кое-как одинаково посильно и в большом, и в малом

округе. Притом Швеция и Россия были столь несоизмеримые по территориям величины, что областное деление одной не могло быть точно воспроизведено в другой. Натянув кое-как шведскую административную униформу на русские пространства, Сенат дал новому областному устройству такой вид. Удержана была самая крупная областная единица, губерния, не имевшая соответственной в Швеции; только с выделением губерний Нижегородской и Астраханской из Казанской, а Ревельской из Петербургской теперь стало 11 губерний. Значение губернии изменилось: она стала лишь военным и судебным округом, и только в этих отношениях части губернии были подчинены губернскому управлению. Эти части и старались устроить возможно по-шведски. Губерния делилась на *провинции*, подразделявшиеся на *дистрикты*. Провинции заменяли собой ландратские доли, только были значительно крупнее их: провинций числилось во всех губерниях до 50, а долей было $146^3/_5$. Провинции, видели мы, начали складываться по местам еще при прежнем губернском порядке; теперь они стали повсеместным подразделением губернии. Притом обер-коменданты, правители прежних провинций, вполне зависели от губернаторов. В росписи губернии по провинциям (29 мая 1719 г.) о последних за некоторыми исключениями замечено, что им «надлежит каждой быть особо». Это значило, что провинция, завися от губернатора, как военного правителя и председателя губернского суда, по всем другим делам составляла самостоятельный округ. Во главе провинций поставлены были *воеводы*, на которых возложены были дела финансовые, полицейские и народно-хозяйственные. По этим делам воеводы сносились с центральными учреждениями помимо губернаторов, и сам губернатор

становился в ряд провинциальных воевод губернии, как правитель провинции губернского города. Выражая эту двойственность своего положения, один губернатор писал, что он и воеводы, каждый в своей провинции, «стали быть особливо, а не в моей диспозиции», т.-е., что он сам, как провинциальный воевода, выбыл из своей губернаторской диспозиции, перестал управлять самим собой. При воеводе состояла *земская канцелярия*. Под его ведением и надзором, как подчиненный ему товарищ, *земский камерир* или *земский надзиратель сборов* специально заведывал казенными доходами, имея при себе *земскую контору*, а от него зависели *рентмейстер* или *земский казначей*, хранивший денежные казенные сборы в своей *рентерее*, провинциальном казначействе, и *провиантмейстер*, ведавший хлебные казенные сборы. Низшей единицей областного деления был *дистрикт*. Сенат пытался дать ему статистическое однообразие, на деле не выдержанное, назначив на него не более 2000 тяглых дворов. Некоторые дистрикты совпадали с уездами, другие включали в себе по нескольку уездов; реже уезд дробился на несколько дистриктов. Управитель этого округа *земский комиссар* по инструкции нес на себе разнообразные обязанности, финансовые, полицейские, народно-хозяйственные, даже нравственно-просветительные; но главнейшей из них был сбор налогов, что делало его дистриктным агентом провинциального камерира; потому вместе с последним он назначался Камер-коллегией. На самом дне областного управления лежали старинные сельские полицейские органы, избиравшиеся на крестьянских сходах, *сотские, десятские*. Они утверждались и приводились к присяге воеводой и служили вспомогательными орудиями земского комиссара, но

стояли вне чиновной иерархии. Сенат не решился пересадить на русскую административную почву мелкую земскую единицу, какой был шведский церковный приход со своим фохтом и выборными крестьянами для суда и предварительного судебного дознания, потому что «в уездах из крестьян умных людей нет». Сенаторы не находили в селе того специфического, им только по штату присвоенного ума, который так хорошо понимали тогдашние прибыльщики из крепостных и так прямо характеризовал крестьянин Посошков, написав, что русские правители «русского человека ни во что ставят и во всяких делах за кроху умирают», а пропажу тысячи рублей ни во что поставляют. На владельческих землях настоящей мелкой земской единицей была барская усадьба, чем она стала уже в XVII в. и оставалась чуть не полтора века после Петра.

Комиссары от земли.

Областное население перенесло, кажется, уже довольно административных перестроек и перетасовок при учреждении губерний, долей, провинций, дистриктов; однако его постигла еще пятая переделка. Мы видели, как происходила начавшаяся в 1724 г. со введением подушного налога расквартировка полков; она вводила в местное управление ряд новых учреждений, с ним не согласованных. Ревизские души, назначенные на содержание полка, среди которых полк и размещался, образовали *полковой дистрикт*. Стоимость содержания разных полков, армейских полевых и гарнизонных, была очень разнообразна, колеблясь между 45 и 16 тыс. руб., и требовала столь же неодинакового числа душевых окладов; потому и полковые округа очень разнообразились по пространству и количеству податного населения, не совпадая ни с провинциальным, ни с земским дистриктным, ни с уездным

делением: иной полковой округ составлялся из нескольких земских дистриктов или уездов, либо из частей тех и других, принадлежавших к разным смежным провинциям. В местное управление полки вносили не меньше путаницы, чем в областное деление. Подушные сборы и рекрутские наборы были изъяты из ведомства губернских и провинциальных властей и возложены на особых комиссаров, которых в конце 1723 г. выбирали дворяне полкового дистрикта, а на поморском Севере, где не было дворянства, представители тяглых обывателей по уездам, входившим в состав полкового округа. Г. Богословский в своей книге, посвященной областной реформе Петра, выяснил по архивным документам, что этого выборного *комиссара от земли*, как он назывался, надобно отличить от земского, поставленного во главе дистрикта губернской реформой 1719 г. и назначавшегося Камер-коллегией: тот и другой действовали одновременно и лишь по местам выборный заменял «камер-коллежского». В специальном, хотя и важном деле содержания полков были призваны содействовать правительству местные общества, *земства,* чего совсем незаметно в реформе 1719 г., хотя и любившей украшать местные учреждения и должности в отличие от центральных названием *земских*, буквально переводя остзейскую административную терминологию (Landcommissar, Landrentmeister и т. п.). Но это участие в местном управлении не оживило старинных дворянских уездных обществ, заглохших под гнетом военной реформы Петра: не было внутреннего корпоративного интереса, ни сословной солидарности, ни взаимной ответственности, ни походного товарищества. Таким интересом не могла стать обязанность ежегодно съезжаться, чтобы под командой полковника учитывать старого комиссара и вы-

бирать нового для доставки денежного и вещевого довольствия вооруженной массе, вторгнувшейся в местную жизнь. Полковой двор стал властным и требовательным средоточием полицейско-финансового участка, угнетавшим и путавшим областное управление, а для сельского населения, как мы уже видели, эта расквартировка армии была прямым нашествием ста слишком полков на своих соотечественников.

Местные судебные учреждения.

Мимоходом отмечу еще одну особенность губернской реформы 1719 г., любопытную больше как признак преобразовательных понятий, чем как факт государственного устройства: в губернском управлении являются особые судебные учреждения, прежде небывалые. Указом 8 января 1719 г. предписано учредить 9 гофгерихтов, от *надворных судов,* как переведен этот термин в других документах; к этим девяти присоединились еще надворные суды: енисейский и рижский. Из этих 11 судебных округов только 5 совпадали с губерниями; в 3 губерниях, Петербургской, Рижской и Сибирской, было по два надворных суда, зато в Архангельской и Астраханской не было ни одного. Низшей инстанцией служили *нижние суды* двух составов: коллегиальные, называвшиеся *провинциальными*, устроенные в наиболее важных городах, с оберландрихтерами во главе и с несколькими асессорами, и единоличные, *городовые* или *земские* суды по незначительным городам с их уездами. Шведское судоустройство было принято за образец и для русского. Здесь прежде всего навевается мысль о намерении Петра провести идею разделения властей, отделения суда от администрации. Но в умах минувших времен надобно осторожно искать своих любимых мыслей. Составителям проектов и инструкций, вероятно, не чужда была идея разделения властей.

Но Петр едва ли понимал суды в смысле особых независимых органов государственного управления, свободных от всякого стороннего давления. Скорее всего он не успел отрешиться от древнерусского взгляда на суд, как на отрасль той же администрации; да и в старой приказной системе было несколько специально-судных местных приказов, которые при Петре слились в одну общегосударственную Юстиц-коллегию. Подобно тому и в губернской реформе 1719 г. имелось в виду не отделение суда от администрации, а возможное разветвление администрации по роду дел. Петр в интересах исполнительности думал о том, чтобы у важнейших коллегий по внутреннему управлению были особые местные органы, у камер-коллегии свои, у Юстиц-коллегии свои. Он отделял суд от администрации, как отделял ведомство камерира, собиравшего денежные доходы, от ведомства провиантмейстера, сборщика хлебных запасов. Заимствовать чужое учреждение несколько легче, чем усвоить идею, положенную в его основание. Эта разница и сказалась в судьбе губернских судебных учреждений. При введении надворных судов в 1719 г. в семь из одиннадцати председателями назначены были главы местной администрации, губернаторы, вице-губернаторы и воеводы; в 1721 г. это стало общим правилом, а в 1722 г. нижние суды были упразднены и судебная власть возвращена провинциальным правителям единолично или с асессорами. И здесь привозные идеи столкнулись с туземными привычками; обособленная деятельность суда и администрации вела только к усобице между ними: губернаторы и воеводы, вмешиваясь в дела Юстиц-коллегии, «чинили противность и непослушание и помешательство дел», на что горько жаловалась коллегия в 1720 г. Так, отправившись от старого уездного воеводы, признанного

непригодным, кружным путем попыток устроиться по-иноземному воротились к тому же воеводе, только переместив его из уезда в провинцию.

Магистраты.

Наконец, вслед за коллежской и провинциальной реформой перестроено было и городское сословное управление по тому же иноземному образцу и с такими же самодельными приспособлениями. Губернская реформа 1708 г., превратив московскую ратушу в управу г. Москвы, лишила городовые торгово-промышленные общества с их земскими избами и выборными бурмистрами высшего сословного учреждения, которое их объединяло. Теперь решено было восстановить такой объединяющий центр и тем «всероссийского купечества рассыпанную храмину паки собрать». Как и все, это дело сначала казалось Петру очень легким. На предложение Фика о необходимости уставить градские магистраты и добрыми регулами их снабдить он с легким сердцем положил в 1718 г. резолюцию: «учинить сие на основании рижского и ревельского регламента по всем городам». В полтора года ничего не было сделано. В начале 1720 г. кн. Трубецкому поручено было образовать магистрат в Петербурге, а потом по образцу его такие же сословные коллегиальные учреждения и в других городах. Но и в 1720 г. ничего этого не было сделано. В начале 1721 г. будущему образцовому магистрату дан был регламент, по которому он в звании *Главного* магистрата, подчиненного прямо Сенату, вместе с обер-президентом своим кн. Трубецким должен был устроить городовые магистраты, дать им инструкцию и руководить ими. Прошел 1721 год, и опять ничего не было сделано. В начале 1722 г., ободрив неповоротливого обер-президента перспективой каторги, Петр предписал кончить все дело в полгода; но инструкция магистратам

составлена была только через $2^1/_2$ года после этого срока. Устройство магистратского управления соединялось с новым классовым делением тяглого посадского населения. Верхние слои этого населения образовали две *гильдии:* к первой принадлежали банкиры, крупные «знатные» купцы, доктора, аптекари, мастера высших ремесл, ко второй мелочные торговцы и простые ремесленники, которых тогда же велено было устроить в *цехи.* Все рабочие люди, живущие наймом и черной работой, отнесены были к третьему классу *подлых людей*, которые в магистратской инструкции хотя и признаны гражданами, но «к знатным и регулярным гражданам» не причислены. Замечу мимоходом, что подлые люди значили тогда просто низшие классы, лежащие *под* верхними, не имея неприятного нравственного значения, приданного этому выражению позднее. Магистратская реформа, объединяя городские общества, изменяла характер городового управления. По указам 1699 г. земские бурмистры выбирались на один год, члены магистрата бессрочно, были бессменны: очевидно чувствовалась потребность в более устойчивом составе городского управления. Бурмистры избирались всем посадским обществом на посадском сходе из всех разрядов посадского населения; членов магистрата по регламенту выбирали только бургомистры и «первые мирские люди» и только из «первостатейныхъ», из первой гильдии. Присутствие магистрата в значительных городах состояло из президента, нескольких бургомистров и ратманов. Круг деятельности магистрата был гораздо шире прежней земской избы: в больших городах ему принадлежала судебная власть в своем обществе, равная компетенции надворного суда, не только по гражданским, но и по уголовным делам; только смертные приговоры представлялись на

утверждение в Главный магистрат, составлявший также и высшую апелляционную инстанцию для городовых магистратов. Те же магистраты ведали городскую полицию и городское хозяйство, обязаны были заботиться о размножении мануфактур и ремесл, о заведении городских начальных школ, богаделен и т. п. По инструкции магистраты действовали не замкнуто, вели много дел сообща с гражданами или их представителями. Для этого гильдии выбирали из своей среды старшин, а из них старост. Этих гильдейских выборных и самих граждан магистрат должен был призывать в важных делах для «гражданских советов», принимать от гильдейских старост предложения о городских пользах, давать старшинам и старостам «позволение» на переверстку податных окладов, выбирать податных сборщиков «общим с гражданы согласием». Но в этих гражданских советах магистрата о делах, касавшихся «всего гражданства», участвовали только гильдейские граждане с их старшинами и старостами и то лишь с совещательным голосом, а чернорабочие, не причислявшиеся к «регулярным», полноправным гражданам, могли через своих старост и десятских только «доносить» магистрату, ходатайствовать о своих нуждах. Все эти особенности магистратской реформы делали гильдейское гражданство господствующим классом городского общества, городовым патрициатом. Но этим только узаконялось положение высшего купечества, созданное финансовыми порядками еще до Петра. На это купечество падали по общественной раскладке наиболее крупные податные оклады и самые тяжелые службы по казенным поручениям. Выручая сограждан своей капиталистической мощью, оно естественно имело и наиболее сильный голос в делах городского общества. Но магистрат-

ская реформа вводила небывалое отношение самих магистратов к городским мирам. Магистрат не заменял выборных властей города, старшин и старост, а становился над ними с новыми полномочиями судебными и административными. Выходя по выборам из того же гильдейского гражданства, которое выбирало этих старшин и старост, и даже обязанный совещаться с ними магистрат в то же время распоряжался ими и гражданами, своими избирателями, как власть, становился при своей бессменности начальством городского общества, а не выборным его представительством: в регламенте 1721 г. и в инструкции 1724 г. члены магистрата прямо и названы «действительными начальниками» граждан. При такой постановке магистратов члены их, эти выборные президенты, бургомистры и ратманы, становились простыми чиновниками, и сам закон ставил их на чиновный путь, обещая им за службу чины по табели о рангах, а президентам за выслугу даже возведение в дворянство. Все это должно было отчуждать магистраты от гражданства, особенно от городской рабочей массы. Так, начав устройство городского управления сословно-земскими избами, Петр закончил реформу сословно-бюрократическими приказными магистратами. Такой поворот произошел от перемены во взгляде Петра на задачи городского самоуправления. В 1699 г. он имел в виду устроить наиболее прибыльный порядок сбора казенных доходов, освободив городских плательщиков от воеводских поборов и притеснений. К 1720 году, когда предпринята была магистратская реформа, взгляд его перешел с узкой фискальной точки зрения на более широкую народно-хозяйственную: он понял, что необходимо расширить и углубить самые источники государственного дохода, а не просто изловчаться только в усилиях их

исчерпать; но для этого надобно было посредством заимствованных зондов добраться до более глубоких и обильных жил, которыми эти источники могли бы питаться. Такие зонды для своих городов он и нашел или ему указали в магистратах, которые так хорошо управляли городами на Западе. Проникшись мыслью, что только благоустроенный народ может давать казне верный и хороший доход, Петр и возложил на магистраты сверх прежних обязанностей по казенным сборам еще важные экономические и образовательные заботы о размножении мануфактур, о распространении грамотности, об общественном призрении. Такие задачи были не под силу городской массе с избираемыми ею годовыми бурмистрами, и Петр передал ведение городских дел «людям добрым и умным» из «знатного» купечества с избираемыми из него же бессрочно властными коллегиями, которые могли бы заставить себя слушаться и почитать. Магистратская инструкция предписывает русским магистратам «честно и чинно себя держать, дабы в такой знатности и почтении были, как и в других государствах». Очевидно, Петру мерещился призрак богатой и влиятельной западно-европейской буржуазии. Расчеты не оправдались, магистратские бургомистры оказались не лучше земских бурмистров; но в этом был уже виноват не один Петр.

Наконец, я кончил обзор реформ в управлении. Он мог бы быть гораздо короче, но я не заботился о его сокращении. В этой отрасли своей деятельности Петр потерпел всего больше неудач, допустил немало ошибок; но это не были случайные скоропреходящие явления. Преобразовательные неудачи станут после Петра хроническим недугом нашей жизни, правительственные ошибки, повторяясь, превратятся в технические навыки, в дурные

привычки последующих правителей; те и другие будут потом признаны священными заветами великого преобразователя, хотя он сам иногда сознавал свои неудачи и не раз сознавался в своих ошибках. Надобно внимательно выяснить, откуда пошли приемы и привычки управления, преследующие русскую жизнь после Петра на протяжении чуть не двух столетий и не оправдываемые условиями, какими они были вынуждены при Петре.

Начала новых учреждений.

Припомните застольную беседу Петра со своими сотрудниками в 1717 г., когда кн. Я. Долгорукий указывал Петру, что среди своих военных и дипломатических успехов он еще очень мало сделал для законодательства, для внутреннего устроения своего государства. С этого именно года Петр приступил к усиленной законодательной работе: в какие нибудь 5—6 лет сделано было больше, чем делалось прежде и после в 5 — 6 десятилетий. Устройство коллегий, перестройка, точнее, достройка Сената, вторая губернская реформа, судебные учреждения, магистратская реформа дали управлению окончательный склад, какого успел добиться Петр к концу своей деятельности. Среди колебаний и поворотов назад или в сторону, среди частичных и возвратных преобразовательных приступов то к той, то к другой отрасли управления стали проступать не то обдуманные принципы, не то ощупью достигнутые цели реформы управления. То были: 1) более точное разграничение управления центрального и областного, очень неясно проведенное в старом московском порядке; 2) опыт систематического распределения ведомств по роду дел и в центральном и в областном управлении с решительной попыткой обособления судебных дел в составе управления; 3) наклонность к неудавшемуся старой московской администрации коллегиальному строю учреждений, проведенная

довольно твердо в центре и неудачно в провинции; 4) неполно осуществленная мысль создать для центральных коллегий местные исполнительные органы, и 5) трехстепенное областное деление.

Центр и провинция.

Петр не только разграничил центральное и областное управление, но и пытался построить то и другое на различных основах. К этому приводил его довольно своеобразный социальный состав правительственных учреждений в Московском государстве. С этой стороны надобно различать два типа управления — *сословно-аристократический*, когда управлением руководит через своих выборных один господствующий класс или несколько таких классов, и *бюрократический*, когда управление вручается верховной властью людям, знающим дело или считающимся знатоками, без различия их происхождения. В управлении первого типа главная задача, разумеется, проводить и ограждать интересы правящих классов; второй тип долго считался и может даже казаться теоретически более пригодным к проведению и обеспечению общих государственных и народных интересов. Старое московское управление было смешанного состава и характера. По своему устройству и по приемам действия, по отношениям своим к верховному правителю-государю и к управляемому обществу оно было похоже на бюрократию: руководящими органами его были назначаемые верховной властью коронные чиновники, которые вели дела канцелярским порядком, без участия общества или при очень слабом, пассивном его участии. Мы уже видели, как в XVII в. постепенно замирала самодеятельность земских учреждений от волостного старосты до земского собора. Но по личному составу эта администрация была сословно-аристократическая: руководящий элемент в ней состоял

*

из людей привилегированного служилого класса, наследственно пользовавшегося своими привилегиями. Дьяки и подьячие, дельцы-разночинцы, элемент приказный, собственно-бюрократический, имели подчиненное значение канцелярских делопроизводителей, а выборные или призываемые представители земства, тяглого населения, являлись лишь вспомогательным орудием управления, ответственными исполнителями финансовых поручений правительства. Значит, старое московское управление отличалось двойственным характером: его можно назвать *сословно-бюрократическим*. Петр поставил управлению на первом плане двоякую цель: 1) устройство военных сил и финансовых средств государства, 2) устройство народного хозяйства, подъем производительности народного труда, как необходимое средство успешного достижения военно-финансовой цели. Очевидно, это две существенно различные задачи: первая—основное дело государства; вторая—ближе касается общества. По свойству обеих задач Петр и перестраивал старое московское управление, которое он называл «нераспоряженным». Не устраняя двойственного основания, на котором оно было построено, Петр хотел разъединить составные элементы этого сословно-бюрократического основания, указав тому и другому элементу место в особой сфере управления, — одной дать бюрократический характер, в другую ввести сословный элемент. Проведение и обеспечение общегосударственных интересов, устройство военных сил и финансовых средств он возложил на центральное управление. Эта задача требовала от административных органов соответственных знаний, навыков, известной технической подготовки, независимо от социального положения, какое дается происхождением. Так центральное

управление получило бюрократический состав: здесь не видим ни участия общества, ни сословного подбора дельцов. На высших правительственных должностях при Петре встречаем и родовитого боярина, и его бывшего дворецкого, и дворян разных генеалогических степеней, и «счастья баловня безродного», и бывшего подьячего, и много разных иноземцев. Ближайшее руководство народным хозяйством Петр считал делом областного управления под общим надзором центральных учреждений. Преобладающее значение в народном хозяйстве имели два класса: землевладельческое дворянство и высшее гильдейское купечество; в их руках сосредоточивались оба основные капитала страны, земельный и промышленный, на которых держалось народное хозяйство, работой которых питалось хозяйство государственное. Возложив заботу о высших интересах государства на центральное управление с его дельцами-чиновниками, Петр для обеспечения интересов вспомогательных, сводившихся при нем к успехам народного хозяйства, пытался призвать оба эти класса к влиятельному участию в местном управлении, сообщив ему сословно-аристократический характер. Дворянин в селе и губернии и гильдейский гражданин в городе—вот две общественные силы, которые, стоя во главе местных обществ, должны были руководить народным трудом об руку с местными органами центрального управления. Значит, реформа управления носила не столько политический, сколько технический характер: не вводя новых начал, новый порядок приводил старые в новое сочетание под заимствованными формами по указаниям иноземных знатоков, разложив слитые прежде элементы управления между разными его сферами. Так новое здание управления

строилось из старых материалов—прием, наблюдаемый и в других отраслях преобразовательной деятельности Петра.

Регламенты.

Последние реформы в управлении подготовлялись очень обдуманно. Учреждение и отдельные должности от Сената до земского комиссара и вальдмейстера снабжались инструкциями и регламентами. Большею частью это переводы или переработки шведских либо остзейских уставов. В основе их лежит строгий взгляд на государство, широко понимающий задачи управления. Они подробно и пунктуально излагают состав, круг дел, обязанности, ответственность и делопроизводство учреждений. Несмотря на их иноземное происхождение в них сказалось политическое настроение Петра в последние годы, и в этом их главный интерес. Ему едва ли удалось прочитать все многочисленные проекты и записки Фика и Любераса, уставы и ведомости шведских коллегий; но он принимал деятельное участие в составлении регламентов и зорко следил за ходом административных реформ. Эти работы вводили его в круг понятий и вопросов, которые дотоле он не имел досуга достаточно продумать. Он начинал чувствовать себя отставшим от своего положения и стал легче сознавать свои промахи, больше уважать чужое мнение. Начавшееся брожение мысли произвело поворот в его политическом сознании. Он, веривший прежде только в лица, теперь стал глубже вникать в силу государственных учреждений, в их значение для политического воспитания народа. Он и прежде понимал необходимость такого воспитания: в одном указе 1713 г. он высказывает мысль, что для предупреждения умышленного нарушения государственных интересов «надобно изъяснить именно интересы

государственные для вразумления людям». Теперь он увидел, что это изъяснение—дело закона и учреждений, так устроенных, чтобы они самой постройкой своей связывали произвол чиновников, а практикой внушали людям чувство законности и понятие государственного интереса. Петр думал, что его новые суды и коллегии сделают это дело, и выражал уверенность, что в них всякий найдет правду, не обращаясь за ней к самому государю.

Новое управление на деле.

Эта уверенность была преждевременна. Регламенты и инструкции с широкими государственными задачами не произвели на тех, кого они имели направлять, того же впечатления, какое вынес из них сам законодатель. В нашем законодательстве они имели чисто академическое значение политических трактатов, не став административными нормами. Усовершенствованные формы управления не сразу улучшили самих правителей. Новые учреждения были не по тогдашним плечам, требовали подготовленных и дисциплинированных дельцов, каких не нашлось в наличном служилом запасе. Петр вводил эти учреждения, как расчетливая мать шьет своим маленьким детям платье шире и длиннее их роста: подростут—и будет впору. Но чиновные подростки Петра, все эти тайные, действительные, коллежские советники и асессоры начали рвать свое платье прежде, чем вросли в его предупредительные размеры. Практика новых учреждений, вскрываемая из архивных бумаг их делопроизводства, не оправдывала расчетов учредителя. Прежде всего трудно было найти людей для замещения многочисленных новых должностей. Петр неохотно обращался к выписке иностранцев. На предложение Фика об этом в 1718 г. он положил резолюцию, что выписных не

надо, «искать под рукой». Подручных искали всюду: на дворянских смотрах отбирали годных и назначали на должности в надворные суды и другие учрежд ния. На герольдмейстере лежала обязательная поставка кандидатов из дворян по запросам из коллегий для определения к делам. Надобно было подготовить служебный резерв. Тот же Фик писал Петру «о нетрудном обучении российских младых детей» для приготовления к службе: стоит только завести надлежащие школы. Петр отвечал: «сделать академию», а пока подыскивать ученых русских и переводить книги по юриспруденции. В поисках надобных люд й Петр цеплялся за все наличные средства, то пренебрегая сословными предрассудками, то им покорствуя, предписывал набирать офицеров из грамотных холопов, а секретарей в канцелярии из шляхетства. Дворянских недорослей определяли «юнкерами» в коллегии для навыка в делах. Комплектование служебных штатов затруднялось соперничеством военной службы с гражданской. Главным поставщиком кандидатов на гражданские должности попрежнему было дворянство: но из него наиболее годные к службе люди были заняты в полках, а для присутствий и канцелярий оставалось только отпускное, отставное, или залежавшееся по усадьбам. К тому же новые учреждения вводили множество новых должностей: Кириллов, обер-секретарь Сената в конце царствования Петра, в своем статистическом сочинении *Цветущее состояние всероссийского государства* (1727 г.) насчитывает служащих по всем ведомствам, в 905 канцеляриях и конторах, управителей, приказных служителей и фискалов 5112 человек—цифра, едва ли достигающая действительности. Но с осложнением служебных штатов скупились на новые расходы и дозво-

ляли служащим «акциденции», неуловимой для надзора чертой отделявшиеся от взяток, даже в денежной нужде вычитали у чиновников из жалованья до 25%. Вдобавок ко всему не было свода законов, отвечающего нуждам времени. Старое Уложение 1649 г. давно устарело: новые слои законодательства легли на него. В 1700 г. составлена была комиссия из высших чинов для его пополнения: она много работала и ничего не сделала. С учреждением Сената кодификационная работа возложена была на него; но и он во много лет ни на шаг не подвинул дела. В конце 1719 г., в эпоху шведомании, Сенату предписано было составить свод, выбирая пригодные статьи из шведского кодекса и из своего Уложения, а где понадобится, «новые пункты делать», и непременно кончить все дело к концу октября 1720 г. Как в 10 месяцев не исполнить дела, с которым не могли справиться в 20 л. и после не справятся во сто лет слишком! В недостатке подготовки, в привычке вести дела кое-как, в отсутствии служебной дисциплины Сенат показывал пример подчиненному управлению. По сенатскому расписанию губерний 1719 г. официальные бумаги пересылались из Петербурга в Вологду через Архангельск! В Сенате шли ожесточенные раздоры и разыгрывались непристойные сцены: обер-прокурор Скорняков-Писарев был в непримиримой вражде со своим принципалом генерал-прокурором Ягужинским, подканцлер бар. Шафиров с канцлером гр. Головкиным, родовитые сенаторы, природные князья Голицын и Долгорукий с неродовитым, но светлейшим жалованным князем Меншиковым, и все со всеми своими личными и партийными дрязгами обращались к царю. Сенаторские совещания порой превращались в брань; один другого называл вором. Или собрались сановники у генерал-прокурора праздновать

взятие Дербента в 1722 г. Обер-прокурор Сената, успевший уже дважды подраться с прокурором Юстиц-коллегии, едва не подрался с подканцлером и потом оба, донося друг на друга царю и царице, извинялись—один тем, что был зело шумен (пьян), а другой тем, что был еще шумнее. При таких нравах Сенату трудно было стать строгим блюстителем правды, и кн. Меншиков раз всему присутствию сенаторов заявил, что они занимаются пустяками и пренебрегают государственными интересами. Больше того: редкий из сенаторов миновал суда или подозрения в нечистых делах, не исключая и кн. Я. Долгорукого. Сам обличитель Сената, тоже сенатор, и здесь шел впереди своей братии. Беспримерно обогащенный Петром, этот темного происхождения человек стал виртуозом хищений. Петр усовещевал любимца, бивал дубинкой, грозил и все напрасно. Меншиков окружил себя шайкой чиновных хищников, обогащавшихся и обогащавших своего патрона на счет казны. Из них петербургского вице-губернатора Корсакова и двух сенаторов, кн. Волконского и Опухтина, публично высекли кнутом. Меншикова спасали от жестокой расправы давняя дружба Петра и неизменная заступница Екатерина, ему же и обязанная своей карьерой. Однажды Петр, выведенный из себя проделками любимца, сказал ходатайствовавшей за него Екатерине: «Меншиков в беззаконии зачат, во гресех родила его мать и в плутовстве скончает живот свой, и если не исправится, быть ему без головы». Состояние Меншикова исчисляли десятками милл. рублей на наши деньги. Под таким высоким покровительством, шедшим с высоты Сената, казнокрадство и взяточничество достигли размеров, небывалых прежде,—разве только после,—и Петр терялся в догадках, как изловить казенные деньги, «которые по зару-

жавьям идут». Раз, слушая в Сенате доклады о хищениях, он вышел из себя, и сгоряча тотчас велел обнародовать именной указ, гласивший, что если кто украдет у казны лишь столько, чтобы купить веревку, будет на ней повешен. Генерал-прокурор Ягужинский, око государево при Сенате, возразил Петру: «Разве Ваше Величество хотите остаться императором один, без подданных? Мы все воруем, только один больше и приметнее, чем другой». Петр рассмеялся и не издал указа. В последний год жизни Петр особенно внимательно следил за следственными делами о казнокрадстве и назначал для этого особую комиссию. Рассказывали, что обер-фискал Мякинин, докладывавший эти дела, однажды спросил царя: «обрубать ли только сучья, или подложить топор на самые корни?» — «Руби все дотла», отвечал Петр, так что, добавляет повествователь современник, иноземец Фоккеродт, живший тогда в Петербурге, если бы царь прожил еще несколько месяцев, и мир услыхал бы о многих и великих казнях. В последние годы жизни Петр издал ряд указов, проникнутых необычным ему настроением. Это не краткие и резкие приказы, а многословные, расплывчатые поучения, в которых автор и жалуется на общую служебную распущенность и скорбит о пренебрежении указов, грозящем государству конечным падением подобно греческой монархии, и сетует, что ему не дают покоя частными просьбами, что он не может среди жестокой войны за всем усмотреть сам: ведь он не ангел, да и ангелы не вездесущи, а всяк к своему месту приставлен: «где присутствует, инде его нет». Гневный и вместе скорбный тон этих указов напоминает выражение его лица на поздних его портретах.

Разбои.

Сорванные с другого склада понятий и нравов новые учреждения не находили себе сродного питания на чужой почве, в атмосфере произвола и насилия. Магистратская инструкция выражает желание, чтобы магистраты пользовались почетом, как в других государствах. Коломенский магистрат состоял из ратмана, трех бурмистров и городового старосты. Одного бурмистра до полусмерти избил проездом генерал Салтыков, а другого с ратманом и старостой провожавший персидского посла обер-офицер Волков; уцелевший последний бургомистр донес, что за нехождением избитых один он всех дел исправлять не может. Против произвольных и неумелых правителей у управляемых оставалось два средства самообороны: обман и насилие. При проверке подушной переписи вскрыто было до $1^1/_2$ милл. утаенных душ, около $27^0/_0$ всего податного населения. Указы строжайше предписывали розыскивать беглых, а они открыто жили целыми слободами на просторных дворах сильных господ в Москве на Пятницкой, на Ордынке, за Арбатскими воротами. Другим убежищем беглых был лес. Современные Петру известия говорят о небывалом развитии разбоя. Разбойничьи шайки, предводимые беглыми солдатами, соединялись в благоустроенные и хорошо вооруженные конные отряды и нападали «порядком регулярным», уничтожали многолюдные села, останавливали казенные сборы, врывались в города. Иной губернатор боялся ездить по вверенному ему краю и сам кн. Меншиков, петербургский генерал-губернатор, считавший себя способным прорыть Ладожский канал, не краснея объявил Сенату, что не может справиться с разбойниками своей губернии. Разбоями низ отвечал на произвол верха: это была молчаливая круговая порука беззакония и неспособности здесь и безрасчетного отчаяния там. Столичный

приказный, проезжий генерал, захолустный дворянин выбрасывали за окно указы грозного преобразователя и вместе с лесным разбойником мало беспокоились тем, что в столицах действуют полудержавный Сенат и девять а потом десять по-шведски устроенных коллегий с систематически разграниченными ведомствами. Внушительными законодательными фасадами прикрывалось общее безнарядье.

Лекция LXVIII.

Значение реформы Петра Великого. — Привычные суждения о реформе.—Колебания в этих суждениях.—Суждение Соловьева.—Связь суждений с впечатлением современников.—Спорные вопросы: 1) о происхождении реформы, 2) о ее подготовленности и 3) о силе ее действия.—Отношение Петра к старой Руси.—Его отношение к Западной Европе.—Приемы реформы.—Общие выводы.—Заключение.

Значение реформы Петра В.

Я сделал далеко не полный очерк преобразовательной деятельности Петра, не коснулся ни мер по общественному благоустройству и народному образованию, ни перемен в понятиях и нравах, вообще в духовной жизни народа. Эти меры и перемены или не входили в круг прямых задач реформы, или не успели обнаружить своего действия при жизни преобразователя, или наконец почувствовались только некоторыми классами общества; в свое время я попытаюсь несколько восполнить эти пробелы. Я говорил, что реформа по своему исходному моменту и по своей конечной цели была военно-финансовая, и я ограничил обзор ее фактами, которые, вытекая из этого двойственного ее значения, коснулись всех классов общества, отозвались на всем народе. На этих фактах я считаю возможным основать суждение о значении и характере преобразовательной деятельности Петра, по крайней мере, с некоторых ее сторон.

Привычные суждения о ней.

Вопрос о значении реформы Петра в значительной степени есть вопрос о движении нашего исторического сознания. В продолжение почти двухсот лет у нас много писали и еще больше говорили о деятельности Петра. Сказать о ней что-нибудь считалось необходимым всякий раз, когда речь переходила от отдельных фактов нашей истории к общей их связи. Всякий, кто хотел взглянуть сколько-нибудь философским взглядом на наше прошлое, считал требованием ученого приличия высказать свое суждение о деятельности Петра. Часто даже вся философия нашей истории сводилась к оценке петровской реформы: посредством некоторого, как бы сказать, ученого ракурса весь смысл русской истории сжимался в один вопрос о значении деятельности Петра, об отношении преобразованной им новой России к древней. Реформа Петра становилась центральным пунктом нашей истории, совмещавшим в себе итоги прошлого и задатки будущего. С этой точки зрения по упрощенной систематизации вся наша история делилась на два периода, на Русь древнюю, допетровскую, и Русь новую, петровскую и послепетровскую. О деятельности Петра судили очень различно; но долго это различие происходило вовсе не от успехов ее изучения и понимания. В продолжение ста сорока лет со смерти Петра до появления XIV тома *Истории* Соловьева в 1864 г. для исторического изучения реформы не сделано было почти ничего. Только в конце XVIII в. курский купец Голиков издал обширный сборник материалов для жизнеописания Петра под заглавием *Деяния Петра Великого* с дополнениями (1788—1798). Но и этот труд слабо подействовал на историческое сознание современников: это был 30-томный гимн преобразователю, как назвал его Соловьев, панегирик

слишком неуклюжий и объемистый, чтобы возбудить охоту изучать реформу Петра, и слишком хвалебный, чтобы понять, за что он хвалит преобразователя. Во все это время реформа освещалась не изнутри, путем изучения, а светом, падавшим со стороны. О ней судили по впечатлению, какое она по себе оставила, а впечатление воспринималось по настроению минуты, по общественной погоде, какая создавалась сторонними веяниями.

По смерти преобразователя в обществе, захваченном реформой и обаянием его личности, долго господствовало отношение к его деятельности, которое можно назвать благоговейным культом Петра. Простой токарь Нартов, 20 лет проживший при Петре, вспоминал о нем после: «хотя нет более Петра Великого с нами, однако дух его в душах наших живет, и мы, имевшие счастие находиться при сем монархе, умрем верными ему и горячую любовь нашу к земному богу погребем вместе с собою». Ломоносов называл Петра человеком, Богу подобным, а Державин спрашивал:

Не Бог ли в немъ сходил с небес?

Колебания в суждениях.

Но уже современники Державина, увлекавшиеся французской философией, начинали смотреть на дело Петра иначе. Умам, привыкшим к отвлеченным общественным построениям и к тончайшим сюжетам академической морали, не могла нравиться деятельность реформатора, посвященная самым конкретным мелочам военного дела и государственного хозяйства. Она должна была казаться им слишком низменной и материальной, недостойной ни ума, ни положения Петра. Такой взгляд любили выражать, сопоставляя реформу Петра I с деятельностью Екатерины II. Херасков пел:

Петр Россам дал тела, Екатерина—души.

Тогдашнее великосветское общество, приветствовавшее стольких философов на престоле, не любило царей в роли чернорабочих. Вопрос осложнился, когда в оценку реформы внесены были мотивы нравственный и национальный. Кн. Щербатов в своей записке *О повреждении нравов в России* признает реформу Петра «нужной, но, может быть, излишней», отвечавшей народным нуждам, но слишком радикальной, не в меру многосторонней. Не довольствуясь потребными нововведениями законодательными, военными, экономическими, просветительными, Петр стремился исправить и частное общежитие, ввести людскость, смягчить грубые древние нравы, а это смягчение повело к распущенности и положило начало крайней порче нравов. В Вене за обедом у кн. Кауница в 1780 г. кн. Дашкова, порицая страсть Петра к корабельным и другим ремесленным занятиям, как к пустякам, недостойным монарха, между прочим призналась своему собеседнику, что если бы Петр обладал умом великого законодателя, он предоставил бы правильной работе времени постепенно привести к улучшениям, какие он вводил насилием, а ценя добрые качества наших предков, не стал бы искажать оригинальность их характера чуждыми обычаями. Директор Академии Наук, интеллигентная барыня-белоручка, и не могла взглянуть на черную работу Петра с менее возвышенной и менее патриотической точки зрения. Минувший век занес в Россию новые умственные течения и новые точки зрения на Петра. Французская революция создала боязнь переворотов, старческую привязанность к старине, и Карамзин явился у нас ярким показателем этого поворота и смелым выразителем усталого консерватизма, которому чудилась революция в порывистой и нервной ломке, совершенной Петром. Некогда,

в лета юности, исходя из космополитического тезиса, что все народное ничто перед человеческим, он прославлял просветительную реформу Петра и считал жалкими иеремиадами упреки Петру за изменение русского характера, за утрату русской нравственной физиономии. А 20 лет спустя в *Записке* о древней и новой России он сам стал жалким Иеремией, плакался, что начавшееся с царя Михаила изменение гражданских учреждений и нравов, постепенное, тихое, едва заметное, без порывов и насилия, вдруг прервано было порывистым подавлением духа народного, составляющего нравственное могущество государства — насилие беззаконное и для монарха самодержавного: «мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России—виною Петр!» Реставрационный возврат Европы к старине, подтолкнутый чувством раздражения против завоевательных насилий французской революции и империи, вызвал национальное движение, стремление подавленных или раздробленных народностей Европы к восстановлению политической самобытности и цельности. И за это национальное возбуждение пришлось поплатиться реформе Петра новыми обвинениями. В 30—40-х годах минувшего века оживился спор о древней и новой России. В отпор западникам, указывавшим России культурный путь, пройденный Западной Европой, на который Петр толкнул Россию, славянофилы, особенно Хомяков, повторяя прежние упреки, густо подчеркнули едва отмеченную еще Карамзиным вину реформы—в том, что она произвела разрыв в нравственной жизни русского народа, оторвав от него, от его преданий и обычаев, просвещенное общество, которое Хомяков сравнивал с европейской колонией, брошенной в страну дикарей. Ж изненных начал надобно-де искать не на этом западно-

европейском пути, даже не в родной до-петровской старине, где их искали кн. Щербатов и другие «люборуссы», а в наличной Руси, не тронутой реформой с ее западным просвещением.

Суждение Соловьева.

Так реформа Петра стала камнем, на котором оттачивалась русская историческая мысль более столетия. Видим, что по мере того, как одни обвинения за другими висли на этой реформе, шла двойная работа, усиленная идеализация до-петровской Руси и разработка культа или искание таинственного народного духа. Обе работы шли легко, без излишнего ученого груза; остроумные догадки принимались за исторические факты, досужие мечты выдавались за народные идеалы. Научный вопрос о значении реформы Петра превращался в шумный журнальный и салонный спор о древней и новой России, об их взаимном отношении; смежные исторические периоды становились непримиримыми житейскими началами, историческая перспектива заменялась философско-историческими построениями двух противоположных культурных миров, России и Европы. Под такими впечатлениями начиналось научное изучение реформы и складывался взгляд на реформу у Соловьева, первого русского историка, который изобразил ее ход документально, в связи с общим движением нашей истории. Прочтите окончательное изложение этого взгляда в конце III главы XVIII тома его *Истории*, вышедшего в 1868 г.; оно поразит вас широтой воззрений и вместе своей напряженностью, приподнятостью тона и некоторой недосказанностью мысли: это не только итог ученого исследования, но и полемическая отповедь кому-то, защита дела Петра от каких-то обидчиков. Вот главные черты этого взгляда. Никогда ни один народ не совершал такого подвига, какой был совершен русским народом под

руководством Петра; история ни одного народа не представляет такого великого, многостороннего, даже всестороннего преобразования, сопровождавшегося столь великими последствиями как для внутренней жизни народа, так и для его значения в общей жизни народов, во всемирной истории. Во внутренней жизни народа положены были новые начала политического и гражданского порядка. В политическом порядке пробуждена самодеятельность общества введением в управление коллегиального устройства, выборного начала и городского самоуправления, а введением присяги не только государю, но и государству впервые дано народу понятие о настоящем значении государства. В частной гражданской жизни приняты меры к ограждению личности: она освобождена от оков родового союза исключительным вниманием Петра к личной заслуге, подушной податью, запрещением браков по принуждению родителей или господ, выводом женщины из терема. Всемирно-исторические следствия реформы были: 1) вывод посредством цивилизации народа, слабого, бедного, почти неизвестного, на историческую сцену со значением сильного деятеля в общей политической жизни народов, 2) соединение обеих дотоле разобщенных половин Европы, восточной и западной, в общей деятельности посредством введения в эту деятельность славянского племени, теперь только принявшего деятельное участие в общей жизни Европы чрез своего представителя, чрез русский народ.

Современники и историки.

В изложенном взгляде соединены, полнее развиты и отчетливее формулированы суждения, которые издавна высказывались в нашей литературе и частью даже разделялись противниками реформы. Эти суждения сводятся к тому основному положению, что реформа Петра была

глубоким переворотом в нашей жизни, обновившим русское общество сверху донизу, до самых его основ и корней, переворотом знаменитым, даже страшным, как называет его Соловьев; только одни считали этот переворот великой заслугой Петра перед человечеством, а другие великим несчастием для России. Такой взгляд на реформу унаследован прямо от современников и сотрудников преобразователя: эти люди, даже те из них, которые не сочувствовали делу Петра, также вышли из преобразовательной его работы с убеждением, что они присутствовали при полной и всесторонней перестройке русской жизни, при беспримерном переломе, давшем ей не только новые формы, но и совершенно новые начала. Такое впечатление современников понятно и естественно. Люди, попавшие в вихрь шумных и важных событий, оглядываясь на них после, вообще расположены преувеличивать размеры и значение пережитого. Один из младших и даровитейших сотрудников Петра Неплюев, получив в Константинополе, где он был резидентом, известие о смерти преобразователя, отметил в своих записках: «Сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими, научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут». Ту же мысль высказал и канцлер гр. Головкин в торжественной речи, обращенной к Петру 22 октября 1721 г. при праздновании заключения Ништадтского мира со Швецией: «Вашими неусыпными трудами и руковождением мы из тьмы неведения на феатр славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены и в общество политичных народов присовокуплены». Итак научный взгляд, высказанный Соловьевым 40 лет назад, стоит на точке зрения, устано-

вившейся уже более полутора века до него, воспроизводит впечатление, вынесенное из переворота его ближайшими деятелями. Можно ли остановиться на этом взгляде? Думается, в нем не все ясно; возникает несколько спорных вопросов.

Происхождение и ход реформы.

Во-первых, как Петр стал преобразователем? При имени Петра Великого мы прежде всего вспоминаем о его преобразованиях; с ним неразрывно связана идея реформы. Петр Великий и его реформа—наше привычное стереотипное выражение. Звание преобразователя стало его прозвищем, исторической характеристикой. Мы склонны думать, что Петр I и родился с мыслью о реформе, считал ее своим провиденциальным призванием, своим историческим назначением. Между тем у самого Петра долго не заметно такого взгляда на себя. Его не воспитали в мысли, что ему предстоит править государством никуда негодным, подлежащим полному преобразованию. Он вырос с мыслью, что он царь и притом гонимый, и что ему не видеть власти, даже не жить, пока у власти его сестра со своими Милославскими. Игра в солдаты и корабли была его детским спортом, внушенным толками окружающих. Но у него рано пробудилось какое-то предчувствие, что, когда он вырастет и начнет царствовать на самом деле, ему прежде всего понадобятся армия и флот, но на что именно понадобятся, он, кажется, не спешил отдать себе ясный отчет в этом. Лишь со временем, с обнаружением замыслов Софии, он стал понимать, что солдат нужен ему против стрельца, сестриной опоры. Он просто делал то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя предварительными соображениями и отдаленными планами, и все, что он делал, он как будто считал своим текущим, очередным делом, а не реформой:

он и сам не замечал, как этими текущими делами он все изменял вокруг себя, и людей, и порядки. Даже из первой заграничной поездки он вез в Москву не преобразовательные планы, а культурные впечатления с мечтой все виденное за границей завести у себя дома и с мыслью о море, т.-е. о войне со Швецией, отнявшей море у его деда. Только разве в последнее десятилетие своей 53-летней жизни, когда деятельность его уже достаточно себя показала, у него начинает высказываться сознание, что он сделал кое-что новое и даже очень не мало нового. Но такой взгляд является у него, так сказать, задним числом, как итог сделанного, а не как цель деятельности. Петр стал преобразователем как-то невзначай, как будто нехотя, поневоле. Война привела его и до конца жизни толкала к реформам. В жизни государств внешние войны и внутренние реформы обыкновенно не совмещаются, как условия, взаимно противодействующие. Обычно война— тормаз реформы, требующей мира. В нашей истории действовало иное соотношение: война с благополучным исходом укрепляла сложившееся положение, наличный порядок, а война с исходом непристойным вызывала общественное недовольство, вынуждавшее у правительства более или менее решительную реформу, которая служила для него своего рода переэкзаменовкой. В последнем случае правительство избегало внешних столкновений до того, что роняло международное значение государства. Так успехи внутренней политической жизни приобретались ценою внешних несчастий. Петр I попал в иное соотношение внешних столкновений с внутренней работой государства над собой, над самоустроением. При нем война является обстановкой реформы, даже более—имела органическую связь с его преобразовательной деятельностью

вызвала и направляла ее. Колыбель реформы в другие времена, война при Петре стала ее школой, как и называл ее сам Петр. Но и при нем сказывалось это неестественное соединение взаимно противодействующих сил: война оставалась тормазом реформы, а реформа затягивала войну, вызывая глухое народное противодействие и открытые мятежи, мешавшие собрать народные силы для окончательного удара врагу. В таком замкнутом кольце противоречий пришлось Петру вести свое дело.

Ее подготовленность.

Далее, много спорили о том: была-ли реформа достаточно подготовлена и шла навстречу сознанным нуждам народа, или Петр навязал ее народу, как нежданный и насильственный акт своей самовластной воли. В споре выяснилось свойство подготовки: была-ли она положительная, как нормальное начало естественного роста, или отрицательная, как болезнь, подготовляющая лечение, или как выход из отчаянного положения на новую дорогу, к новой жизни. В этом последнем смысле и понимал Соловьев подготовку реформы Петра, когда писал, что она была подготовлена всей предшествовавшей историей народа, «требовалась народом». Мы видели частичные нововведения и среди них заимствованные с Запада при деде, отце, старшем брате и сестре Петра. Еще важнее, что уже до Петра начертана была довольно цельная преобразовательная программа, во многом совпадавшая с реформой Петра, в ином шедшая даже дальше ее. Правда, эту программу нельзя вполне усвоять древней Руси. Над ней думали умы нового склада, во многом успевшие вырваться из древне-русского круга понятий. Подготовлялось преобразование вообще, а не реформа Петра. Это преобразование могло пойти так и этак, при мирном ходе дел могло рассрочиться на целый ряд поколений. Впослед-

ствии крестьянская реформа подготовлялась же целое столетие. При Федоре и Софье,—по выражению современника,—начали заводить «политесс с манеру польского» в экипажах и костюме, в науке латинского и польского языка, отменили при дворе старорусский неуклюжий, широкий и длиннополый охабень, могли, расширяя преобразовательную программу, заменить кафтан кунтушом, а русскую пляску—полькой-мазуркой, как после Петра почти полтораста лет восстановляли в правах состояния сбритую преобразователем древнерусскую бороду. Петр повел реформу с манеру голландского, а потом—шведского и заменил Москву выросшим из болота Петербургом, жестокими указами заставляя строиться в нем дворян и купцов и перегоняя для того извнутри России тысячи работников. Реформа, как она была исполнена Петром, была его личным делом, делом беспримерно насильственным и однако непроизвольным и необходимым. Внешние опасности государства опережали естественный рост народа, закосневшего в своем развитии. Уже люди екатерининского времени понимали, что обновление России нельзя было предоставлять постепенной, тихой работе времени, не подталкиваемой насильственно. Кн. Щербатов,—видели мы,—косо смотрел на реформу Петра и в ее широком и насильственном размахе видел корень нравственной порчи русского общества. Он далеко не был и приверженцем самовластия, признавая его безусловно вредным для народа способом управления. Однако, тот же историк-публицист сделал не лишенный остроумия хронологический расчет: «во сколько бы лет при благополучнейших обстоятельствах могла Россия сама собою, без самовластия Петра Великого, дойти до того состояния, в каком она ныне есть, в рассуждении просвещения и славы». По этому

расчету вышло, что Россия даже до того далеко еще несовершенного состояния, в каком она находилась к исходу XVIII века, достигла бы только через сто лет, к 1892 году, да и то при условии, если бы в течение этого долгого промежутка времени не случилось никакого помешательства—ни внутреннего, ни внешнего, и если бы в это время не явились государи, которые неразумными мерами разрушили бы то, что сделали два или три их предка, и тем задержали бы обновление России. А между тем, какой-нибудь Карл XII или Фридрих II поотрывали бы себе части России и тем еще более замедлили бы ее развитие. Так недоверчиво смотрел на возможные успехи свободного от механических подталкиваний обновления России, «собственным народа своего побуждением», писатель, вообще наклонный идеализировать самобытную жизнь древней Руси.

Ее действие. Всего запутаннее вопрос о силе влияния, о глубине действия реформы. Это основной пункт вопроса о ее значении. Чтобы выяснить его решение, надобно разобрать его сложный состав. В реформе Петра столкнулось так много интересов, побуждений и влияний, что необходимо отделить в ней подготовленное извнутри от заимствованного со стороны, различить то, что предусматривалось, и то, что явилось сверх чаяния. Реформа освещается односторонне, и взгляд на нее круто преломляется, когда смотрим только на один ряд ее условий, выпуская из вида другие условия. Ее следует рассматривать под тройным углом зрения: 1) по отношению Петра к Западной Европе, 2) по его отношению к древней России и 3) по влиянию его дела на дальнейшее время. И эта третья точка зрения не должна казаться странной. Дело сильного человека обыкновенно его переживает, имеет посмертное

продолжение. В оценку реформы Петра должны войти ее следствия, начавшие обнаруживаться только по смерти преобразователя. Итак, что дала Петру дореформенная Россия, что он взял у Западной Европы, и что оставил России, им преобразованной, точнее, что после него сделали из его дела—вот три части, на которые распадается общий вопрос о значении реформы.

Отношение Петра к старой Руси.

Петру достались от древней Руси своеобразно сложившаяся верховная власть и не менее своеобразный общественный склад. Верховная власть при воцарении новой династии была признана со стороны земли наследственной, но, утратив вотчинный характер прежней династии, осталась без определенного юридического облика, не имела нормированного объема, а фактически то суживалась, то расширялась, смотря по обстоятельствам и характеру своих носителей. Петр унаследовал эту власть в ее полном фактическом объеме и даже расширил ее, освободившись с учреждением Сената от последних призраков боярских притязаний, связанных с Боярской думой, а с отменой патриаршества—от опасности никоновского скандала и от стеснительного чопорного почтения ко вселенскому титулу всероссийского патриарха. Но Петру принадлежит важная заслуга первой попытки дать своей бесформенной и беспредельной власти нравственно-политическое определение. До него в ходячем политическом сознании народа идея государства сливалась с лицом государя, как в частном общежитии домохозяин юридически сливается со своим домом. Петр разделил эти понятия, узаконив присягать раздельно государю и государству. Настойчиво твердя в своих указах о государственном интересе, как о высшей и безусловной норме государственного порядка, он даже ставил государя в подчиненное отношение к государству,

как к верховному носителю права и блюстителю общего блага. На свою деятельность он смотрел, как на службу государству, отечеству; словно чиновник,—пишет он о своей победе над шведами при Добром: — «я как *почал служить*, такого огня и порядочного действия наших солдат не слыхал и не видал». Самые эти выражения *государственный интерес, добро общее, польза всенародная,* едва-ли не впервые являются в нашем законодательстве при Петре. Но историческое предание действует, как инстинкт, бессознательно, и Петр испытал на себе его силу. Смотря на свои преобразования, как на служение государственному интересу, всенародной пользе, он принес в жертву этому верховному закону своего сына. Печальным концом царевича вызван был *Устав* 5 февраля 1722 г. о престолонаследии; в истории русского законодательства это первый закон с характером основного; он гласил: «Заблагорассудили мы сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство, и определенному, видя, какое непотребство, паки отменит». Устав в свое оправдание ссылается на пример вел. кн. Ивана III, который произвольно распоряжался престолонаследием, сперва назначив преемником внука, а потом сына. До Петра в русском праве не было закона о престолонаследии, а только обычаем и обстоятельствами устанавливались различные порядки наследования. При старой династии, видевшей в государстве свою вотчину, таким порядком была передача престола отцом сыну *по завещанию.* С 1598 г. стал устанавливаться новый порядок перехода верховной власти по *соборному избранию.* В XVII в. при новой династии, для которой государство не было вотчиной, первый порядок вышел из

употребления, а второй не успел утвердиться; новая династия была признана наследственной только в одном поколении: в 1613 г. земля присягала Михаилу и его будущим детям — не далее. Но основного закона о престолонаследии не существовало попрежнему, и престол замещался как ни попало, под видом соборного избрания или явки наследника отцом народу на московской площади, как сделал царь Алексей с царевичем Федором, а также при помощи стрелецкого бунта и поддельного земского собора, как было установлено двоевластие царей Петра и Ивана. Петр заменил соборное избрание и наследование по обычаю или по случаю *личным назначением* с правом переназначения, то-есть восстановил завещание, узаконил отсутствие закона и повернул государственное право назад, на отжившую вотчинную основу. Мысль закона 5 февраля та же, какую выразил Иван III по одному случаю: «кому хочу, тому и отдам княжение». Та же безотчетная наклонность воспроизводить в нововведениях отзвуки минувшего заметна и в социальных мерах Петра. Он не тронул основ общественного склада, закрепленных Уложением, ни сословного деления по роду повинностей, ни крепостного права. Напротив, старые сословные повинности он осложнил новыми. Установив обязательное обучение дворянства и разделив его обязательную службу на две особые колеи, военную и гражданскую, он плотнее сомкнул городские тяглые состояния особым сословным управлением, земскими избами, а потом магистратами, и на верхний городской класс, гильдейское гражданство, возложил сверх прежних казенных служб еще особую повинность по добывающей и обрабатывающей промышленности, сдавая казенные фабрики и заводы принудительно образуемым из купе-

чества компаниям. Фабрика и завод при Петре, как мы видели, не были вполне частными предприятиями, руководимыми исключительно личным интересом предпринимателей, а получили характер государственных операций, которые правительство вело посредством своего обязательного агента, гильдейского гражданина: за это купец, фабрикант или заводчик пользовался дворянской привилегией приобретать к фабрике и заводу деревни с крепостными рабочими руками. С другой стороны, не изменяя сущности крепостного права, Петр изменил социальный состав крепостного состояния: разные виды холопства, юридические и хозяйственные, теперь окончательно слились с крепостным крестьянством в один класс тяглых крепостных людей, а гулящая вольница частью была приписана в городах к низшему гражданству, чтоб «гуляки за ремесло принялись и никто бы без дела не шатался», частью попала в солдаты или крепостные. Так, продолжая дело Уложения, упрощение общественного состава посредством уничтожения переходных, промежуточных слоев, законодательство Петра принудительно втесняло их в рамки основных сословий. Теперь русское общество окончательно получило тот склад, какой стремилось дать ему московское законодательство XVII в., вышло из реформы с более резкими и округленными сословными очертаниями, а каждое сословие с более осложненным бременем повинностей на плечах. Таково было общее отношение Петра к государственному и общественному порядку старой Руси, не раз отмеченное мною на отдельных явлениях: не трогая в нем старых основ и не внося новых, он либо довершал начавшийся в нем процесс, либо переиначивал сложившееся в нем сочетание составных частей, то разделяя слитые элементы, то

соединяя раздельные; тем и другим приемом создавалось новое положение с целью вызвать усиленную работу общественных сил и правительственных учреждений в пользу государства.

Его отношение к Западной Европе.

Как относился Петр к Западной Европе? Предшественники поставили Петру между прочим и такую задачу: «все делать с примеру сторонних чужих земель», именно земель западно-европейских. В этой задаче было много уныния, отчаяния в национальных силах, самоотречения. Как понял ее Петр? Как он смотрел на отношение России к Западной Европе, видел ли он в последней всегдашний образец для первой, или западно-европейский мир имел для него лишь значение учителя, с которым расстаются по окончании выучки? Самой тяжкой потерей, понесенной Московским государством в XVII в., Петр считал утрату земель прибалтийских, которая лишила Россию общения с просвещенными народами Запада. Но для чего нужно было это общение? Петра часто изображали слепым беззаветным западником, который любил все западное не потому, что оно было лучше русского, а потому, что оно было непохоже на русское, который хотел не сблизить, а ассимилировать Россию с Западной Европой. Трудно поверить, чтобы всегда рассчетливый Петр был расположен к таким платоническим увлечениям. Из обзора жизни Петра мы видели, как в 1697 г. под прикрытием торжественного посольства, в свиту которого замешался и Петр под вымышленной фамилией, снаряжена была секретная воровская экспедиция с целью выкрасть у Западной Европы морского техника и техническое знание. Вот для чего нужна была Петру Западная Европа. Он не питал к ней слепого или нежного пристрастия, напротив, отно-

сился к ней с трезвым недоверием и не обольщался мечтами о задушевных ее отношениях к России, знал, что Россия всегда встретит там только пренебрежение и недоброжелательство. Составляя в 1724 г. программу торжественной оды или чего-то подобного на празднование годовщины Ништадтского мира, Петр писал между прочим, что все народы особенно усердно старались не допустить нас до света разума во всем, особенно в военном деле; но они проглядели это, точно у них в глазах помутилось, «яко бы закрыто было сие пред их очесами». Петр считал этот недосмотр чудом Божиим и предписывал выразить это с особенной силой в праздничных виршах: «сие пространно развести надлежит, а сенсу довольно», сюжет дает обильный запас идей. Вот почему хочется верить дошедшему до нас через много рук преданию о словах, когда-то будто бы сказанных Петром и записанных Остерманом: «нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». Итак сближение с Европой было в глазах Петра только средством для достижения цели, а не самой целью. Чего же хотел он добиться этим средством? В ответ на этот вопрос надобно припомнить, за чем посылал Петр десятки русской молодежи за границу и каких иноземцев выписывал из-за границы. Посланные обучались математике, естествознанию, кораблестроению, мореплаванию; выписывали офицеров, кораблестроителей, мореходов, фабричных и других мастеров, горных инженеров, а потом правоведов и камералистов, знающих науку управления, особенно финансового. С помощью тех и других Петр заводил в России то, что он видел полезного на Западе и чего не было в России. У России не было регулярной армии—он сформировал ее;

не было флота — он построил его; не было удобного морского пути для внешней торговли — он армией и флотом отвоевал восточный берег Балтийского моря; была слаба промышленность добывающая и почти отсутствовала обрабатывающая — после него осталось более 200 фабрик и заводов; для всего этого необходимо было техническое знание — заведены были в столицах морская академия, школы навигацкая и медицинская, училища артиллерийское и инженерное, школы латинские и математические и до полусотни начальных цифирных школ в губернских и провинциальных городах да столько же гарнизонных для солдатских детей; казны недоставало на покрытие государственных расходов—Петр увеличил доходный бюджет в три слишком раза; недоставало рационально устроенной администрации, способной вести все эти сложные новые дела, — специалисты иноземцы помогли учредить новое центральное управление. Это не все, что сделал Петр; но это именно то, что хотел он сделать с помощью Западной Европы. Техника военная, народно-хозяйственная, финансовая, административная и техническое знание—вот обширная область, в которой работать и учить русских работе призывал Петр западного европейца. Он хотел не заимствовать с Запада готовые плоды тамошней техники, а усвоить ее, пересадить в Россию самые производства с их главным рычагом, техническим знанием. Мысль, смутно мелькавшая в лучших умах XVII в. о необходимости предварительно поднять производительность народного труда, направив его с помощью технического знания на разработку нетронутых естественных богатств страны, чтобы дать ему возможность вести усиленные государственные тягости,—эта мысль была усвоена и проводилась Петром, как никогда ни прежде, ни после

него: здесь он стоит одиноко в нашей истории. И во внешней политике он обратил все народные силы на разрешение вопроса, казавшегося ему наиболее важным для народного хозяйства, вопроса балтийского. Он внес в народно-хозяйственный оборот такое количество нового производительного труда, которое трудно взвесить и оценить. Но осязательные признаки этого обогащения обнаружились не в подъеме общего уровня народного благосостояния, а в ведомостях казенного дохода. Война со своими последствиями перехватывала все излишки народного заработка. Народно-хозяйственная реформа превратилась в финансовую, и успех, ею достигнутый, был собственно финансовый, а не народно-хозяйственный. Когда (1724 г.) Посошков писал самому Петру, что нетрудно наполнить царскую казну, но, «великое и многотрудное дело народ весь обогатить», он высказывал не простенькую истину политической экономии, а печальное наблюдение вдумчивых современников над тем, что совершалось на их глазах. Трудовое поколение, которому достался Петр, работало не на себя, а на государство, и после усиленной и улучшенной работы ушло едва ли не беднее своих отцов. Петр не оставил после себя ни копейки государственного долга, не израсходовал ни одного рабочего дня у потомства, напротив, завещал преемникам обильный запас средств, которыми они долго пробавлялись, ничего к ним не прибавляя. Его преимущество перед ними в том, что он был не должником, а кредитором будущего. Впрочем это относится уже к следствиям реформы, о которых речь впереди. Подсчитывая итоги деятельности Петра, обращенной не к внешней обороне и международному положению государства, а к устройству народного благосостояния, можно сказать, что в широ-

ких народно-хозяйственных замыслах Петра — основная мысль его реформы, неудачей этих замыслов обозначился ход этой реформы, в финансовых успехах выразился главный результат ее.

Приемы реформы.

Итак, Петр взял из старой Руси государственные *силы*, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические *средства* для устройства армии, флота, государственного и народного хозяйства, правительственных учреждений. Где же тут, спросите вы, коренной переворот, обновивший или исказивший русскую жизнь сверху донизу, давший ей не только новые формы, но и новые начала, благотворные или зловредные — все равно? Однако таково было впечатление современников реформы, передавших его и ближайшему потомству. Реформа если не обновила, то взбудоражила, взволновала русскую жизнь до дна не столько своими нововведениями, сколько некоторыми приемами, не характером своим, а темпераментом, если можно так выразиться. Результаты реформы были обращены более к будущему, смысл ее далеко не всем был понятен; но ее приемы чувствовались современниками прежде всего, производили непосредственное впечатление и, с ним приходилось считаться Петру. Эти приемы вырабатывались при участии личного характера Петра под влиянием обстановки, в какой шла его преобразовательная деятельность, и под влиянием отношения, в какое эта обстановка ставила его к быту, понятиям и обычаям народа. Обстановка реформы создана была внешней войной и внутренней борьбой. Служа главной движущей пружиной реформы, война оказала самое неблагоприятное действие на ее ход и успехи. Реформа шла среди растерянной суматохи, какой обычно сопровождается война. Нужды и затруднения, какие она вы-

*

зывала на каждом шагу, заставляли Петра спешить. Война сообщила реформе нервозный, лихорадочный пульс, болезненно-ускоренный ход. Среди военных тревог Петр не имел досуга останавливаться, хладнокровно обсуждать положение, взвешивать свои мероприятия, соображать условия их исполнимости, терпеливо дожидаться медленного роста своих начинаний. Он требовал от них быстрого действия, немедленных результатов, при всяком затруднении или замедлении подгонял исполнителей страшными угрозами, которые сыпались так расточительно, что теряли свою возбуждающую силу. За все, за подачу прошения государю помимо подлежащих мест, за порубку мерного дуба (указанных размеров) или мачтовой ели, за неявку дворянина на смотр, за торговлю русским платьем — конфискация имущества, лишение всех прав, кнут, каторга, виселица, политическая или физическая смерть. Нерасчетливая кара закона в одних усиливала отвагу преступления, в других производила замешательство и смущение, неврастенический столбняк и общее чувство тягости. Один из усердных сотрудников царя генерал-адмирал Апраксин живо изобразил это настроение в письме 1716 г. к царскому кабинет-секретарю Макарову: «Истинно во всех делах точно слепые бродим и не знаем, что делать; во всем пошли великие расстрои и куда прибегнуть и что впредь делать, не знаем; денег не возят ниоткуда; все дела, почитай, останавливаются». С другой стороны, реформа шла среди глухой и упорной внутренней борьбы, не раз шумно прорывавшейся: четыре страшных мятежа и три-четыре заговора — все выступали против нововведений, строились во имя старины, ее понятий и предрассудков. Отсюда враждебное отношение Петра к отечественной старине, к народному

быту, тенденциозное гонение некоторых наружных его особенностей, выражавших эти понятия и предрассудки. Такое отношение установилось у Петра под прямым влиянием политического воспитания, какое он получил. Политические понятия и чувства его выросли среди смут, порожденных борьбой двух направлений, на какие разделилось русское общество в XVII в.: приверженцы новшеств, искавшие помощи и уроков на Западе, столкнулись с политическими и церковными староверами. Эти последние в борьбе выставляли знаменем некоторые наружные особенности, отличавшие древнерусского человека от западного европейца, бороду, покрой платья и т. п. Сами по себе эти внешности, разумеется, не мешали реформе; но очень мешали ей чувства и убеждения, ими прикрывавшиеся: это были признаки оппозиции, символы протеста. Став на сторону нововведений, Петр горячо ополчился против этих мелочей, которыми прикрывались дорогие для русского человека предания старины. Впечатления детства побуждали Петра придавать преувеличенное значение этим предметам. Он привык видеть эти признаки на государственных мятежниках, стрельцах и старообрядцах; древнерусская борода была для него не физической подробностью мужской физиономии, а выставкой политического настроения, знаком государственного бунтовщика наравне с длиннополым платьем. Притом он хотел обрить и одеть своих подданных по-иноземному, чтобы облегчить им сближение с иноземцами. В 1698 г., воротившись в Москву из-за границы по вестям о новом стрелецком мятеже, он тотчас же принялся стричь бороды и резать длинные полы однорядок и ферезей у своих приближенных, ввел парики. Трудно вообразить, какой законодательный и полицейский шум и гам поднялся из-за

этой перелицовки и перекостюмировки русских людей на иноземный фасон. Духовенство и крестьян не трогали: они сохранили сословную привилегию оставаться православными и старомодными. Другим классам в январе 1700 г. возвещен с барабанным боем на площадях и улицах указ к масленице, не позже, надеть платье—кафтаны венгерские. В 1701 г. новый указ: мужчинам надеть верхнее платье саксонское и французское, а исподнее, камзолы, штаны, также сапоги, башмаки и шапки—немецкие, женщинам шапки, кунтуши, юбки и башмаки тоже немецкие. У городских ворот расставлены присяжные наблюдатели бород и костюмов, которые штрафовали бородачей и носителей нелегального платья, а самое платье тут же резали и драли. Дворян, являвшихся на государев смотр с невыбритой бородой и усами, нещадно били батогами. Раскольникам-бородачам предписан особый костюм, и даже их женам, природой избавленным от побородного налога, велено в наказание за мужнины бороды носить длинные опашни и шапки с рогами. Купцам за торг русским платьем—кнут, конфискация и каторга. Все это было бы смешно, если бы не было безобразно. Впервые русское законодательство, изменяя своему серьезному тону, низошло до столь низменных предметов, вмешалось в ведомство парикмахера и портного. Сколько раздражения потрачено было на эти прихоти и сколько вражды, значит, помехи делу реформы породили в обществе эти законодательные ненужности! Подобными мелкими, но многочисленными помехами объясняется бросающаяся в глаза наблюдателю несоразмерность достигнутых Петром во внутреннем устройстве государства успехов со стоимостью их достижения, с потраченными на них жертвами. Ход реформы вызывает

удивление, с каким трудом доставались Петру даже скромные успехи. Такой горячий его почитатель, как Посошков, должен был признать и красиво изобразил, как плохо спорилось дело в руках Петра, который один тянет в гору, а под гору миллионы тянут. Другой близкий к Петру человек, его токарь Нартов в записках своих скорбит о том, «что соделывалось против сего монарха, что перетерпевал, что сносил он и какими уязвляем был горестями». Петр шел против ветра и собственным ускоренным движением усиливал встречное сопротивление. В его деятельности было нравственное противоречие, которого он не мог побороть, несходство побуждений с образом действий. С летами, пережив беспорядочную молодость, он безотчетно и безраздельно проникся мыслью о народном благе, как никто из наших царей, и направил на это всю несокрушимую энергию своей могучей природы. Эта самоотверженность неотразимо привязывала к нему мыслящих людей, пристально и доброжелательно в него всматривавшихся, как епископ Митрофан Неплюев, Посошков, Нартов и много неизвестных: они чутко угадывали глубокую нравственную основу его энергии. «Мы, прибавляет тот же Нартов, называя Петра земным богом, мы без страха возглашаем об отце нашем, потому что благородному бесстрашию и правде учились от него». Но средства и приемы действия отталкивали равнодушных с неподатливой мыслью. Петр действовал силой власти, а не духа и, рассчитывал не на нравственные побуждения людей, а на их инстинкты. Правя государством из походной кибитки и с почтовой станции, он думал только о делах, а не о людях и, уверенный в силе власти, недостаточно взвешивал пассивную мощь массы. Преобразовательная увлекаемость и самоуверенное

всевластие—это были две руки Петра, которые не мыли, а сжимали друг друга, парализуя энергию одна другой. Надеясь восполнить недостаток наличных средств творчеством власти, преобразователь стремился сделать больше возможного, а исполнители, запуганные и неповоротливые, теряли способность делать и посильное, и как Петр в своем преобразовательном разбеге не умел щадить людские силы, так люди в своем сомкнутом, стоячем отпоре не хотели ценить его усилий.

Итак, не преувеличивая и не умаляя дела Петра Великого, можно так выразить его значение. Реформа сама собою вышла из насущных нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером, с талантами, дружно совместившимися в одной из тех исключительно счастливо сложенных натур, какие по неизведанным еще причинам от времени до времени появляются в человечестве. С этими свойствами, согретыми чувством долга и решимостью «живота своего не жалеть для отечества», Петр стал во главе народа, из всех европейских народов наименее удачно поставленного исторически. Этот народ нашел в себе силы построить к концу XVI века большое государство, одно из самых больших в Европе, но в XVII в. стал чувствовать недостаток материальных и духовных средств поддержать свою восьмивековую постройку. Реформа, совершенная Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, установившегося в этом государстве, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западно-европейские основы, ввести в нее новые заимствованные начала, а ограничивалась стремлением вооружить русское государ-

ство и народ готовыми западно-европейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе, поднять труд народа до уровня проявленных им сил. Но все это приходилось делать среди упорной и опасной внешней войны, спешно и принудительно, и при этом бороться с народной апатией и косностью, воспитанной хищным приказным чиновничеством и грубым землевладельческим дворянством, бороться с предрассудками и страхами, внушенными невежественным духовенством. Поэтому реформа, скромная и ограниченная по своему первоначальному замыслу, направленная к перестройке военных сил и к расширению финансовых средств государства, постепенно превратилась в упорную внутреннюю борьбу, взбаламутила всю застоявшуюся плесень русской жизни, взволновала все классы общества. Начатая и веденная верховной властью, привычной руководительницей народа, она усвоила характер и приемы насильственного переворота, своего рода революции. Она была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и по впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников. Это было скорее потрясение, чем переворот. Это потрясение было непредвиденным следствием реформы, но не было ее обдуманной целью.

Заключение.

В заключение попытаемся установить наше отношение к реформе Петра. Противоречия, в какие он поставил свое дело, ошибки и колебания, подчас сменявшиеся малообдуманной решимостью, слабость гражданского чувства, бесчеловечные жестокости, от которых он не умел воздержаться, и рядом с этим беззаветная любовь к отечеству, непоколебимая преданность своему делу, широкий и светлый взгляд на свои задачи, смелые планы, задуман-

ные с творческой чуткостью и проведенные с беспримерной энергией, наконец успехи, достигнутые неимоверными жертвами народа и великими усилиями преобразователя—столь разнородные черты трудно укладываются в цельный образ. Преобладание света или тени во впечатлении изучающего вызывало одностороннюю хвалу или одностороннее порицание и порицание напрашивалось тем настойчивее, что и благотворные деяния совершались с отталкивающим насилием. Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение, как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства—это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная. Впрочем, уже люди XVIII в. пытались найти средство примирения чувства человечности с реформой. Кн. Щербатов, враг самовластия, посвятил целый трактат, «беседу», объяснению и даже оправданию самовластия и пророков Петра. Просвещение, введенное Петром в России, он признает за личное благодеяние, оказанное ему преобразователем, и восстает на хулителей, получивших от самовластия то самое просвещение, которое помогло им понять вред самовластия. Вера в чудодейственную силу образования, которой проникнут был Петр, его благоговейный культ науки насильственно зажег в рабьих умах искру просвещения, постепенно разгоравшуюся в осмысленное стремление к правде, т.-е. к свободе. Самовластие само по себе противно, как политический принцип. Его

никогда не признает гражданская совесть. Но можно мириться с лицом, в котором эта противоестественная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластец, не жалея себя, идет напролом во имя общего блага, рискуя разбиться о неодолимые препятствия и даже о собственное дело. Так мирятся с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева.

Лекция LXIX.

Русское общество в минуту смерти Петра Великого.—Международное положение России. — Впечатление смерти Петра в народе.— Отношение народа к Петру.—Легенда о царе-самозванце.—Легенда о царе-антихристе.—Значение обеих легенд для реформы.—Перемена в составе высших классов.—Образовательные их средства.— Заграничное обучение.—Газета.—Театр.—Народное просвещение.— Школы и преподавание.—Гимназия Глюка.—Начальные школы.— Книги; ассамблеи; учебник светского обхождения.—Правящий класс и его отношение к реформе.

Обращаюсь к третьей части вопроса о значении реформы Петра, к вопросу о том, что сделали из этой реформы по смерти преобразователя. Определяя это значение, как вы припомните, я сделал оговорку, что оно не вполне выражается в явлениях, наблюдаемых в пределах жизни Петра, что в оценку его дела должны войти следствия реформы, обнаружившиеся по смерти преобразователя. Эти следствия проливают дополнительный и яркий свет на реформу, освещая ее с новой стороны, остававшейся в тени для самого Петра. Не достигнув всего, к чему направлялась реформа, она принесла или подготовила много такого, чего не предвидел преобразователь и чему, может быть, он не был бы рад, если бы предвидел. Попытаемся представить себе русское общество, каким покидал его Петр.

Международное положение.

Для того, чтобы понять настроение русского общества в минуту смерти Петра, не лишним будет припомнить, что он умер, начав второй мирный год своего царствования, через пятнадцать месяцев по окончании персидской войны. Выросло целое поколение, которое знало и чувствовало новыми налогами и рекрутскими наборами, что Русь все воюет — с турками, со шведами, с персами, даже сама с собой, с астраханцами, козаками. Наконец-то она ни с кем не воюет. С Ништадтского мира международное положение России было довольно прочно, хотя и несколько щекотливо. Швеция, главный враг ее, долго могла только бредить об отместке; к тому же у нее не случилось и маленького Густава Адольфа, каким был Карл XII, а после его смерти восстановление власти аристократического сената сделало Швецию настоящей, анархической Польшей, по отзыву тогдашнего русского резидента в Стокгольме. Оборонительный союз со Швецией 22 февраля 1724 г. ограждал правый северный фланг европейского положения России. Вскоре, в августе 1726 г., союзом с Австрией укреплен был и левый южный фланг, после того как правительству Екатерины I не удалось продать Франции русские интересы за надоевший всему дипломатическому миру брак дочери Петра Елизаветы с французским королем или хотя бы с каким-нибудь завалявшимся французским принцем крови. Среди складывавшихся тогда двух коалиций, австро-испанской и англо-франко-прусской, международное положение России с ее преобразованными силами не внушало русским патриотам больших тревог. Сухопутная русская армия пользовалась полтавским почетом на Западе, и пока русский флот донашивал свои гангудские паруса, Россия считалась даже солидной морской державой. Петербург

стал дипломатической столицей европейского Востока. Менее удобны были культурные отношения России к Западу. Пред старой романо-германской Европой с выработанными формами общежития, с нормами порядка, превратившимися в общественные привычки и даже в предрассудки, с громадным запасом знаний, идей и материальных сбережений, накоплявшихся чуть не со времен Ромула и Рема, предстала новая русская Европа с одними способностями, подававшими только надежды, с большим количеством рекрутов и вывозного сырья, но без прочных культурных запасов: общежитие держалось только бытовой косностью, покоившейся на вере в стихийную неизменность отцовского и дедовского предания; вместо порядка существовала только привычка повиноваться до первого бунта, вместо знания одна любознательность, только что пробудившаяся; все юридическое сознание заключалось лишь в смутном чувстве потребности права, все богатство—в способности к терпеливой работе. И эти столь несоизмеримые исторические величины, как Россия и Западная Европа, стали не только соседками, но и соперницами, вошли в разнообразные прямые соприкосновения и даже вступили в столкновения; по крайней мере одна вовсе не расположена была щадить другую, а другая силилась не отстать от первой из страха стать ее жертвой. В этом интерес первой встречи глаз-на-глаз западной и восточной Европы. Здесь прежде всего важно уяснить себе, что мы наблюдаем, отношение ли двух культур, передовой и остальной, которые будут вечно разделены раз установившимся расстоянием, или только встречу разных исторических возрастов со случайным и временным культурным неравенством. Для этого попытаемся представить себе русское общество, сколько это

возможно, в минуту смерти Петра, настроение его низа и верха, отношение того и другого к реформе.

Впечатление смерти Петра.

Очевидцы, свои и чужие, описывают проявления скорби, даже ужаса, вызванные вестью о смерти Петра. В Москве в соборе и по всем церквам, по донесению высокочиновного наблюдателя, за панихидой «такой учинился вой, крик, вопль слезный, что нельзя женщинам больше того выть и горестно плакать, и воистину такого ужаса народного от рождения моего я николи не видал и не слыхал». Конечно, здесь была своя доля стереотипных, церемониальных слез: так хоронили любого из московских царей. Но понятна и непритворная скорбь, замеченная даже иноземцами в войске и во всем народе. Все почувствовали, что упала сильная рука, как-никак, но поддерживавшая порядок, а вокруг себя видели так мало прочных опор порядка, что поневоле шевелился тревожный вопрос, что-то будет дальше. Под собой, в народной массе реформа имела ненадежную, зыбкую почву.

Отношение народа к Петру.

Во все продолжение преобразовательной работы Петра народ оставался в тягостном недоумении, не мог уяснить себе хорошенько, что такое делается на Руси и куда направляется эта деятельность: ни происхождение, ни цели реформы не были ему достаточно понятны. Реформа с самого начала вызвала глухое противодействие в народной массе тем, что была обращена к народу только двумя самыми тяжелыми своими сторонами: 1) она довела принудительный труд народа на государство до крайней степени напряжения и 2) представлялась народу непонятной ломкой вековечных обычаев, старинного уклада русской жизни, освященных временем народных привычек и верований. Этими двумя сторонами реформа

и возбудила к себе несочувственное и подозрительное отношение народной массы. Своеобразную окраску сообщали этому отношению два впечатления, вынесенные народом из событий XVII века. Тогда народ в Московском государстве видел очень много странных вещей: сначала перед ним прошел ряд самозванцев, незаконных правительств, которые действовали по-старому, иногда удачно подделываясь под настоящую привычную власть; потом перед глазами народа потянулся ряд законных правителей, которые действовали совершенно не по-старому, хотели разрушить заветный гражданский и церковный порядок, поколебать родную старину, ввести немца в государство, антихриста в Церковь. Под влиянием этих двух впечатлений и складывалось народное отношение к Петру и его реформе. Народ по-своему взглянул на деятельность Петра. Из этого взгляда постепенно развились две легенды о Петре, в которых всего резче выразилось отношение народа к реформе, которыми даже в значительной степени определились ее ход и результаты: одна легенда гласила, что Петр — самозванец, а другая, что он — антихрист. Когда стали обнаруживаться признаки глухого и упорного противодействия реформе со стороны народа, Петр для подавления его учредил тайную полицию, Преображенский приказ, названный так по имени подмосковного села, где впервые возникло это учреждение. От этого приказа до нас дошло немало любопытных дел, которые служат материалом для изучения народного настроения при Петре. Эти канцелярские бумаги наглядно представляют нам возникновение и развитие обеих легенд. Та и другая имела свою историю, прошла известный ряд моментов в своем поэтическом движении, представляя притом редкий вид народного творчества, пропущенного сквозь

Сказание о царе-самозванце.

фильтр тайной полиции. Первоначальную мысль, основной мотив легенды о самозванстве Петра подсказали те наблюдения, которые поразили народ с самого начала царствования Петра. Петр прежде всего дал народу почувствовать свою деятельность новыми государственными тягостями. Государственные тягости не были новостью для народа: их больно чувствовали и в XVII веке; но тогда за них винили не самого царя, а его правительственные орудия. Царь сидел где-то далеко и высоко над народом, редко являлся перед ним и был окружен в народном представлении ослепительным ореолом неземного величия. Все, что делалось непопулярного в государстве, приписывалось тому средостению, какое отделяло царя от простых подданных, т.-е. боярскому и приказному правительству. Петр впервые спустился с заоблачной высоты, на которой скрывались его предшественники, вошел в непосредственное соприкосновение с народом, стал перед ним, каким был, перестал быть для народа политическим мифом, каким представлялись ему прежние цари. Народный ропот теперь и направился прямо против царя. Петр явился перед народом простым человеком, совсем земным царем. Но какой это был странный царь! Он предстал перед народом с таким непривычным обликом, с такими небывалыми манерами и принадлежностями, не в короне и не в порфире, а с топором в руках и трубкой в зубах, работал, как матрос, одевался и курил, как немец, пил водку, как солдат, ругался и дрался, как гвардейский офицер. При виде такого необычного царя, совсем непохожего на прежних благочестивых московских государей, народ невольно задавал себе вопрос: да подлинный ли это царь? В этом вопросе и лег зародыш легенды о самозванстве царя.

Вопрос вызвал усиленную работу народного ума, точнее, народной фантазии. Бумаги Преображенского приказа дают возможность проследить все фазы народного воображения, развивавшего легенду из указанного зерна. Народные жалобы растили это зерно, питали фантазию. Прежде всего народная мысль остановилась на самом вопросе. Пошли народные толки, подслушанные полицией. Крестьяне жаловались: как Бог его нам на царство наслал, так мы и светлых дней не видали; тягота на мир рубли да полтины да подводы; отдыха нашей братье крестьянству нет. Сын боярский, подслушавший этот ропот, вторил крестьянину своими сословным горями: какой он царь! всю нашу братию на службу выволок, а людей наших и крестьян в рекруты побрал; никуда от него не уйдешь, все на плотах распропали (на морских постройках); и как это его не убьют? как бы убили его, так бы и служба миновалась и черни стало бы легче. Солдатские жены развивали свою особую консервативную публицистику: какой он царь! мужей наших в солдаты побрал, всех крестьян с дворами разорил, а нас с детьми осиротил и век плакать заставил.—Какой он царь! подхватывал холоп: он враг, оморок мирской; однако, сколько ему по Москве ни скакать, а быть ему без головы. «Мироед! вопияли другие: весь мир переел, все переводит добрые головы; только на него кутилку переводу нет». Этому хоровому всесословному протесту сам Петр помог перейти от вопроса о его загадочной личности к ответу, поддержал полет народной фантазии. Царь вел странный образ жизни и делал странные дела: переказнил стрельцов, сестру и жену запер в монастырь, сам все возился и пьянствовал в Преображенском с иноземцами, после нарвского поражения колокола стал снимать

с церквей и переливать в пушки. Монах грозил: все де это даром не пройдет, не добром кончится все это. Отсюда и извлекли ответ на поставленный вопрос. Прежде всего поспешили догадаться, что царя немцы испортили; нервность и вспыльчивость Петра поддерживали догадку. «Немцы обошли его: час добрый найдет—все хорошо, а в иной час так и рвет и мечет: вот уж и на Бога наступил, съ церквей колокола снимает». При том заговорило раздраженное национальное чувство под гнетом непрекращавшегося наплыва и влияния иноземцев. Но все это не давало удовлетворительного ответа на главный вопрос: казалось невероятным, каким образом мог явиться на Руси такой царь, хоть и порченый, который не дорожит народными обычаями и верованиями. Тут наступает вторая фаза в развитии легенды. На вопрос является ответ тоже в виде вопроса: да русский ли он? Он сын немки, говорили одни. — Да Лаферта, подсказывали другие. Так и додумались до сказания о самозванстве Петра: царица родила девочку, которую подменили немчонком. Однажды полиция подслушала на портомойне в Москве такую политическую беседу: крестьяне все измучены, все на государя встали и возопияли: какой он царь! родился от немки беззаконной; он подмененный, подкидыш; как царица Наталья Кирилловна отходила сего света, и в то число она говорила ему, ты де не сын мой, ты подмененный; вот велит носить немецкое платье — знатно, что от немки родился. От этого соображения и отправляется легенда в своем дальнейшем развитии, по своему связывая явления времени. Поездка Петра за границу указала ей направление и облегчила движение Петр начал заводить новшества, бороды брить, платье немецкое вводить, царицу свою Авдотью Федоровну от-

*

ставил, немку Монсову взял, проклятый табак курить велел—все по возвращении из чужих краев. Эта поездка к нехристям и послужила путеводной нитью для народной фантазии. Вероятно, до русского общества дошли слухи, что шведский король Карл XII, покидая в 1700 г. Швецию для борьбы с Петром и его союзниками, оставил дома сестру свою Ульрику-Элеонору, которая впоследствии по смерти брата стала его преемницей. Слыхали также, что в Риге шведское начальство в 1697 г. наделало Петру каких-то неприятностей, не пустило его смотреть рижские укрепления. Народная фантазия воспользовалась этим, чтобы отлить слухи в целое сказание. Петр поехал за границу—это так; да Петр ли воротился из-за границы? В ответ на этот вопрос уже к 1704 г. сложилась такая сказка. Как государь с ближними людьми был за морем ходил он по немецким землям и пришел в Стекольное царство (Стокгольм), а то Стекольное царство в немецкой земле держит девица, и та девица над государем надругалась, ставила его на горячую сковородку, да сняв его с тое сковороды, велела бросить в темницу. И как та девица была именинница, стали ей говорить ее князья и бояре: пожалуй, государыня, ради такого дня выпусти его, государя. Она им сказала: подите, посмотрите, коли он еще жив валяется, я его для вас выпущу. Те, посмотря, сказали ей: томен, государыня.—Ну, коли томен, так вы его выньте. И они его, вынув, отпустили. Пришел он к нашим боярам, а они, перекрестясь, сделали бочку, набили в ней гвоздья да в тое бочку хотели его, государя, положить. Увидал про то стрелец и, прибежав к государю, сказал: царь-государь, изволь встать и выйти, ничего ты не ведаешь, что над тобою чинится. И он, государь, встал и вышел, а стрелец лег на его место. Пришли

бояре да того стрельца, с постели схватя, положили в тое бочку и бросили в море. Легенда в первое время не договаривала до конца, не знала, что сталось дальше с государем. Но потом к сказанию прицепили и конец, стали говорить в народе: это не наш государь, это немчин; наш государь в немцах в бочку закован да в море пущен. Вскоре по смерти Петра эта сказка изменилась: Петра считали погибшим при жизни и воскресили по смерти. Новая редакция гласила, что царствовавший государь был немчин, а настоящий царь освободился из немецкого плена, именно освободил его обманом русский купец, бывший в Стекольном царстве. Рассказчик добавлял: «и как это государь до сей поры не объявится в своем государстве?»

Сказание о царе-антихристе.

Легенда о самозванстве Петра, вся построенная на тягловых мотивах, очевидно, сложилась в тяглой среде, особенно в той массе, которая, быв дотоле свободной от податей, больно была захвачена указами о новых налогах и службах. Другая легенда о Петре-антихристе возникла или была разработана в церковном обществе, взволнованном новшеством Никона, и сплелась из других мотивов. Преобразовательная деятельность Петра представлялась народу прямым продолжением того непонятного и бесцельного посягательства со стороны правительства на чистоту родной веры и родных обычаев, какое началось при царе Алексее. Новое иноземное платье, брадобритье и тому подобные новшества затрогивали религиозные воззрения древнерусского общества. В конце 1699 г. последовала новость, еще более тревожная, чем немецкое платье или табак: изменен был русский православный календарь, велено вести летосчисление от Рождества Христова, а не от сотворения мира, и новый год праздновать не 1 сен-

тября, по церковному, а 1 января, как делалось у неправославных. Это новшество уж прямо вторгалось в церковный порядок. Люди, и без того встревоженные латинобоязнью никоновского времени, теперь еще сильнее встрепенулись на защиту старой веры. В полиции и на улице при Петре происходили иногда очень странные сцены. Раз в 1703 г. один нижегородец, простой посадский человек Андрей Иванов, пришел в Москву с изветом, т.-е., с доносом — на кого бы вы думали — на самого государя, что-де он, государь, веру православную разрушает, велит бороды брить, платье носить немецкое, табак тянуть: во всем этом обличить государя и пришел он, Андрей Иванов. В 1705 г. в Ярославле Димитрий, митрополит ростовский в воскресный день идучи к себе из собора, встретился с двумя еще нестарыми бородачами, которые спросили его, как им быть: велено брить бороды, а им пусть лучше головы отсекут, чем бороды обреют. «А что отрастет, отсеченная ли голова или сбритая борода?» переспросил владыка. В дом к митрополиту сошлось много лучших горожан, и начался диспут о бороде, об опасности брадобрития для душевного спасения, ибо сбрить бороду значит потерять образ и подобие Божие. Ученому владыке пришлось написать целый трактат об образе и подобии Божием в человеке. Вопрос о брадобритии разгорелся до народной агитации: в разных городах разбрасывались подметные письма, призывавшие православных восстать за бороду. Люди более серьезного образа мыслей не могли довольствоваться распространявшимся в темной массе сказанием о самозванстве Петра и искали более глубокого источника его непонятных и опасных нововведений. Поддразнивая пугливую совесть пустяками в роде брадобрития или безобразиями пьяного собора, Петр вызывал тревожные суе-

верные толки о конечной гибели благочестия, о последних временах и о необходимости вольного страдания ради спасения души. Эти толки, обращаясь на их виновника, и породили легенду о царе-антихристе. Мы встречаем ее в Москве в одном следственном деле уже 1700 года. Некто Талицкий, книгописец, значит, человек сравнительно образованный, составил для распространения в народе тетради о последнем времени и о пришествии в мир антихриста в лице государя. Тамбовский архиерей до слез умилялся этими тетрадями, а боярин кн. Хованский плакался Талицкому на самого себя, что был ему послан мучения венец, да он его потерял, согласившись обрить себе бороду, а потом приняв шутовское поставление в митрополиты известного всепьянейшего собора. Но особенно широкое распространение получила легенда на олонецком и заонежском Севере, в краю, наиболее тронутом расколом, куда бежало от гонений множество подвижников древнего благочестия еще при царе Алексее. Уже к концу XVII в. эти беглецы в своем фанатизме выработали в борьбе с еретической церковью и антихристовым государством страшную форму вольного страдания за благочестие, самосожжение массами. По одному идущему от того времени староверческому сочинению насчитывали более 20 тысяч самосожженцев, сгоревших в 1675—1691 гг. На глухом поморском Севере, наполненном лесами, все известия, приходившие из центральной Руси, отражались в искривленном виде: напуганная фантазия превращала их в чудовищные призраки. В одном погосте Олонецкого уезда раз священник и дьячок, вышедши из церкви после литургии, разговорились о том, что делается на белом свете. Дьячок сказал: вот ныне велят летопись (летосчисление) вести от Рождества Христова и платье носить

венгерское. Священник прибавил: и я слыхал в волости, что у Великого поста неделя будет убавлена, а после Фоминой учнут в середы и пятки весь год молоко есть. Имея в виду последнее средство спасения поморцев, самосожжение, дьячок сказал: как пришлют эти указы к нам в погост и будут люди по лесам жить и гореть, и я пойду с ними в леса жить и гореть. Священник прибавил: возьми и меня с собой; знать житье ныне к концу приходит. Дело относится к 1704 г. В том же году ладожский стрелец, возвращаясь домой из Новгорода, повстречался с неведомым старцем, который завел с ним такую беседу: ныне службы частые; какое ныне христианство! ныне вера все по-новому: вот у меня есть книги старые, а ныне эти книги жгут. Когда зашла речь про государя, старец продолжал: какой он нам, христианам, государь! он не государь, а латыш, поста не соблюдает; он льстец (обманщик), антихрист, рожден от нечистой девицы; что он головой запрометывает и ногой запинается, и то, знамо, его нечистый дух ломает; он и стрельцов переказнил за то, что они его ретичество знали, а стрельцы прямые христиане были, не бусурмане; вот солдаты—так те все бусурмане, поста не соблюдают; ныне все стали иноземцы, все в немецком платье ходят да в кудрях (париках) и бороду бреют. Стрелец по долгу службы заступился за государя и заметил, что Петр — царь, от царского племени. Но старец возразил: у него мать нешто царица? она еретица была, все девок родила. Старец был поморский подвижник древнего благочестия, спасавшийся в лесах. На вопрос стрельца, откуда он, старец отвечал: я из Заонежья, из лесов ко мне летом и дороги нет, а есть только зимой и то на лыжах. В этом рассказе живо вскрывается настроение умов в северном Поморье. В 1707 г.

ту же легенду встречаем и на юге, в Белгородском уезде (Курской губ.). Два священника разговорились и один сказал: Бог знает, что у нас в царстве стало: вся наша Украина от податей пропала; такие подати стали—уму непостижные, а вот теперь и до нашей братии священников дошло, начали брать с бань, с изб, с пчел, чего отцы и прадеды не слыхивали; никак в нашем царстве государя нет? Этот священник в церковном молитвословии вычитал сведение, что антихрист родится от недоброй связи, от жены скверной и девицы мнимой, от колена Данова. Он и задумался над тем, что это за колено Даново и где это родится антихрист, уж не на Руси ли. Однажды пришел к нему отставной прапорщик Белгородского полка Аника Акимыч Попов, человек убогий, промышлявший грамотным промыслом, учивший ребят грамоте. Священник и сообщил ему свое недоумение насчет антихриста: «в миру у нас ныне тяжело стало, а в книгах писано, что скоро родится антихрист отъ племени Данова». Аника Акимыч подумал и ответил: «антихрист уже есть; у насъ въ царстве не государь царствует, а антихрист; знай себе: Даново племя — это царское племя, а ведь государь родился не от первой жены, а от второй; так и стало, что онъ родился отъ недоброй связи, потому что законная жена бывает только первая». Так и пошло сказание о царе-антихристе.

Оба эти сказания, разумеется, ставили народ в самое неблагоприятное отношение к реформе и много вредили ее успеху. Народное внимание было обращено не на те образовательные интересы, которым старался удовлетворить преобразователь, а на те противоцерковные и противонародные замыслы, какие чудились суеверной мысли в его деятельности. При таком отуманенном настроении Значение обоих сказаний для реформы.

реформа представлялась народу чем-то чрезвычайно тяжелым, темным. Немногие в народе, видавшие царя на работе, могли оказать лишь слабое противодействие темным толкам и пересудам. До нас дошли и такие сказания, которые показывают, какое чарующее впечатление преобразователь мог производить на массу своей личностью, своей работой. Один крестьянин Олонецкого края, передавая сказания о Петре, о том, как он бывал на Севере, как он работал, заключил свой рассказ словами: вот царь так царь! даром хлеба не ел, пуще мужика работал. Но такое впечатление досталось в удел только немногим из народа, кто мог наблюдать Петра в его настоящем рабочем виде или кто способен был под оболочкой жестокой власти почуять внутреннюю нравственную силу, которою приводилась в движение эта видимо беспорядочная и порой опрометчивая деятельность. Один из прибыльщиков (Ив. Филиппов) в записке, поданной самому Петру, обронил меткий о нем отзыв, которому может позавидовать историк, назвал его «многомысленной и беспокойной главой», умеющей понимать того, кто ищет «правды, а народу обороны». Но фантазия народного множества, которому кнут и монах очертили дозволенные пределы мышления, нарядили Петра в самые постылые образы, какие нашлись в хламе ее представлений. Эти легенды питали и нравственно освящали порожденное государственными тягостями и немецкими новшествами общее недовольство всех сословий, о котором говорят свои и чужие наблюдатели, что оно к концу царствования достигло крайнего предела. Однако, открытого восстания не ждали за недостатком вождя и в расчете на рабскую покорность народа. Боевые мятежные силы, какие были налицо, израсходовались на прежние

бунты стрелецкие, астраханский, булавинский. Разоруженную тяжбу с властью народ перенес теперь в высший суд мирской совести. Вскоре по смерти Петра стрельцы-раскольники рассказывали: когда государь преставлялся, он сам про себя говорил: еще бы мне жить было, да мир меня проклял. О великих трудах и замыслах Петра на пользу народа в ходячих народных толках не было и помину. Реформа пронеслась над народом, как тяжелый ураган, всех напугавший и для всех оставшийся загадкой.

Высшие классы.

Высшие классы общества, стоявшие ближе к преобразователю, были глубже захвачены реформой и могли лучше понять ее смысл. Реформа давала им много побуждений усердно содействовать стремлениям Петра. Многообразными нитями эти классы успели связаться с западноевропейским миром, откуда шли преобразовательные возбуждения. Правительство, комплектуемое из этой среды, волей-неволей должно было поддерживать созданное Петром влиятельное положение России в Европе, а для успеха дипломатических сношений не ослаблять и культурных связей с нею. В ту же сторону тянули и перемены в социальном и племенном составе этих классов. В правительственном кругу при Петре удержались скудные остатки старой московской знати: несколько князей Голицыных да Долгоруких, кн. Репнин, кн. Щербатов, Шереметев, Головин, Бутурлин — вот почти и все представители родословного боярства, ставшие видными дельцами при Петре. Ядро правительственного класса, слагавшегося в XVII в., образовалось из высшего столичного дворянства, из царедворцев, как его звали при Петре, Пушкиных, Толстых, Бестужевых, Волынских, Кондыревых, Плещеевых, Новосильцевых, Воейковых

и мн. др. Сюда шел непрерывный приток из провинциального дворянства, к которому, напр., принадлежали Ордин-Нащокин при царе Алексее, Неплюев при Петре, даже из «убогого шляхетства» и из слоев «ниже шляхетства», каковы были Барышкины, Лопухины, Меншиков, Зотов, наконец, прямо из холопства — Курбатов, Ершов и другие прибыльщики. В 1722 г. именитый купец Строганов был пожалован в бароны. Вторжение этих новиков в чиновные ряды, не содействуя единодушию правящего класса, разрушая его генеалогический и нравственный состав, все же вносило туда некоторое оживление, похожее на соперничество, отучало от боярской спеси и стольничьей рутины. Рядом с выслужившимися доморощенными новиками становилось и получало важное значение множество чужаков, инородцев и иноземцев: барон Шафиров, сын пленного и крестившегося еврея, служившего во дворе боярина Хитрова, а потом бывшего сидельцем в лавке московского купца. Ягужинский, как рассказывали сын выехавшего из Литвы органиста лютеранской церкви, в детстве пасший свиней, петербургский генерал-полицеймейстер Девьер, юнгой приехавший на португальском корабле в Голландию и там замеченный Петром, барон Остерман, сын вестфальского пастора, граф Брюс, генерал Геннинг, устроитель горных заводов, инж. Миних, а потом потянутся в русскую знать родственники Екатерины I, с трудом разысканные по литовским деревням крестьяне, осыпанные в Петербурге титулами, чинами и богатствами, различные Скавронские, Ефимовские, Гендриковы. Многие из этих пришлецов были люди образованные и заслуженные, как Брюс, Шафиров, Остерман, и не были расположены порывать связей своего нового отечества с западно-европейским миром, а своим образованием и за-

слугами кололи глаза невежественному и дармоедному большинству русской знати.

Заграничное обучение.

Наконец, и начатки образования кое-как привязывали высшие классы русского общества к тому же миру. При Петре, в первую половину царствования, когда еще было очень мало школ, главным путем к образованию служила заграничная посылка русских дворян массами для обучения. Некоторые, добровольно или по указу странствовавшие по Европе, уже будучи семейными людьми, в летах, записали свои заграничные наблюдения, показывающие, как труден и малоплоден был этот образовательный путь. Неподготовленные и равнодушные, с широко раскрытыми глазами и ртами смотрели они на нравы, порядки и обстановку европейского общежития, не различая див культуры от фокусов и пустяков, не отлагая в своем уме от непривычных впечатлений никаких помыслов. Один, например, важный московский князь, оставшийся неизвестным, подробно описывает свой амстердамский ужин в каком-то доме, с раздетой дочиста женской прислугой, а увидев храм св. Петра в Риме, не придумал ничего лучшего для его изучения, как вымерить шагами его длину и ширину, а внутри описать обои, которыми были увешены стены храма. Кн. Б. Куракин, человек бывалый в Европе, учившийся в Венеции, попав в 1705 г. в Голландию, так описывает памятник Эразму в Роттердаме: «Сделан мужик вылитой медной с книгою на знак тому, который был человек гораздо ученой и часто людей учил, и тому на знак то сделано». В Лейдене он посетил анатомический театр проф. Бидлоо, которого называет Быдлом, видел, как профессор «разнимал» труп и «оказовал» студентам его части, осматривал богатейшую коллекцию препаратов, бальмазированных

«и в спиртусах». Вся эта работа научной мысли над познанием жизни посредством изучения смерти привела русского наблюдателя к совету всем, кому случится быть в Голландии, непременно посмотреть лейденские «кориузиты», что де доставит «многое увеселение». Несмотря на отсутствие подготовки Петр возлагал на учебные посылки за границу широкие надежды, думая, что посланные вывезут оттуда столько же полезных знаний, сколько он сам набрал их в первую поездку. Он повидимому действительно хотел обязать свое дворянство обучаться морской службе, видя в ней главную и самую надежную основу своего государства, как казалось людям, имевшим сношения с русским посольством в Голландии в 1697 г. С этого года он гнал за границу десятки знатной молодежи обучаться навигацким наукам. Но именно море возбуждало наибольшее отвращение в русском дворянине, и он из-за границы плакался своим, прося назначить его хотя бы последним рядовым солдатом или в какую-нибудь «науку сухопутскую», только не в навигацкую. Впрочем, с течением времени программа заграничной выучки была расширена. Из записок Неплюева, не в пример соотечественникам умно использовавшего свою заграничную учебную командировку (в 1716—1720 гг.), видим, чему обучались тогда русские за границей и как усвояли тамошнюю науку. Партии таких учеников, все из дворян, были рассеяны по важнейшим городам Европы: в Венеции, Флоренции, Тулоне, Марсели, Кадиксе, Париже, Амстердаме, Лондоне, учились в тамошних академиях живописному искусству, экипажеству, механике, навигации, инженерству, артиллерии, рисованию мачтапов, как корабли строятся, боцманству, артикулу солдатскому, танцовать, на шпагах

биться, на лошадях ездить и всяким ремеслам, медному, столярному и судовым строениям, бегали от науки на Афонскую гору, посещали «редуты», игорные дома, где дрались и убивали один другого, богатые хорошо выучивались пить и тратить деньги, промотавшись, продавали свои вещи и даже деревни, чтобы избавиться от заграничной долговой тюрьмы, а бедные, неаккуратно получая скудное жалованье, едва не умирали с голоду, иные от нужды поступали на иностранную службу и все вообще плохо поддерживали приобретенную было в Европе репутацию «добрых кавалеров». По возвращении домой с этих проводников культуры легко свеивались иноземные обычаи и научные впечатления, как налет дорожной пыли, и домой привозилась удивлявшая иностранцев смесь заграничных пороков с дурными родными привычками, которая, по замечанию одного иноземного наблюдателя, вела только к духовной и телесной испорченности и с трудом давала место действительной добродетели, истинному страху Божию. Однако кое-что и прилипало. Петр хотел сделать дворянство рассадником европейской военной и морской техники. Скоро оказалось, что технические науки плохо прививались к сословию, что русскому дворянину редко и с великим трудом удавалось стать инженером или капитаном корабля, да и приобретенные познания не всегда находили приложение дома: Меншиков в Саардаме вместе с Петром лазил по реям, учился делать мачты, а в отечестве был самым сухопутным генерал-губернатором. Но пребывание за границей не проходило бесследно: обязательное обучение не давало значительного запаса научных познаний, но все-таки приучало дворянина к процессу выучки и возбуждало некоторый аппетит к знанию: дворянин все же обу-

чался чему-нибудь, хотя бы и не тому, за чем его посылали.

Газета. Петр заботился завести и домашние образовательные средства. Для этого надобно было прежде всего вывести русского человека из его национального одиночества, продвинуть его кругозор за пределы его отечества. Средствами для этого Петр почитал газету и театр. По его указу с января 1703 г. стало выходить в Москве периодическое издание *Ведомости*. Через 2—3 дня, иногда позднее, по приходе заграничной почты выходил нумер Ведомостей в один или несколько листков размером в осьмушку, напечатанный подслеповатым церковным шрифтом и излагавший «грамотки» корреспонденции привезенных иностранных газет из разных городов Европы. Русские известия велено было доставлять из приказов на Печатный двор (на Никольской), где печаталась газета. В № 1, который правлен самим царем, было сообщено между прочим, что «повелением Его Величества московские школы (академия) умножаются и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили, в математической штюрманской (навигацкой) школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют»; в Москве ноября с 24 по 24 декабря (1702 г.) родилось мужеска и женска полу 386 человек, а «изъ Олонца пишутъ», что тамошний поп Иван Окулов набрал с тысячу человек охотников, перешел шведский рубеж, побил 50 чел. шведской конницы да 400 пехоты, сжег до тысячи дворов и добычу отдал своим «солдатам», а «из попова войска» только ранено 2 солдата. Не только иностранные, но иногда и русские известия доходили до читателей московской газеты из иностранных источников в буквальном извлечении, без подкраски

и без опасения административного взыскания. Так из Ниеншанца на Неве за 7 месяцев до основания там Петербурга в № 1 было напечатано шведское известие: «Мы здесь живем в бедном постановлении, понеже Москва в здешней земле зело недобро поступает», обыватели от страха бегут в Выборг, захватив из имущества, что получше. В 1703 г. вышло 39 нумеров газеты.

Театр.

Царь Алексей пытался устроить придворный театр в Москве с помощью выписной иноземной труппы (л. LIII). Не решаюсь сказать, сколь сильное действие оказала эта попытка на художественный вкус избранного общества, приезд ко двору имевшего. Но в Москве были и свои питомники сценического вкуса, способные служить национальной опорой этому завозному развлечению. Кн. Б. Куракин пишет, что у знатных людей его времени дворовые их холопы на святках играли «всякие гистории смешные». В московской академии ставились мистерии; играли их «государственные младенцы», как прозывались в афишах студенты академии, вызывавшиеся или командированные на роли в этих спектаклях; прозвище объясняется присутствием сыновей московской служилой знати в тогдашнем составе академического студенчества. В тревожные первые годы шведской войны, едва оправившись от Нарвы, Петр хлопотал об устройстве публичного театра в Москве. В 1702 г. выписана была за 5 тысяч ефимков в год, тысяч за 20 р. на нынешние деньги, странствующая немецкая труппа актеров под управлением некоего Кунштa, актера и драматурга; в состав труппы входили и немецкие «студіозусы». На Красной площади построили для публики, для «охотных смотрельщиков», общедоступный театр «комедиальную хоромину» или «комедиальный анбар»,

где два раза в неделю давались представления. Переводчики Посольского приказа переводили на русский язык пьесы Кунштова репертуара, в числе которых на московской сцене шли: *Сципий Африканский*, комедия о *Дон-Педре и Дон-Яне* (Дон-Жуан), о *Баязете и Тамерлане* и даже *Доктор принужденный* Мольера. В пьесы вводился и музыкальный элемент из «поючих действ», т.-е. из опер в форме арий, и элемент комический в лице неизбежного Гансвурста, балаганного шута, героя немецкой народной сцены, имя которого московские приказные переводчики передали словами *Заячье-сало*. Верный правилу не просто пользоваться иноземными мастерами, но и водворять в России их мастерства, Петр обязал Кунншта обучать русских «комедиантским наукам с добрым радением и со всяким откровением», для чего наряженные в это мастерство подьячие из разных приказов должны были ходить в Немецкую слободу, где жил Куншт.

Школы. Одним из самых сильных впечатлений, вынесенных Петром из первой заграничной поездки, если не сильнейшим, кажется, было чувство удивления: как там много учатся и как споро работают и работают споро именно потому, что много учатся! Под этим впечатлением у него повидимому складывался план завести в России нечто похожее на университет или политехникум. Вскоре по возвращении в беседе с патриархом он выразил недовольство московской академией, где мало кто учится, и нет надлежащего надзора. Он хотел иметь школу, из которой бы «во всякие потребы люди происходили, в церковную службу и в гражданскую, воинствовати, знати строение и докторское врачевское искусство», и которая избавила бы отцов, желающих обучить своих детей «свободным наукам», от необходимости обращаться для этого

к иноземцам. Но по недостатку средств и подготовки широко задуманный план высшего учебного заведения разбился на мелкие элементарные технические училища. На такие школы Петр и обратил свои народно-образовательные заботы в первые годы XVIII в., еще не успев уяснить себе всех размеров предстоявшей ему преобразовательной работы и только ограничиваясь текущими неотложными делами военными и финансовыми. Вместе с разрешением свободного выезда «в европские государства для науки», с открытием публичного театра и изданием первой газеты кн. Куракин в своей летописной автобиографии отмечает заведение математических школ и «других наук и артей (ремесл), как шляпы делать, сукна, кожи на лосинную стать, штукаторные фигуры из гипса, архитектурою палаты строить». Но, разумеется, впереди всех народно-образовательных потребностей шли нужды армии и флота. В 1698 г. Петр подговорил в Англии на русскую службу профессора эбердинского университета Фарварсона, который стал преподавателем в открытой в 1701 г. на Сухаревой башне в Москве навигацкой школе для детей дворян и других чинов людей. Он был основателем математического и навигацкого обучения в России, и о нем позднее писали, что им приготовлены при Петре едва ли не все русские моряки от высших и до низших. С двумя другими англичанами он вел учение «чиновно», как следует; лишь временами, как доносил заведывавший школой Курбатов, англичане загуляются или долго проспят и вообще не торопятся в своей работе, «остропонятных» учеников, в ученьи забегавших вперед, бранят, дожидались бы отставших товарищей. Фарварсона перевели потом в морскую академию, открытую в Петербурге в 1715 г. для детей знатного дворянства «вместо посылки

за границу». В 1711 г. становится известной инженерная школа в Москве с «надзирателем» подполковником фон-Строусом и преподавателем инженером полковником Лямкиным, а в Петербурге возникает артиллерийская школа. Если при этом вспомнить московскую славяно-греко-латинскую академию с ее богословской программой, рассчитанной на образовательные нужды духовенства, то получим два высших учебных заведения с предполагаемым сословным составом и три специальные по званиям школы, итого получим пять фальшивых представлений. К этим школам не идут ни их официальные звания, ни наши социальные и учебные классификации. Все они были школы разносословные и довольно элементарные, только венчавшие свои программы какими-нибудь специальностями. В московской навигацкой школе рядом с князьями сидели дети дворовых людей. Учеников набирали отовсюду, как охотников в тогдашние полки, лишь бы укомплектовать заведение. В московскую инженерную школу навербовали 23 ученика. Петр потребовал довести комплект до 100 и даже до 150 человек, только с условием, чтобы две трети было из дворянских детей. Учебное начальство не смогло исполнить предписания; новый сердитый указ — набрать недостающих 77 учеников из всяких чинов людей, а из царедворцовых детей, из столичного дворянства, за кем не меньше 50 крестьянских дворов, — принудительно. Еще явственнее выступает такой характер тогдашней школы в составе и программе морской академии. В этом по плану преимущественно дворянском и специально техническом заведении из 252 учеников было только 172 из шляхетства, остальные — разночинцы. В высших классах преподавались *большая астрономия*, *плоская* и *круглая навигация*, а в низших обучались

азбукам 25 разночинцев, *часословам* двое из шляхетства и 25 разночинцев, *псалтырям* 1 из шляхетства и 10 разночинцев, *письму* 8 разночинцев. Школьное обучение обставлено было многочисленными затруднениями. Учить и учиться и тогда уже было тяжело, хотя школа еще не была стеснена уставами и надзором, а занятый войной царь всей душой радел о школе. Недоставало необходимых учебных пособий или они были оченъ дороги. Казенная типография, Печатный двор в Москве, издававший учебники, в 1711 г. купил у собственного справщика, корректора, иеродиакона Германа понадобившийся «для школьных дел» италианский лексикон за $17^1/_2$ р. на наши деньги. Инженерная школа в 1714 г. потребовала у Печатного двора 30 геометрий и 83 книги *синусов*. Печатный двор отпустил геометрии по 8 р. экземпляр на наши деньги и о синусах отписал, что их у него совсем нет. Нелегко представить себе язык, на каком преподавали выписанные иноземные учителя русским ученикам, едва начинавшим знакомиться с иноземными языками. Ко всему этому надобно прибавить еще педагогические приемы. Директор морской академии, француз барон С.-Илер, человек, не сведущий в науках, по отзыву главного начальника академии гр. Матвеева, своим обращением с академистами довел одного из них до подачи жалобы самому царю на то, что директор бил его по щекам и палкой при всей школе. В учебном ведомстве создавалась атмосфера, чуждая и даже враждебная науке. Я решаюсь нарушить педагогическое правило не повергать своих слушателей в уныние, знакомя вас с некоторыми чертами инструкции морской академии, утвержденной Петром в 1715 г. Морская гвардия, как называются воспитанники академии, ежедневно ранним

утром собирается в зале для молитвы, прося Господа Бога о потребной милости и о здравии его царского величества и о благополучии его оружия, *под наказанием*. Затем каждый должен сесть на свое место «без всякой конфузии, не досадя друг другу, *под наказанием*». Ученики должны слушать, чему их будут учить профессора и к оным надлежащее почтение иметь, *под наказанием*. Профессора должны обучать морскую гвардию со всяким прилежанием и лучшим вразумительным образом, *под наказанием*. Профессора не должны ничего брать со своих учеников «прямым ниже посторонним образом, под опасением возврата взятого вчетверо, а в случае повторения оного прегрешения — *под телесным наказанием*». Школа, превращавшая воспитание юношества в дрессировку зверей, могла только отталкивать от себя и помогла выработать среди своих питомцев своеобразную форму противодействия—*побег*, примитивный, еще не усовершенствованный способ борьбы школяров со своей школой. Школьные побеги вместе с рекрутскими стали хроническими недугами русского народного просвещения и русской государственной обороны. Это школьное дезертирство, тогдашняя форма учебной забастовки, станет для нас вполне понятным явлением, не переставая быть печальным, если к трудно вообразимому языку, на каком преподавали выписные иноземные учителя, к неуклюжим и при том трудно добываемым учебникам, к приемам тогдашней педагогии, вовсе не желавшей нравиться учащимся, прибавим взгляд правительства на школьное ученье, не как на нравственную потребность общества, а как на натуральную повинность молодежи, подготовлявшую ее к обязательной службе. Когда школа рассматривалась как преддверие казармы

или канцелярии, то и молодежь приучалась смотреть на школу как на тюрьму или каторгу, с которой бежать всегда приятно. В 1722 г. Сенат публиковал во всенародное сведение высочайший указ с торжественностью, подобающей разве только манифестам (манифесту — вариант 1910) о созыве Государственной Думы. Этот указ Его Величества Императора и Самодержца Всероссийского объявлял всенародно, что из московской навигацкой школы, зависевшей от петербургской морской академии, бежало 127 школьников, от чего произошла утрата денежной суммы академической, потому что оные школьники — стипендиаты, «жив многие лета и забрав жалованье, бежали». Указ деликатно приглашал беглецов явиться в школу в указанные сроки под угрозой штрафа для шляхетских детей и более чувствительного «наказания» для нижних чинов. К указу приложен был и список беглецов, как персон, заслуживающих внимания всей империи, которая оповещалась, что из шляхетства бежали 33 ученика и между ними кн. А. Вяземский; остальные были дети рейторов, гвардейских солдат, разночинцев да 12 человек из боярских холопов, так разносословен был состав тогдашней школы.

Гимназия Глюка.

Так туманно занималась заря русского школьного просвещения. Своеобразным эпизодом в ходе этого просвещения является школа Глюка. Саксонец родом, энтузиастический педагог и миссионер, получивший хорошее филологическое и богословское образование в немецких университетах, он пастором отправился в Лифляндию, в городок Мариенбург, выучился по-латышски и по-русски, чтобы перевести Библию прямо с еврейского и греческого текста для местных латышей, а для русских, живших в восточной Лифляндии, с малопонятного им славянского

на простой русский язык, хлопотал о заведении латышских и русских школ и для последних переводил на русский язык учебники. В 1702 г. при взятии Мариенбурга русскими войсками он попал в плен и был препровожден в Москву. Тогдашнее московское ведомство иностранных дел нуждалось в толмачах и переводчиках и добывало их всякими путями, приглашало на свою службу иноземцев или поручало им обучать русских иноземным языкам. Так, в 1701 г. директор школы в Немецкой слободе Швиммер был приглашен Посольским приказом на должность переводчика, и ему поручено было обучить языкам немецкому, французскому и латинскому 6 подьяческих сыновей, предназначенных служить переводчиками в этом приказе. И пастору Глюку, помещенному в слободе, отдано было для обучения языкам несколько учеников Швиммера. Но когда обнаружилось, что пастор может обучать не только языкам, но и «многим школьным и математическим и философским наукам на разных языках», ему в 1705 г. устроили в самой Москве целое среднее учебное заведение на Покровке, «гимназию», как она называется в актах. Петр оценил ученого пастора, в доме которого, замечу мимоходом, жила schönes Mädchen von Marienburg, как звали местные обыватели ливонскую крестьянку, впоследствии императрицу Екатерину I. На содержание школы Глюка назначено было 3 т. р., около 25 т. на наши деньги. Глюк начал дело пышным и заманчивым воззванием к русскому юношеству, «аки мягкой и всякому изображению угодной глине»; воззвание начинается словами: «Здравствуйте, плодовитые, да токмо подпор и тычин требующие дидивины!» Тут же была напечатана и программа школы с перечнем преподавателей, все выписных из-за границы: учредитель вызывался обучать

географии, ифике, политике, латинской риторике с ораторскими упражнениями, философии картезианской, языкам—французскому, немецкому, латинскому, греческому, еврейскому, сирскому и халдейскому, танцовальному искусству и поступи немецких и французских учтивств, рыцарской конной езде и берейторскому обучению лошадей. По сохранившимся и недавно изданным документам, идущим с начала 1705 г., когда школа была утверждена указом, можно составить довольно обстоятельную историю этого любопытного, хотя и недолговечного общеобразовательного заведения. Ограничусь лишь немногими чертами. По указу школа предназначалась для бесплатного обучения разным языкам и «философской мудрости» детей бояр, окольничих, думных и ближних и всякого служилого и *купецкого* чина людей. Глюк приготовил для своей школы на русском языке краткую географию, русскую грамматику, лютеранский катехизис, молитвенник, изложенный плохими русскими стихами, и ввел в преподавание руководство к параллельному изучению языков чешского педагога XVII в. Коменского, из которых Ordis pictus, *Мир в лицах*, обошел чуть ли не все начальные школы Европы. По смерти Глюка в 1705 г. «ректором» школы стал один из ее учителей Паус Вернер; но за его «многое неистовство и развращение», за продажу школьных учебников в свою пользу ему от школы было отказано. Глюку предоставлено было приглашать учителей из иноземцев, сколько ему понадобится. В 1706 г. их было 10; они жили в школе на казенных меблированных квартирах, образуя застольное товарищество; кормила их за особое вознаграждение вдова Глюка; сверх того они получали денежное жалованье со столовыми от 48 до 150 р. в год (384—1.200 р. на наши деньги); при

этом все просили прибавки. Кроме того, при школе полагались слуги и лошади. Из пышной программы Глюка преподавались на деле только языки латинский, немецкий, французский, итальянский и шведский, учитель которого преподавал и «гисторию», сын Глюка готов был излагать и философию всем охотникам «феологских сладостей», если таковые найдутся, а учитель Рамбур, танцовальный мастер, вызывался преподавать «телесное благолепие и комплементы чином немецким и французским». Курс состоял из трех классов: начального, среднего и верхнего. Ученикам обещано было важное преимущество: окончившим курс «в службу неволею взятья не будет», будут они приниматься на службу, когда пожелают, по состоянию и искусству. Школа объявлена была вольной: в нее записываются «своею охотою». Но принцип академической свободы скоро разбился о научное равнодушие: в 1706 г. в школе было только 40 учеников, а учителя находили, что можно прибавить еще 300. Тогда недоросли, дети «знатных чинов», в науке не состоящие, были оповещены указом, чтобы «они привожены были в тое школу безо всякого отбывательства и учились на своих довольствах и кормах». Но эта мера, кажется, не пополнила школы до желаемого комплекта. В первое время среди ее учеников являются кн. Барятинский, Бутурлин и других знатных людей дети на своем содержании; но потом в школу вступают все люди с темными именами и большей частью в «кормовые ученики», на казенные стипендии в 90 — 300 р. на наши деньги. Вероятно, это были в большинстве сыновья приказных людей, учившихся по распоряжению начальства их отцов. Состав учащихся был очень пестр: в нем встречаются дети беспоместных и безвотчинных дворян,

майоров и капитанов, солдат, посадских людей, вообще люд недостаточный; один ученик, например, жил на Сретенке у диакона, нанимал угол со своею матерью, а отец его был солдат; учеников «безжалованных», своекоштных было меньшинство. В 1706 г. установлен был штат в 100 учеников, которым «давать жалованье определенное», увеличивая его с переходом в высший класс, «дабы охотнее учились, и в том стараться как возможно, чтобы поспешно учились». Для учеников, живших далеко от училища, учителя просили устроить общежитие, построив на школьном дворе 8 или 10 малых изб. Ученики считались своего рода корпорацией: их коллективные челобитья начальство принимало во внимание. В канцелярских бумагах немного указаний на ход преподавания в школе; но по указу о ее учреждении записавшиеся в нее могли учиться, «каких наук кто похочет». Очевидно, и тому времени не чужда была идея предметной системы. Школа не упрочилась, не стала постоянным заведением; ученики ее постоянно расползались, переходили кто в славяно-греко-латинскую академию, кто в медицинскую школу при московском военном госпитале, устроенном в 1707 г. на реке Яузе под руководством доктора Бидлоо, племянника известного лейденского профессора; иные были командированы для дальнейшей науки за границу или пристроились в московской типографии, многие из помещичьих детей самовольно разъехались по деревням, т.-е. бежали, соскучившись по матерям и сестрам. В 1715 г. последние учителя оставившиеся в школе, были переведены в Петербург, кажется, в открывавшуюся тогда морскую академию. После о школе Глюка вспоминали как о смешной затее мариенбургского пастора, бесполезность которой заметил, нако-

нец, и Петр. Гимназия Глюка была у нас первой попыткой завести светскую общеобразовательную школу в нашем смысле слова. Мысль оказалась преждевременной: требовались не образованные люди, а переводчики Посольского приказа, и училище Глюка разменялось на школу иностранных корреспондентов, оставив по себе смутную память об «академии разных языков и кавалерских наук на лошадях на шпагах» и т. п., как охарактеризовал школу Глюка кн. Б. Куракин. После этой школы учебным заведением с общеобразовательным характером оставалась в Москве только греко-латинская академия, рассчитанная на церковные нужды, хотя еще не утратившая всесословного состава. Брауншвейгский резидент Вебер, в 1716 г. уже не заставший школы Глюка, очень одобрительно отзывается об этой академии, где училось до 400 студентов у ученых монахов «острых и разумных людей». Студент высшего класса, какой-то князь, сказал Веберу довольно искусную, заранее выученную латинскую речь, состоявшую из комплиментов. Любопытно его же известие о математической школе в Москве, что преподаватели в ней—русские, за исключением главного из них, англичанина, превосходно обучавшего многих молодых людей. Это, очевидно, знакомый уже нам эдинбургский профессор Фарварсон. Значит, заграничные учебные посылки не были совсем безуспешны, дали возможность снабдить школу русскими преподавателями. Но успехи добывались нелегко и небезгрешно. Заграничные ученики своим поведением приводили в отчаяние приставленных к ним надзирателей: учившиеся в Англии нашалили так, что боялись воротиться в отечество. В 1723 г. последовал одобрительный указ, приглашавший шалунов безбоязненно воротиться домой, во всем их про-

щавший и милостиво обнадеживавший в безнаказанности, обещавший даже награды «жалованьем и домами».

Начальные школы.

Во всесословном составе столичных школ уже мелькает мысль о всенародном образовании. Эта мысль бродила в тогдашних умах, захваченных реформой; только трудно сказать, была ли она плодом преобразовательной горячки, или практически обдуманным, осуществимым планом. Посошков признавал возможным ввести обязательное обучение всех крестьянских детей даже в определенный срок, в 3—4 года: дьячки должны были обучать их грамоте, читать и писать. Мысль о начальной народной школе занимала и самого Петра. Московская математическая школа имела стать рассадником начального образования в России. В 1714 г., когда вышел указ об обязательном обучении дворянства, велено было из этой школы послать учеников во все губернии «для науки молодых ребяток изо всяких чинов людей» в арифметических или, как они еще назывались, цыфирных школах, которые повелено было завести при архиерейских домах и в знатных монастырях; учителям давать жалованья по гривне на день, 300 руб. в год на наши деньги. Дело ладилось плохо: детей в новые школы не высылали; их набирали насильно, держали в тюрьмах и за караулом; в 6 лет мало где устроились эти школы; посадские люди отпросили у Сената своих детей от цыфирной науки, чтобы не отвлекать их от отцовских дел; из 47 посланных в губернии учителей восемнадцать не нашли учеников и воротились назад; в рязанскую школу, открытую только в 1722 году, набрали 96 учеников, но из них 59 бежало. Вятский воевода Чаадаев, желавший открыть в своей провинции цыфирную школу, встретил противодействие со стороны епархиальных властей и духовенства.

Чтобы набрать учеников, он разослал по уезду солдат воеводской канцелярии, которые хватали всех годных для школы и доставляли в Вятку. Дело, однако, не удалось. В цыфирных школах обучали грамоте, письму, арифметике и части геометрии: этим ограничивалась тогдашняя программа начальной школы. К концу царствования Петра таких училищ считалось до полусотни; они заведены были во многих провинциальных городах, но не во всех губернских. Петру не удалось сделать их всенародными: в них обучались преимущественно, если не исключительно, «дьячьи и подьяческие дети», значит, юношество, предназначенное для приказной службы. Вообще народное образование вводилось урывками, случайными усилиями отдельных ревнителей, подобных вятскому воеводе. Известный прибыльщик Курбатов, попав вице-губернатором в Архангельск, набрал человек с сорок солдатских детей-сирот и завел школу, многих из них обучил грамоте и хотел даже учить цыфири и навигации. Та же случайность господствовала и в домашнем обучении: не раз упомянутый мною кн. Куракин в 1705 г. посадил своих детей учиться грамоте немецкого языка, подыскав «мастера» за 100 руб. Обучение одному немецкому языку стоило около 800 р. на наши деньги. В этом деле пригодились и пленные шведские офицеры: их брали большие господа для обучения своих детей и они преподавали даже с большим успехом, чем учителя правительственных школ. Образовательными средствами побирались, как милостыней, и брали все, что Бог посылал.

Книги; ассамблеи; учебник приличий.

Новый покрой платья, парики, бритые бороды, как и коллегиальные учреждения, средние начальные школы входили составными частями в один общий и широкий план — образить, облицевать русских людей внутри и

снаружи по подобию просвещенных народов, дать их наружности, управлению, мышлению и самому общежитию склад не отчуждающий, а сближающий с европейским миром, с которым историческая судьба связала русский народ. С этой стороны подробности, кажущиеся маловажными, получают свое значение. Заставляя дворянство обучаться техническим наукам, Петр хотел сделать его и проводником европейских светских обычаев и приличий в русское общество. С 1708 г. по его указу книги недуховного содержания стали печатать новым «гражданским» шрифтом, сближенным по начертанию букв с латинским, как старый славяно-русский церковный шрифт имел сходство с греческим. Первой напечатанной новым шрифтом книгой, понятно, вышла *Геометриа, славенски землемерие;* она печаталась с рукописи, испещренной собственноручными поправками Петра, находившего досуг для цензурных и корректурных занятий. Но стоит заметить, что второй книгой были *Приклады, како пишутся комплементы разные,* перевод немецкого письмовника с образцами писем на разные случаи и к разным лицам. На одной печатной азбуке, в которой буквы нового начертания также поправлены самим Петром, он пометил: «сими литерами печатать исторические и мануфактурные книги». Так и типографский шрифт, подобно покрою платья, становился показателем известного порядка идей и знаний, символом миросозерцания. При Петре напечатано было не мало переводных книг разнообразного содержания, в том числе по истории и технологии, а года через три по смерти его на книжном рынке в Москве запасались и польскими книгами. Типография давала образцы вежливой и приличной корреспонденции; полиция издавала обязательные постановления о пристой-

ном общежитии. Петербургский обер-полицеймейстер Девиер в 1718 г. публиковал распоряжение об *ассамблеях*, вольных собраниях, открывавшихся по вечерам в знатных домах по установленному порядку для дворян, людей высших чинов до обер-офицеров, знатных купцов и главных мастеров. Ассамблея — и биржа, и клуб, и приятельский журфикс, и танцовальный вечер. Здесь толковали о делах, о новостях, играли, пили, плясали. Никаких церемоний, ни встреч, ни проводов, ни потчиваний; всякий приходил, пил, ел, что поставил на стол хозяин, и уходил по усмотрению. За нарушение правил штраф — осушить *орла*, большой кубок крепкого вина с изображением государственного герба, чтобы стать предметом общего веселого смеха. В 1717 г. издана была по распоряжению или с разрешения Петра переводная книжка *Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению*. Идея книги самая заманчивая — преподать правила, как держать себя в обществе, чтобы иметь успех при дворе и в свете. Первое общее правило—не быть подобным деревенскому мужику, который на солнце валяется; не славная фамилия и не высокий род приводят к шляхетству, но благочестные поступки и добродетели, украшающие шляхтича, коих три: приветливость, смирение и учтивость. Усовершенствованный младый шляхтич, желающий прямым придворным стать, должен быть обучен наипаче языкам, конной езде, танцованию, шпажной битве, красноглаголив и в книгах начитан, уметь добрый разговор вести, намерения своего никому не объявлять, дабы не упредил его другой, должен быть отважен, неробок: кто при дворе стыдлив бывает, тот с порожними руками от двора отходит. Таковы качества, приводящие к дворянской цели жизни — стать

лощеным светским фатом и придворным пройдохой. Книжонка пришлась по вкусу: при Петре она выдержала три издания, издавалась не раз и после. Она давала наставления, которые для молодого русского шляхтича были полезными, хотя и трудно усвояемыми откровениями: повеся голову и потупя глаза по улице не ходить и на людей косо не заглядывать, глядеть весело и приятно с благообразным постоянством, при встрече со знакомым за три шага шляпу снять приятным образом, а не мимо прошедши оглядываться, в сапогах не танцовать, в обществе в круг не плевать, а на сторону, в комнате или в церкви в платок громко не сморкаться и не чихать, перстом носа не чистить, губ рукой не утирать, за столом на стол не опираться, руками по столу не колобродить, ногами не мотать, перстов не облизывать, костей не грызть, ножем зубов не чистить, головы не чесать, над пищей, как свинья, не чавкать, не проглотя куска не говорить, ибо так делают крестьяне. В заключение перечислены 20 добродетелей, долженствующих украшать благородных девиц. Особенно любезны были «младым отрокам» советы не говорить между собою по-русски, чтобы не поняла прислуга и их можно было отличить от незнающих болванов, со слугами не сообщаться, обращаться с ними недоверчиво и презрительно, всячески их смирять и унижать. Немецко-дворянское Зерцало било в самый коренной нерв настроения русского шляхетства. Петр не смотрел на сословные предрассудки и притязания, работал на пользу всего народа. После него ход дел поставил высшему русскому обществу задачу, как бы все плоды работы преобразователя повернуть в пользу одного господствующего сословия, возможно резче обособив его от других классов, незнающих болванов, наипаче от

крестьян и холопов. Ничтожная немецкая книжонка не даром стала воспитательницей общественного чувства русского дворянина.

Правящий класс.

Пройденная при Петре школа не научила людей правящего класса смотреть ясным взглядом на то дело, в котором они принимали такое деятельное участие, и в понимании его сущности они стояли немного выше остального общества. Этот класс чувствовал создавшиеся затруднения, когда об них ударялся, но не находил в голове руководящих идей для их устранения. Ему и неоткуда было запастись такими идеями: то были все дельцы-самоучки, подобно своему вождю, только не обремененные талантами. Они учились делу среди самого дела, на ходу, без подготовки, не привыкнув вдумываться в общий план дела и в его цели. Теперь они почувствовали себя вдвойне свободными. Реформа вместе со старым платьем сняла с них и сросшиеся с этим платьем старые обычаи, вывела их из чопорно-строгого древнерусского чина жизни. Такая эмансипация была для них большим нравственным несчастием, потому что этот чин все же несколько сдерживал их дурные наклонности; теперь они проявили беспримерную разнузданность. Потерей привычной почвы под ногами только и можно объяснить такое невероятное дело: дворовый человек Шереметева Курбатов, столько раз мною упомянутый, путешествуя с барином по Италии в 1698 г., обратился к папе с прошением, в котором, заявляя себя верным сыном католической Церкви, просил снабдить его по приложенному списку книгами религиозно-догматического содержания и, обнадеживая папу в успехе католической пропаганды в России, советовал отправить туда знающих людей, обещая открыть им доступ в дома московской знати. А с другой стороны,

сотрудники реформы поневоле, эти люди не были в душе ее искренними приверженцами, не столько поддерживали ее, сколько сами за нее держались, потому что она давала им выгодное положение. Петр служил своему русскому отечеству, но служить Петру еще не значило служить России. Идея отечества была для его слуг слишком высока, не по их гражданскому росту. Ближайшие к Петру люди были не деятели реформы, а его личные дворовые слуги. Он порой колотил их, порой готов был видеть в них своих сотрудников, чтобы тем ослабить в себе чувство скуки своим самодержавным одиночеством. Кн. Меншиков, герцог Ижорской земли, отважный мастер брать, красть и подчас лгать, не умевший очистить себя даже от репутации фальшивого монетчика; граф Толстой тонкий ум, самим Петром признанная умная голова, умевшая все обладить, всякое дело выворотить лицом на изнанку и изнанкой на лицо; граф Апраксин, сват Петра, самый сухопутный генерал-адмирал, ничего не смысливший в делах и незнакомый с первыми началами мореходства, но радушнейший хлебосол, из дома которого трудно было уйти трезвым, цепной слуга преобразователя, однако затаенный противник его преобразований и смертельный ненавистник иноземцев; барон, а потом граф Остерман, вестфальский попович, камердинер голландского вице-адмирала в ранней молодости и русский генерал-адмирал под старость, в убогое правление Анны Леопольдовны всемогущий человек, которого полушутя звали «царем всероссийским», великий дипломат с лакейскими ухватками, который никогда в подвернувшемся случае не находил сразу, что сказать, и потому прослыл непроницаемо-скрытным, а вынужденный высказаться, либо мгновенно заболевал послушной тошнотой или подагрой,

либо начинал говорить так загадочно, что переставал понимать сам себя, — робкая и предательски-каверзная душа; наконец, неистовый Ягужинский, всегда буйный и зачастую навеселе, лезший с дерзостями и кулаками на первого встречного, годившийся в первые трагики странствующей драматической труппы и угодивший в первые генерал-прокуроры Сената: вот наиболее влиятельные люди, в руках которых очутились судьбы России в минуту смерти Петра. Они и начали дурачиться над Россией тотчас по смерти преобразователя. Через три недели после похорон, 31 марта 1725 г., Ягужинский вечером во время всенощной влетел в Петропавловский собор и, указывая на стоявший средь церкви гроб Петра, принялся громко жаловаться на своего обидчика кн. Меншикова, а на другой день рано утром Петербург был разбужен страшным набатом: это неутешная вдова императрица подшутила над столицей — ради 1 апреля. Суровая воля преобразователя объединяла этих людей призраком какого-то общего дела. Но когда в лице Екатерины I на престоле явился фантом власти, они почувствовали себя самими собой и трезвенно взглянули на свои взаимные отношения, как и на свое положение в управляемой стране: они возненавидели друг друга, как старые друзья, и принялись торговать Россией, как своей добычей. Никакого важного дела нельзя было сделать, не дав им взятки; всем им установилась точная расценка с условием, чтобы никто из них не знал, сколько перепадало другому. Это были истые дети воспитавшего их фискально-полицейского государства с его произволом, его презрением к законности и человеческой личности, с притуплением нравственного чувства. Выдающиеся дельцы той эпохи в роде Артемия Волынского, младшего современника и

птенца Петра Великого, не находили ничего зазорного в тайном доносе, а доказывать свой донос открыто, следственным порядком, очными ставками и «прочими пакостями», по выражению Волынского, бесчестно и для последнего дворянина, а публично оправдавший себя доносчик «и с правдою своею самому себе мерзок будет». Дело Петра эти люди не имели ни сил, ни охоты ни продолжать, ни разрушить; они могли его только портить. При Петре, привыкнув ходить по его жестокой указке, они казались крупными величинами, а теперь, оставшись одни, оказались простыми нулями, потерявшими свою передовую единицу. Бывало, сойдутся для суждения о важном деле, а Остерман, без которого русский двор не умел ступить шагу, заломается, чтобы набить себе цену, не придет, отговорившись какой-либо из своих политических болезней. Вершители отечественных судеб посидят немного и, выпив по стаканчику, разойдутся, а затем увиваются около барона, чтобы разогнать дурное расположение духа петербургского Мефистофеля из Вестфалии. Но в лице Остермана они не чтили ни ума, ни знания, ни трудолюбия, презирали его, как чужака, боялись, как интригана, и ненавидели, как соперника. Нареченный тесть Петра II кн. Меншиков и воспитатель императора бар. Остерман, дружно действовавшие в придворной интриге, раз сцепились в дружеской беседе. Князь обозвал барона атеистом, опустошающим верующую совесть юного монарха, и пригрозил барону Сибирью, а барон, разгорячившись, возразил князю, что сослать его, барона, ему, князю, не под силу, а вот он, барон, в состоянии довести его, князя, до казни четвертованием, чего он, князь, вполне и заслуживает. Но, не задумываясь над смыслом реформы, эти люди чутко угадывали ее

промахи, выгодные для них и для классов общества, с которыми были сами связаны. Здесь же, в этих классах, умели пользоваться законодательным недосмотром Петра, снявшего последние ограничения с крепостного права, но не желали нести положенные за то тягости и особенно негодовали на эту заграничную науку с ее понятиями и обычаями. Неплюев рассказывает, что, когда он с товарищами воротился из заграничной выучки, они были не только от равных им возненавидены, но и от свойственников своих за европейский обычай, в них примеченный, «насмешкой и ругательством осмеяны». Недостроенная храмина, как называл Меншиков Россию после Петра, достраивалась уже не по петровскому плану, и Феофан Прокопович взял на душу немалый грех, сказав в своей знаменитой проповеди при погребении Петра в утешение осиротевшим россиянам, будто преобразователь «дух свой оставил нам».

Лекция LXX.

Эпоха 1725—1762 гг.—Престолонаследие после Петра I.—Воцарение Екатерины I.—Воцарение Петра II.—Дальнейшие смены на престоле.—Гвардия и дворянство.—Политическое настроение высшего класса.—Верховный Тайный Совет.—Кн. Д. М. Голицын.—Верховники 1730 года.

Эпоха 1725—1762 гг.

Обращаюсь к изложению событий, следовавших за смертью Петра. Время от 1725 до 1762 г. составляет особую эпоху, отличающуюся некоторыми новыми явлениями в нашей государственной жизни, хотя основы ее остаются прежние. Эти явления обнаруживаются тотчас по смерти преобразователя и стоят в тесной связи с некоторыми последствиями его деятельности. Прошедшая лекция могла вызвать в вас удивление, как скудны были образовательные средства, созданные реформой, как ненадежны были подобранные Петром дельцы, которым он мог завещать продолжение своего дела, как мало сочувствия привлек он к этому делу в народе и даже в высшем обществе. Все это не внушало надежды, что после Петра реформа будет продолжена и завершена с энергией и в духе начинателя; но явления, которые нам предстоит наблюдать, превзошли самые худшие опасения. Впрочем, не будем опережать хода событий, произносить над ними приговора, пока они сами себя не осудят.

Престолонаследие.

Прежде всего, как и подобает в государстве с абсолютной властью, судьба русского престола оказала решительное действие на ход дел и действие, несогласное с духом и планами преобразователя. Надобно припомнить преемство верховной власти после Петра. В минуту его смерти царствовавший дом распадался на две линии, императорскую и царскую: первая шла от императора Петра, вторая от его старшего брата, царя Ивана. От Петра I престол перешел к его вдове, императрице Екатерине I, от нее ко внуку преобразователя Петру II, от него к племяннице Петра I, дочери царя Ивана Анне, герцогине курляндской, от нее к ребенку Ивану Антоновичу, сыну ее племянницы Анны Леопольдовны брауншвейгской, дочери Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, родной сестры Анны Ивановны, от низложенного ребенка Ивана к дочери Петра I Елизавете, от нее к ее племяннику, сыну другой дочери Петра I, герцогини голштинской Анны, к Петру III, которого низложила его жена Екатерина II. Никогда в нашей стране да, кажется, и ни в каком другом государстве верховная власть не переходила по такой ломаной линии. Так ломал эту линию политический путь, каким эти лица достигали власти: все они попадали на престол не по какому-либо порядку, установленному законом или обычаем, а случайно, путем дворцового переворота или придворной интриги. Виною того был сам преобразователь: своим законом 5 февраля 1722 г., как видели мы, он отменил оба порядка престолонаследия, действовавшие прежде, и завещание, и соборное избрание, заменив то и другое личным назначением, усмотрением царствующего государя. Этот злополучный закон вышел из рокового сцепления династических несчастий. По привыч-

ному и естественному порядку наследования престол после Петра переходил к его сыну от первого брака царевичу Алексею, грозившему разрушить дело отца. Спасая свое дело, отец во имя его пожертвовал и сыном, и естественным порядком престолонаследия. Сыновья от второго брака Петр и Павел умерли в младенчестве. Оставался малолетний внук, сын погибшего царевича, естественный мститель за отца. При вероятной возможности смерти деда до совершеннолетия внука, опеку, значит, власть могла получить которая-либо из двух бабушек: одна—прямая, озлобленная разводка, монахиня, сама себя расстригшая, Евдокия Федоровна, урожденная Лопухина, ненавистница всяких нововведений; другая—боковая, привенчанная, иноземка, простая мужичка темного происхождения, жена сомнительной законности в глазах многих, и достанься ей власть, она наверное отдаст свою волю первому любимцу царя и первому казнокраду в государстве кн. Меншикову. Можно представить себе душевное состояние Петра, когда, свалив с плеч шведскую войну, он на досуге стал заглядывать в будущее своей империи. Усталый, опускаясь со дня на день и от болезни, и от сознания своей небывалой славы и заслуженного величия, Петр видел вокруг себя пустыню, а свое дело на воздухе и не находил для престола надежного лица, для реформы надежной опоры ни в сотрудниках, которым знал цену, ни в основных законах, которых не существовало, ни в самом народе, у которого отнята была вековая форма выражения своей воли, земский собор, а вместе и самая воля. Петр остался с глазу-на-глаз со своей безграничной властью и по привычке к ней искал выхода, предоставив исключительно ей назначение преемника. Редко самовластие наказывало само себя так

жестоко, как в лице Петра этим законом 5 февраля. Один указ Петра гласил, что всуе законы писать, если их не исполнять. И закон 5 февраля был всуе написан, потому что не был исполнен самим законодателем. Целые годы Петр колебался в выборе преемника и уже накануне смерти, лишившись языка, успел только написать *Отдайте все...* а кому, ослабевшая рука не дописала явственно. Лишив верховную власть правомерной постановки и бросив на ветер все свои учреждения, Петр этим законом погасил и свою династию, как учреждение: остались отдельные лица царской крови без определенного династического положения. Так престол был отдан на волю случая и стал его игрушкой. С тех пор в продолжение нескольких десятилетий ни одна смена на престоле не обходилась без замешательства кроме разве одной: каждому воцарению предшествовала придворная смута, негласная интрига или открытый государственный удар. Вот почему время со смерти Петра I до воцарения Екатерины II можно назвать *эпохой дворцовых переворотов.* Дворцовые перевороты у нас в XVIII в. имели очень важное политическое значение, которое выходило далеко за пределы дворцовой сферы, затрогивало самые основы государственного порядка. Одна черта, яркой нитью проходящая через весь ряд этих переворотов, сообщала им такое значение. Когда отсутствует или бездействует закон, политический вопрос обыкновенно решается господствующей силой. В XVIII в. у нас такой решающей силой является гвардия, привилегированная часть созданной Петром регулярной армии. В царствование Анны к петровским гвардейским полкам, Преображенскому и Семеновскому, прибавились два новых, Измайловский и Конногвардей-

ский. Ни одна почти смена на русском престоле в означенный промежуток времени не обошлась без участия гвардии; можно сказать, что гвардия делала правительства, чередовавшиеся у нас в эти 37 лет, и уже при Екатерине I заслужила у иностранных послов кличку янычар. Сделаем краткий обзор этих переворотов.

Воцарение Екатерины I.

Петр умер 28 января 1725 г., не назначив себе преемника. Однако люди, которым предстояло распорядиться брошенной короной, не остались без указания, как поступить. Как ни туманно изложен устав 5 февраля, он заключил в себе и свое толкование, сопоставляя распоряжение Петра о престолонаследии с его же указом о единонаследии, как основанным на одинаковых соображениях и началах. А в этом указе установлен порядок наследования не только по завещанию, но и по закону: именно при отсутствии сыновей наследует старшая из дочерей. Но старшая дочь Петра Анна при обручении с герцогом голштинским в 1724 г. в брачном договоре под присягой отказалась вместе с женихом от русского престола за себя и за свое потомство. Законное наследство переходило ко второй дочери Петра Елизавете. Ни на каком основании в очередь наследования не могла стать вдова императора: по указу 1714 г., как и по исконному русскому праву наследования, вдова-мать при детях обеспечивается и может опекать несовершеннолетних наследников, но не наследует. Однако в исполнение закона последовало то, что всего более ему противоречило. Дело в том, что остатки родовитой знати, князья Голицыны, Долгорукие, верные старому обычаю престолонаследия, признавали законным наследником вел. князя Петра, единственного уцелевшего мужчину в царском доме. Но знать чиновная,

выведенная Петром I, Меншиков, Толстой и много других, были решительно против этого наследника, воцарение которого им, врагам его отца, царевича Алексея, как и самой Екатерине грозило великими бедами. Для них дело было не в праве и законности, а в том, чья возьмет: проиграй они — им ссылка или из-под кнута каторга, а Екатерине с дочерьми — монастырь. Из страха ли перед внуком другой бабушки, или по проснувшемуся властолюбию Екатерина хотела сама царствовать, а не опекать, и видела соперниц в своих дочерях. Она торопила все более изнемогавшего царя с замужеством обеих царевен, чтобы во-время удалить соперниц со сцены. Отец хотел устроить им, как дочерям могущественного европейского потентата и притом редким красавицам и умницам, по депешам иноземных послов, возможно блестящие династические партии, прочил их за самых видных принцев крови, и за французского, и за испанского, и за прусского, рассылал их портреты и в Версаль, и в Мадрид. Этот аукцион царственных невест запутывал и затруднял Петру решение и без того тяжкого вопроса о престолонаследии. Когда близость его смерти стала очевидна, Меншиков и Толстой пустили в ход все пружины агитации за себя и за Екатерину. Всего важнее было приобрести войско, особенно гвардию, что было не трудно: гвардия была вполне предана своему творцу и любила его походную жену-солдатку. Впрочем обещаны были денежные награды, облегчены служебные тягости, уплачено недоданное жалованье, приняты меры предосторожности. Простившись с безмолвным уже царем, гвардейские офицеры отведены были Меншиковым к царице и с рыданиями поклялись ей скорее умереть у ее ног, чем допустить на престол кого-либо другого. Все было обработано расторопно

и толково в то время, как противная сторона сидела сложа руки. Ночью на 28 января 1725 г., когда Петр лежал в предсмертной агонии, сенаторы и другие сановники собрались во дворце для совещания о преемнике. Спорили долго, искали воли умиравшего императора всюду, только не там, где можно было ее найти, не в законе 5 февраля, призвали кабинет-секретаря Макарова, спрашивали у него, нет ли чего на этот счет, и получили отрицательный ответ. Сторонники вел. князя предлагали противникам сделку — возвести его на престол с тем, чтобы до его совершеннолетия правила Екатерина с Сенатом; но изворотливый Толстой с большою диалектикой возражал на это. При этих прениях в углу залы совещания каким-то образом очутились офицеры гвардии, неизвестно кем и зачем сюда призванные. Подобно хору античной драмы, не принимая прямого участия в развертывавшейся на сцене игре, а только как бы размышляя вслух, они до неприличия откровенно выражали свои суждения о ходе совещания, заявляя, что разобьют головы старым боярам, если они пойдут против их матери Екатерины. Вдруг раздался с площади барабанный бой: оказалось, что перед дворцом выстроены были под ружьем оба гвардейские полка, тоже неизвестно кем и зачем сюда вызванные из казарм. Кн. Репнин, президент военной коллегии, сердито спросил: «кто смел без моего ведома привести сюда полки? разве я не фельдмаршал?» Бутурлин, командир Семеновского полка, отвечал Репнину, что полки призвал он, Бутурлин, по воле императрицы, которой все подданные обязаны повиноваться, «не исключая и тебя», добавил он внушительно. При гвардейском содействии искомая воля императора едино-

душно без перереканий была найдена в короновании Екатерины, совершившемся в 1724 году: этим де актом она назначена наследницей престола в силу закона 5 февраля; ее Сенат и провозгласил самодержавной императрицей. Отменив закон его толкованием, Сенат в манифесте от себя, а также от Синода и генералитета, вовсе и не участвовавших в сенатском совещании, объявлял о воцарении Екатерины, не как о своем избирательном акте, а только как об истолкованной Сенатом воле покойного государя: он удостоил свою супругу короною и помазанием; того для объявляется во всенародное известие, дабы все о том ведали и ей, самодержице всероссийской, верно служили. О земском соборе, в котором прежде видели основной источник права, когда государство оставалось без государя, теперь не было и помина: недавнее прошлое успело стать давно забытой стариной, хотя еще сам Петр был избран на престол чем-то в роде земского собора. При Петре не принято было говорить о земском соборе, и только чудак Посошков сделал Петру запоздалое напоминание о созыве всех чинов для составления нового уложения. Во все короткое царствование Екатерины правительство заботливо ласкало гвардию. В официальной газете не раз появлялись правительственные сообщения о том, как правительство печется о гвардии. Императрица на смотрах в своей палатке из собственных рук угощала вином гвардейских офицеров. Под таким прикрытием Екатерина процарствовала слишком два года благополучно и даже весело, мало занимаясь делами, которые плохо понимала, вела беспорядочную жизнь, привыкнув несмотря на свою болезненность и излишнюю полноту засиживаться до пяти часов утра на пирушках среди близких людей, распустила управление, в котором, по словам одного посла,

все думают лишь о том, как бы украсть, и в последний год жизни истратила на свои прихоти до $6^1/_2$ миллионов рублей на наши деньги, между тем как недовольные за кулисами на тайных сборищах пили здоровье обойденного вел. князя, а тайная полиция каждый день вешала неосторожных болтунов. Такие слухи шли к европейским дворам из Петербурга.

Воцарение Петра II.

Воцарение Петра II было подготовлено новой придворной интригой не без участия гвардии. Екатерина с Меншиковым и другими своими приверженцами, конечно, желала оставить престол после себя одной из своих дочерей; но по общему мнению единственным законным наследником Петра Великого являлся его внук вел. князь Петр. Грозил раздор между сторонниками племянника и теток, между двумя семьями Петра I от обеих его жен— вечный источник смут в государстве, где царский двор представлял подобие крепостной барской усадьбы. Хитроумный Остерман предложил способ помирить ощетинившиеся друг на друга стороны—женить 12-летнего племянника на 17-летней тетке Елизавете, а для оправдания брака в столь близком родстве не побрезговал такими библейскими соображениями о первоначальном размножении рода человеческого, что даже Екатерина I стыдливо прикрыла рукой этот проект. Иностранные дипломаты при русском дворе придумали мировую поумнее; Меншиков изменяет своей партии, становится за внука и уговаривает императрицу назначить вел. князя наследником с условием жениться на дочери Меншикова, девице года на два помоложе тетки Елизаветы. В 1727 г., когда Екатерина незадолго до своей смерти опасно занемогла, для решения вопроса о ее преемнике во дворце собрались члены высших правительственных учреждений, Верховного

Тайного Совета, возникшего при Екатерине, Сената, Синода и президенты коллегий; но приглашены были на совещание и майоры гвардии, как будто гвардейские офицеры составляли особенную государственную корпорацию, без участия которой нельзя было решить такого важного вопроса. Это верховное совещание решительно предпочло внука обеим дочерям Петра. С трудом согласилась Екатерина назначить этого внука своим преемником. Рассказывали, что всего за несколько дней до смерти она решительно объявила Меншикову о своем желании передать престол дочери своей Елизавете и скрепя сердце уступила противной стороне, только когда ей поставили на вид, что иначе не ручаются за возможность для нее доцарствовать спокойно. Перед самой смертью спешно составлено было завещание, подписанное Елизаветой вместо больной матери. Этот «тестамент» должен был примирить враждебные стороны, приверженцев обоих семейств Петра I. К престолонаследию призывались поочередно четыре лица: вел. князь-внук, цесаревны Анна и Елизавета и вел. княжна Наталья (сестра Петра II), каждое лицо со своим потомством, со своими «десцендентами»; каждое следующее лицо наследует предшественнику в случае его беспотомственной смерти. В истории престолонаследия это завещание — ничего не значащий акт: после Петра II который и без него считался законным наследником, престол замещался в таком порядке, какого не сумел бы предвидеть самый дальновидный тестамент. Но это завещание имеет свое место в истории русского законодательства о престолонаследии, вносит в него если не новую норму, то новую тенденцию. Пользуясь законом Петра I, оно имело целью восполнить пустоту, образованную этим самым законом, делало первую попытку установить по-

стоянный законный порядок престолонаследия, создать настоящий основной закон государства: само завещание определяет себя, как основной закон, имеющий навсегда оставаться в силе, никогда не подлежащий отмене. Потому тестамент, прочитанный в торжественном собрании царской фамилии и высших государственных учреждений 7 мая 1727 г., на другой день по смерти Екатерины I, можно признать предшественником закона 5 апреля 1797 г. о преемстве престола. Для истории русской законодательной мысли не будет лишним заметить, что тестамент Екатерины I был составлен находившимся тогда в Петербурге министром герцога голштинского Бассевичем.

Дальнейшие смены на престоле.

Когда в январе 1730 г. простудился и опасно заболел Петр II, временщики кн. Алексей Долгорукий и его сын Иван, любимец императора-мальчика, решили удержать власть в своих руках посредством обмана. Они собрали фамильный совет, на котором кн. Алексей предложил принять подложное завещание умиравшего императора, передававшее верховную власть его невесте княжне Екатерине, дочери кн. Алексея. Другой Долгорукий поумнее, фельдмаршал кн. Василий Владимирович усомнился в удаче этой нелепой затеи. Кн. Алексей возражал, что он напротив вполне уверен в успехе дела, и в оправдание своей уверенности сказал: «ведь ты, князь Василий, в Преображенском полку подполковник, а князь Иван — майор, да и в Семеновском против того спорить будет некому». Значит, придворные люди, всего ближе стоявшие к престолу, тогда уже привыкали думать, что ни в каком важном политическом деле нельзя обойтись без участия гвардии, что, напротив, успех такого дела обеспечен, как скоро его поддерживают гвардейские офицеры. По смерти Петра II В. Тайный Совет неожиданно

помимо всякой очереди и без ведома других высших учреждений избрал на престол дочь царя Ивана, вдову-герцогиню курляндскую Анну, ограничив ее власть. Предприятие, как увидим, пало вследствие вмешательства гвардейских офицеров и дворянства. Усыпленная Тайной канцелярией и 10-летним русским безмолвием, Анна до совершеннолетия своего преемника, двухмесячного ребенка, накануне своей смерти (17 октября 1740 г.) назначила Бирона регентом с самодержавными полномочиями. Это был грубый вызов русскому чувству национальной чести, смущавший самого Бирона. «Небось», ободрила его Анна, умирая. Но немцы после десятилетнего господства своего при Анне, озлобившего русских, усевшись около русского престола, точно голодные кошки около горшка с кашей, и достаточно напитавшись, начали на сытом досуге грызть друг друга. Миних, пообедав и любезно просидев вечер 8 ноября 1740 г. у регента, ночью с дворцовыми караульными офицерами и солдатами Преображенского полка, командиром которого состоял, арестовал Бирона в постели, при чем солдаты, порядком поколотив его и засунув ему в рот носовой платок, завернули его в одеяло и снесли в караульню, а оттуда в накинутой сверх ночного белья солдатской шинели отвезли в Зимний дворец, откуда потом отправили с семейством в Шлиссельбург. Анна Леопольдовна, мать императора, провозгласила себя правительницей государства, и тогда правительство совсем расстроилось. Остерман интригами оттер Миниха от власти, а Анна, принцесса совсем дикая, сидевшая по целым дням в своих комнатах неодетой и непричесанной, была на ножах со своим супругом Антоном Ульрихом брауншвейгским, генералиссимусом русских войск, в мыслительной

силе не желавшим отставать от своей супруги. Пользуясь слабостью правительства и своей популярностью, особенно в гвардейских казармах, царевна Елизавета, дочь Петра I, в ночь на 25 ноября 1841 г. с гренадерской ротой Преображенского полка произвела новый переворот с характерными подробностями. Горячо помолившись Богу и дав обет во все царствование не подписывать смертных приговоров, Елизавета в кирасе поверх платья, только без шлема и с крестом в руке вместо копья, без музыки, но со своим старым учителем музыки Шварцем, явилась новой Палладой в казармы Преображенского полка, напомнила подготовленным уже гренадерам, чья она дочь, стала на колени и, показывая крест тоже коленопреклоненным гренадерам, сказала: «Клянусь умереть за вас; клянетесь ли вы умереть за меня?» Получив утвердительный ответ, она повела их в Зимний дворец, без сопротивления проникла в спальню правительницы и разбудила ее словами: «Пора вставать, сестрица!» — Как, это вы, сударыня! — спросила Анна спросонья—и была арестована самой царевной, которая, расцеловав низвергаемого ребенка-императора, отвезла мать в свой дворец. Принц отец, разбуженный в своей спальне растерянно сидел на постели; гренадеры завернули его в одеяло, как Бирона год назад, снесли вниз и отвезли вслед за женой во дворец Елизаветы. Туда же собрали и важнейших деятелей павшего правительства, в том числе и Миниха с Остерманом, сильно помятых солдатами при аресте, а вслед за арестантами стеклись к новой императрице ее приверженцы, заждавшиеся своей правительственной очереди. Восторженно приветствуемая народом и гвардией, Елизавета в тот же день перебралась в очищенный Зимний дворец. Так удачной ночной

*

феерией разогнан был курляндско-брауншвейгский табор, собравшийся на берегах Невы дотрепывать верховную власть, завещанную Петром Великим своей империи. По воцарении Елизаветы, когда патриотические языки развязались, церковные проповедники с безопасной отвагой говорили, что немецкие правители превратили преобразованную Петром Россию в торговую лавку, даже в вертеп разбойников. Во всяком случае Брауншвейг-Люнебург не стал родоначальником новой русской династии, а попал с престола в русскую крепость, уступив свое место Голштейн-Готторпу. Тогда в России дворец и крепость стояли рядом, поддерживая друг друга и обмениваясь жильцами. Преемник и племянник Елизаветы, герцог голштинский Петр III воцарился без замешательства, но через полгода был низвержен своей женой, ставшей во главе гвардейских полков.

Гвардия и дворянство.

Таким образом, повторю, почти все правительства, сменявшиеся со смерти Петра I до воцарения Екатерины II, были делом гвардии; с ее участием в 37 лет при дворе произошло пять—шесть переворотов. Петербургская гвардейская казарма явилась соперницей Сената и Верховного Тайного Совета, преемницей московского земского собора. Это участие гвардейских полков в решении вопроса о престоле имело очень важные политические последствия; прежде всего оно оказало сильное действие на политическое настроение самой гвардии. Сначала послушное орудие в руках своих вожаков, Меншикова, Бутурлина, она потом хотела быть самостоятельной двигательницей событий, вмешивалась в политику по собственному почину; дворцовые перевороты стали для нее приготовительной политической школой. Но тогдашняя гвардия не была только привилегированной частью

русского войска, оторванной от общества: она имела влиятельное общественное значение, была представительницей целого сословия, из среды которого почти исключительно комплектовалась. В гвардии служил цвет того сословия, слои которого, прежде разобщенные, при Петре I объединились под общим названием дворянства или шляхетства, и по законам Петра она была обязательной военной школой для этого сословия. Политические вкусы и притязания, усвоенные гвардией благодаря участию в дворцовых делах, не оставались в стенах петербургских казарм, но распространялись оттуда по всем дворянским углам, городским и деревенским. Эту политическую связь гвардии с сословием, стоявшим во главе русского общества, и опасные последствия, какие отсюда могли произойти, живо чувствовали властные петербургские дельцы того времени. Когда по смерти императрицы Анны регентом стал Бирон, в гвардии быстро распространился ропот против курляндского авантюриста, постыдным путем достигшего такой власти. Бирон жаловался на строптивость гвардии, обзывал ее янычарами и видел корень зла именно в ее сословном составе, с досадой говорил: «зачем это в гвардии рядовые из дворян? их можно перевести офицерами в армейские полки, а на их место набрать в гвардию из простого народа». Это опасение быть раскассированными по армейским полкам всего более и подняло гвардейцев против Бирона, побудив их в 1740 г. идти за Минихом. Поэтому одновременно с дворцовыми переворотами и под их очевидным влиянием и в настроении дворянства обнаруживаются две важные перемены: 1) благодаря политической роли, какая ходом придворных дел была навязана гвардии и так охотно ею разучена, среди дворянства установился такой при-

тязательный взгляд на свое значение в государстве, какого у него не было заметно прежде; 2) при содействии этого взгляда и обстоятельств, его установивших, изменялись и положение дворянства в государстве и его отношения к другим классам общества.

Политическое настроение высшего класса.

Деятельность Петра во всем русском обществе пробудила непривычную и усиленную работу политической мысли. Переживали столько неожиданных положений, встречали и воспринимали столько невиданных явлений, такие неиспытанные впечатления ложились на мысль, что и неотзывчивые умы стали задумываться над тем, что творилось в государстве. Излагая народные толки при Петре и про Петра, я указывал, как оживленно пересуживали самые простые люди текущие явления, далекие от их ежедневного кругозора. Но странные явления, которые так возбуждали общее внимание, не прекращались и после Петра. Древняя Русь никогда не видала женщины на престоле, а по смерти преобразователя на престол села женщина, да еще неведомо откуда взявшаяся иноземка. Эта новость вызвала в простом народе много недоразумений, печальных или забавных. Так во время присяги императрице-вдове некоторые простачки в Москве отказались присягать, говоря: «если женщина стала царем, так пусть женщины ей и крест целуют». Это возбуждение политической мысли прежде и сильнее всего должно было обнаружиться в высшем классе, в дворянстве, ближе других сословий стоявшем к государственным делам, как привычное орудие правительства. Но это оживление неодинаково проявлялось в различных слоях сословия. Между тем как в рядовом дворянстве, беспощадно выгоняемом из захолустных усадеб в полки и школы, мысль изощрялась на изобрете-

нии способов, как бы отбыть от науки и службы в верхних слоях, особенно в правительственной среде, умы усиленно работали над более возвышенными предметами. Здесь еще уцелели остатки старой боярской знати, образовавшие довольно тесный кружок немногих фамилий. Из общего политического возбуждения здесь выработалась своего рода политическая программа, сложился довольно определенный взгляд на порядок, какой должен быть установлен в государстве. Различные условия помогали более раннему и углубленному напряжению политической мысли в этом родовитом и вместе высокочиновном слое дворянства. Прежде всего здесь еще не успели погаснуть некоторые политические предания, шедшие из XVII в., а в XVII в. московское боярство сделало несколько попыток ограничить верховную власть и одну из них, предпринятую при царе Феодоре и едва не удавшуюся (л. XLIV), помнили еще и по смерти Петра старики, входившие в состав этой знати. Да и сам Петр, как ни мало это на него похоже, своей областной децентрализацией, этими восемью губернскими царствами 1708 года с полномочными проконсулами во главе их, мог только освежить воспоминание о великородных наместниках, задуманных в боярском проекте 1681 г., а произвол Петра, его пренебрежение к породе подогревали эти воспоминания с другой стороны. Мы уже знаем, что последние десятилетия XVII в., особенно время правления царицы Натальи, отмечены были современниками, как начальная эпоха падения первых знатнейших фамилий и возвышения людей из «самого низкого и убогого шляхетства». При Петре эти люди стали первыми вельможами, «большими господами государства». В головах, заучивавших наизусть десятки поколений своих зануме-

рованных родословных предков, антагонизм старой и новой знати преображал свежие предания прошедшего в светлые мечты будущего. Прожектеры Петра I не могли заметно повлиять на политическое сознание русского общества. Их проекты не оглашались, обсуждали преимущественно вопросы практического характера, финансовые, промышленные, полицейские, не касаясь основ государственного порядка, из европейских уставов выбирали только то, что «приличествует токмо самодержавствию». Нельзя преувеличивать и действия на русские умы политической литературы, компилятивной и переводной, печатной и рукописной, накопившейся при Петре I. Одобряя чтение Пуффендорфа, Гуго Гроция, Татищев сетует на распространение таких вредных писателей, как Гоббес, Локк, Боккалини, итальянский либерал и сатирик XVI—XVII вв., который в своем сочинении, изображая парнасский суд Аполлона и ученых мужей над властителями мира, представляет, как все государи, к великой досаде ученого судилища, присоединяются к принцу московскому, признавшемуся в своей ненависти к наукам и просвещению. Ходячие и безвредные для русского читателя идеи западно-европейской публицистики о происхождении государств, об образах правления, о власти государей изложены Ф. Прокоповичем в *Правде воли монаршей:* но этой краткой энциклопедии государственного права при всем интересе вызвавшего ее вопроса в 4 года не раскупили и 600 экземпляров. Большую долю брожения, хотя и в ограниченной сфере действия, вносило в политическое настроение высшего класса ближайшее знакомство с политическими порядками и общественными нравами Западной Европы, какое приобреталось людьми этого класса путем учебных и диплома-

тических посылок за границу. Как ни тускло представлялись пониманию русского наблюдателя порядки заграничной жизни, все же он не мог на некоторых из них не остановить удивленного внимания. Он ехал за границу с воспитанной всем складом русского быта мыслью, что без уставно-церковной подтяжки и полицейского страха невозможны никакая благопристойность, никакой общественный порядок, — и вот петровский делец Толстой отмечает в своем дневнике, что «венециане» живут весело и ни в чем друг друга не зазирают и ни от кого ни в чем никакого страха никто не имеет, всякий делает по своей воле, кто что хочет, но живут во всяком покое, без обиды и без тягостных податей. Вещи еще удивительнее заметил во Франции другой петровский делец Матвеев, сын просвещенного воспитателя матери Петра: «никто из вельмож ни малейшей причины ни способа не имеет даже последнему в том королевстве учинить какого озлобления или нанесть обиду... Король кроме общих податей, хотя самодержавный государь, никаких насилований не может, особливо ни с кого взять ничего, разве по самой вине, во истине рассужденной от парламента... Дети их (французской знати) никакой косности, ни ожесточения от своих родителей, ни от учителей не имеют, но в прямой воле и смелости воспитываются и без всякой трудности обучаются своим наукам». Люди, живущие по своей воле и не пожирающие друг друга, вельможи, не смеющие никого обидеть, самодержец, не могущий ничего взять со своих подданных без определения парламента, дети, успешно обучающиеся без побоев,—все это были невозможные нелепости для тогдашнего московского ума, способные вести только к полной анархии, и все эти нелепые невозможности

русский наблюдатель видел воочию, как ежедневные обиходные факты или правила, нарушение которых считалось скандалом.

Верховный Тайный Совет.

Домашние политические воспоминания и заграничные наблюдения будили в правящих кругах если не мысль об общественной свободе, то хоть помыслы о личной безопасности. Воцарение Екатерины казалось благоприятным моментом для того, чтобы оградить себя от произвола, упрочить свое положение в управлении надежными учреждениями. Провозглашенная Сенатом не совсем законно, под давлением гвардии, Екатерина искала опоры в людях, близких к престолу в минуту смерти Петра, а здесь пуще всего боялись усиления меншиковского нахальства, и с первых же дней нового царствования пошли толки о частных сборищах сановной знати, князей Голицыных, Долгоруких, Репниных, Трубецких, графов Апраксиных; цель этих сходок—будто бы добиться большого влияния в правлении, чтобы царица ничего не решала без Сената. Сам Сенат, почувствовав себя правительством, спешил запастись надежной опорой и тотчас по смерти Петра пытался присвоить себе командование гвардией. Наблюдательный французский посол Кампредон уже в январе 1726 г. доносил своему двору, что большая часть вельмож в России стремится умерить деспотическую власть императрицы, и не дожидаясь, пока вырастет и воцарится вел. кн. Петр, внук преобразователя, люди, рассчитывающие получить впоследствии влиятельное участие в правлении, постараются устроить его по образцу английского. Но и сторонники Екатерины думали о мерах самообороны: уже в мае 1725 г. пошел слух о намерении учредить при кабинете царицы из интимных неродовитых друзей ее с Меншиковым во главе

тесный совет, который, стоя выше Сената, будет решать самые важные дела. Кабинетский совет и явился, только не с тем составом и характером. При жизни Петра не был докопан Ладожский канал. В конце 1725 г. Миних, его копавший, потребовал у Сената 15 тыс. солдат для довершения дела. В Сенате поднялись горячие прения. Меншиков высказался против требования Миниха, находя такую работу вредной и не подходящей для солдат. Другие настаивали на посылке, как самом дешевом способе кончить полезную работу, завещанную Петром Великим. Когда сенаторы - оппоненты вдоволь наговорились, Меншиков встал и прекратил спор неожиданным заявлением, что как бы ни решил Сенат, но по воле императрицы в нынешнем году ни один солдат не будет послан на канал. Сенаторы обиделись и зароптали, негодуя, зачем князь заставил их без толку спорить так долго вместо того, чтобы в самом начале дела этим заявлением предупредить прения, и почему один он пользуется привилегией знать волю императрицы. Некоторые грозили, что перестанут ездить в Сенат. По столице пошел слух, что недовольные вельможи думают возвести на престол вел. кн. Петра, ограничив его власть. Толстой уладил ссору сделкой с недовольными, следствием которой явился *Верховный Тайный Совет*, учрежденный указом 8 февраля 1726 г. Этим учреждением хотели успокоить оскорбленное чувство старой знати, устраняемой от верховного управления неродовитыми выскочками. В. Т. Совет составился из шести членов; пятеро из них с иноземцем Остерманом принадлежали к новой знати (Меншиков, Толстой, Головкин, Апраксин), но шестым был принят самый видный представитель родовитого боярства кн. Д. М. Голицын. По

указу 8 февраля В. Т. Совет—не совсем новое учреждение: он составился из действительных тайных советников, которые, как «первые министры», по должности своей и без того имели частые тайные советы о важнейших государственных делах, состоя сенаторами, а трое, Меншиков, Апраксин и Головкин, еще и президентами главных коллегий, военной, морской и иностранной. Устраняя неудобства такого «многодельства», указ превращал их частые совещания в постоянное присутственное место с освобождением от сенаторских обязанностей. Члены Совета подали императрице «мнение» в нескольких пунктах, которое было утверждено, как регламент нового учреждения. Сенат и коллегии ставились под надзор Совета, но оставались при старых своих уставах; только дела особо важные, в них не предусмотренные или подлежащие высочайшему решению, т.-е. требующие новых законов, они должны были со своим мнением передавать в Совет. Значит, Сенат сохранял распорядительную власть в пределах действующего закона, лишаясь власти законодательной. Совет действует под председательством самой императрицы и нераздельно с верховной властью, есть не «особливая коллегия», а как бы расширение единоличной верховной власти в коллегиальную форму. Далее, регламент постановлял никаким указам прежде не выходить, пока они в Тайном Совете «совершенно не состоятся», не будут запротоколированы и императрице «для аппробации» прочтены. В этих двух пунктах—основная мысль нового учреждения; все остальное — только технические подробности, ее разбивающие. В этих пунктах: 1) верховная власть отказывалась от единоличного действия в порядке законодательства, и этим устранялись происки, подходы к ней тайными путями, временщичество, фаво-

ритизм в управлении, 2) проводилось ясное различие между законом и простым распоряжением по текущим делам, между актами, смешение которых лишало управление характера закономерности. Теперь никакое важное дело не могло быть доложено императрице помимо В. Т. Совета, никакой закон не мог быть обнародован без предварительного обсуждения и решения в В. Т. Совете. Иноземным послам при русском дворе этот Совет казался первым шагом к перемене формы правления. Но изменялась не форма, а сущность правления, характер верховной власти: сохраняя свои титулы, она из личной воли превращалась в государственное учреждение. Впрочем, в некоторых актах исчезает и титул самодержицы. Кто-то однако испугался, догадавшись, к чему идет дело, и указ следующего 1727 года, как будто разъясняя основную мысль учреждения, затемняет ее оговорками, второстепенными подробностями, даже прямыми противоречиями. Так, повелевая всякое дело законодательного характера наперед вносить в Совет для обсуждения и обещая ни от кого не принимать по таким делам «партикулярных» доношений, указ вскользь оговаривался: «разве от Нас кому партикулярно и особливо что учинить повелено будет». Эта оговорка разрушала самое учреждение. Но почин был сделан; значение В. Т. Совета как будто росло: завещание Екатерины I вводило его в состав регентства при ее малолетнем преемнике и усвояло ему полную власть самодержавного государя. Однако, со всей этой властью Совет оказался совершенно бессилен перед капризами дурного мальчика-императора и перед произволом его любимцев. Сказавшаяся при Екатерине I потребность урегулировать верховную власть должна была теперь усилиться в порядочных людях из

родовой знати, так много ждавших от Петра II и так обидно обманувшихся.

Кн. Д. М. Голицын.

В кн. Д. М. Голицыне эта знать имела стойкого и хорошо подготовленного вождя. В 1697 г., будучи уже за 30 лет, он с толпой русской знатной молодежи был отправлен в заграничное учение, побывал в Италии и других странах. С Запада он привез живой интерес к устройству тамошних государств и к европейской политической литературе, сохранив при этом любовь к отечественной старине. Богатая библиотека, им собранная в подмосковном его селе Архангельском и расхищенная после его ссылки в 1737 г., совмещала в себе рядом с ценными памятниками русского права и бытописания до 6 тыс. книг на разных языках и в русском переводе по истории, политике и философии. Здесь собраны были все сколько-нибудь замечательные произведения европейских политических мыслителей XVI, XVII и начала XVIII века, начиная от Маккиавелли, и между ними более десятка специальных сочинений об аристократии и столько же об английской конституции. Это показывает, в какую сторону обращена была мысль собирателя и какой образ правления наиболее занимал его. Губернаторствуя в Киеве, Голицын заказывал переводить некоторые из этих книг на русский язык в тамошней академии. Из политических учений того времени Голицына особенно привлекала моралистическая школа рационалистов с ее главою Пуфендорфом, которого ценил и Петр, приказавший перевести и напечатать его *Введение* в историю европейских государств и трактат об обязанностях человека и гражданина. Для Голицына были переведены и другие произведения того же публициста вместе с трактотом Гуго Гроция *О праве войны и мира;* но произведений Гоб-

беса, главы материалистической школы публицистов, как и сочинения Локка *О правлении* в этих переводах не встречаем. Голицыну, как и Петру, была понятнее и казалась назидательнее разработанная моралистами теория происхождения государства не из войны всех против всех, как учил Гоббес, а из нужды каждого во всех и всех друг в друге,—теория, полагавшая в основу государственного порядка не права, а обязанности гражданина к государству и согражданам. Точно так же и Локк своим демократическим учением об участии народа в законодательстве не отвечал боярским воззрениям кн. Голицына. Голицын был одним из образованнейших русских людей XVIII в. Делом его усиленной умственной работы было спаять в цельный взгляд любовь к отечественной старине и московские боярские притязания с результатами западно-европейской политической мысли. Но, несомненно, ему удалось то, что так редко удавалось русским образованным людям его века,—выработать политические убеждения, построенные на мысли о политической свободе. Как почитатель науки и политических порядков Западной Европы, он не мог быть принципиальным противником реформы Петра, оттуда же заимствовавшей государственные идеи и учреждения. Но он не мирился с приемами и обстановкой реформы, с образом действий преобразователя, с нравами его ближайших сотрудников и не стоял в их ряду. Петр чтил, но не долюбливал Голицына за его упрямый и жесткий характер, и при нем честный, деловой и усердный киевский губернатор с трудом добрался до сенаторства, но не пользовался значительным влиянием. На события, совершавшиеся в России при Петре и после него, Голицын смотрел самым мрачным взглядом; его все здесь оскорбляло, как нарушение

старины, порядка, даже приличия. Не его одного тяготили два политических недуга, от которых особенно в последнее время все страдали: это—власть, действующая вне закона, и фавор, владеющий слабой, но произвольной властью. На исцелении отечества от этих недугов и сосредоточились его помыслы. Он изучал европейские государственные учреждения, чтобы выбрать из них наиболее подходящие к России, много говорил о том с известным нам Фиком. Исходя из мысли, субъективно или генеалогически у него сложившейся, что только родовитая знать способна держать правомерный порядок в стране, он остановился на шведской аристократии, и Верховный Тайный Совет решил сделать опорным пунктом своего замысла.

Верховники 1730 г.

В ночь на 19 января 1730 г. в Москве в Лефортовом дворце умер от оспы 15-летний император Петр II, внук преобразователя, не назначив себе преемника. Вместе с ним гасла династия, пресекалась мужская линия дома Романовых. Вместе с тем престолонаследие осталось без прочных законодательных норм и законных наследников. Закон Петра I, неясный, произвольно толкуемый и оставленный без действия самим законодавцем, терял свою нормирующую силу, а Екатеринин тестамент и не имел ее, как документ спорный. Для замещения престола перебирали весь наличный царский дом, называли царицу-монахиню, первую жену Петра, его младшую дочь Елизавету, двухлетнего сына старшей умершей дочери Анны, герцога голштинского, трех дочерей царя Ивана, и ни на ком не могли остановиться, ни у кого не могли найти бесспорного права на престол: закон Петра I спутал все династические понятия и отношения. Кандидаты ценились по политическим соображениям, по личным или

фамильным сочувствиям, а не по законным основаниям. Среди этой сумятицы толков и интересов В. Т. Совет, как руководитель управления, взял на себя почин в деле замещения престола. В ту же ночь, тотчас по смерти Петра II, он совещался об этом деле, назначив на наступавшее утро собрание всех высших чинов государства, чтобы совместно с ними решить столь важный вопрос. При этом Совет пополнил сам себя: в его пятичленном составе были уже три аристократа, кн. Д. М. Голицын и двое князей Долгоруких; теперь приглашены были другой Голицын, брат Димитрия, и еще двое Долгоруких. Присутствие шести лиц только из двух знатнейших боярских фамилий придавало осьмичленному Совету не только аристократический, но и прямо олигархический характер. На совещании говорили много и долго, «с немалым разгласием», по выражению Феофана Прокоповича. Заявление кн. Долгорукого, отца второй невесты Петра II, о праве его дочери на престол, будто бы завещанный ей покойным женихом, и чье-то предложение о царице бабке были отклонены, как «непристойные». Тогда кн. Д. Голицын, возвысив голос, сказал, что Бог, наказуя Россию за ее безмерные грехи, наипаче за усвоение чужестранных пороков, отнял у нее государя, на коем покоилась вся ее надежда, и так как его смертью пресеклось мужское колено царского дома, то надлежит перейти к старшей женской линии, к дочерям царя Ивана, тем более, что дочери Петра I и сами по себе не имеют права на престол, как незаконные, родившиеся до вступления их отца в брак с их матерью, завещание же Екатерины не имеет никакого значения, так как эта женщина, будучи низкого происхождения, и сама не имела права на престол и не могла им распоряжаться; но и старшая из

дочерей царя Ивана Екатерина мекленбургская неудобна, как жена иноземного принца, притом человека сумасбродного; всего удобнее вторая царевна, вдовствующая герцогиня курляндская Анна, дочь русской матери из старинного доброго рода, женщина, одаренная всеми нужными для престола качествами ума и сердца. «Так, так! нечего больше рассуждать, выбираем Анну», в один голос зашумели верховники. Но, предложив неожиданно Анну, Голицын еще неожиданнее добавил: «Ваша воля, кого изволите; только надобно и себе полегчить». — «Как это себе полегчить?» — спросил канцлер Головкин. — «А так полегчить, чтобы воли себе прибавить»,—пояснил Голицын. — «Хоть и зачнем, да не удержим того», — возразил один из Долгоруких.—«Право, удержим»,—настаивал Голицын. Все охотно приняли предложение о герцогине курляндской, но о прибавке воли смолчали. Голицын продолжал:—«Будь ваша воля; только надобно, написав, послать к ее Величеству пункты». Между тем в другой зале дворца сенаторы и высшие генералы дожидались, на чем порешат верховники. Известный уже нам Ягужинский, бывший генерал-прокурор Сената, отвел в сторону одного из толпившихся тут Долгоруких и высказывал ему чисто-голицынский образ мыслей: «Долго ли нам терпеть, что нам головы секут? теперь время, чтоб самодержавию не быть». Когда верховники вышли и объявили об избрании Анны, никто не возражал; а Ягужинский подбежал к одному из них и завопил, как будто подслушав слова Голицына: «Батюшки мои! прибавьте нам как можно воли». Но это была игра в простодушие: Ягужинский, какъ и большинство сановников, согласившись с выбором верховников, разошлись озлобленные на то, что их не пригласили на совещание.

Утром 19 января собравшимся в Кремле Синоду, Сенату, генералитету и прочим высшим чинам В. Т. Совет объявил о поручении российского престола царевне Анне, прибавив, что требуется на то согласие *всего отечества* в лице собравшихся чинов. Все изъявили полное согласие. Больше ничего не было объявлено собранию. Между тем в тот же день спешно были составлены и под покровом строжайшей тайны посланы в Митаву при письме к Анне пункты или «кондиции», ограничивавшие ее власть. Императрица обещается по принятии русской короны во всю жизнь не вступать в брак и преемника ни при себе, ни по себе не назначать, а также править вместе с Верховным Тайным Советом «в восьми персонах» и без согласия его: 1) войны не начинать, 2) мира не заключать, 3) подданных новыми податями не отягощать, 4) в чины выше полковничья не жаловать и «к знатным делам никого не определять», а гвардии и прочим войскам быть под ведением В. Т. Совета, 5) у шляхетства жизни, имения и чести без суда не отнимать, 6) вотчин и деревень не жаловать, 7) в придворные чины ни русских, ни иноземцев «без совету Верховного Тайного Совета не производить» и 8) государственные доходы в расход не употреблять (без согласия Совета). Эти обязательства заканчивались словами от лица императрицы: «А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской». Между тем ретивый Ягужинский, ночью 19 января так горячившийся против самодержавия, озлился, увидев, что его не пустят в В. Т. Совет, и тайком заслал к Анне в Митаву с предупреждением, чтобы она не во всем верила депутатам Совета, пока сама не приедет в Москву, где узнает всю правду. Анна без колебаний согласилась на условия и скрепила их подписью

«По сему обещаю все без всякого изъятия содержать. Анна». Через два-три дня она решила выехать в Москву, потребовав у посланцев Совета 10 тыс. руб. на подъем.

Лекция LXXI.

Брожение среди дворянства, вызванное избранием герцогини Анны на престол. — Шляхетские проекты. — Новый план кн. Д. Голицына. — Крушение.—Его причины.—Связь дела 1730 г. с прошедшим. — Императрица Анна и ее двор.— Внешняя политика.—Движение против немцев.

Брожение среди дворянства.

Избрание герцогини Анны В. Т. Советом, скоро став известным, вызвало в Москве необычайное движение. Случайное обстоятельство придало ему не местное только московское, но и общерусское значение. На тот самый день 19 января, когда умер император, назначена была его свадьба с княжной Долгорукой. Вслед за полками с их генералами и офицерами в Москву в ожидании придворных празднеств наехало множество провинциального дворянства. Собравшись на свадьбу и попав на похороны, дворяне очутились в водовороте политической борьбы. Замысел верховников сначала встречен был в обществе глухим ропотом. Современник, зорко следивший за тогдашними событиями и принимавший в них деятельное участие против верховников, архиепископ новгородский Феофан Прокопович живо рисует в своей записке ход движения. «Жалостное везде по городу видение стало и слышание; куда ни прийдешь, к какому собранию ни пристанешь, не иное что было слышать, только горестные нарекания на осьмиличных оных затейщиков; все их

жестоко порицали, все проклинали необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие». Съехавшиеся в Москву дворяне разбивались на кружки, собирались по ночам и вели оживленные толки против верховников; Феофан насчитывал до 500 человек, захваченных агитационной горячкой. Вожаки, «знатнейшие из шляхетства», составили оппозиционный союз, в котором боролись два мнения: сторонники одного, «дерзкого», думали внезапно напасть на верховников с оружием в руках и перебить их всех, если они не захотят отстать от своих умыслов; приверженцы другого мнения, «кроткого», хотели явиться в В. Т. Совет и заявить, что не дело немногих состав государства переделывать и вести такое дело тайком от других, даже от правительствующих особ: «неприятно то и смрадно пахнет». Но Феофан проведал, что энергия оппозиции с каждым днем «знатно простывала» от внутреннего разлада: слабейшая часть ее, консервативная, хотела во что бы ни стало сохранить старое прародительское самодержавие; сильнейшая и либеральная сочувствовала предприятию верховников, но была лично раздражена против них за то, что те их «в дружество свое не призвали». Однако и в этой либеральной части иноземные послы не замечали единомыслия. «Здесь, писал из Москвы секретарь французского посольства Маньян, на улицах и в домах только и слышны речи об английской конституции и о правах английского парламента». Прусский посол Мардефельд писал своему двору, что вообще все русские, т.-е. дворяне, желают свободы, только не могут сговориться насчет ее меры и степени ограничения абсолютизма. «Партий бесчисленное множество, писал в январе из Москвы испанский посол де-Лириа, и хотя пока все спокойно, но

пожалуй может произойти какая-нибудь вспышка». Прежде всего, разумеется, обратились к Западу—как там? Глаза разбегались по тамошним конституциям, как по красивым вещам в ювелирном магазине, — одна другой лучше — и недоумевали, которую выбрать. Все заняты теперь мыслью о новом образе правления, читаем в депешах иноземных послов: планы вельмож и мелкого дворянства разнообразны до бесконечности; все в нерешительности, какой образ правления избрать для России: одни хотят ограничить власть государя правами парламента, как в Англии, другие — как в Швеции, третьи хотят устроить избирательное правление, как в Польше; наконец четвертые желают аристократической республики без монарха. При отсутствии политического глазомера, при непривычке измерять политические расстояния, так недалеко казалось от пыточного застенка до английского парламента. Но при таком разброде мнений перед глазами всех стояло пугало, заставлявшее несогласных теснее жаться друг к другу: это фавор, болезнь распущенной и неопрятной власти. Испытав возвышение Долгоруких, писали послы, русские боятся могущества временщиков и думают, что при абсолютном царе всегда найдется фаворит, который будет управлять ими и жезлом, и пырком, и швырком, как делали при покойном Петре II Долгорукие. Значит, дворянство не было против идеи ограничения власти, как предохранительного средства от временщиков. Но его возмущал замысел верховников, как олигархическая затея, грозившая заменить власть одного лица произволом стольких тиранов, сколько членов в В. Т. Совете. По выражению историка и публициста екатерининского времени кн. Щербатова, верховники из себя самих «вместо одного толпу государей со-

чиняли». Так же смотрели на дело и в 1730 г. В одной записке, которая тогда ходила по рукам в форме письма к кому-то в Москву от лица среднего шляхетства, читаем: «Слышно здесь, что делается у вас или уже и сделано, чтобы быть у нас республике; я зело в том сумнителен: Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий! и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежного идолопоклонничать и милости у всех искать, да еще и сыскать будет трудно». Брожение достигло крайней степени, когда на торжественном заседании В. Т. Совета 2 февраля Сенату, Синоду, генералитету, президентам коллегий и прочим штатским чинам прочитали подписанные Анной кондиции и будто бы ее письмо, разумеется, заранее заготовленное от ее имени в Москве, в котором, соглашаясь на свое избрание, она заявляла, что «для пользы российского государства и ко удовольствованию верных подданных» написала и подписала, какими способами она то правление вести хощет. Обязательства, поставленные Анне непременным условием ее избрания, оказались теперь ее добровольной жертвой на благо государства. Это шитое белыми нитками коварство привело собрание в крайнее изумление. По изобразительному описанию Ф. Прокоповича, все опустили уши, как бедные ослики, перешептывались, а с негодованием откликнуться никто не смел. Сами верховные господа тоже тихо друг другу пошептывали и, остро глазами посматривая, притворялись, будто и они удивлены такой неожиданностью. Один кн. Д. М. Голицын часто похаркивал и выкрикивал, «до сытости» повторяя на разные лады: вот де как милостива государыня; Бог ее подвинул

к сему писанию; отселе счастливая и цветущая будет Россия. Но как все упорно молчали, он с укором заговорил: «Что же никто слова не промолвит? Извольте сказать, кто что думает, хоть впрочем и сказать-то нечего, а только благодарить государыню». Наконец кто-то из кучи тихим голосом и с большой запинкой промолвил: «Не ведаю и весьма дивлюсь, отчего на мысль пришло государыне так писать». Но этот робкий голос не нашел отзвука. Заготовили и предложили подписать протокол заседания, в котором значилось: выслушав присланные императрицей письмо и пункты, все согласно объявили, «что тою Ее Величества милостью весьма довольны и подписуемся своими руками». Тут уж и бедные ослики потеряли терпение и отказались подписаться, заявив, что сделают это через день. Все словно вдруг постарели, «дряхлы и задумчивы ходили», рассказывает Феофан. Слишком уж сильно ударили по холопьему чувству; никто не ожидал, что так жестко скрутят императрицу. Верховников спрашивали, как же то правление впредь быть имеет. Вместо того, чтобы заявить, что ответ на этот вопрос уже дан самой Анной в письме и пунктах и что воля ее не подлежит пересмотру, Голицын предоставил присутствующим написать об этом проект от себя и подать на другой день. Этим он вскрыл плохо скрываемые карты. Доселе дело носило как будто корректный вид. В. Т. Совет, фактически оставшись единственным органом верховного управления, избрал на безнаследный престол царевну Анну; все высшие чины до бригадира, считавшиеся должностными представителями народа, «всего отечества лицо на себе являющими», по выражению Прокоповича, единогласно одобрили выбор Совета. Нежданная, но оказавшаяся желанной избранница по

праву великодушия принесла на пользу отечества уцелевшие после Петра I обноски предковского самодержавия и в подписанных собственноручно пунктах указала, какими способами хочет она повести свое правление. Милостивый дар не рассматривают, как покупной товар, а просто приемлют с подобающим благодарением. А Голицын бросил этот дар на обсуждение высших чинов вплоть «до бригадира» и тем обнаружил, что кондиции — не великодушный дар императрицы народу, а ее закулисная сделка с верховниками. Пьеса ставилась на шаткие подмостки: в обстановке поддельной законности разыгрывалась простенькая неподдельная придворная плутня. Притом дело о регулировании личной верховной власти запутывалось, расплываясь в общий пересмотр государственных учреждений. Вынужденное или неосторожное предложение Голицына вызвало бурный отклик: началась горячка мнений, записок, устных заявлений о новом образе правления, которыми все чины до полковника и даже шляхетство бесчиновное осаждали Совет. Верховникам пришлось выслушать и прочитать кучу огорчений. Смятение дошло до того, что можно было опасаться восстания. Верховный Совет хотел припугнуть расходившихся политиков, напомнив им, что у него на мятежников есть полководцы, сыщики, пытки. Тогда оппозиция превратилась в конспирацию: люди слабые «маломощные», по выражению Прокоповича, без положения и связей, собирались тайком, боялись ночевать дома, перебегали от одного знакомого к другому и то ночью переодетые.

Шляхетские проекты.

Призыв чинов к участию в обсуждении дела придал олигархической интриге вид более широкого политического движения. До сих пор вопрос вращался в прави-

тельственном кругу: В. Т. Совет имел дело с высшими учреждениями, Сенатом, Синодом, генералитетом, президентами коллегий. С момента подачи проектов в дело вступает общество, шляхетство знатных фамилий в рангах и даже без рангов. Правительственные учреждения рассыпаются на кружки, сановники вмешиваются в ряды своей сословной братии; мнения подаются не от присутственных мест, не от сослуживцев, а от групп единомышленников. В движение входят новые интересы. Известно до 13 мнений, записок, проектов, поданных или приготовленных к подаче в В. Т. Совет от разных шляхетских кружков; под ними встречаем более тысячи подписей. Только проект, составленный Татищевым и поданный от Сената и генералитета, разработан в цельный историко-политический трактат. Остальные составлялись наскоро, мысли развивались кое-как; значит, здесь можно искать неподкрашенного, откровенного выражения политического настроения дворянства. Проекты не касаются прямо ни пунктов, ни избрания Анны с ограниченной властью, как будто признают молчаливо совершившийся факт. Только Татищев, как историк-публицист, тряхнул своим знакомством с русской историей и с западной политической литературой, как последователь моралистической школы Пуффендорфа и Вольфа. Он ставит дело на общие основы государственного права и доказывает, что России по ее положению всего полезнее самодержавное правление и что по пресечении династии избрание государя «по закону естественному должно быть согласием всех подданных, некоторых персонально, других чрез поверенных». Татищев знал двухпалатную систему представительства на Западе, а может быть вспомнил и состав отечественного земского собора

XVII в. Потому он возмущается не столько ограничением власти Анны, сколько тем, что это сделали немногие самовольно, тайком, попирая право всего шляхетства и других чинов, и он призывает единомышленников защищать это право по крайней возможности. Другие проекты идут низменнее: им не до теории устройства верховной власти; они сосредоточивают свое внимание на двух предметах, на высшем управлении и на желательных льготах для дворянства. Неполными и неясными чертами проекты рисуют такой план управления. «Вышним правительством» или остается В. Т. Совет, или становится Сенат. Больше всего проекты озабочены численным и фамильным составом этого правительства. Оно не должно составлять такого тесного кружка, как наличный осьмичленный В. Т. Совет. В нем должно быть от 11 до 30 персон; всего надобнее не допускать в него более двух членов из одной фамилии; четверня князей Долгоруких в составе Верховного Совета 19 января, очевидно, торчала досадной спицей в глазах у всего шляхетства. Все высшее управление должно быть выборное и дворянское. Дворянство—не цельный однородный класс: в нем различаются «фамильные люди», родовая знать, «генералитет военный и штатский», знать чиновная, и «шляхетство». Из этих разрядов и выбираются члены В. Т. Совета, Сената, президенты коллегий и даже губернаторы. Избирают на эти должности генералитет и шляхетство, по некоторым проектам только «знатное», и совместно с В. Т. Советом и Сенатом. Это избирательное собрание в проектах и зовется *обществом;* ему же усвояется власть законодательная и даже учредительная; духовенство и купечество участвуют в выработке плана государственных реформ только по специальным вопро-

сам, их касающимся. В некоторых проектах выражается желание облегчить податную тягость крестьян, т.-е. платежную ответственность самих дворян; но не нашлось ни одного дворянина, который проронил бы слово не об освобождении крепостных—до того ли было!—а хотя бы о законном определении господских поборов и повинностей. Существенную часть проектов составляют льготы для дворянства по службе и землевладению: назначение срока службы, право поступать на службу прямо офицерами, отмена единонаследия и т. п. Этими льготами вовлекали в движение рядовое шляхетство. Дело вела родовитая или чиновная знать; мелкое дворянство, равнодушное к толкам о разных образах правления, не действовало самостоятельно, не составляло особых политических кружков, а ютилось вокруг важных «персон», суливших им заманчивые льготы, и вторило своим вожакам тем послушнее, что большинство его были гвардейские и армейские офицеры, привыкшие и в строю повиноваться тем же вожакам, своим полковникам и генералам: из 1100 подписей под разными проектами более 600 офицерских. Все проекты построены на мысли, что дворянство—единственное правомочное сословие, обладающее гражданскими и политическими правами, настоящий народ в юридическом смысле слова, своего рода pays légal; через него власть и правит государством; остальное население — только управляемая и трудящаяся масса, платящая за то и другое, и за управление ею, и за право трудиться; это — живой государственный инвентарь. Народа в нашем смысле слова в кругах, писавших проекты, не понимали или не признавали.

Новый план кн. Голицына.

Пока шляхетство в своих проектах спешило заявить свои сословные желания, кн. Д. Голицын вырабатывал и обсуждал с В. Т. Советом план настоящей конституции.

По этому плану императрица распоряжается только своим двором. Верховная власть принадлежит В. Т. Совету в составе 10 или 12 членов из знатнейших фамилий; в этом Совете императрице уделено только два голоса; Совет начальствует над всеми войсками: все по примеру шведского государственного совета во время его борьбы с сеймовым дворянством в 1719—20 гг. Под Советом действуют у Голицына еще три учреждения: 1) Сенат из 36 членов, предварительно обсуждающий все дела, решаемые Советом; 2) Шляхетская камера (палата) из 200 членов по выбору шляхетства охраняет права сословия от посягательств со стороны В. Т. Совета, и 3) Палата городских представителей заведует торговыми и промышленными делами и оберегает интересы простого народа. Итак, знатнейшие фамилии правят, а шляхетские представители наравне с купеческими обороняются и обороняют народ от этого правления. Этот план не тушил пожара, а только подливал боярское масло в дворянский огонь. Старый Дон-Кихот отпетого московского боярства, в виду надвигавшейся из Митавы своей избранницы, пошел, наконец, на уступки, решился немного приотворить двери ревниво замыкаемого верховного управления и даже допустить нечто похожее на представительство народных интересов, идея которого была так трудна для сознания господствующих классов. Еще шире захватывает он интересы общественных классов в составленной им форме присяги императрице. Он и здесь упрямо стоит на аристократическом составе и на монополии законодательной власти В. Т. Совета, но расточает важные льготы и преимущества духовенству, купечеству, особенно знатному шляхетству и сулит всему дворянству то, о чем оно не осмеливалось просить в своих проектах: полную

свободу от обязательной службы с правом поступать добровольно во флот, армию и даже гвардию прямо офицерами. Эта своего рода хартия сословных вольностей шляхетства венчалась обещанием, особенно для него желанным,—дворовых людей и крестьян ни к каким делам не допускать. Петровскому крестьянину Посошкову и целому ряду административных и финансовых дельцов, выведенных Петром Великим из боярской дворни, произносилось политическое отлучение.

Крушение.

Политическая драма кн. Голицына, плохо срепетированная и еще хуже разыгранная, быстро дошла до эпилога. Раздор в правительственных кругах и настроение гвардии ободрило противников ограничения, доселе таившихся или притворно примыкавших к оппозиции. Составилась особая партия или «другая компания», по выражению Феофана, столь же сделочного состава, как и прочие: в нее вошли родственники императрицы и их друзья, обиженные сановники, как кн. Черкасский, Трубецкой, которых В. Т. Совет не пустил в свой состав; к ним примкнули люди нерешительные или равнодушные. Тут ожил и Остерман: все время он сидел дома больной, совсем собрался умирать, причастился и чуть-ли не соборовался, но теперь стал вдохновителем новой компании. Отношения, интересы и лица выяснились, и не мудрено было согласить компанейщиков, уверить их, что от самодержавной императрицы они скорее добьются желаемого, чем от самовластного Верховного Совета, сенаторов утешить восстановлением Сената в значении верховного правления, генералитет и гвардейцев избавлением от команды верховников, всех — упразднением В. Т. Совета. Колоколом партии был Ф. Прокопович: он измучился, звоня по всей Москве о тиранстве, претерпеваемом от верховников

государыней, которую стерегущий ее дракон В. Л. Долгорукий довел до того, что она «насилу дышит». Владыка сам испугался успеха своей пастырской проповеди, заметив, что многие, ею распыленные, «нечто весьма страшное умышляют». Подъезжая к Москве, Анна сразу почувствовала под собою твердую почву, подготовленную конспиративной агитацией слывшего безбожником немца и первоприсутствовавшего в Св. Синоде русского архиерея, и смело стала во главе заговора против самой себя, против своего честного митавского слова. В подмосковном Всесвятском вопреки пунктам она объявила себя подполковником Преображенского полка и капитаном кавалергардов, собственноручно угостив их водкой, что было принято с величайшим восторгом. Еще до приезда Анны гвардейские офицеры открыто говорили, что скорее согласятся быть рабами одного тирана-монарха, чем многих. Анна торжественно въехала в Москву, 15 февраля, и в тот же день высокие чины в Успенском соборе присягали просто государыне, не самодержице, да «отечеству» — и только. Не замечая интриги, зароившейся вокруг Анны, сторонники В. Т. Совета ликовали, рассказывали, что наконец-таки настало прямое порядочное правление; императрице назначают 100 тысяч рублей в год и больше ни копейки, ни последней табакерки из казны без позволения Совета, да и то под расписку; чуть что, хотя в малом в чем нарушит данное ей положение — сейчас обратно в свою Курляндию; и что она сделана государыней, и то только на первое время помазка по губам. Но верховники уже не верили в удачу своего дела и по слухам будто бы сами предлагали Анне самодержавие. И вот 25 февраля сот восемь сенаторов, генералов

и дворян в большой дворцовой зале подали Анне прошение образовать комиссию для пересмотра проектов, представленных В. Т. Совету, чтобы установить форму правления, угодную всему народу. Императрица призывалась стать посредницей в своем собственном деле между верховниками и их противниками. Один из верховников предложил Анне согласно кондициям предварительно обсудить прошение вместе с В. Т. Советом; но Анна, еще раз нарушая слово, тут же подписала бумагу. Верховники остолбенели. Но вдруг поднялся невообразимый шум: это гвардейские офицеры, уже надлежаще настроенные, с другими дворянами принялись кричать в перебой: «Не хотим, чтоб государыне предписывали законы; она должна быть самодержицею, как были все прежние государи». Анна пыталась унять крикунов, а они на колена перед ней с исступленной отповедью о своей верноподданнической службе и с заключительным возгласом: «Прикажите, и мы принесем к вашим ногам головы ваших злодеев». В тот же день после обеденного стола у императрицы, к которому приглашены были и верховники, дворянство подало Анне другую просьбу с 150 подписями, в которой «всепокорнейшие раби» всеподданнейше приносили и всепокорно просили всемилостивейше принять самодержавство своих славных и достохвальных предков, а присланные от В. Т. Совета и ею подписанные пункты уничтожить. — «Как? съ притворнымъ удивлением простодушного неведения спросила Анна: развѣ эти пункты были составлены не по желанию всего народа?» — Нет! был ответ. — «Так ты меня обманул, князь Василий Лукич!», сказала Анна Долгорукому. Она велела принести подписанные ею в Митаве пункты и тут же при всех разо-

рвала их. Все время верховники, по выражению одного иноземного посла, не пикнули, а то бы офицеры гвардии побросали их за окна. А 1 марта по всем соборам и церквам «паки» присягали уже самодержавной императрице: верноподданнической совестью помыкали и налево и направо с благословения духовенства. Так кончилась десятидневная конституционно-аристократическая русская монархия XVIII в., сооруженная 4-недельным временным правлением В. Т. Совета. Но, восстановляя самодержавие, дворянство не отказывалось от участия в управлении: в той же послеобеденной петиции 25 февраля оно просило, упразднив В. Т. Совет, возвратить прежнее значение Сенату из 21 члена, предоставить шляхетству выбирать баллотированием сенаторов, коллежских президентов и даже губернаторов и согласно дообеденной челобитной установить форму правления для предбудущего времени. Если бы это ходатайство было уважено, центральное и губернское управление составилось бы из выборных агентов дворянства в роде екатерининских капитан-исправников. Российская империя не стала «сестрицей Польши и Швеции», чего ожидал Фик; зато рядом с республикански - шляхетской Польшей стала Россия самодержавно-шляхетская.

Его причины.

Дело 1730 г. представлялось современным наблюдателям борьбой, поднявшейся из-за ограничения самодержавия в среде господствующего класса, между родовой аристократией и дворянством; прочие классы народа не принимали в этом движении никакого участия: нельзя же придавать сословного значения суетливой беготне архиепископа Феофана Прокоповича по московским шляхетским домам. Но первоначально В. Т. Совет дал предпринятому им делу очень узкую постановку. Это было

собственно не ограничение самодержавия сословным или народным представительством, а только совместное осуществление прерогатив верховной власти лицом, к ней призванным, и учреждением, призвавшим это лицо к власти. Верховная власть меняла свой состав или форму, переставала быть единоличной, но сохраняла прежнее отношение к обществу. Ограничительные пункты давали только одно право гражданской свободы, да и то лишь одному сословию: «у шляхетства живота и имения и чести без суда не отымать». Но о политической свободе, об участии общества в управлении пункты верховников не говорят ни слова; государством правят неограниченно императрица и В. Т. Совет, а В. Т. Совет не представлял собою никого, кроме самого себя: одни из его членов были назначены верховной властью еще до ее ограничения, другие кооптированы, приглашены самим Советом в ночном заседании 19 января. Так думал Совет вести дела и впредь; только оппозиция заставила его обещать созыв всех чинов для совещания и только для совещания о наилучшем устройстве государственного управления. Всего менее представляли верховники русскую родовитую знать. Большая часть тогдашней старинной знати, Шереметевы, Бутурлины, князья Черкасские, Трубецкие, Куракины, Одоевские, Барятинские. были по московскому родословию ничем не хуже князей Долгоруких, а члены этих фамилий стояли против В. Т. Совета. Верховники не могли объединить вокруг себя даже собственных родичей: имена Голицыных и Долгоруких значатся в подписях под оппозиционными проектами. Эта оппозиционная знать была душою движения, волновала мелкое шляхетство, суля ему заманчивые льготы по службе и

землевладению, руководила шляхетскими кружками, диктуя им записки для подачи в В. Т. Совет. Шляхетство рядовое выступало в деле не деятелем, а статистом, выводимым на сцену, чтобы произвести впечатление количественной силы. Табель о рангах еще не успела перетасовать родословные масти и освободить чин от гнета породы. В этом дворянстве, темном и бедневшем, нуждавшемся в высокостойных милостивцах, привычное холопье родопочитание еще дружно уживалось с зарождавшимся рабьим чинопочитанием. «Шляхетство фамильным рабски служат и волю их всяко исполняют и тою службою для обогащения получают комендантства и у других важных царских интересов командирство». Так изображает петровский прожектер Ив. Филиппов отношения рядового дворянства к знати, не успевшие скоро измениться и после Петра. Но и вожаки шляхетства были высшие должностные лица, члены правительственных учреждений, впереди всех сенаторы и генералитет, который был не просто куча генералов, а особое учреждение, главный совет Генерального штаба с определенными штатами и окладами. Первый проект, поданный в В. Т. Совет и самый оппозиционный, шел именно от Сената и генералитета. Значит, в деле 1730 г. боролись не лица и не общественные классы, а высшие правительственные учреждения, не знать старая, родовитая, с новой, чиновной или та и другая с рядовым шляхетством, а Сенат, Синод и генералитет с В. Т. Советом, который присвоял себе монополию верховного управления,—словом, боролись не правительство и общество за власть, а органы правительства между собою за распределение власти. Но учреждения — только колеса правительственной машины, приводимые в движение

правительственной или общественной силой. Верховники хотели, чтобы такою силой были знатные фамилии или фамильные люди; но того же хотели и их противники: фамильные тягались с фамильными. Со времени опричнины правящий класс так осложнился и перепутался, что трудно стало разобрать, кто и в какой мере фамилен или нефамилен. Общественная сила, какою был этот смешанный класс, теперь цеплялась за готовые правительственные учреждения, потому что не было учреждений общественных, за которые можно было бы уцепиться. Старая военно-генеалогическая организация служилого класса была разрушена отменой местничества и регулярной армией, а попытка Петра вовлечь местные дворянские общества в управление потерпела неудачу. Только учреждения и объединяли неслаженные интересы и невыясненные взгляды лиц и классов; сами верховники, разделяемые фамильными счетами и личными враждами, действовали если не единодушно, то хоть компактно, не по чувству аристократической солидарности, а по товариществу в В. Т. Совете. Оставалось превратить высшие правительственные учреждения в общественные, выборные, т. е. представительные. Эта мысль и бродила в умах того времени. Но и верховникам, кроме разве одного Д. Голицына, и их противникам недоставало ни понимания сущности представительства, ни согласия в подробностях его устройства; под выборными из шляхетства разумели набранных из дворян, случившихся в столице. Таким образом, ни установившиеся общественные отношения, ни господствовавшие политические понятия не давали средств развязать узел, в какой затянулись столкнувшиеся интересы и недоразумения. Вопрос разрешен был насильственно, механическим гвар-

дейским ударом. Дворянская гвардия поняла дело по своему, по казарменному: ее толкали против самовластия немногих во имя права всех, а она набросилась на всех во имя самовластия одного лица,—не туда повернули руль: просить о выборном управлении, восстановив самодержавие, значило прятать голову за дерево. На другой день после присяги самодержавная Анна, исполняя часть шляхетской просьбы, составила Сенат из 21 члена, но назначила их сама, без всяких выборов. Так ходом дела выясняются главные причины его неудачи. Прежде всего самый замысел кн. Д. Голицына не имел ни внутренней силы, ни внешней опоры. Он ограничивал верховную власть не постоянным законом, а учреждением с неустойчивым составом и случайным значением; чтобы придать ему устойчивость, Голицын хотел сделать его органом и оплотом родовой аристократии, класса, которого уже не существовало: оставались только немногие знатные фамилии, разрозненные и даже враждебные друг другу. Голицын строил монархию, ограниченную призраком. Далее, В. Т. Совет с своим случайным и непопулярным составом, упрямо удерживая за собой монополию верховного управления, оттолкнул от себя большинство правительственного класса и вызвал оппозицию с участием гвардии и шляхетства, перевернув дело, превратив вопрос об ограничении самодержавия в протест против собственной узурпации. Наконец, оппозиция и отдельные члены самого В. Т. Совета смотрели в разные стороны: Совет хотел ограничить самодержавие, не трогая высшего управления; оппозиция требовала перестройки этого управления, не касаясь самодержавия или умалчивая о нем: гвардейская и дворянская масса добивалась сословных льгот, относясь враждебно или

равнодушно и к ограничению верховной власти и к перестройке управления. При такой розни и политической неподготовленности оппозиционные кружки не могли выработать цельного и удобоприемлемого плана государственного устройства, оправдывая отзыв прусского посла Мардефельда, что русские не понимают свободы и не сумеют с нею справиться, хотя и много об ней толкуют. Сам Голицын объяснял неудачу своего предприятия тем, что оно было не по силам людей, которых он призвал к себе в сотрудники. В этом смысле надобно понимать его слова, которыми он сам отпел свое дело. Когда восстановлено было самодержавие, он сказал: «пир был готов, но званые оказались недостойными его; я знаю, что паду жертвой неудачи этого дела; так и быть, пострадаю за отечество; мне уж и без того остается немного жить; но те, кто заставляет меня плакать, будут плакать дольше моего». В этих словах приговор Голицына и над самим собой: зачем, взявшись быть хозяином дела, назвал таких гостей, или зачем затевал пир, когда некого было звать в гости?

Связь с прошедшим.

В предприятии кн. Голицына возбуждают недоумение две черты: это — выбор лица, не стоявшего на наследственной очереди, и подделка избирательного акта, превратившая условия избрания в добровольный дар избранницы. Первая черта наводит на мысль о некотором участии шведского влияния. Воцарение Анны несколько напоминает вступление на шведский престол сестры Карла XII Ульрики-Элеоноры в 1719 г.—то же избрание женщины помимо прямого наследника (герцога голштинского) с ограничением власти избранницы; то же домогательство аристократического государственного совета стать полновластным и такое же противодействие

дворянства. Наконец, русские исследователи событий 1730 г. с помощью шведских историков указали очевидные следы влияния шведских конституционных актов в ограничительных пунктах, в плане и проекте присяги, составленных Голицыным. Но при сходстве обстоятельств условия были далеко не одинаковы. При избрании Анны Голицын помнил и мог принимать в соображение случившееся с Ульрикой-Элеонорой: удалось там—почему не удастся здесь? Шведские события давали только ободрительный пример, шведские акты и учреждения—готовые образцы и формулы. Но побуждения, интересы и согласованная с ними тактика были свои, не заимствованные. Это особенно сказалось в другой черте дела. Зачем понадобилась Голицыну фальсификация избирательного акта? Здесь надобно обратиться к русскому прошлому. Закулисная интрига в перемене образа правления имела у нас долгую и невзрачную историю. В 1730 г. уже не в первый раз поднимался старый и коренной вопрос русского государственного порядка, вопрос о закономерной постановке верховной власти. Он вызван был пресечением династии Рюриковичей, как историческая необходимость, а не как политическая потребность. До 1598 г. на московского государя смотрели как на хозяина земли, а не народа. В народном правосознании не было места для мысли о народе, как о государственном союзе; не могло быть места и для идеи народной свободы. Церковь учила, что всякая власть от Бога, а так как воля Божия не подлежит никакому юридическому определению, то ее земное воплощение ставилось вне права, закона, мыслилось, как чистая аномия. С 1598 г. русское политическое мышление стало в большое затруднение. Церковное понятие о власти еще можно

было кое-как пристроить к наследственному государю—хозяину земли; но царь выборный, деланный хоть и земскими, но все же земными руками, трудно укладывался под идею богопоставленной власти. Политическое настроение раздвоилось. Плохо понимая, что за цари пошли с Бориса Годунова, народная масса сохранила чисто отвлеченное библейское представление о царской власти; но уже закрепощаемая и прежде умевшая только бегать от притеснений властей, она в XVII в. выучилась еще бунтовать против бояр и приказных людей. В свою очередь и боярство под влиянием горьких опытов и наблюдений над соседними порядками освоилось с мыслью о договорном царе; но, исходя из правящего класса, а не из народной массы, заслуженно ему не доверявшей, эта мысль всегда стремилась отлиться и дважды отливалась в одинаковую форму закулисной сделки, выступавшей наружу в виде добровольного дара власти, либо проявлявшейся в ослабленных браздах правления. Такая форма была выходом из положения между двух огней, в какое попадали люди, чутьем или сознательно пытавшиеся исцелить страну от болезненного роста верховной власти. Дело 1730 г. было седьмой попыткой более или менее прикрытого сделочного вымогания свободы правительственным кружком и четвертым опытом открытого, формального ограничения власти. Негласное вымогание свободы вызывалось нравственным недоверием к дурно воспитанной политической власти и страхом перед недоверчивым к правящему классу народом; формальное ограничение не удавалось вследствие розни среди самих господствующих классов.

Императрица Анна и ее двор.

Движение 1730 г. ровно ничего не дало для народной свободы. Может быть, оно дало толчок политической мысли дворянства. Правда, политическое возбуждение

в этом сословии не погасло и после неудачи верховников; но оно под действием царствования Анны значительно преломилось, получило совсем другое направление. Это царствование—одна из мрачных страниц нашей истории и наиболее темное пятно на ней — сама императрица. Рослая и тучная, с лицом более мужским, чем женским, черствая по природе и еще более очерствевшая при раннем вдовстве среди дипломатических козней и придворных приключений в Курляндии, где ею помыкали, как русско-прусско-польской игрушкой, она, имея уже 37 лет, привезла в Москву злой и мало образованный ум с ожесточенной жаждой запоздалых удовольствий и грубых развлечений. Выбравшись случайно из бедной митавской трущобы на широкий простор безотчетной русской власти, она отдалась празднествам и увеселениям, поражавшим иноземных наблюдателей мотовской роскошью и безвкусием. В ежедневном обиходе она не могла обойтись без шутих-трещеток, которых разыскивала чуть не по всем углам империи: они своей неумолкаемой болтовней угомоняли в ней едкое чувство одиночества, отчуждения от своего отечества, где она должна всего опасаться; большим удовольствием для нее было унизить человека, полюбоваться его унижением, потешиться над его промахом, хотя она и сама однажды повелела составить Св. Синод в числе 11 членов из двух равных половин, великороссийской и малороссийской. Не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезенных из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении. Этот сбродный налет состоял из «клеотур» двух сильных патронов,

«канальи курляндца», умевшего только разыскивать породистых собак, как отзывались о Бироне, и другого канальи, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону в фаворе, графа Левенвольда, обер-шталмейстера, человека лживого, страстного игрока и взяточника. При разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами, какие мастерил другой Левенвольд, обер-гофмаршал, перещеголявший злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась до-сыта и веселилась до-упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа. Недаром двор при Анне обходился впятеро-вшестеро дороже, чем при Петре I, хотя государственные доходы не возрастали, а скорее убавлялись. «При неслыханной роскоши двора в казне, писали послы, нет ни гроша, а потому никому ничего не платят». Между тем управление велось без всякого достоинства. В. Т. Совет был упразднен, но и Сенат с расширенным составом не удержал прежнего первенствующего значения. Над ним стал в 1731 г. трехчленный *Кабинет Министров*, творение Остермана, который и сел в нем полновластным и негласным вдохновителем своих ничтожных товарищей: кн. Черкасского и канцлера Головкина. Кабинет — не то личная контора императрицы, не то пародия В. Т. Совета: он обсуждал важнейшие дела законодательства, а также выписывал зайцев для двора и просматривал счета за кружева для государыни. Как непосредственный и безответственный орган верховной воли, лишенный всякого юридического облика, Кабинет путал компетенцию и делопроизводство правительственных учреждений, отражая в себе закулисный ум своего творца и характер темного царствования. Высочайшие манифесты превратились в афиши непристойного самовосхваления и в травлю русской знати перед

народом. Казнями и крепостями изводили самых видных русских вельмож, Голицыных и целое гнездо Долгоруких. Тайная розыскная канцелярия, возродившаяся из закрытого при Петре II Преображенского приказа, работала без устали, доносами и пытками поддерживая должное уважение к предержащей власти и охраняя ее безопасность; шпионство стало наиболее поощряемым государственным служением. Все казавшиеся опасными или неудобными подвергались изъятию из общества, не исключая и архиереев; одного священника даже посадили на кол. Ссылали массами, и ссылка получила утонченную жестокую разработку. Всех сосланных при Анне в Сибирь считалось свыше 20 тысяч человек; из них более 5 тыс. было таких, о которых нельзя было сыскать никакого следа, куда они сосланы. Зачастую ссылали без всякой записи в надлежащем месте и с переменою имен ссыльных, не сообщая о том даже Тайной Канцелярии: человек пропадал без вести. Между тем народное, а с ним и государственное хозяйство расстраивалось. Торговля упала; обширные поля оставались необработанными по пяти и по шести лет; жители пограничных областей от невыносимого порядка военной службы бежали за границу, так что многие провинции точно войною или мором опустошены, как писали иноземные наблюдатели. Источники казенного дохода были крайне истощены, платежные силы народа изнемогли: в 1732 г. по смете ожидалось дохода от таможенных и других косвенных налогов до $2^1/_2$ мил. р., а собрано было всего лишь 187 тыс. На многомиллионные недоимки и разбежались глаза у Бирона. Под-стать невзгодам, какими тогда посетила Россию природа, неурожаям, голоду, повальным болезням, пожарам, устроена была доимочная облава на народ: снаряжались вымога-

тельные экспедиции; неисправных областных правителей ковали в цепи, помещиков и старост в тюрьмах морили голодом до смерти, крестьян били на правеже и продавали у них все, что попадалось под руку. Повторялись татарские нашествия, только из отечественной столицы. Стон и вопль пошел по стране. В разных классах народа толковали: Бирон и Миних великую силу забрали, и все от них пропали, овладели всем у нас иноземцы; тирански собирая с бедных подданных слезные и кровавые подати, употребляют их на объядение и пьянство; русских крестьян считают хуже собак; пропащее наше государство! Хлеб не родится, потому что женский пол царством владеет; какое ныне житье за бабой? Народная ненависть к немецкому правительству росла; но оно имело надежную опору в русской гвардии. В первый же год царствование ее подкрепили третьим пехотным полком, сформированным из украинской мелко-шляхетской милиции; в подражание старым полкам Петра I новый был назван Измайловским по подмосковному селу, где любила жить Анна. Полковником назначен был помянутый молодец обер-шталмейстер Левенвольд и ему же поручили набрать офицеров в полк из лифляндцев, эстляндцев, курляндцев и иных наций иноземцев, между прочим и из русских. Это была уже прямая угроза всем русским, наглый вызов национальному чувству. Подпирая собой иноземное иго, гвардия услужила бироновщине и по взысканию недоимок: гвардейские офицеры ставились во главе вымогательных отрядов. Любимое детище Петра, цвет созданного им войска, гвардеец явился жандармом и податным палачем пришлого проходимца. Лойяльными гвардейскими штыками покрывались ужасы, каких наделали разнузданные народным бессилием пришельцы. Еще при самом начале

немецких неистовств польский посол, прислушиваясь к толкам про немцев в народе, выразил секретарю французского посольства опасение, как бы русские не сделали теперь с немцами того же, что они сделали с поляками при Лжедмитрии. — «Не беспокойтесь, возразил Маньян: тогда у них не было гвардии». Дорого заплатила дворянская гвардия за свое всеподданнейшее прошение 25 февраля 1730 г. о восстановлении самодержавия и за великолепный обед, данный за это императрицей гвардейским офицерам 4 апреля того же года, удостоив их при этом чести обедать вместе с ними; немцы показали этой гвардии изнанку восстановленного ею русского самодержавия.

Внешняя политика.

Бирон с креатурами своими не принимал прямого, точнее, открытого участия в управлении: он ходил крадучись, как тать, позади престола. Над кучей бироновских ничтожеств высились настоящие заправилы государства, вице-канцлер Остерман и фельдмаршал Миних. Им предстояло все усиливавшийся ропот на худое ведение внутренних дел заглушить шумными внешними успехами, а немецкое правительство русской императрицы из Митавы даже обязано было для собственной безопасности поддержать свой престиж в России и в Европе. Этого и немудрено было добиться, умело позируя между Францией и Австрией, во взаимной вражде одинаково заискивавшими у России с ее превосходным петровским войском, которого еще не успели вполне расстроить. Таким знатокам дипломатического и военного искусства, как Остерман и Миних, представились два прекрасных случая показать, насколько лучше умеют они вести дела, чем доморощенные русские неучи и лентяи. В 1733 г. умер король польский Август II, непутный союзник Петра I,

и надобно было поддержать его сына в борьбе за польский престол против французского кандидата, старого Станислава Лещинского. В 1697 г. достаточно было в подобном случае придвинуть еще неустроенное русское войско к литовской границе, чтобы доставить этому Августу II торжество над французским принцом. Теперь ввели вглубь Польши целую регулярную армию в 50 тыс. под командою лучшего из генералов-иноземцев, да и то не немца, а шотландца Лесси, любимца солдат. Но в Петербурге предприятие было так плохо подготовлено, а присланный улаживать дела в Польше закадычный друг Остермана, бездельник обер-шталмейстер Левенвольд поставил русское войско в такое невыносимое положение, что $4^1/_2$ месяца осаждали укрывший за своими стенами Станислава Данциг, под которым сам сменивший Лесси Миних уложил более 8 тыс. русских солдат. Во время польской войны друзья Остермана австрийцы не ввели в Польшу ни одного солдата на помощь союзным русским войскам, а когда Франция объявила Австрии войну за Польщу и со своими союзниками отняла у нее Неаполь, Сицилию, Лотарингию и почти всю Ломбардию, всемогущий и славный петербургский дипломат двинул к Рейну того же Лесси с 20-тысячным корпусом и тем выручил свою жалкую и предательскую союзницу. По связи с польской войной и по поводу крымских набегов в 1735 г. начали войну с Турцией. Надеялись в союзе с Персией и той же Австрией припугнуть турок легкой и быстрой кампанией, чтобы сгладить неприятное впечатление отказа от прикаспийских завоеваний Петра Великого, удержать Турцию от вмешательства в польские дела и освободиться от тягостных условий договора на Пруте 1711 г. Обремененный всеми высшими военными должностями, под-

мываемый честолюбивыми вожделениями и окрыляемый мечтаниями, Миних также желал этой войны, чтобы освежить свою боевую славу, несколько поблекшую под Данцигом. И действительно русские войска добились громких успехов: сделаны были три опустошительные вторжения в главное татарское гнездо, в непроницаемый дотоле Крым, взяты Азов, Очаков, после Ставучанской победы в 1739 г. заняты Хотин, Яссы и здесь отпраздновано покорение Молдавского княжества. Герой войны Миних широко расправил крылья. В виду турецкой войны в Брянске на р. Десне завели верфь и на ней ускоренно устроили суда, которые, спустившись Днепром в Черное море, должны были действовать против Турции. Суда строились по системе тяп-ляп и по окончании войны признаны были никуда негодными. Однако по взятии Очакова в 1737 г. Миних хвастливо писал, что на этой флотилии, взорвав днепровские пороги, он в следующем году выйдет в Черное море и пойдет прямо в устья Днестра, Дуная и далее в Константинополь. Надеялись, что все турецкие христиане поднимутся, как один человек, и стоит только высадить в Босфоре тысяч двадцать с несуществовавших русских кораблей, чтобы заставить султана бежать из Стамбула. На австро-русско-турецком конгрессе в Немирове 1737 г. Россия потребовала у турок всех татарских земель от Кубани до устьев Дуная с Крымом включительно и независимости Молдавии и Валахии. Война стоила страшно дорого: в степи, в Крыму и под турецкими крепостями уложено было до 100 тысяч солдат, истрачено много миллионов рублей; показали миру чудеса храбрости своих войск, но кончили тем, что отдали дело во враждебные руки французского посла в Константинополе Вильнева, ума непервоклассного, по отзыву рус-

ского резидента. Но он превосходно распорядился интересами России, заключил мир в Белграде (сент. 1739 г.) и подсчитал такие главные итоги всех русских усилий, жертв и побед: Азов уступается России, но без укреплений, которые должны быть срыты; Россия не может иметь на Черном море ни военных, ни даже торговых кораблей; султан отказался признать императорский титул русской императрицы. Вот к чему свелись и брянская флотилия, и крымские экспедиции, и штурм Очакова, и Ставучаны, и воздушный полет Миниха в Константинополь. Вильневу за такие услуги России предложен был вексель в 15 тыс. талеров, от которого, впрочем, тот великодушно отказался — до окончания всего дела, и Андреевский орден, а его сожительница получила бриллиантовый перстень. Россия не раз заключала тяжелые мирные договоры; но такого постыдно-смешного договора, как белградский 1739 г., ей заключать еще не доводилось и авось не доведется. Вся эта дорогая фанфаронада была делом первоклассных талантов тогдашнего петербургского правительства, дипломатических дел мастера Остермана и такого же военных дел мастера Миниха с их единоплеменниками и русскими единомышленниками. Однако их заслуги перед Россией щедро вознаграждались. Остерман, например, по разнообразным своим должностям вплоть до генерал-адмирала получал не менее 100 тыс. руб. на наши деньги.

Движение против немцев.

Горючий материал негодования, обильно копившийся 10 лет, тлел незаметно. Ему мешали разгораться привычное почтение к носителям верховной власти, исполнение некоторых шляхетских желаний 1730 г. и нечто похожее на политический стыд: сами же надели на себя это ярмо. Но смерть Анны развязала языки, а оскорби-

тельное регентство Бирона толкало к действию. Гвардия зашумела; офицеры, сходясь на улицах с солдатами, громко плакались им на то, что регентство дали Бирону мимо родителей императора, а солдаты бранили офицеров, зачем не зачинают. Капитан Бровцын на Васильевском острову собрал толпу солдат и с ними горевал о том, что регентом назначен Бирон. Увидел это кабинет-министр Бестужев-Рюмин, креатура регента, и, превратив себя в городового, погнался с обнаженной шпагой за Бровцыным, который едва успел укрыться в доме Миниха. Подполковник Пустошкин, вспомнив 1730 год, подговорил многих и в том числе гвардейских офицеров подать челобитную от российского шляхетства о назначении регентом принца-отца. Пустошкин хотел провести свою просьбу через кабинет-министра кн. Черкасского, одного из шляхетских вождей 1730 г., а тот выдал его Бирону. Офицеры толковали о регенте, не трогая императора-ребенка; нижним чинам была понятнее более простая и радикальная мысль о самом престоле. При сыне герцога брауншвейгского — кто ни будь регентом, господство все равно останется в руках немцев. На престоле надобно лицо, которое обошлось бы без регента и без немцев. Озлобление на немцев расшевелило национальное чувство; эта новая струя в политическом возбуждении постепенно поворачивает умы в сторону дочери Петра. Идучи от присяги императору-ребенку, гвардейские солдаты толковали о цесаревне Елизавете. Один гвардейский капрал в этот день говорил своим товарищам: «А не обидно ли? вот чего император Петр I в Российской империи заслужил: коронованного отца дочь государыня-цесаревна отставлена». Возбуждение гвардейских кружков сообщалось и низшим слоям,

с ними соприкасавшимся. Когда манифест о воцарении Ивана Антоновича и о регентстве Бирона был прислан в Шлиссельбург, в канцелярию Ладожского канала, один писарь оказался на-веселе. Окружающие советовали ему привести себя для присяги в порядок; но он возразил: «Не хочу—я верую Елизавет-Петровне». Самые скромные чины хотели иметь свои политические верования. Так был подготовлен ночной гвардейский переворот 25 ноября 1741 г., который возвел на престол дочь Петра I. Этот переворот сопровождался бурными патриотическими выходками, неистовым проявлением национального чувства, оскорбленного господством иноземцев: врывались в дома, где жили немцы, и порядочно помяли даже канцлера Остермана и самого фельдмаршала Миниха. Гвардейские офицеры потребовали у новой императрицы, чтобы она избавила Россию от немецкого ига. Она дала отставку некоторым немцам. Гвардия осталась недовольна, требуя поголовного изгнания всех немцев за границу. В финляндском походе (тогда шла война со Швецией) в лагере под Выборгом против немцев поднялся открытый бунт гвардии, усмиренный только благодаря энергии генерала Кейта, который, схватив первого попавшегося бунтовщика, приказал сейчас же позвать священника, чтобы приготовить солдата к расстрелянию.

---

*

Лекция LXXII.

Значение эпохи дворцовых переворотов.—Отношение правительств после Петра I к его реформе. — Бессилие этих правительств. — Крестьянский вопрос.—Обер-прокурор Анисим Маслов.—Дворянство и крепостное право. — Служебные льготы дворянства: учебный ценз и срок службы. — Укрепление дворянского землевладения: отмена единонаследия; дворянский заемный банк; указ о беглых; расширение крепостного права; сословная очистка дворянского землевладения.—Отмена обязательной службы дворянства.—Третья формация крепостного права.—Практика права.

Значение эпохи.

При имп. Анне и ее колыбельном преемнике переломилось настроение русского дворянского общества. Известные нам влияния вызвали в нем политическое возбуждение, направили его внимание на непривычные вопросы государственного порядка. Опомнившись от реформы Петра и оглядываясь вокруг себя, сколько-нибудь размышлявшие люди сделали важное открытие: они почувствовали при чересчур обильном законодательстве полное отсутствие закона. Искание законности и было интересом, объединявшим при разладе мнений боровшиеся в 1730 г. стороны. За неумелое увлечение высшего класса политикой весь народ был наказан бироновщиной; испытав при Меншикове и Долгоруких русское беззаконие, при Бироне и Левенвольдах испробовали беззаконие немецкое. Господство немцев много помогло нравственному

объединению русского дворянского общества. Заговорил интерес менее сложный, но способный к более широкому обхвату, чем потребность в законности, заговорило чувство национальной чести, народной обиды. Притом гордые предками верхи, князья Голицыны, Долгорукие были сорваны пришельцами; уцелевшие фамильные люди затаили в себе боярскую кичливость и теснее прижались к шляхетской массе, одворянились. Раз утром секретарь Екатерины II Храповицкий разговаривал с ней «о страхе от бояр во время Елизаветы Петровны». Екатерина отвечала, подстригая ногти: «у всех ножей притуплены концы и колоть не могут». Если речь шла о возможной вспышке угасавших боярских притязаний 1730 г., то при Елизавете они могли еще тревожить, как беспокойное сновидение; но более полустолетия спустя о них шутливо вспоминали, как об устраненной уже неприятности. Иноземное иго рассеяло еще один предрассудок, сдерживавший в чтителях преобразователя чувство национального негодования. Иноземцы были при Петре I деятельными агентами реформы; господство иноземцев смешивали с преобразовательным движением; национальное правительство отождествляли с реакцией, с поворотом к допетровской старине. Переезд двора в Москву при Петре II—возврат к московской тьме: так испуганно поняли его иностранцы и русские сторонники реформы. «Не хочу гулять по морю, как дедушка» — эти слова Петра II прозвучали целой программой: ну, маленький внук скоро обратит в ничто великие замыслы великого деда, думали иноземцы. Внешняя и внутренняя политика в царствование Анны и в правление ее племянницы выяснила, что немецкие мастера умеют расстраивать дело Петра I не хуже русских самоучек. Но едва ли не самым успокоительным средством от по-

литических волнений служило для дворянства законодательное удовлетворение важнейших нужд и желаний, заявленных в шляхетских проектах 1730 г.: льготы по службе и землевладению, о которых скоро скажу, манили помещика из полка, из столицы в крепостную усадьбу, где на досуге он мог почувствовать всю приятность быть русским и разработать в себе национальное чувство. Так со смерти Петра I русское дворянское общество пережило ряд моментов или настроений. Дело началось замыслом ограничить верховную власть учреждением тесного совета из первостепенной знати; этот замысел вызвал попытку ввести в высшее управление конституционное участие более широкого дворянского круга. Когда не удались ни аристократический олигархизм, ни шляхетский конституционализм, от обеих неудач отложился сильно возбужденный дворянский патриотизм, приучавший сословие к трезвому взгляду на свое положение в государстве: лучше самим распоряжаться в отечестве, чем терпеть хозяйничанье чужаков. Поворотом от беспокойных и непривычных толков о европейских конституциях к реальным условиям родной страны и общепонятным интересам сословия завершилось политическое возбуждение, длившееся 17 лет. Оно не прошло бесследно для государственного устройства и общественного порядка: под его прямым или косвенным влиянием дворянство постепенно становилось в новое служебное и хозяйственное положение. Собственно эти перемены и важны для истории русского государства и общества XVIII в. Политические мечты людей 1730 г. были свеяны временем, но политическая роль, какую пришлось сыграть в тогдашних событиях дворянской гвардии, оставила по себе следы, не сглаживавшиеся до половины XIX в.

Государственное положение дворянства устроялось в тесной связи как с этой ролью, так и с потребностями государства, как их понимали правительства, сменявшиеся по смерти Петра I. Самые тревожные заботы внушало правительству состояние государственного и народного хозяйства. Лихорадочная деятельность Петра до времени прикрывала крайнее истощение сил страны непосильными тягостями, наложенными на народный труд. Иноземные послы уже за год и больше до смерти Петра догадывались об этом платежном изнурении и писали, что страна не в состоянии ничего больше давать, и что единственным еще способным к растяжению финансовым рессурсом остается деспотическая власть царя, не признающая за подданными права собственности. Ближайшие сотрудники Петра только после его смерти стали вскрывать печальные следствия безмерной работы, какую он задал народному труду. Зато едва преобразователь закрыл глаза, как эти сотрудники заговорили уже не о налоговом изнурении народа, а прямо о предстоящей гибели государства. Генерал-прокурор Ягужинский спешил подать императрице горячую записку: мрачно изобразив положение дел с многолетними неурожаями, множеством умирающих от голода, с разорительным сбором подушной подати, с полным обнищанием народа и массовым бегством в Польшу, на Дон и даже к башкирам, податель записки заканчивал свою картину общего расстройства таким зловещим предостережением: «И ежели далее сего так продолжить, то всякому российского отечества сыну соболезнуя рассуждать надлежит, дабы тем так славного государства нерадивым смотрением не допустить в конечную гибель и бедство». Вопросы, возбужденные Ягужинским,

Отношение правительств к реформе.

подверглись дальнейшей разработке в новоучрежденном В. Т. Совете. Мнения, высказанные его членами, сведены были в целый программный указ императрицы 9 января 1727 г. Он начинается решительным и печальным заявлением, что сколько ни трудился Петр Великий над устроением духовных и светских дел, однако ничего из этого не вышло, «того не учинено», и едва ли не все дела в худом порядке находятся и скорейшего поправления требуют. Казалось, предпринимали общий пересмотр реформы с целью довершить начатое и исправить недостатки исполненного. Совет обсудил поставленные ему указом на вид вопросы и предположения, и последовал ряд узаконений: решили облегчить взимание подушной, вывести полки с вечных квартир и расселить подгородными слободами, для удешевления администрации упразднить Мануфактур-коллегию, должность рекетмейстера при Сенате, некоторые канцелярии и конторы, признанные излишними, а также надворные суды, положив все сборы и расправу на воевод и губернаторов, да им же подчинить и магистраты «для лучшего посадских охранения». Тем и ограничился пересмотр. В указе 9 января поставлен был один коренной вопрос: в виду недоимки как собирать прямой налог, со всех ли ревизских душ, или с одних работников, с дворов, с тягол, или, наконец, с земли? По этому вопросу предписано было немедленно составить особую комиссию из членов В. Т. Совета и Сената и с участием лиц из знатного и среднего шляхетства, которая должна была к сентябрю того же 1727 г. обсудить и решить это дело. В. Т. Совет в своих замечаниях не вошел в рассмотрение вопроса, предоставив это комиссии, а комиссия ничего не сделала и даже едва ли была собрана. Правительствам

после Петра было не до коренных вопросов, не до начала и задач реформы: они едва справлялись и с первыми встречными затруднениями. Дорогие нововведения Петра обременяли старый бюджет хроническим дефицитом; возвышение налогов для его покрытия плодило недоимку, взыскание которой усиливало бегство плательщиков, а это в свою очередь увеличивало недоборы и поддерживало дефицит. Преобразованные учреждения не умели выйти из этого заколдованного финансового круга, напротив, затрудняли выход, вели дела не лучше, если не хуже старых приказов. В областных управлениях по казенным сборам сенатский ревизор в 1726 г. находил вместо приходо-расходных книг валявшиеся записки на гнилых лоскутках и открывал «непостижные воровства и похищения» казенных денег, за что решился даже повесить копииста и пищика. Подчиненные местные учреждения брали пример с правящих центральных. Долго помнили, как Петр I дорожил казенными деньгами, «из-за копейки давливался», по чересчур образному выражению одного солдата в 1744 г. После Петра финансовая отчетность все более падала, даже при Елизавете, так настойчиво заявлявшей о своей верности правилам отца. В 1748 г. Сенат с трудом добился от Камер-коллегии приходо-расходной ведомости за 1742 г., но она оказалась несходной с прежде присланной по некоторым статьям на сумму до миллиона рублей. В 1749 году, чтобы добиться от той же коллегии ведомостей за 1743—1747 годы, Сенат пригрозил ее президенту и членам приставить к ним унтер-офицера с солдатами и не выпускать их из коллегии, пока не исправятся. При таком ведении хозяйства правительство иногда не знало, сколько у него денег и где

они находятся. В 1726 году понадобилось 30 т. руб. на кронштадтские постройки. Пошли справки, обшарили разные места, где какие есть деньги, и наконец нашли 20 тыс. в камер-коллегии. Штатс-контора, ведомство расходов, к 1748 г. накопила недоплат свыше трех миллионов, а к 1761 г.—8 мил. и на все требования отвечала, что за совершенным недостатком государственных доходов уплатить ей неоткуда и не из чего, «губернии высылкою денег всеконечно безнадежны, у них и на тамошние расходы недостаетъ». Пособницей дефицита была сама верховная власть. Елизавета лично для себя копила деньги, как бы собираясь бежать из России, и забирала текущие казенные доходы, предоставляя министрам изворачиваться, как умеют. Истощение прямого налога заставляло искать других более выносливых финансовых источников; они нашлись в казенных монополиях, соляной и винной. В елизаветинском сенаторе

Гр. П. И. Шувалов.

гр. П. И. Шувалове воскрес деятельный петровский прибыльщик - вымышленник. Финансист, кодификатор, землеустроитель, военный организатор, откупщик, аферист, казнокрад и взяточник, инженер и артиллерист, изобретатель особой «секретной» гаубицы, наделавшей чудес в Семилетнюю войну, как рассказывали, а на деле никуда не годной, Шувалов на всякий вопрос находил готовый ответ, на всякое затруднение, особенно финансовое, имел в кармане обдуманный проект. С целью обеспечить содержание войска Шувалов предложил неистощимый способ умножения казенных доходов, представляющий «единое обращение циркулярное бесконечное». Эта циркулярная бесконечность достигалась тем, что казна могла получать всякую потребную ей сумму, возвышая по надобности цену вина и соли, так как соль необходима всем, даже

и неподатным людям, а надбавку на вино всякую будут платить моты, не сберегающие своих денег, которые они все равно пропьют на дорогом, как и на дешевом вине. Цены соли в разных местах были очень различны, от 3 до 50 коп. пуд: средняя—21 коп., и прибыли получалось около 750 тыс. руб. Накинув на среднюю цену 14 коп. и продавая повсюду по 35 коп. пуд, казна при прежнем потреблении соли (около $7^1/_2$ мил. пуд.) увеличивала прибыль еще на миллион слишком. Проект Шувалова был утвержден в 1750 г., а в 1756 г. в начале Семилетней войны цену соли подняли до 50 коп. В переводе на наши деньги фунт соли стоил не меньше 6 коп. (ныне 1 коп.). Соляная прибыль возросла, но далеко не против расчета, потому что казенная продажа соли падала в иные годы больше, чем на миллион пудов. Население или не досаливало, или восполняло недосол корчемной солью, и соляной налог поощрял либо цынгу, либо контрабанду. Избыток соляной прибыли обращался на убавку подушной подати, уменьшая ее на 2—5 коп. с души. В награду за свой проект Шувалов получил 30 тыс. руб. (более 200 тыс. на наши деньги). Повторяя отчасти попытку московских финансистов 1646 г. (л. LI), мера Шувалова была поворотом от финансовой политики Петра, попыткой возвратить допетровское преобладание косвенного обложения над прямым. Зато вполне в духе политики преобразователя было усиление кредитного элемента в монетном обращении. В 1757 г., когда, вмешавшись в Семилетнюю войну, правительство увидело полное истощение своих наличных средств, всегда ко всему и на все готовый Шувалов предложил начеканить столько мелкой медной монеты весом вдвое легче ходячей, что казна выгадывала на этой операции $3^1/_2$ мил. руб.,

а подданных проект утешал тем, что новую монету возить будет вдвое легче. Но в сферах государственного строения, на которые Петр I положил наиболее забот, правительство после него не удержалось на высоте поставленных им задач. Действовавшая под председательством Остермана комиссия о коммерции боролась с откупами и казенными монополиями, старалась расширить вольную торговлю, упорядочить ввоз и вывоз, поддержать вексельный курс, составила вексельный устав, но не могла сделать много. Русские купцы сами мало вывозили за границу, и вывозная торговля оставалась в руках иноземцев, которые и теперь, как при Петре, по выражению одного иноземца же, точно комары, сосали кровь из русского народа и потом улетали в чужие края. Как старался Петр одеть свое войско в русское сукно, назначал для того суконным фабрикам крайние сроки, и однако много лет после него не могли обойтись без английского или прусского мундирного сукна, платя за него сотни тысяч рублей. Тяжким бременем ложились на торговлю унаследованные от старой Руси и поддержанные при Петре таможенные пошлины и разные мелочные сборы числом до 17 с бесчисленными придирками и злоупотреблениями сборщиков. Тот же Шувалов в 1753 г. предложил упразднить внутренние таможни со всеми пошлинами и сборами, увеличив взамен того пошлину с цены ввоза и вывоза (около 9 мил. руб.), именно вместо прежней пятикопеечной пошлины положив по 13 коп. на рубль стоимости ввозных и вывозных товаров. Казна таким образом перекладывала свой доход с одного источника на другой без убытка и даже, по вычислениям Шувалова, с прибылью для себя более чем в 250 тыс. руб. Эта мера отвечала правилу Петра, которое, впрочем, ему плохо

удавалось,—чинить прибыль казне без отягощения народного. Главным предметом вывоза служило русское сырье, имевшее почти монопольный характер товара, только из России и вывозимого, переработка его в ценный фабрикат делала нечувствительной надбавку вывозной пошлины, не сокращая вывоза, а русский поставщик или производитель освобождался от тягостных налогов, ничего не теряя на спросе. Значит, возвышенная вывозная пошлина наибольшей долей своей тяжести падала на заграничного потребителя, а ввозная — на казну и богатые классы, главных заказчиков ввозных товаров. Это была самая удачная и едва ли не единственная удачная финансовая мера на протяжении шести царствований после Петра. Но при видимом благоговении к памяти преобразователя его преемницы не умели удержать на полтавской и гангудской высоте военное дело. Современники, как и документы того времени, говорят о расстройстве армии после Петра, о плохом корпусе офицеров, об упадке военной техники строевой, артиллерийской, инженерной, о «весьма мизерном и сожаления достойном состоянии полков», как доносил фельдмаршал Лесси, о массовом бегстве солдат из полков и крестьян за границу от рекрутчины. Только Семилетняя война подтянула расстроивавшееся войско, став для него такой же дорого оплаченной школой, какой была Северная война. Еще печальнее участь, постигшая флот: он все время оставался в крайнем пренебрежении. Запас опытных морских офицеров и матросов, собранных Петром, истощался, не обновляясь, и убыль пополняли пехотными солдатами. Десятка три военных кораблей украшали собою гавани, готовясь к смотрам, и ни на что больше не пригодные; из них едва десяток мог выйти в открытое море. В начале

царствования Анны флот считали погибающим; в шведскую кампанию 1741 г. ни один корабль не мог выйти из гавани, а в 1742 г. кое-как снаряженная эскадра не отваживалась напасть на шведский флот, хотя числом кораблей была сильнее его.

Правительственное бессилие.

Так действовали правительства после Петра. Они не ставили себе общего вопроса, что делать с реформой Петра, продолжать ли ее или упразднить. Не отрицая ее, они не были в состоянии и довершать ее в целом ее составе, а только частично ее изменяли по своим текущим нуждам и случайным усмотрениям, но в то же время своей неумелостью или небрежением расстраивали ее главные части. Не зная положения дел в государстве, «вышнее правление» брело ощупью по указаниям подчиненных, не умевших составить ни одной верной и отчетливой ведомости. Указы Екатерины I признали воевод волками, в стадо ворвавшимися, и им же подчинили городовые магистраты, на них положили суд и всякие сборы. При Елизавете манифест 1752 г., прощая $2^1/_2$ мил. подушной недоимки, числившейся с 1724 по 1747 г.г., всенародно объявлял, что империя пришла в такое благополучное состояние, в каком никогда еще доселе не бывала, ибо и в доходах и в населении «едва не пятая часть прежнее состояние превосходит», а указ 16 августа 1760 г. говорит уже о достойном сожаления состоянии многих дел в государстве и, делая Сенату жестокий выговор за непорядки и беззакония внутренних врагов, поясняет, что эти внутренние враги, с которыми обязаны бороться суд и управление, прежде всего сами судьи и управители. Сердитый и цветисто-тягучий указ, внушавший сенаторам, как высшим судьям, в обязанность «почитать свое отечество родством, а чест-

ность дружбою», проскользнул по законодательству красивым и бесследным облаком. Единственным деятельным и добросовестным контролером и будильником наклонных к дремоте правительств был постоянный дефицит. Он заставлял правящие верхи заглядывать вниз, в глубь управляемой ими жизни, и способные наблюдать люди увидали там полный хаос или, по выражению указа 16 августа, «многие вредные обстоятельства»; бескорыстно поддерживая европейское равновесие более чем стотысячной армией, правительство не находило портных, чтобы во-время обмундировать ее, хотя «для вредной государству роскоши» их было великое множество; сделанные русскими повозки для армии редко доходили до места назначения, а иноземных мастеров не на что было выписать, ибо и на самонужнейшие потребности в деньгах крайний недостаток; в случае войны с уходом войск из внутренних областей там усиливались разбои и крестьянские восстания; сенатские указы доходили из Москвы до Саратова без малого через 2 месяца; для своевременной доставки голосистых диаконов из Москвы в Петербург к Великому четвергу по требованию императрицы Елизаветы пришлось приостановить все почтовое движение между обеими столицами. Все это оправдывало отзыв тогдашних иностранных наблюдателей, что Россия скуднее всех европейских держав собственными средствами, культурными, прибавим, а не естественными.

Крестьянский вопрос.

Дельцы, вдумывавшиеся в положение государства, останавливали тревожное внимание на крестьянстве. Тотчас по смерти Петра прежде других заговорил о бедственном положении крестьян нетерпеливый генерал-прокурор Сената Ягужинский; потом в В. Т. Совете пошли оживленные толки о необходимости облегчить это положе-

ние. «Бедное крестьянство» стало ходячим правительственным выражением. Заботили собственно не сами крестьяне, а их побеги, отнимавшие у правительства рекрутов и податных плательщиков. Бежали не только отдельными дворами, но и целыми деревнями: из некоторых имений убегали все без остатка; с 1719 по 1727 г. числилось беглых почти 200 тыс. — официальная цифра, обычно отстававшая от действительности. Самая область бегства широко раздвигалась: прежде крепостные бегали от одного помещика к другому, а теперь повалили на Дон, на Урал и в дальние сибирские города, к башкирам, в раскол, даже за рубеж, в Польшу и Молдавию. В В. Т. Совете при Екатерине I рассуждали, что если так пойдет дело, то до того дойдет, что взять будет не с кого ни податей, ни рекрутов, а в записке Меншикова и других сановников высказывалась непререкаемая истина, что если без армии государству стоять невозможно, то и о крестьянах надобно иметь попечение, потому что солдат с крестьянином связан, как душа с телом, и если крестьянина не будет, то не будет и солдата. Для предупреждения побегов сбавляли подушную, слагали недоимки; беглых возвращали на старые места сначала просто, а потом с телесным наказанием. Но и тут беда: возвращенные беглецы бежали вновь с новыми товарищами, которых подговаривали рассказами о привольном житье в бегах, в степи или в Польше. К побегам присоединились мелкие крестьянские бунты, вызванные произволом владельцев и их управляющих. Царствование Елизаветы было полно местными бесшумными возмущениями крестьян, особенно монастырских. Посылались усмирительные команды, которые били мятежников или были ими биваемы смотря по тому, чья брала. Это

были пробные мелкие вспышки, лет через 20—30 слившиеся в пугачевский пожар. Бесплодность полицейских мер обнаруживала всегдашний прием плохих правительств—пресекая следствия зла, усиливать его причины. Более привычные к размышлению правители углублялись в корень зла. Тогда в сознании правящих сфер стала пробиваться мысль, что податной народ не просто живой инвентарь государственного хозяйства, но желает быть правомерным и правоспособным членом государственного союза, нуждающимся в справедливом определении своих прав и обязанностей перед государством. Еще Посошков считал крепостных государственными крестьянами, отданными помещикам только во временное владение, и настаивал на законодательной нормировке их отношений к владельцам. В народе помыслы о воле, о законном обеспечении прав бродили уже при Петре I, возбуждаемые общественной переборкой, какую производила реформа. От того времени дошла челобитная «о свободстве», будто бы поданная Петру боярскими людьми на князей и бояр, у которых они «яко в Содоме и Гоморре» мучатся, а в В. Т. Совете на другой год по смерти Петра шли толки, не допустить ли вольную торговлю, так как «и купечество воли требует». Фискальными нуждами и новыми прокрадывавшимися наверх понятиями внушена была попытка дать новую постановку крестьянскому вопросу, точнее, вопросу о крепостном праве. Объясняя в своем проекте 1753 г. вред внутренних таможен для крестьянства и купечества, гр. Шувалов прибавлял, что «главная государственная сила состоит в народе, положенном в подушный оклад». Это значило заявить, что неподатные классы, дворянство и духовенство,—не главная сила государства,

и Сенат с похвалою принял, а верховная власть одобрила проект с таким заявлением. Значит, вверху и внизу крестьянский вопрос готов был стать на социально-политическую почву, становился задачей правомерного устроения общества.

Анисим Маслов.

Еще раньше Шувалова та же мысль о податном народе разрабатывалась в практические положения, в юридические нормы Анисимом Масловым, одним из тех государственных дельцов, какие появляются и в темные времена народной жизни, помогая своим появлением мириться не с этими временами, а со страной, которая их допускает в своей жизни. Как обер-прокурор Сената Маслов в рапортах имп. Анне и Бирону неумолимо обличал недобросовестность и бездельничество сильных правителей и самих сенаторов, а получив тяжелое и противное поручение выбирать многомиллионные податные недоимки, немолчно твердил о бедственном положении крестьян. Нравственному действию его нелицеприятной и мужественной настойчивости подчинялись даже такие нравственные сухари, как императрица и ее фаворит, и Маслов провел в 1734 г. строгое предписание Кабинет-министрам составить «учреждение» для помещиков, «в каком бы состоянии они деревни свои содержать могли и в нужный случай им всякое вспоможение чинили». Но не рассчитывая на поворотливость Кабинета, Маслов поспешил сам составить и подать Анне недавно найденный в архиве проект жестокого указа, который, ставя накопление подушной недоимки в вину «бессовестным помещикам», отягощавшим своих крестьян излишними работами и оброками, предписывал Сенату прилежно обсудить способ бездоимочного и неотяготительного сбора подушной и установить меру крестьянских оброков и ра-

бот на господ, грозя Сенату строгим взысканием, если он не учинит вскоре «такого полезного учреждения». Бойко поставлен был жгучий вопрос о законодательной нормировке крепостного права, и для обсуждения дела Сенату велено было призвать из воинских и гражданских чинов, сколько персон заблагорассудится: словно Маслов читал Посошкова, предлагавшего Петру нечто подобное (л. LXIII). Шляхетские проекты 1730 г. предусмотрительно обходили этот вопрос, ограничиваясь пожеланием возможного облегчения крестьянских податей. Сенат превратился в конспиративную квартиру, совещался, высылая секретарей, как бы угомонить уже слегшего в постель по болезни беспокойного обер-прокурора, и вздохнул свободно, когда в 1735 г. Маслова не стало. На проекте заготовленного им указа сохранилась помета секретаря императрицы «обождать». Дело кануло в воду на сто слишком лет. Я задержал на Маслове ваше внимание, ибо он—родоначальник Сперанских, Милютиных и других государственных дельцов, мощной и человеколюбивой мыслью поработавших над разрешением крепостного вопроса.

Дворянство и крепостное право.

Проект Маслова был брошен, потому что законодательство уже вступило на путь к другому решению крестьянского вопроса. Правительство искало не юридической установки крепостных отношений, а способа бездоимочного подушного сбора. Введенный при расквартировании полков варварский порядок этого сбора комиссарами от земли с полковыми командами способен был только разорить и разогнать крестьян и тем увеличить недоимку. При Екатерине I, видели мы, решено было отстранить от дела военные команды и положить сбор на воевод; при этом высказывалось мнение, что брать

*

подушную следует не прямо с крестьян, а «платить самим помещикам». Но дело не пошло лучше: воеводы со своими хищными приказными стоили военных команд. При Анне в 1730 г. воротились было к петровскому военному порядку. Наконец в новом регламенте Камер-коллегии (23 июня 1731 г.), выбрав из прежних неудачных опытов наиболее сподручное, установили упрощенный порядок сбора: выборных от уездного дворянства земских комиссаров положено было упразднить, подать собирать по полугодиям самим помещикам или их управляющим заранее до полугодового срока и в срок, не дожидаясь повестки, отвозить к воеводе. Кто не платил в срок, в его деревни назначалась экзекуционная команда от полка, в дистрикте которого находился неисправный плательщик, и она правила недоимку на самом помещике или его управляющем. Ответственный плательщик стал и обязательным сборщиком. Этот сбор лег на помещиков новым правительственным поручением в прибавку к прежним, к вотчинному суду, к полицейскому надзору за своими крепостными, к ответственности за их податную исправность и к ходатайству за них в судных делах с посторонними. В лице помещика теперь совмещались и становой пристав, и земский начальник, и, как бы сказать, крепостной стряпчий. Это поручение не увеличивало прав крепостного владения, как гражданского института, а только осложняло распорядительную власть владельца, расширяло пространство его произвола, как полицейского агента. За обязанностью податного сбора вскоре последовала другая, сама собою из нее вытекавшая. В те годы часты были неурожаи. Особенно злополучен был 1733 год: к концу его крестьяне толпами наводнили города, прося милостыни. В апреле 1734 г. издан был указ, обязавший

помещиков кормить своих крестьян в неурожайные годы, ссужать их семенами, чтобы земля впусте не лежала; дополнительный указ того же года грозил за нарушение апрельского закона жестоким истязанием и конечным разорением. Доверив помещикам эксплуатацию такого важного финансового источника, как подушная подать, необходимо было оградить его от истощения эксплуататорами.

Служебные льготы дворянства.

Так крестьянский вопрос, столь живо возбужденный, своротен был с социально-политического пути, мало доступного разумению правительственной толпы, на путь фискально-полицейский, который привел к важным переменам в положении не крестьянства, а дворянства. Это случилось потому, что именно на этом вопросе нужды казны дружно встретились со стремлением дворянства. Казна искала себе надежных местных орудий; полковники с военными командами и губернаторы с воеводами оказались никуда негодными пособниками казенного интереса. Мысль сделать помещика таким пособником и выразилась в возложении на него обязанностей собирать подушную подать с своих крепостных и ссужать их хлебом в неурожайные годы, т.-е. быть их хозяйственным попечителем. Различные обстоятельства содействовали этому повороту сословия к сельскохозяйственным и полицейским занятиям. Для Петра важно было значение дворянства, как орудия управления и еще более как военно-служилого класса, который давал офицерский запас, составлял обученные кадры и команду для регулярных полков. Хозяйственное положение дворянства занимало преобразователя только по связи его с военно-служебной годностью сословия. Военная служба дворянства стала менее нужна прави-

тельству благодаря затишью, наступившему в Западной Европе и в России после войн за испанское наследство и Северной. Зато в глазах правительства росло значение дворянства, как землевладельческого класса, по мере того, как недоимки и побеги, вскрывая податное изнеможение и беззащитность крестьянства, усиливали потребность в попечительном сельском управлении. Тогда еще господствовал взгляд на помещика, как на естественного покровителя своих крепостных; но для этого надобно было сделать его полным хозяином в своей деревне и снять с него другие обязанности. Потому в законодательстве после Петра I идут вперемежку два ряда мер: одни укрепляют дворянское землевладение, другие облегчают обязательную службу дворянства. При непрерывном служебном отсутствии помещиков их крепостные оставались в полном распоряжении воевод и приказчиков. В 1727 г. разрешено было две трети офицеров и рядовых из дворян отпускать на побывку по домам без жалованья, чтобы они могли привести в порядок свои деревни и, разумеется, защитить их от разных «волков». Дворянство, как видно из его проектов 1730 г., весьма тяготилось своей бессрочной службой, притом соединенной с обязанностью начинать ее рядовыми, солдатами или матросами. В 1731 г. учрежден был Шляхетский кадетский корпус на 200, а потом на 360 интернов, откуда поступали на службу, смотря по успехам, прямо в офицерские или соответственные гражданские чины, а указ 31 декабря 1736 г. ограничил срок обязательной дворянской службы 25 годами, предоставив отцам из двоих или более сыновей одного удерживать дома для хозяйства, не отдавая в службу. Так в шляхетстве рядом с военными и гражданскими служаками возник третий специальный класс неслужащих дво-

рян хозяев; впрочем и обязанные службой, начиная ее по закону с 20-ти лет, могли выходить в отставку еще вполне годными хозяевами. Тяга в деревню была так сильна, что по окончании турецкой войны (1739 г.) выслужившие срок дворяне бросились с просьбами об отставке во множестве, грозившем опустошить офицерский комплект полков: пришлось так истолковать закон 1736 г., чтобы толкование отменяло его.

Вместе с досугом для сельско-хозяйственных занятий, какой давали дворянству служебные льготы, помещик привозил в свои деревни и более твердый взгляд на свое юридическое к ним отношение. На указ о единонаследии, видели мы (л. LXII), дворянство взглянуло, как на пожалование поместий в наследственную собственность владельцев, и только тяготилось навязанным ему стеснительным порядком наследования. Исполняя желание шляхетства 1730 г., имп. Анна отменила этот порядок и дала законное основание притязательному дворянскому толкованию указа 1714 г. Этот указ не принес добрых плодов, каких ожидал законодатель, но породил множество затруднений и внес в дворянские семейства страшные раздоры, доходившие до отцеубийств. Сословие старалось обходить его всякими способами, которые впрочем только расстраивали дворянские хозяйства. Скудные денежными капиталами и желая обеспечить обделяемых сыновей и дочерей, отцы при жизни продавали часть своих имений, писали на себя в завещаниях мнимые долги, падавшие на единонаследников, которые для уплаты их продавали в чужой род части отцовских имений, или тонко толкуя закон и принимая хлеб и скот за движимость, завещатель отказывал имение одному сыну, а инвентарь делил между остальными детьми; единонаследник не знал, что делать

Укрепление дворянского землевладения.

Отмена единонаследия.

с землей без инвентаря, а его братья и сестры не знали, куда девать инвентарь без земли. По докладу Сената о неудобствах единонаследия указ 17 марта 1731 г. отменил этот порядок, повелевая как поместья, так и вотчины именовать одинаково *недвижимое имение - вотчина* и делить такую недвижимость между детьми по Уложению «всем равно». Так огромный запас населенных государственных земель, какими были поместья, окончательно и безмездно отчуждался в частное владение, а помещик, прежде являвшийся в свое поместье редким гостем, теперь стал чувствовать себя там полным хозяином, получив значение вотчинника.

Заемный банк.

Но при первом же приступе к поправлению запущенного заглазного хозяйства помещик наталкивался на кучу затруднений в недостатке оборотного капитала, в бесконечных тяжбах о межах, земельных захватах и беглых, в юридической неурядице крепостных отношений, а больше всего в собственном невежестве. Законодательство подавало помещику - хозяину руку помощи, как умело. При дороговизне частного кредита, доходившей до 20%, по указу 7 мая 1753 г. открыт был в 1754 г. государственный Дворянский банк с основным капиталом в 750 тыс. руб. (около 5 мил. на наши деньги) из шуваловской винной прибыли; помещик мог брать под залог недвижимого имения единовременную ссуду до 10 тыс. р. из 6% с уплатой в 3 года. С целью упорядочить дворянское землевладение, донельзя запутанное разновременными законами и неразумной практикой, предпринято было генеральное межевание по межевой инструкции 13 мая 1754 г., с межевыми экспедициями из штаб - и обер-офицеров и геодезистов со строгими правилами о проверке прав владения и владенных крепостей, об уничто-

Генеральное межевание.

жении чересполосицы, о раздельном размежевании совместных дач и т. п. Но межевание, начатое с Московской губернии, раздразнило дворянский муравейник, возбудило ожесточенное противодействие владельцев, вызвало между ними бесчисленные тяжбы и наконец было приостановлено. Страшно расстраивали помещичье, как и государственное хозяйство крестьянские побеги: это был бич, которым правительство и землевладельцы наказывали самих себя за произвол и неразумие. Судебные места были завалены исками о беглых, их архивы—указами о побегах. Сенат не умел или не позаботился выработать удобного порядка судопроизводства по этим делам. Старое Уложение предписывало искать и выдавать беглых по писцовым и переписным книгам 1620—1640-х годов. В деревне Коломенского уезда писцовая книга 1627 г. записала беглеца Сидорова. Сто лет спустя сыщик владельца этой деревни излавливал где-то в воронежской степи крестьянина, по фамилии Сидорова и приводил в суд, как потомка беглеца. Судья спрашивал приведенного, происходит ли он от Сидорова 1627 г. Тот из страха говорил, что происходит, и его отдавали истцу. Но у соседа в деревне по той же писцовой оказывался свой беглец Сидоров: он хватал только что выданного и приводил в суд, где этот крестьянин, не зная, кому он достанется, на такой же вопрос судьи отвечал, что он и от этого Сидорова происходит. За «переменные речи» — пытка: знай тверже свою восходящую линию. В 1754 г., по настоянию императрицы, Сенат наконец постановил выдавать беглых по сказкам первой ревизии, не восходя дальше 1719 г. Разорению рядового дворянства от крестьянских побегов особенно помогала его старшая братия, знать, отнимавшая и укрывавшая в своих деревнях его крестьян. При Петре I

Указ о беглых.

она еще боялась указа и в 1722 г., когда велено было под страхом тяжкого наказания и огромного штрафа (до 400 р. на наши деньги за каждый год пользования беглой душой) возвратить присвоенных крестьян, она в испуге просила командиров выслать обобранных ею дворян из полков в столицу для частного с ними соглашения, чтобы не жаловались. После Петра вельможное пристанодержательство стало смелее.

Расширение крепостного права.

Упорядочивая и укрепляя дворянское землевладение и душевладение, законодательство расширяло и самое крепостное право. Впрочем, здесь закон только освящал практику, давая мало новых норм, а практику паутиной ткал помещик, как податной сборщик и опекун крестьянского хозяйства. Судебно-полицейская власть помещика обогатилась указом 6 мая 1736 г., предоставившим ему определять меру наказания крепостному за побег, указом 2 мая 1758 г., обязывавшим, точнее, уполномочивавшим помещика наблюдать за поведением своих крепостных, наконец, указом 13 декабря 1760 г. о праве помещиков ссылать крепостных в Сибирь на поселение с зачетом их за рекрутов, а потом (по указу 1765 г.) даже в каторжную работу «за продерзостное состояние». Вместе с тем закон все более обезличивал крепостного, стирая с него последние признаки правоспособного лица. Помещик торговал им, как живым товаром, не только продавая его без земли людям всякого звания в рекруты, но и отрывая от семьи; закрыт был единственный законный выход из неволи добровольной записью в солдаты; крестьянин не мог обязываться векселями и вступать в поручительства; наконец, в начале царствования Екатерины II крепостные потеряли право жаловаться на господ. Помещики вместе с таким строителем общества, каким

был Сенат, могли считать все эти важные права и преимущества сословными дворянскими привилегиями и пользоваться ими в этом смысле. Но юридическая норма, поступая из законодательной мастерской в житейский оборот, получает от него особый жизненный смысл, часто независимый от мысли законодателя и им не предусмотренный. Такой непослушной толкованию переработкой закона жизнь обороняется от самоуверенной опеки недальновидной власти. На деле эти сословные привилегии были правительственными полномочиями, даже не связанными с правом земельной собственности, потому что они возлагались и на управителей дворцовых и казенных крестьян, и самое право дворянской собственности поглощалось этими полномочиями, претворяясь из института гражданского права в государственное учреждение. Это превращение сказывалось в том, что крепостным правом правительство подметало сорные классы общества; так, указами 1729 и 1752 гг. велено было беглых, бродяг и безместных церковников отдавать в крепостную зависимость помещикам, которые согласятся платить за них подушную подать. Расширяя крепостное право до полномочий полицейской власти, законодательство подошло к мысли, потом им покинутой, о необходимости обеспечить правильное пользование столь широким правом; такого обеспечения оно искало в обязательном образовании. Отсюда настойчивость, с какою требовалось от дворянства обучение: в этой повинности не допускалось послаблений. Поступление в кадетский корпус не было обязательно, да он и не мог принять всех дворянских подростков. Для непопавших в него указ 1737 г. установил порядок отбывания учебной повинности. Недоросли от 7 лет являлись для записи

к герольдмейстеру или губернаторам, причем их определяли в начальные школы, бедных с «жалованьем», какое получали школьники из солдатских детей. Взятым для домашнего обучения предстояли еще три учебные явки по достижении 12, 16 и 20 лет, когда их последовательно испытывали в чтении и письме, потом в законе Божием, арифметике и геометрии, наконец, в фортификации, географии и истории. После того их определяли в службу с правом на более или менее быстрое производство в чины, смотря по успехам в науках; не выдержавших второго экзамена отдавали в матросы без выслуги. Двум первым испытаниям подвергались и недоросли, которых отцы оставляли дома для хозяйства. Указ говорит о необходимости для сельского хозяина знать арифметику и геометрию и не ждет никакой пользы в домашней экономии от того, кто никакого радения не показал в изучении таких нетрудных и полезных наук.

Монополизация крепостного права.

В XVII в. право владеть землей и крепостными принадлежало всем служилым людям «по отечеству» без различия чинов. Роспись служилых фамилий, составленная по отмене местничества, так называемая *Бархатная книга*, установила фамильный состав наследственно-служилого сословия, получившего при Петре звание дворянства и облеченного правом личного землевладения с крепостными людьми. Прекращение поместного верстания, выслуга потомственного дворянства обер-офицерским чином, смешение поместий с вотчинами, как и смешение холопства с крепостным крестьянством, появление фабричных и заводских крестьян и другие меры сословного законодательства Петра спутали установившиеся понятия как о составе дворянства, так и о пространстве права личного населенного землевладения. Между

тем важные правительственные полномочия, принимаемые за сословные заманчивые привилегии, возбуждали потребность в точном определении этого состава и пространства. Но законодательство не выработало твердых норм по этому предмету—то хотело видеть в крепостном праве фискальное средство, то сословную привилегию: в 1739 г. оно запретило приобретать крепостных людям, у которых не было деревень, а в ревизской инструкции 1743 г. разрешило писать крепостных за солдатами и приказными из-за платежа подушной. Накоплялись разноречивые указы, а Сенат еще более запутывал дело произвольными их толкованиями и неумелыми применениями. Так, одни указы позволяли посадским владеть дворовыми, другие запрещали. Некоторые такие владельцы сами просили отобрать у них дворовых, затрудняясь платить за них подушную. Но Сенат, ссылаясь на дозволительные указы, отказал в просьбе, превратил дозволение в приказание, право в повинность. В шляхетских проектах 1730 года заходила речь о необходимости составить новую роспись, своего рода канон «подлинного» шляхетства, установив точные признаки принадлежности к сословию и условия приобщения к его правам. Три разряда лиц недворянского звания в большей или меньшей мере и с неодинаковой законностью пользовались правами душевого и земельного владения: 1) несвободные боярские люди и архиерейские и монастырские слуги, 2) свободные люди, положенные в подушный оклад, купцы, посадские и казенные крестьяне, к которым причислены были и однодворцы, полудворяне и полукрестьяне, 3) служилые люди, не дослужившиеся до обер-офицерского чина и впоследствии получившие звание личных дворян. Целым рядом указов (1730, 1740,

1758 г.г., также межевой инструкцией 1754 г.) все эти разряды один за другим лишены были права приобретать населенные земли и крепостных без земли, а земли, уже приобретенные, обязаны были продать в назначенный срок. Таким образом, потомственное дворянство было юридически отделено от классов, с ним соприкасавшихся или разделявших его преимущества, и монополизировало в своей среде крепостное душевое и земельное владение. С целью упрочить это обособление и эту монополию в 1761 г. велено было составить новую родословную книгу; при внесении в дворянские списки требовались доказательства права на дворянство. Так заботливо охраняло законодательство генеалогическую чистоту сословия; но эта забота не вносила в дворянство ни генеалогической, ни нравственной цельности. Дворянство старинное, родовое, свысока и косо смотрело на новое, жалованное и выслуженное. Закон поддерживал разлад свободных братьев, благоприятствуя старшему. Межевая инструкция 1754 г. указывает писать земли выслужившихся дворян за их детьми, родившимися в обер-офицерских рангах; но указ 1760 г. предписывает недворян, производимых в обер-офицерские чины *по статской службе*, с действительно военно-служащими в дворянстве не считать и деревень им за собою не иметь. Этот указ объясняется последующим законодательством, которое повышало чин, дающий право на дворянство, по статской службе сравнительно с военной. Недворяне старались втереться в благородное сословие преимущественно путем статской службы, более легкой и доходной.

Манифест о вольности дворянства.

Так на протяжении 30 лет (1730—1760 г.г.) потомственное дворянство приобрело ряд выгод и преимуществ по душевому и земельному владению, именно: 1) укре-

пление недвижимых имуществ на вотчинном праве со свободным ими распоряжением, 2) сословную монополию крепостного права, 3) расширение судебно-полицейской власти помещика над крепостными до тягчайших уголовных наказаний, 4) право безземельной продажи крепостных, не исключая крестьян, 5) упрощенный порядок сыска беглых, 6) дешевый государственный кредит под залог недвижимых имуществ. Все эти преимущества сводились к резкому юридическому обособлению и нравственному отчуждению потомственного дворянства от прочих классов общества. В то же время постепенно облегчалась служебная повинность дворянства дарованием права поступать в военную службу прямо офицерами по образовательному цензу и установлением срока обязательной службы. Эти имущественные права и служебные льготы были увенчаны освобождением дворянства от обязательной службы. В патриотическое царствование Елизаветы около престола стояли русские люди потомственно-дворянского и казачьего происхождения, которые не разделяли боярских замыслов 1730 г., но ревниво оберегали интересы сословия, в котором родились или приютились, как приемыши. В кругу этих людей росла зачавшаяся в испуганной дворянским холопством голове князя Д. М. Голицына мысль об окончательном освобождении дворянства от обязательной службы. Вращаясь в кругу этих людей, племянник Елизаветы, голштинский принц, назначенный ею в наследники престола, мог усвоить себе эту патриотическую идею еще при жизни тетки. По вступлении его на престол под именем Петра III люди этого кружка Роман Воронцов, отец его фаворитки, и другие национал-либералы немолчно «вытверживали» ему, по выражению современника, об освобождении

дворян от службы. Это желание было исполнено манифестом 18 февраля 1762 г. о пожаловании «всему российскому благородному дворянству вольности и свободы». Вот содержание этого семинарски-напыщенного и канцелярски-безграмотного акта. Все дворяне, состоящие на какой либо службе, могут ее продолжать, сколь долго пожелают, только военные не могут просить об отставке во время кампании или за три месяца до нее. Неслужащий дворянин может отъехать в другие европейские государства, даже поступить на службу к другим европейским государям и по возвращении в отечество быть принят с выслуженным за границей чином; только «когда нужда востребует», всякий обязан по призыву правительства немедленно возвратиться из-за границы. Сохранялось право власти призывать дворян на службу, когда «особливая надобность востребует». Не была снята и учебная повинность: дворянам предоставлялось обучать своих детей в русских школах или в других европейских державах или же дома со строгим подтверждением, «чтоб никто не дерзал без учения пристойных благородному дворянству наук детей своих воспитывать под тяжким нашим гневом». Манифест давал сословию косвенное, но суровое побуждение к службе: выражая надежду, что дворянство, не укрываясь от службы, будет честно ее продолжать, дворян, нигде не служивших и детей своих на пользу отечества ничему не обучивших, манифест повелевал всем истинным сынам отечества, «яко нерадивых о добре общем, презирать и уничижать, ко двору не принимать и в публичных собраниях не терпеть». Нетрудно понять основную мысль манифеста: повинность, требуемую законом, он хотел превратить в требование государственной благопристойности, обществен-

ной совести, неисполнение которого наказуется общественным мнением. Но по логическому развитию этой мысли в манифесте выходит, что он предоставлял дворянину право быть бесчестным человеком, только с некоторыми придворными и общественными лишениями. Снимая с сословия вековую повинность, спутавшуюся с целым миром разнообразных интересов, манифест не давал никаких обдуманных практических указаний о порядке его исполнения и о последствиях, из него вытекающих. Легко понять, как встретило сословие эту новую милость. Современник Болотов в своих любопытнейших записках замечает: «Не могу изобразить, какое неописанное удовольствие произвела сия бумажка в сердцах всех дворян нашего любезного отечества; все почти вспрыгались от радости и, благодаря государя, благословляли ту минуту, в которую ему угодно было подписать сей указ». Один из поэтов того времени дворянин Ржевский написал по этому случаю оду, в которой говорил про императора, что он

России вольность дал и дал ей благоденство.

Третье крепостное право.

Манифест 18 февраля, снимая с дворянства обязательную службу, ни слова не говорит о дворянском крепостном праве, вытекшем из нее, как из своего источника. По требованию исторической логики или общественной справедливости на другой день, 19 февраля должна была бы последовать отмена крепостного права; она и последовала на другой день, только спустя 99 лет. Такой законодательной аномалией завершился юридически несообразный процесс в государственном положении дворянства: по мере облегчения служебных обязанностей сословия расширялись его владельческие права, на этих

обязанностях основанные. Закон вводил крепостное право в третью фазу его развития, подготовлявшуюся с первой ревизии: личное договорнсе обязательство крестьянина по соглашению с землевладельцем до Уложения, в эпоху Уложения превращенное в потомственную государственную повинность крестьян на частновладельческой земле для поддержания служебной годности военно-служилого класса, крепостная неволя с отменой обязательной службы дворянства получила формацию, трудно поддающуюся правовому определению. Она утратила свое политическое оправдание, стала следствием, лишившимся своей причины, фактом, отработанным историей. В этой фазе права крепостная неволя получила довольно запутанный юридический и хозяйственный состав. Вместе с другими податными классами крепостные платили государству в виде подушной подати контрибуцию на содержание войска. Гораздо большая часть крепостного труда в виде денежного оброка, барщины и натуральных поборов шла в пользу владельцев. Эта часть слагалась из двух только мысленно различимых долей: 1) из арендной платы за земельный надел, которую крестьянин платил бы, если бы и не был крепостным, и за хозяйственную подмогу, и 2) из контрибуционного специально-крепостного налога на содержание владельца, обязаного службой, требовавшей особых расходов. Судебно-полицейские полномочия служили помещику вспомогательными средствами для исправного исполнения обязанностей, возложенных на него еще до отмены обязательной службы, именно сбора с крепостных подушной подати и хозяйственной им подмоги в случае неурожая. Даруя вольность дворянству, перенося дело с военно-политической на фискально-полицейскую почву, государство и дворянство поделили между

собой крепостного: государство уступало сословию свои права на личность и труд крепостного за обязательство платить за него подушную подать и опекать его хозяйство, насколько это нужно было для поддержания производительности земли, как финансового источника, «дабы земля праздна не лежала», по выражению указа 1734 г. Такие же права и поручения даны были управляющим дворцовых и церковных крепостных крестьян. Таким образом около 4.900 тыс. крепостных, составлявших не менее 73% всего податного населения по второй ревизии (1740-х г.г.), отдано было в хозяйственное и судебно-полицейское распоряжение частных лиц и учреждений из-за ежегодного платежа 3.425 тыс. руб. Независимо от возможных юридических определений на практике такая фискальная операция очень походила на сословный наследственный откуп с превращением личности и труда крепостного человека в доходную регалию. Потому крепостное право этого третьего образования можно назвать *откупным* или *фискально-полицейским* в отличие от двух предшествовавших, *лично-договорного* и *наследственного военно-служилого*. Церковные земли с крестьянами вскоре были секуляризованы. Характер третьего крепостного права вполне и ярко обнаружился на помещичьих землях, на которых по второй ревизии числилось до $3^1/_2$ милл. крепостных душ, что составляло более половины, именно 54% сельского населения империи. В этом праве еще меньше планомерности, чем в прежних. Закон и практика, т.-е. попустительство властей, стерли и те слабые обеспечения личности и труда крепостного, какие пощадило Уложение, и прибавили новые злоупотребления к прежним. Произвольные перемещения крестьян, пожалования населенных имений даже по выбору жалуемых,

*

массовое закрепощение из подушного оклада непристроенных людей, бродяг, безместных церковников и т. п., смешение крестьянской пашни с барской в первую ревизию, переложившую налог с земли на души, чем была крайне затруднена нормировка земельного наделения крестьян и их повинностей, напротив, облегчено обезземеление крестьян посредством расширения барской запашки, наконец допущение безземельной продажи крестьян в розницу — все это давало совершенно превратное направление крепостному вопросу. В XVII в. землевладельцы стремились сажать дворовых людей на пашню в крестьяне, мешая виды неволи. Первая ревизия закрепила это смешение, зачислив всех неподатных холопов в подушный оклад наравне с крестьянами. Пользуясь этим смешением, рассчитанным на усиление, а не на порабощение народного труда, после Петра правительство и дворянство стали превращать крепостное крестьянство в податное холопство. Образовался худший вид крепостной неволи, какой знала Европа—прикрепление не к земле, как было на Западе, даже не к состоянию, как было у нас в эпоху Уложения, а к лицу владельца, т.-е. к чистому произволу. Так в то время, когда наше крепостное право лишилось исторического оправдания, в это именно время у нас началось усиленное его укрепление. Оно шло с обеих сторон, правительственной и дворянской. Правительство, прежде взыскательное к дворянам, как обязанным своим слугам, теперь старалось щадить их, как своих вольных агентов, командированных в их же деревни для поддержания порядка. Одно сопоставление вскрывает перелом в дворянских понятиях, совершившийся на протяжении 70—80 лет. В правление царевны Софии кн. В. В. Голицын находил возможным освободить крестьян законным

путем с уступкой им обрабатываемых ими земель. Родич его кн. Д. А. Голицын, приятель Вольтера, задумал подать первый пример к освобождению крестьян с дарованием им собственности. Свободомыслящего князя поняли так, будто он настаивал на уступке крестьянам земель, которые они обрабатывали. В 1770 г. князь обидчиво писал в свое оправдание, что подобная нелепость никогда не приходила ему в голову: «Земли принадлежат нам; было бы вопиющей несправедливостью отнять их у нас». Под дарованием собственности крестьянам он разумел только личное их освобождение, т.-е. собственность их на свою личность», право на движимость и дозволение приобретать землю тем, кто может. Очевидно, указ 1731 г., пожаловавший бывшие поместья в вотчины, изменил взгляд помещиков на свои земли, а манифест 18 февраля 1762 г. укрепил этот измененный взгляд. Прежде из своего полкового или канцелярского далека помещик знал, что его земля—ограниченное, стесненное, условное владение. Обязательная служба, сходя с дворянских плеч, уносила с собой и память о происхождении и значении крепостного права. Гнездясь в своей усадьбе со своими судебно-полицейскими полномочиями, среди бесконтрольной практики власти, он привыкал видеть во владеемом поместье свою государственную территорию, а в его населении своих «подданных», как и учили его называть своих крепостных правительственные акты. Правительство могло рассчитывать, что собственный интерес заставит помещика заботиться о своих крестьянах, об их хозяйстве, чтобы поддержать их платежную способность, ослабление которой больно било бы самого помещика, как ответственного податного плательщика за своих крепостных. Подготовлен ли он службой к сельскому хозяйству—этот во-

прос повидимому мало тревожил правительство, хотя в 1730 г. среди самих дворян высказывалось опасение, что «подлое шляхетство» низшее дворянство, которого считалось больше 50 тысяч, распущенное из армии по домам, все равно трудами своими от земли питать себя не привыкнет, а в большинстве разбоями и грабежами промышлять станет да воровские пристани у себя в домах держать будет.

Практика права.

Крепостное право третьей формации было скорее неузаконенным фактом, чем правом. Указы давали только общие незаконченные очертания, в пределах которых практика по-своему восполняла пробелы законодательства. Но была попытка закрепить эту практику юридическими нормами. Известная уже нам кодификационная комиссия 1754 г. кроме упомянутого уголовного кодекса составила еще проекты устава о судоустройстве и судопроизводстве и положения о состояниях. В этой третьей части изготовлявшегося нового Уложения и сквозит взгляд правящих сфер на крепостное право, служивший основой практики. Здесь нет даже особых глав о сельских податных классах: они рассматриваются в главах о землевладельческих сословиях не как общественные состояния, а только как статьи владения и податного обложения. Дворовые люди и крепостные крестьяне являются состояниями, ничем юридически не различающимися между собою; точнее, крепостной крестьянин — тот же холоп, только не дворовый. «Дворянство, читаем в проекте, имеет над людьми и крестьяны своими и над имением их полную власть без изъятия, кроме отнятия живота и наказания кнутом и произведения над оными пыток». Дворянин волен отчуждать своих крепостных, распоряжаться их трудом и личностью вплоть до разрешения женитьбы

и замужества и «всякие кроме вышеописанных наказания чинить». В 1742 г. Сенат признавал необходимость второй ревизии между прочим для пресечения «своевольных переводов» крепостных. Проект предоставляет владельцам право перевода без всякого ограничения или «удержания» от правительственных мест, единственно «для лучших своих выгод», но без всякого внимания к интересам переведенцев. Мысли о законном определении повинностей крепостного совсем незаметно. Дворянам предоставлялось право отпускать своих крепостных «на волю вечно», с детьми или без детей, значит, с раздроблением семейств; но это право обставлено такими затруднениями, при которых оно не могло получить значительного применения. Проект проникнут недоверием и пренебрежением к личности крепостного. Крепостной опутан надзором, как раб, ежеминутно готовый бежать или совершить преступление, и только с этой стороны он — предмет особого внимания кодификаторов: главы о беглых в проекте принадлежат к числу наиболее тщательно разработанных. Таково же отношение и к другим крестьянам, дворцовым и даже государственным. Такая школа гражданственности могла воспитать только пугачевца или работника-автомата. Россия по проекту — строго рабовладельческое царство античного или восточного типа. Такой вид приняла она к тому времени, когда в Дании и Австрии приступали к разрешению крепостного вопроса, и даже в юнкерской Пруссии правительство озабочено было мерами обороны крепостных крестьян от помещичьего произвола. Так Россия даже от стран центральной Европы отставала — *на крепостное право*, на целый исторический возраст, длившийся у нас $2^1/_2$ века.

Лекция LXXIII.

Русское государство около половины XVIII века.—Судьба реформы Петра Великого при его ближайших преемниках и преемницах.—Императрица Елизавета.—Император Петр III.

Русское государство в половине XVIII в.

Шесть царствований на протяжении 37 лет достаточно выяснили судьбу преобразовательного дела Петра по смерти преобразователя. Он едва ли узнал бы свое дело в этом посмертном его продолжении. Он действовал деспотически; но, олицетворяя в себе государство, отождествляя свою волю с народной, он яснее всех своих предшественников сознавал, что народное благо — истинная и единственная цель государства. После Петра государственные связи, юридические и нравственные, одна за другой порываются, и среди этого разрыва меркнет идея государства, оставляя по себе пустое слово в правительственных актах. Самодержавнейшая в мире империя, очутившаяся без установленной династии, лишь с кое-какими безместными остатками вымирающего царского дома; наследственный престол без законного престолонаследия; государство, замкнувшееся во дворце со случайными и быстро менявшимися хозяевами; сбродный по составу, родовитый или высокочиновный правящий класс, но сам совершенно бесправный и ежеминутно тасуемый; придворная интрига, гвардейское выступление и полицейский сыск—все содержание политической жизни

страны; общий страх произвола, подавлявший всякое чувство права: таковы явления, бросавшиеся в глаза иностранным дипломатам при русском дворе, которые писали, что здесь все меняется каждую минуту, всякий пугается собственной тени при малейшем слове о правительстве, никто ни в чем не уверен и не знает, какому святому молиться. Мыслящие люди, каких было крайне мало в тогдашнем правящем кругу, понимали опасное положение государства, которое держится не правом, а попутным фактом и механическим сцеплением до первого удара изнутри или извне. Чувствовалась потребность в прочных законных основах порядка и в сближении правительства с управляемым обществом. И. И. Шувалов подавал имп. Елизавете проект «о фундаментальных законах», гр. П. И. Шувалов представлял Сенату о пользе для государства «свободного познавания мнения общества»; но такие проекты находили себе вечный покой в архиве Сената. Не только такое трудное учредительное дело, как создание основных законов, но и простое упорядочение изданных уставов и указов, с которым кое-как сладили при царе Алексее, стало не под силу правительству в следующем веке, когда оно могло пользоваться средствами западно-европейской науки. С 1700 г. бессильно бились над новым Уложением, назначали для этого комиссии междуведомственные и просто ведомственные, из одних чиновников или с сословными представителями; по предложению Остермана даже одному немцу поручали всю кодификацию русских законов. Раз 11 марта 1754 г. на торжественном заседании Сената с участием членов коллегий и канцелярий в присутствии императрицы рассуждали о страшной неурядице в судопроизводстве. Всегда находчивый гр. П. И. Шувалов

изъяснил, что помочь горю можно только сводом законов, а составить такой свод не из чего, потому что хотя и много указов, да нет самых законов, которые бы всем ясны и понятны были. Пожалев о своих верноподданных, которые не могут добиться правосудия, имп. Елизавета высказала, что первее всего надобно сочинить ясные законы, потом рассуждала, что нравы и обычаи изменяются с течением времени, почему необходима перемена и в законах, а в заключение заметила, что нет человека, который подробно знал бы все указы, «разве бы имел ангельские способности». Сказав это, Елизавета встала и ушла, а Сенат постановил приступить к сочинению ясных и понятных законов, которые и сочинял 80 лет, но не сочинил. Впрочем, тогда же была образована для этого дела при Сенате комиссия, в состав которой вошел один «де-сьянс-академии профессор». В год с чем-нибудь комиссия сработала две части свода, но обнаружила в своей работе так мало юридического смысла и подготовки, что ее труд не решились пустить в ход. Робкое бессилие перед порядком при безграничной власти над лицами, чем отличались у нас все правительства той эпохи—это обычная особенность государств восточно-азиатской конструкции, хотя бы с европейски-украшенным фасадом. Та же особенность сказалась и в другом деле, довершение которого Петр оставил своим преемникам, в определении сословных отношений. Здесь он не был чужд уравнительных стремлений именно на почве государственных повинностей. Он распространил некоторые специальные классовые повинности на несколько классов, какою была, например, податная, положенная им на все виды холопства, а воинская повинность стала даже всесословной. Это обобщение повинно-

стей современем должно было лечь в основу и правового уравнения общественных классов. Приступить к этому уравнению предстояло снизу законодательной установкой крестьянских повинностей, особенно платежей и работ крепостных крестьян на господ. Вопрос этот уже при Петре бродил среди народа, как видно из сочинения Посошкова, обсуждался в Верховном Тайном Совете при Екатерине I, в Кабинете министров при Анне, нашел неутомимого ходатая крестьянских нужд в обер-прокуроре Сената Маслове, поволновал умы сановников и погас, как гасли после Петра все вопросы о коренных общественных реформах: «большая часть, писал Ягужинский Екатерине I, токмо в разговорах о той и другой нужде с сожалением и тужением бывает, а прямо никто не положит своего ревнительного труда». При бессилии правительства дело пошло стихийным ходом, направляемым господствующей силой. Абсолютная власть без оправдывающих ее личных качеств носителя обыкновенно становится слугой или своего окружения, или общественного класса, которого она боится и в котором ищет себе опоры. Обстоятельства сделали у нас такой силой дворянство с гвардией во главе. Получив вольность, дворянская масса усаживалась по своим сельским гнездам с правом или возможностью бесконтрольно распоряжаться личностью и трудом крепостного населения. Это усадебное сближение дворянства с крестьянством внесло самую едкую струю в процесс того нравственного отчуждения, которое, начавшись еще в XVII в. на юридической почве и постепенно расширяясь, легло между господами и простым народом, разъедая энергию нашей общественной жизни, дошло до нас и переживет всех теперь живущих. Вместе с тем общественный состав

потерял равновесие своих составных элементов. По второй ревизии (1742—1747 гг.) насчитано было в 12 тогдашних губерниях России с Сибирью около 6.660.000 податных душ. Секретарь прусского посольства при русском дворе Фоккеродт в своем описании России, составленном лет 13 спустя после смерти Петра I, сообщает цифровые данныя о неподатных классах русского общества, относящиеся к концу царствования Анны и полученные повидимому из официальных источников. По его показанию в коренных областях империи без провинций новоприсоединенных считалось потомственного дворянства около полумиллиона лиц обоего пола, приказных людей, личных дворян до 200 тыс., духовенства белого и черного с семействами первого до 300 тыс. Эти показания, конечно, имеют цену только приблизительных, далеко не точных данных. Сопоставив эти цифры неподатных классов с итогом положенного в подушный оклад населения во второй ревизии, найдем, что на 100 податных плательщиков, городских и сельских, прямо или косвенно падало содержание 15 человек неподатных обоего пола. Тяжесть этого привиллегированного бремени, лежавшего на податных плечах, станет для нас еще ощутительнее, если мы сравним его с количественным соотношением тех же классов 127 лет спустя в 43 губерниях Европейской России с преобладающим русским населением (без губерний остзейских, привислинских и литовских, без Финляндии и Бессарабской области). На сто лиц муж. п. податных состояний приходилось неподатных обоего пола:

	1740-е гг.	1867 г.
Дворян потомственных	7,5	1,5.
Дворян личных и служащих . .	3—	1—
Духовенства	4,5	2,3.

Коренную Россию XIX в. нельзя причислить к странам, скудно наделенным привилегированными классами: духовенства, например, в православных русских губерниях в 1867 г. было вшестеро больше, чем в католических привислинских, и почти вшестеро больше, чем в протестантских остзейских. Однако, естественный рост народной жизни, противодействуя насильственной социальной работе государства, снял с податного труда две трети кормившейся им привилегированной массы. Можно понять и даже почувствовать, почему так мало накопилось культурных сбережений у рабочего народа, так долго и непосильно работавшего на избранные классы. Это отягощение по вине закона 18 февраля 1762 г. еще увеличивалось для крепостных несправедливостью, неравномерным распределением тягостей. Прежде крепостные вместе с другими податными классами оплачивали войско, приказных и духовенство под предлогом внешней безопасности, внутреннего порядка и душевного пастырства. Сверх того, крепостные доплачивали еще особо своим помещикам за их обязательную службу, а таких помещиков с семействами приходилось не менее 14 чел. на 100 их крепостных мужского пола (500 тыс. дворян об. п. на 3.449 тыс. помещичьих крепостных душ по второй ревизии без С.-Петербургской губ.). Но под каким предлогом и по отмене обязательной службы дворян их крепостные продолжали кормить их своим обязательным трудом, в то же время разделяя с остальными податными оплату содержания пенсионеров трех других неподатных классов? Переобременение помещичьих крепостных сказалось двумя признаками. Податное население в промежуток двух первых ревизий возросло более чем на 18%; но этот прирост крайне

неравномерно распределялся между податными классами. В то время как городское население увеличилось более чем на 24%, а казенное крестьянство даже не менее чем на 46%, рост крепостного населения выразился приблизительно лишь в 12%; главной причиной этого могли быть только усиленные побеги от тягостей крепостного состояния. Другим признаком было усиление крестьянских бунтов. Народная масса очень чутка к общественной несправедливости, жертвой которой она становится. Мелкие вспышки среди крепостных, не разгоравшиеся при общем сравнительном довольстве в царствование Елизаветы, после нее, тотчас по издании манифеста 18 февраля, разрослись в такие размеры, что Екатерине II по вступлении на престол пришлось усмирять до 100 тыс. помещичьих и монастырских крестьян и до 50 тыс. заводских.

Судьба реформы Петра В.

Петр внес в свою преобразовательную деятельность не одну личную энергию, но и ряд идей, каковы понятие о государстве и взгляд на науку, как государственное средство, и ряд задач, частию унаследованных, частию им впервые поставленных. Эти идеи и задачи сами собой складывались в довольно широкую программу. Петр хотел сделать свой народ богатым и сведущим, а для того помощью знания поднять его труд до уровня государственных нужд, даже по возможности до западноевропейского уровня, приобретением балтийского берега открыть произведениям этого труда прямой и свободный путь на западные рынки, а влиятельным международным положением обеспечить своей стране общение с Западом и непрерывный приток оттуда технических и культурных средств. Он хорошо сознавал, что не выполнил этой программы, сделал более сильным и богатым

государство, но не обогатил и не просветил народа и, при праздновании заключения мира со Швецией в 1721 г. высказал Сенату, что дальнейшее дело в мерах, от которых народ получил бы облегчение. Исполнена была реформа военно-финансовая; в своем продолжении она должна была стать социально-экономической, направленной к усилению производительных сил страны с помощью общественной самодеятельности. Он даже начал подготовлять такое продолжение: возложив дела политические, военные и финансовые на бюрократическое центральное управление, составленное из знатоков специалистов разночинного и даже разноплеменного происхождения, он пытался перенести заботы по народному хозяйству и благоустройству в местное управление, придав ему общественный характер, призвав к самодеятельности два сословия: дворянство и высшее купечество. Но дело не пошло: промышленность после Петра не сделала заметных успехов, внешняя торговля как была, так и осталась пассивной, в руках иноземцев; внутренняя падала, подрываемая нелепым способом взыскания недоимок посредством описи купеческих дворов и пожитков; многие бросали торговлю, рассчитывая тем оправдать свою недоимку. Город и по второй ревизии замер на своих 3% в составе всего податного населения. И управление перестраивалось вовсе не в духе двойной задачи, поставленной ему Петром. Оно получило вооруженное подкрепление: войско, стоявшее на страже внешней безопасности, стало теперь повертывать фронтом внутрь страны, гвардию для поддержания правительств, смотревших на свою власть, как на захват, армию для сбора податей, для борьбы с разбоями, крестьянскими побегами и волнениями. Центральное упра-

вление не стало ни аристократическим по социальному составу, ни бюрократическим по деловой подготовке: его вели люди из знатного шляхетства вперемежку с выслужившимися разночинцами; но и те, и другие, за редкими исключениями, были импровизованные администраторы, по тогдашним о них отзывам, столько же понимавшие свое дело, как и кузнечное. Сам Сенат не раз получал Высочайшие выговоры за неумелость и небрежность; высший руководитель управления, он так поставил подчиненные ему места, что никак не мог добиться от них подробной общей росписи доходов и расходов, остатков и недоимок за 27 лет (1730—1756 г.). Перестроилось и областное управление. Городовые магистраты, подчиненные губернаторам и воеводам при Екатерине I, Елизавета восстановила в прежнем значении; но советы дворянских ландратов при губернаторах исчезли еще при Петре I, уступив место «комиссарам от земли», которых выбирало дворянство по уездам. После Петра I участие дворянства в местном управлении еще более локализовалось, рассыпалось по помещичьим усадьбам, которые стали центрами крепостных судебно-полицейских участков. Так дворянские губернские, а потом уездные общества, не укрепившись, разбились на усадебные гнезда. В то время как знатное и высоко-чиновное шляхетство господствовало наверху, в центре, низшее и среднее залегало в провинции, на крепостном дне. Впрочем была мысль снова сомкнуть этих усадебных сельских начальников в сословные общества, расширив власть их за пределы крепостного села: в 1761 г. Сенат предоставил помещикам выбрать из своей среды в города воевод, которые бы имели деревни вблизи тех городов. Так выборный представитель

дворянства становился на место коронного чиновника, правившего с выборной дворянской коллегией. Около того же времени кодификационная комиссия, составлявшая новое Уложение, проектировала какие-то «земские по провинциям съезды» дворянства, только не успела составить о них положения. Между тем в правительственном кругу уже ходил план общей постановки дворянства в управлении, имевший целью устранить недостаток подготовленных администраторов и судей. Гр. П. И. Шувалов лучше многих сознавал вред от «неспособных правителей», как отзывался он об этих должностных импровизаторах, ворочавших делами в тогдашних правительственных местах. В обширной записке 1754 г. о сохранении народа он изъясняет Сенату, как устроить «приготовление людей к управлению губерниями, провинциями и городами, а через то приготовление людей к главному правительству». Областное управление должно стать «училищем для юношей, упражняющихся в Российской юриспруденции». Потому при губернских учреждениях надобно завести «юнкеров» из дворянства, которые, начиная изучение дел с самых нижних чинов, постепенно по мере успехов восходили бы в секретари, воеводы, в губернские советники до самых губернаторов, а потом и до высших степеней центрального управления. План Шувалова представляется только разработкой мысли Петра I, который тоже заводил при коллегиях юнкеров из дворянских недорослей для подготовки к делам и предписывал производить секретарей только из дворян. Это был у него готовый подручный административный материал; но он не думал монополизировать гражданскую службу за дворянством, напротив, хотел пополнять само дворян-

ство выслужившимися разночинцами. Дворянский мандаринат Шувалова восстановлял старый московский сословно-бюрократический тип управления, создавал из дворянства неистощимый рассадник чиновничества и прибавлял новое должностное кормление сословия к прежнему поземельному. Корня этого плана надобно искать не в мерах Петра I, а в челобитье восстановившего самодержавие Анны шляхетства о том, чтобы ему предоставлено было замещение высших должностей центрального и областного управления. В этих отдельных мерах, планах и проектах о дворянстве искал себе подходящей правовой формы крупный общий факт, выработавшийся из всей неурядицы той эпохи: это — начало дворяновластия. А этот факт — один из признаков крутого поворота от реформы Петра I после его смерти: дело, направленное на подъем производительности народного труда средствами европейской культуры, превратилось в усиленную фискальную эксплоатацию и полицейское порабощение самого народа. Орудием этого поворота послужило сословие, которое Петр мечтал сделать проводником европейской культуры в русское общество. Трудно сказать, чувствовали ли люди Елизаветинского времени, что идут не по пути, указанному преобразователем. Но елизаветинец гр. Кирилл Разумовский, брат фаворита, человек образованный, несколько позднее при случае выразил это чувство. В 1770 г., когда знаменитый церковный вития Платон, сказывая в Петропавловском соборе в присутствии императрицы и двора проповедь по поводу Чесменской победы, театрально сошел с амвона и, ударив посохом по гробнице Петра Великого, призывал его восстать и воззреть на свое любезное изобретение, на флот, Разу-

мовский среди общего восторга добродушно шепнул окружающим: чего он его кличет? если он встанет, нам всем достанется. Случилось так, что именно Елизаветой, так часто заявлявшей о священных заветах отца, подготовлены были обстоятельства, содействовавшие тому, что в сословии, бывшем доселе привычным орудием правительства в управлении обществом, зародилось стремление самому править обществом посредством правительства.

Имп. Елизавета.

Императрица Елизавета царствовала двадцать лет, с 25 ноября 1741 г. по 25 декабря 1761 г. Царствование ее было не без славы, даже не без пользы. Молодость ее прошла не назидательно. Ни строгих правил, ни приятных воспоминаний не могла царевна вынести из беспризорной второй семьи Петра, где первые слова, какие выучивался произносить ребенок, были т я т я, м а м а, с о л д а т, а мать спешила как можно скорее сбыть дочерей замуж, чтобы, в случае смерти их отца, не иметь в них соперниц по престолонаследию. Подростая, Елизавета казалась барышней, получившей воспитание в девичьей. Всю жизнь она не хотела знать, когда нужно вставать, одеваться, обедать, ложиться спать. Большое развлечение доставляли ей свадьбы прислуги: она сама убирала невесту к венцу и потом из-за двери любовалась, как веселятся свадебные гости. В обращении она была то чересчур проста и ласкова, то из пустяков выходила из себя и бранилась, кто бы ни попадался, лакей или царедворец, самыми неудачными словами, а фрейлинам доставалось и больнее того. Елизавета попала между двумя встречными культурными течениями, воспиталась среди новых европейских веяний и преданий благочестивой отечественной старины. То и

другое влияние оставило на ней свой отпечаток, и она умела совместить в себе понятия и вкусы обоих: от вечерни она шла на бал, а с бала поспевала к заутрени, благоговейно чтила святыни и обряды русской Церкви, выписывала из Парижа описания придворных версальских банкетов и фестивалей, до страсти любила французские спектакли и до тонкости знала все гастрономические секреты русской кухни. Послушная дочь своего духовника о. Дубянского и ученица французского танцмейстера Рамбура, она строго соблюдала посты при своем дворе, так что гастроному канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину только с разрешения константинопольского патриарха дозволено было не есть грибного, и во всей империи никто лучше императрицы не мог исполнить менуэта и русской пляски. Религиозное настроение согревалось в ней эстетическим чувством. Невеста всевозможных женихов на свете от французского короля до собственного племянника, при императрице Анне спасенная Бироном от монастыря и герцогской саксен-кобург-мейнингенской трущобы, она отдала свое сердце придворному певчему из черниговских казаков, и дворец превратился в музыкальный дом: выписывали и малороссийских певчих, и итальянских певцов, а чтобы не нарушить цельности художественного впечатления, те и другие совместно пели и обедню и оперу. Двойственностью воспитательных влияний объясняются приятные или неожиданные противоречия в характере и образе жизни Елизаветы. Живая и веселая, но не спускавшая глаз с самой себя, при этом крупная и стройная, с красивым круглым и вечно цветущим лицом, она любила производить впечатление и, зная, что к ней особенно идет мужской костюм, она установила при дворе

маскарады без масок, куда мужчины обязаны были приезжать в полном женском уборе, в обширных юбках, а дамы в мужском придворном платье. Наиболее законная из всех преемников и преемниц Петра I, но поднятая на престол мятежными гвардейскими штыками, она наследовала энергию своего великого отца, строила дворцы в двадцать четыре часа и в двое суток проезжала тогдашний путь от Москвы до Петербурга, исправно платя за каждую загнанную лошадь. Мирная и беззаботная, она была вынуждена воевать чуть не половину своего царствования, побеждала первого стратега того времени Фридриха Великого, брала Берлин, уложила пропасть солдат на полях Цорндорфа и Кунерсдорфа; но с правления царевны Софьи никогда на Руси не жилось так легко, и ни одно царствование до 1762 г. не оставляло по себе такого приятного воспоминания. При двух больших коалиционных войнах, изнурявших Западную Европу, казалось, Елизавета со своей 300-тысячной армией могла стать вершительницей европейских судеб; карта Европы лежала перед ней в ее распоряжении, но она так редко на нее заглядывала, что до конца жизни была уверена в возможности проехать в Англию сухим путем, и она же основала первый настоящий университет в России— Московский. Ленивая и капризная, пугавшаяся всякой серьезной мысли, питавшая отвращение ко всякому деловому занятию, Елизавета не могла войти в сложные международные отношения тогдашней Европы и понять дипломатические хитросплетения своего канцлера Бестужева-Рюмина. Но в своих внутренних покоях она создала себе особое политическое окружение из приживалок и рассказчиц, сплетниц, во главе которых стоял интимный солидарный кабинет, где премьером была Мавра

Егоровна Шувалова, жена известного нам изобретателя и прожектора, а членами состояли Анна Карловна Воронцова, урожденная Скавронская, родственница императрицы, и какая-то просто Елизавета Ивановна, которую так и звали министром иностранных дел; «все дела через нее государыне подавали», замечает современник. Предметами занятий этого кабинета были росказни, сплетни, наушничество, всякие каверзы и травля придворных друг против друга, доставлявшая Елизавете великое удовольствие. Это и были «сферы» того времени; отсюда раздавались важные чины и хлебные места; здесь вершились крупные правительственные дела. Эти кабинетные занятия чередовались с празднествами. Смолоду Елизавета была мечтательна и, еще будучи великой княжной, раз в очарованном забытьи подписала деловую хозяйственную бумагу вместо своего имени словами Пламень огн... Вступив на престол, она хотела осуществить свои девичьи мечты в волшебную действительность: нескончаемой вереницей потянулись спектакли, увеселительные поездки, куртаги, балы, маскарады, поражавшие ослепительным блеском и роскошью до тошноты. Порой весь двор превращался в театральный фойе: изо дня в день говорили только о французской комедии, об итальянской комической опере и ее содержателе Локателли, об интермеццах и т. п. Но жилые комнаты, куда дворцовые обитатели уходили из пышных зал, поражали теснотой, убожеством обстановки, неряшеством: двери не затворялись, в окна дуло, вода текла по стенным обшивкам, комнаты были чрезвычайно сыры; у великой княгини Екатерины в спальне в печи зияли огромные щели, близ этой спальни в небольшой каморе теснилось 17 человек прислуги; мебли-

ровка была так скудна, что зеркала, постели, столы и стулья по надобности перевозили из дворца во дворец, даже из Петербурга в Москву, ломали, били и в таком виде расставляли по временным местам. Елизавета жила и царствовала в золоченой нищете; она оставила после себя в гардеробе слишком 15.000 платьев, два сундука шелковых чулок, кучу неоплаченных счетов и недостроенный громадный Зимний дворец, уже поглотивший с 1755 по 1761 г. более 10 милл. руб. на наши деньги. Незадолго до смерти ей очень хотелось пожить в этом дворце; но она напрасно хлопотала, чтобы строитель Растрелли поспешил отделать хотя бы только ее собственные жилые комнаты. Французские галантерейные магазины иногда отказывались отпускать во дворец новомодные товары в кредит. При всем том в ней, не как в ее курляндской предшественнице, где-то там глубоко под толстой корой предрассудков, дурных привычек и испорченных вкусов еще жил человек, порой прорывавшийся наружу то в обете перед захватом престола никого не казнить смертью и в осуществившем этот обет указе 17 мая 1744 г., фактически отменившем смертную казнь в России, то в неутверждении свирепой уголовной части Уложения, составленной в Комиссии 1754 г. и уже одобренной Сенатом, с изысканными видами смертной казни, то в недопущении непристойных ходатайств Синода о необходимости отказаться от данного императрицей обета, то, наконец, в способности плакать от несправедливого решения, вырванного происками того же Синода. Елизавета была умная и добрая, но беспорядочная и своенравная русская барыня XVIII в., которую по русскому обычаю многие бранили при жизни и тоже по русскому обычаю все оплакали по смерти.

Император Петр III.

Не оплакало ее только одно лицо, потому что было не русское и не умело плакать: это—назначенный ею самой наследник престола—самое неприятное из всего неприятного, что оставила после себя императрица Елизавета. Этот наследник, сын старшей Елизаветиной сестры, умершей вскоре после его рождения, герцог Голштинский, известен в нашей истории под именем Петра III. По странной игре случая в лице этого принца совершилось загробное примирение двух величайших соперников начала XVIII века: Петр III был сын дочери Петра I и внук сестры Карла XII. Вследствие этого владельцу маленького герцогства Голштинского грозила серьезная опасность стать наследником двух крупных престолов, шведского и русского. Сначала его готовили к первому и заставляли учить лютеранский катехизис, шведский язык и латинскую грамматику. Но Елизавета, вступив на русский престол и желая обеспечить его за линией своего отца, командировала майора Корфа с поручением во что бы ни стало взять ее племянника из Киля и доставить в Петербург. Здесь Голштинского герцога Карла-Петра-Ульриха преобразили в великого князя Петра Феодоровича и заставили изучать русский язык и православный катехизис. Но природа не была к нему так благосклонна, как судьба: вероятный наследник двух чужих и больших престолов, он, по своим способностям, не годился и для своего собственного маленького трона. Он родился и рос хилым ребенком, скудно наделенным способностями. В чем не догадалась отказать ему неблагосклонная природа, то сумела отнять у него нелепая голштинская педагогия. Рано став круглым сиротой, Петр в Голштинии получил никуда негодное воспитание под руководством невежественного придворного, который грубо обращался

с ним, подвергал унизительным и вредным для здоровья наказаниям, даже сек принца. Унижаемый и стесняемый во всем, он усвоил себе дурные вкусы и привычки, стал раздражителен, вздорен, упрям и фальшив, приобрел печальную наклонность лгать, с простодушным увлечением веруя в свои собственные вымыслы, а в России приучился еще напиваться. В Голштинии его так плохо учили, что в Россию он приехал 14-летним круглым неучем и даже императрицу Елизавету поразил своим невежеством. Быстрая смена обстоятельств и программ воспитания в конец сбила с толку и без того некрепкую его голову. Принужденный учиться то тому, то другому без связи и порядка, Петр кончил тем, что не научился ничему, а несходство голштинской и русской обстановки, бессмыслие кильских и петербургских впечатлений совсем отучило его понимать окружающее. Развитие его остановилось раньше его роста; в лета мужества он оставался тем же, чем был в детстве, вырос, не созрев. Его образ мыслей и действий производил впечатление чего-то удивительно-недодуманного и недоделанного. На серьезные вещи он смотрел детским взглядом, а к детским затеям относился с серьезностью зрелого мужа. Он походил на ребенка, вообразившего себя взрослым; на самом деле это был взрослый человек, навсегда оставшийся ребенком. Уже будучи женат, в России, он не мог расстаться со своими любимыми куклами, за которыми его не раз заставали придворные посетители. Сосед Пруссии по наследственному владению, он увлекался военной славой и стратегическим гением Фридриха II. Но так как в его миниатюрном уме всякий крупный идеал мог поместиться, только разбившись на игрушечные мелочи, то это воинственное увлечение повело Петра только

к забавному пародированию прусского героя, к простой игре в солдатики. Он не знал и не хотел знать русской армии, и так как для него были слишком велики настоящие живые солдаты, то он велел наделать себе солдатиков восковых, свинцовых и деревянных и расставлял их в своем кабинете на столах с такими приспособлениями, что если дернуть за протянутые по столам шнурки, то раздавались звуки, которые казались Петру похожими на беглый ружейный огонь. Бывало в табельный день он соберет свою дворню, наденет нарядный генеральный мундир и произведет парадный смотр своим игрушечным войскам, дергая за шнурки и с наслаждением вслушиваясь в батальные звуки. Раз Екатерина, вошедши к мужу, была поражена представившимся ей зрелищем. На веревке, протянутой с потолка, висела большая крыса. На вопрос Екатерины, что это значит, Петр рассказал, что крыса совершила уголовное преступление, жесточайше наказуемое по военным законам: она забралась на картонную крепость, стоявшую на столе, и съела двух часовых из крахмала. Преступницу поймали, предали военно-полевому суду и приговорили к смертной казни через повешение. Елизавета приходила в отчаяние от характера и поведения племянника и не могла провести с ним четверти часа без огорчения, гнева и даже отвращения. У себя в комнате, когда заходила о нем речь, императрица заливалась слезами и жаловалась, что Бог дал ей такого наследника. С ее набожного языка срывались совсем не набожные отзывы о нем: «проклятый племянник», «племянник мой урод, чорт его возьми!» Так рассказывает Екатерина в своих записках. По ее словам, при дворе считали вероятным, что Елизавета в конце жизни согласилась бы, если бы ей предложили

выслать племянника из России, назначив наследником его 6-летнего сына Павла; но ее фавориты, задумывавшие такой шаг, не отважились на него и, перевернувшись по-придворному, принялись заискивать милости у будущего императора.

Не подозревая миновавшей беды, напутствуемый зловещими отзывами тетки, этот человек наизнанку, у которого спутались понятия добра и зла, вступил на русский престол. Он и здесь сохранил всю узость и мелочность мыслей и интересов, в которых был воспитан и вырос. Ум его, голштински-тесный, никак не мог расшириться в географическую меру нечаянно доставшейся ему беспредельной империи. Напротив, на русском престоле Петр стал еще более голштинцем, чем был дома. В нем с особенной силой заговорило качество, которым скупая для него природа наделила его с беспощадной щедростью: это была трусость, соединявшаяся с легкомысленной беспечностью. Он боялся всего в России, называл ее проклятой страной и сам выражал убеждение, что в ней ему непременно придется погибнуть, но нисколько не старался освоиться и сблизиться с ней, ничего не узнал в ней и всего чуждался; она пугала его, как пугаются дети, оставшись одни в обширной пустой комнате. Руководимый своими вкусами и страхами, он окружил себя обществом, какого не видали даже при Петре I, столь неразборчивом в этом отношении, создал себе собственный мирок, в котором и старался укрыться от страшной ему России. Он завел особую голштинскую гвардию из всякого международного сброда, но только не из русских своих подданных: то были большею частию сержанты и капралы прусской армии,

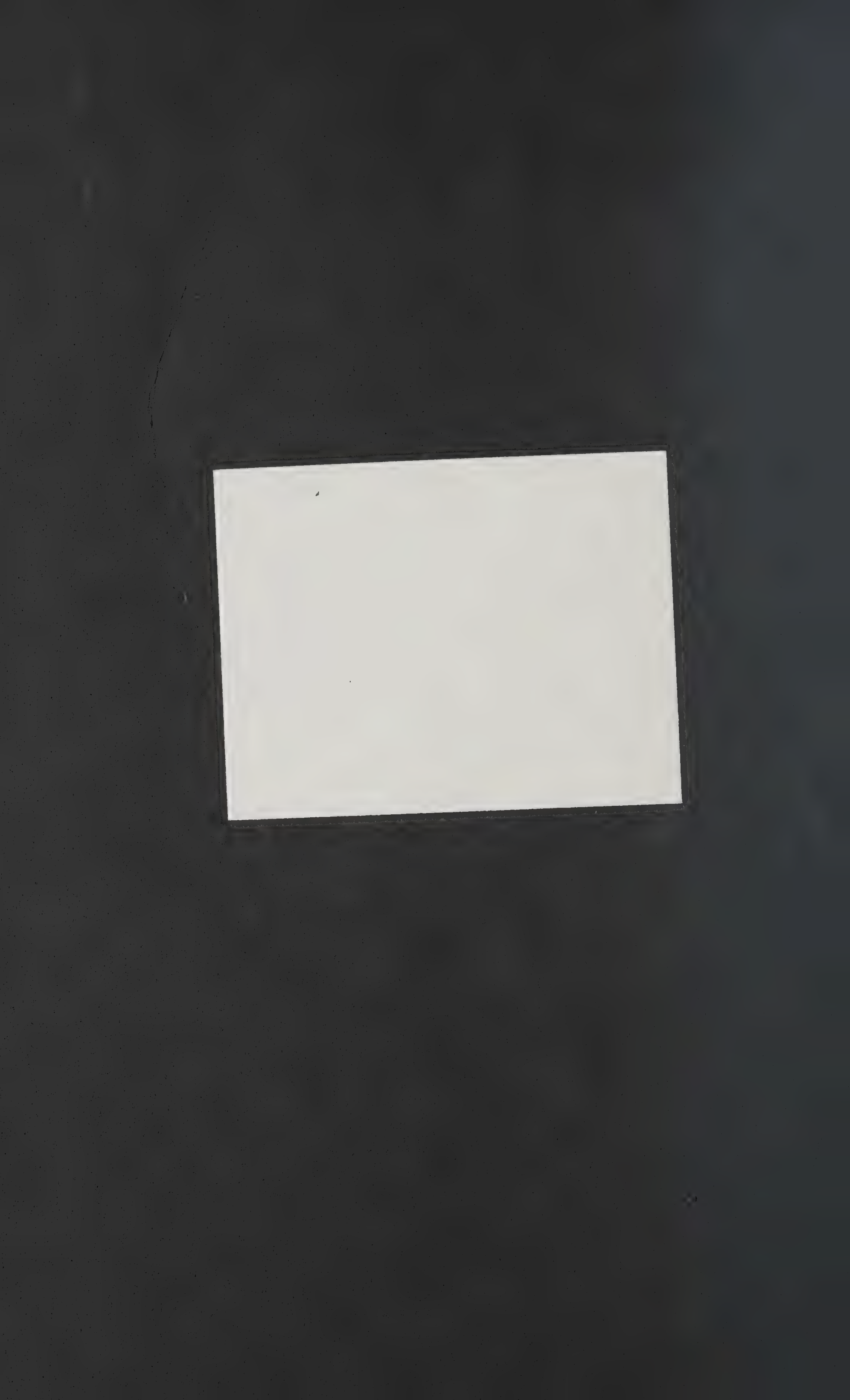
«сволочь, по выражению кн. Дашковой, состоявшая из сыновей немецких сапожников». Считая для себя образцом армию Фридриха II, Петр старался усвоить себе манеры и привычки прусского солдата, начал выкуривать непомерное количество табаку и выпивать непосильное множество бутылок пива, думая, что без этого нельзя стать «настоящим бравым офицером». Вступив на престол, Петр редко доживал до вечера трезвым и садился за стол обыкновенно навеселе. Каждый день происходили пирушки в этом голштинском обществе, к которому по временам присоединялись блуждающие кометы, заезжие певицы и актрисы. В этой компании император, по свидетельству Болотова, близко его видавшего, говаривал «такой вздор и такие нескладицы», что сердце обливалось кровью у верноподданных от стыда пред иностранными министрами: то вдруг начнет он развивать невозможные преобразовательные планы, то с эпическим воодушевлением примется рассказывать о небывалом победоносном своем походе на цыганский табор под Килем, то просто разболтает какую-нибудь важную дипломатическую тайну. На беду император чувствовал влечение к игре на скрипке, считая себя совершенно серьезно виртуозом, и подозревал в себе большой комический талант, потому что довольно ловко выделывал разные смешные гримасы, передразнивал священников в церкви и нарочно заменил при дворе старинный русский поклон французским приседанием, чтобы потом представлять неловкие книксены пожилых придворных дам. Одна умная дама, которую он забавлял своими гримасами, отозвалась о нем, что он совсем непохож

на государя. В его царствование было издано несколько важных и дельных указов, каковы были, например, указы об упразднении Тайной канцелярии, о позволении бежавшим за границу раскольникам воротиться в Россию с запрещением преследовать за раскол. Эти указы внушены были не отвлеченными началами веротерпимости или ограждения личности от доносов, а практическими расчетами людей, близких к Петру, Воронцовых, Шуваловых и других, которые, спасая свое положнеие, хотели царскими милостями упрочить популярность императора. Из таких же соображений вышел и указ о вольности дворянства. Но сам Петр мало заботился о своем положении и скоро успел вызвать своим образом действий единодушный ропот в обществе. Он как будто нарочно старался вооружить против себя все классы и прежде всего духовенство. Он не скрывал, напротив, задорно щеголял своим пренебрежением к церковным православным обрядам, публично дразнил русское религиозое чувство, в придворной церкви во время богослужения принимал послов, ходя взад и вперед, точно у себя в кабинете, громко разговаривал, высовывал язык священнослужителям, раз на Троицын день, когда все опустились на колени, с громким смехом вышел из церкви. Новгородскому архиепископу Димитрию Сеченову, первоприсутствующему в Синоде, дан был приказ «очистить русские церкви», т.-е. оставить в них только иконы Спасителя и Божией Матери и вынести остальные, русским священникам обрить бороды и одеваться как лютеранские пасторы. Исполнением этих приказов повременили, но духовенство и общество всполошились: люторы надви-

гаются! Особенно раздражено было черное духовенство за предпринятую Петром III секуляризацию церковных недвижимых имуществ. Управлявшая ими Коллегия экономии, прежде подведомственная Синоду, теперь поставлена была в прямую зависимость от Сената, и предписано было отдать крестьянам все церковные земли и с теми, какие они пахали на монастыри и архиереев, а из собираемых с церковных вотчин доходов назначить на содержание церковных учреждений ограниченные штатные оклады. Эту меру Петр не успел привести в исполнение; но впечатление было произведено. Гораздо опаснее было раздражение гвардии, этой щекотливой и самоуверенной части русского общества С самого вступления на престол Петр старался всячески рекламировать свое безграничное поклонение Фридриху II. Он при всех набожно целовал бюст короля, во время одного парадного обеда во дворце при всех стал на колени перед его портретом. Тотчас по воцарении он облекся в прусский мундир и носил чаще прусский орден. Пестрый и антично-узенький прусский мундир был введен и в русской гвардии, заменив собой старый просторный темнозеленый кафтан, данный ей Петром I. Считая себя военным подмастерьем Фридриха, Петр III старался ввести строжайшую дисциплину и в немного распущенных русских войсках. Каждый день происходили экзерциции. Ни ранг, ни возраст не освобождали от маршировки. Сановные люди, давно не видавшие плаца, да к тому же успевшие запастись подагрой, должны были подвергнуться военно-балетной муштровке прусских офицеров и проделывать все военные артикулы. Фельдмаршал, бывший генерал-

446-449

film from ILL copy 2

прокурор Сената, старик кн. Никита Трубецкой по своему званию подполковника гвардии должен был являться на учение и маршировать вместе с солдатами. Современники не могли надивиться, как времена переменились, как, по выражению Болотова, ныне больные и небольные и старички самые поднимают ножки и на ряду с молодыми маршируют и также хорошохонько топчут и месят грязь, как и солдаты. Что было всего обиднее, сбродной голштинской гвардии Петр отдавал во всем предпочтение перед русской, называя последнюю янычарами. А в русской внешней политике хозяйничал прусский посланник, всем распоряжавшийся при дворе Петра. Прусский вестовщик до воцарения, пересылавший Фридриху II в Семилетнюю войну сведения о русской армии, Петр на русском престоле стал верноподданным прусским министром. Перед возмущенным чувством оскорбленного национального достоинства опять восстал ненавистный призрак второй бироновщины, и это чувство подогревалось еще боязнью, что русская гвардия будет раскассирована по армейским полкам, чем ей грозил уже Бирон. К тому же все общество чувствовало в действиях правительства шатость и каприз, отсутствие единства мысли и определенного направления. Всем было очевидно расстройство правительственного механизма. Все это вызвало дружный ропот, который из высших сфер переливался вниз и становился всенародным. Языки развязались, как бы не чувствуя страха полицейского; на улицах открыто и громко выражали недовольство, без всякого опасения порицая государя. Ропот незаметно сложился в военный заговор, а заговор повел к новому перевороту.

Лекция LXXIV.

Переворот 28 июня 1762 г.

Лицом, во имя которого было предпринято движение, стала императрица, успевшая приобрести широкую популярность, особенно в гвардейских полках. Император дурно жил с женой, грозил развестись с ней и даже заточить в монастырь, а на ее место поставить близкую ему особу, племянницу канцлера гр. Воронцова. Екатерина долго держалась в стороне, терпеливо перенося свое положение и не входя в прямые сношения с недовольными. Но сам Петр вызвал ее к действию. Чтобы переполнить чашу русского огорчения и довести всенародный ропот до открытого взрыва, император заключил мир (24 апр. 1762 г.) с тем самым Фридрихом, который при Елизавете приведен был в отчаяние русскими победами. Теперь Петр отказался не только от завоеваний, даже от тех, которые уступал сам Фридрих, от Восточной Пруссии, не только заключил с ним мир, но присоединил свои войска к прусским, чтобы действовать против австрийцев, недавних русских союзников. Русские скрежетали зубами от досады, замечает Болотов. За парадным обедом 9 июня по случаю подтверждения этого мирного договора император провозгласил тост за императорскую фамилию. Екатерина выпила свой бокал сидя.

На вопрос Петра, почему она не встала, она отвечала, что не считала этого нужным, так как императорская фамилия вся состоит из императора, из нее самой и их сына, наследника престола. «А мои дяди, принцы голштинские?» возразил Петр и приказал стоявшему у него за креслом генерал-адъютанту Гудовичу подойти к Екатерине и сказать ей бранное слово. Но, опасаясь, как бы Гудович при передаче не смягчил этого неучтивого слова, Петр сам выкрикнул его через стол во всеуслышание. Императрица расплакалась. В тот же вечер приказано было арестовать ее, что впрочем не было исполнено по ходатайству одного из дядей Петра, невольных виновников этой сцены. С этого времени Екатерина стала внимательнее прислушиваться к предложениям своих друзей, какие делались ей, начиная с самой смерти Елизаветы. Предприятию сочувствовало множество лиц высшего петербургского общества, большею частью лично обиженных Петром. Таков был гр. Никита Панин, елизаветинский дипломат и воспитатель вел. кн. наследника Павла; такова была 19-летняя дама кн. Дашкова, сестра фаворитки, имевшая через мужа большие связи в гвардии. Сочувствовал делу и архиепископ новгородский Дмитрий Сеченов, который по своему сану, разумеется, не мог принять прямого участия в заговоре. Но всего больше помогал делу втихомолку малороссийский гетман и президент Академии Наук гр. Кирилл Разумовский, богач, за щедрость чрезвычайно любимый в своем гвардейском Измайловском полку. Настоящими дельцами предприятия была гвардейская офицерская молодежь, преображенцы Пассек и Бредихин, измайловцы Ласунский и братья Рославлевы, конно-гвардейцы Хитрово и унтер-офицер Потемкин. Центром, около которого соединились эти

офицеры, служило целое гнездо братьев Орловых, из которых особенно выдавались двое, Григорий и Алексей: силачи, рослые и красивые, ветреные и отчаянно-смелые, мастера устраивать по петербургским окраинам кулачные бои и попойки на смерть, они были известны во всех полках, как идолы тогдашней гвардейской молодежи. Старший из них Григорий, артиллерийский офицер, давно был в сношениях с императрицей, которые искусно скрывались. Заговорщики делились на четыре отделения, во главе которых стояли особые вожди, собиравшиеся для совещаний. Впрочем, не было обычного конспиративного ритуала, ни правильных собраний, ни рассчитанных приемов пропаганды, не заметно и подробно разработанного плана действий. Да в этом и не было надобности: гвардия давно была так воспитана целым рядом дворцовых переворотов, что не нуждалась в особой подготовке к подобному предприятию, лишь бы было популярное лицо, во имя которого всегда можно было поднять полки. Накануне переворота Екатерина считала на своей стороне до 40 офицеров и до 10 тыс. солдат гвардии. Переворот не был нечаянным; его все ждали. Еще за неделю до него среди все усиливавшегося волнения по улицам столицы ходили толпы народа, особенно гвардейцев, и почти въявь «ругали» государя. Впечатлительные наблюдатели считали часы в ожидании взрыва. Разумеется, к Петру шли доносы, а тот, веселый и беззаботный, не понимая серьезности положения, ни на что не обращал внимания и продолжал ветреничать в Ораниенбауме, не принимая никаких мер предосторожности, даже сам, как деятельный заговорщик против самого себя, раздувал тлевший огонь. Окончив бесполезно для России одну войну, Петр затевал другую, еще менее полезную, разорвав с Данией,

чтобы возвратить отнятый ею у Голштинии Шлезвиг. Воинственно двигая силы Русской империи на маленькую Данию для восстановления целости родной Голштинии, Петр в то же время ратовал за свободу совести в России. Синоду 25 июня дан был указ, предписывавший равенство христианских вероисповеданий, необязательность постов, неосуждение грехов против седьмой заповеди, «ибо и Христос не осуждал», отобрание в казну всех монастырских крестьян; в заключение указ требовал от Синода непрекаемого исполнения всех мероприятий императора. Сумасбродные распоряжения Петра побуждали верить самым невероятным слухам. Так рассказывали, что он хочет развести всех придворных дам с их мужьями и перевенчать с другими по своему выбору, а для примера развестись с собственной женой и жениться на Елизавете Воронцовой, что, впрочем, могло случиться. Становится понятным общее молчаливое соглашение во что бы ни стало избавиться от такого самодержца. Выжидали только благоприятного случая, и его подготовлял сам Петр своей датской войной. Гвардия с огорчением ожидала приказа выступать в поход за границу, и приезд государя в Петербург на проводы Панин считал удобным моментом для переворота. Но взрыв был ускорен случайным обстоятельством. К Пассеку вбежал встревоженный преображенский капрал с вопросом, скоро ли свергнут императора, и с известием, что императрица погибла; тревога солдат вызвана была слухами, какие распускали про Екатерину сами заговорщики. Пассек выпроводил солдата, уверив его, что ничего подобного не случилось, а тот бросился к другому офицеру, не принадлежавшему к заговору, и сказал ему то же самое, прибавив, что был уже у Пассека. Этот офицер донес о слышанном

по начальству, и 27 июня Пассек был арестован. Арест его поднял на ноги всех заговорщиков, испугавшихся, что арестованный может выдать их под пыткой. Ночью решено было послать Алексея Орлова за Екатериной, которая жила в Петергофе в ожидании дня именин императора (29 июня). Рано утром 28 июня А. Орлов вбежал в спальню к Екатерине и сказал, что Пассек арестован. Кое-как одевшись, императрица села с фрейлиной в карету Орлова, поместившегося на козлах, и была привезена прямо в Измайловский полк. Давно подготовленные солдаты по барабанному бою выбежали на площадь и тотчас присягнули, целуя руки, ноги, платье императрицы. Явился и сам полковник гр. К. Разумовский. Затем в предшествии приводившего к присяге священника с крестом в руке двинулись в Семеновский полк, где повторилось то же самое. Во главе обоих полков, сопровождаемая толпой народа, Екатерина поехала в Казанский собор, где на молебне ее возгласили самодержавной императрицей. Отсюда она отправилась в новоотстроенный Зимний дворец и застала там уже в сборе Сенат и Синод, которые беспрекословно присоединились к ней и присягнули. К движению примкнули конногвардейцы и преображенцы с некоторыми армейскими частями и в числе свыше 14 тыс. окружили дворец, восторженно приветствуя обходившую полки Екатерину; толпы народа вторили войскам. Без возражений и колебаний присягали и должностные лица, и простые люди, все, кто ни попадал во дворец, всем тогда открытый. Все делалось как-то само собой, точно чья-то незримая рука заранее все приладила, всех согласила и во-время оповестила. Сама Екатерина, видя, как радушно все ее приветствовали, ловили ее руку,

объясняла это единодушие народным характером движения; все приняли в нем добровольное участие, чувствовали себя в нем самостоятельными деятелями, а не полицейскими куклами или любопытными зрителями. Между тем наскоро составили и раздавали народу краткий манифест, который возвещал, что императрица по явному и нелицемерному желанию всех верных подданных вступила на престол, став на защиту православной русской Церкви, русской победной славы и внутренних порядков, совсем ниспроверженных. Вечером 28 июня Екатерина во главе нескольких полков, верхом, в гвардейском мундире старого петровского покроя и в шляпе, украшенной зеленой дубовой веткой, с распущенными длинными волосами, рядом с княгиней Дашковой тоже верхом и в гвардейском мундире двинулась в Петергоф, куда в тот день должен был приехать из Ораниенбаума император со свитой, чтобы обедать в Монплезире, петергофском павильоне, где помещалась Екатерина. С большим придворным обществом Петр подъехал к Монплезиру—он оказался пустым. Обшарили весь сад—нигде ее нет! Узнали, что императрица рано утром тайком уехала в Петербург. Все растерялись в недоумении. Три сановника, в том числе канцлер Воронцов, догадываясь, в чем дело, вызвались ехать в Петербург разузнать, что там делается, и усовестить императрицу. Екатерина всенародно уверяла после, что им велено было даже убить ее в случае надобности. Разведчики, приехав в Петербург, присягнули императрице и не воротились. Получив кое-какие известия из Петербурга, в Петергофе принялись рассылать адъютантов и гусар по всем дорогам к столице, писать приказы, давать советы, как поступить. Решено было захватить Кронштадт, чтобы

оттуда действовать на столицу, пользуясь морскими силами. Но когда император со свитой приблизился к крепости, оттуда было объявлено, что по нему будут стрелять, если он не удалится. У Петра не хватило духа, чтобы по совету Миниха спрыгнуть на берег или плыть к Ревелю, а оттуда в Померанию и стать во главе русской армии, находившейся за границей. Петр забился в самый низ галеры и среди рыданий сопровождавших экспедицию придворных дам поплыл назад в Ораниенбаум. Попытка вступить в переговоры с императрицей не удалась; предложение помириться и разделить власть осталось без ответа. Тогда Петр принужден был собственноручно переписать и подписать присланный ему Екатериной акт якобы «самопроизвольного» клятвенного отречения от престола. Когда Екатерина со своими полками утром 29 июня заняла Петергоф, а Петр дал увезти себя туда из Ораниенбаума, его с трудом защитили от раздраженных солдат. В петергофском дворце от непосильных потрясений с ним сделался обморок. Несколько времени спустя, когда пришел Панин, Петр бросился к нему, ловил его руки, прося его ходатайства, чтобы ему было позволено удержать при себе четыре особенно дорогие ему вещи: скрипку, любимую собаку, арапа и Елизавету Воронцову. Ему позволили удержать три первые вещи, а четвертую отослали в Москву и выдали замуж за Полянского. Случайный гость русского престола, он мелькнул падучей звездой на русском политическом небосклоне, оставив всех в недоумении, зачем он на нем появлялся. Бывшего императора удалили в Ропшу, загородную мызу, подаренную ему императрицей Елизаветой, а Екатерина на

другой день торжественно вступила в Петербург. Так кончилась эта революция, самая веселая и деликатная из всех нам известных, не стоившая ни одной капли крови, настоящая дамская революция. Но она стоила очень много вина: в день въезда Екатерины в столицу 30 июня войскам были открыты все питейные заведения; солдаты и солдатки в бешеном восторге тащили и сливали в ушаты, боченки, во что ни попало, водку, пиво, мед, шампанское. Три года спустя в Сенате еще производилось дело петербургских виноторговцев о вознаграждении их «за растащенные при благополучном Ее Величества на императорский престол восшествии виноградные напитки солдатством и другими людьми на 24.331 рубль съ копейками».

Дело 28 июня, завершая собою ряд дворцовых переворотов XVIII в., не во всем было на них похоже. И оно было исполнено посредством гвардии; но его поддержало открыто выразившееся сочувствие столичного населения, придавшее ему народную окраску. Притом оно носило совсем иной политический характер. В 1725, 1730 и 1741 гг. гвардия устанавляла или восстановляла привычную верховную власть в том или другом лице, которое вожди ее представляли ей законным наследником этой власти. В 1762 г. она выступала самостоятельной политической силой, притом не охранительной, как прежде, а революционной, низвергая законного носителя верховной власти, которому сама недавно присягала. К возмущенному национальному чувству примешивалось в ней самодовольное сознание, что она создает и дает отечеству свое правительство, хоть и незаконное, но которое лучше законного поймет и соблюдет его инте-

ресы. Объясняя гвардейский энтузиазм, проявившийся в перевороте, Екатерина вскоре писала, что последний гвардейский солдат смотрел на нее, как на дело рук своих. И в ответ на эту революционную лойяльность своей гвардии Екатерина поспешила заявить, что узурпация может стать надежным залогом государственного порядка и народного благоденствия. Когда в Петербурге улеглось движение, поднятое переворотом, излишества уличного патриотического ликования покрыты были торжественным актом, изъяснившим смысл совершившихся событий. Обнародован был второй, «обстоятельный» манифест от 6 июля. Это — и оправдание захвата, и исповедь, и обличение павшего властителя, и целая политическая программа. С беспощадной откровенностью разоблачаются преступные или постыдные деяния и злоумышления бывшего императора, которые, по уверению манифеста, должны были привести к мятежу, цареубийству и гибели государства. Видя отечество гибнущее и вняв «присланным от народа избранным верноподданным», императрица отдала себя или на жертву за любезное отечество, или на избавление его от угрожавших опасностей. В лице низложенного императора манифест обличал и бичевал не злосчастную случайность, а самый строй русского государства. «Самовластие, гласил манифест, не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосредственною бывает причиною». Никогда русская власть с высоты престола так откровенно не вещала своему народу такой печальной истины, что венец государственного здания, в коем он обитает, своим непрочным построением всегда

грозит разрушить самое здание. В предотвращение этого бедствия императрица «наиторжественнейше» обещала своим императорским словом узаконить такие государственные установления, которые «и в потомки» предохранили бы целость империи и самодержавной власти, а верных слуг отечества вывели бы «из уныния и оскорбления».

Но и у этого переворота, так весело и дружно разыгравшегося, был свой печальный и ненужный эпилог. В Ропше Петра поместили в одной комнате, воспретив выпускать его не только в сад, но и на террасу. Дворец окружен был гвардейским караулом. Приставники обращались с узником грубо; но главный наблюдатель Алексей Орлов был с ним ласков, занимал его, играл с ним в карты, ссужал его деньгами. С самого приезда в Ропшу Петру нездоровилось. Вечером того же 6 июля, когда был подписан манифест, Екатерина получила от А. Орлова записку, писанную испуганной и едва ли трезвой рукой. Можно было понять лишь одно: в тот день Петр за столом заспорил с одним из собеседников; Орлов и другие бросились их разнимать, но сделали это так неловко, что хилый узник оказался мертвым. «Не успели мы разнять, а его уже и не стало; сами не помним, что делали». Екатерина, по ее словам, была тронута, даже поражена этой смертью. Но, писала она месяц спустя, «надо идти прямо — на меня не должно пасть подозрение». Вслед за торжественным манифестом 6 июля по церквам читали другой, от 7 июля, печальный, извещавший о смерти впавшего в прежестокую колику бывшего императора и приглашавший молиться «без злопамятствия» о спасении души почившего. Его привезли прямо в Александро-Невскую лавру и там скромно похоронили рядом с бывшей

правительницей Анной Леопольдовной. Весь Сенат просил Екатерину не присутствовать при погребении.

Обзор изложенного.

Читая манифест 6 июля, чувствуем, что стоим на каком-то важном переломе русской жизни. Он сулил нечто новое или дотоле неудавшееся, именно закономерное государство. Оглянемся несколько назад, чтобы видеть, как мало такое государство было подготовлено, как мысль о нем, вспыхивая по временам, скоро гасла. До конца XVI в. мы наблюдали русское государство, державшееся еще на основах вотчинного порядка, в котором государство считалось не народным союзом, а фамильным достоянием государя, подданный знал только свои обязанности, не имея законом обеспеченных прав. Казалось, Смутное время должно было очистить государство от последних остатков этого порядка: народ своими силами вышел из безурядицы, избрал новую династию, которая не строила государства, как ее предшественница, и не могла считать его своей вотчиной; он показал, что способен стать деятельным участником государственного строения, перестав служить простым строительным материалом. Действительно, после смуты наблюдаем в московской государственной жизни два течения, из которых одно промывало себе новое земское русло, хотя другое тянуло к покинутым приказным берегам. Но по мере удаления от своего источника новая струя постепенно наклонялась к старой и к концу XVII в. слилась с нею. Вместе с новой династией оживали прежние вотчинные понятия и привычки. Родоначальник новой династии в своих правительственных актах старался показать народу, что видит в себе не народного избранника, а племянника царя Федора, и в этом родстве полагает истинную основу своей власти. Народная самодеятельность, вызванная смутой,

правда, закреплялась во всесословном земском соборе; но в то же время падало его естественное основание, местное земское самоуправление, и сам земский собор не отлился в твердое постоянное учреждение, скоро утратил свой первоначальный всесословный состав и наконец замер, заметенный вихрем петровской реформы.

Петр I своими понятиями и стремлениями близко подошел к идее правомерного государства: он видел цель государства в добре общем, в народном благе, не в династическом интересе, а средство для ее достижения — в законности, в крепком хранении «прав гражданских и политических»; свою власть он считал не своей наследственной собственностью, а должностью царя, свою деятельность служением государству. Но обстоятельства и привычки помешали ему привести свое дело в полное согласие с собственными понятиями и намерениями. Обстоятельства вынуждали его работать больше в области политики, чем права, а от предшественников он унаследовал два вредные политические предрассудка, веру в творческую мощь власти и уверенность в неистощимости народных сил и народного терпения. Он не останавливался ни перед чьим правом, ни перед какой народной жертвой. Став преобразователем в европейском духе, он сберег в себе слишком много московского допетровского царя, не считался ни с правосознанием народа, ни с народной психологией и надеялся искоренить вековой обычай, водворить новое понятие так же легко, как изменял покрой платья или ширину фабричного сукна. Вводя все насильственно, даже общественную самодеятельность, вызывая принуждением, он строил правомерный порядок на общем бесправии, и потому в его правомерном государстве рядом с властью и законом не оказалось

всеоживляющего элемента, свободного лица, гражданина.

Петру не удалось укрепить свою идею государства в народном сознании, а после него она погасла и в правительственных умах. Законным преемникам Петра, его внуку и дочери, была недоступна его государственная идея. Остальные смены приносили на престол нечаянных властителей, даже инородцев, которые не могли видеть в России не только своей вотчины, но и своего отечества. Государство замкнулось во дворце. Правительства, охранявшие власть, даже не как династическое достояние, а просто как захват, которого не умели оправдать перед народом, нуждались не в народной, а в военно-политической опоре.

Но мутная волна дворцовых переворотов, фаворов и опал своим прибоем постепенно наносила вокруг престола нечто похожее на правящий класс с пестрым социальным составом, но с однофасонным складом понятий и нравов. Это была только новая формация военно-служилого класса, давно действовавшего при дворе московских государей-вотчинников под командой бояр. В опричнине Грозного этот класс получил яркую политическую окраску, как полицейский охранный корпус, направленный против боярской и земской крамолы. В XVII в. верхний слой его, столичное дворянство, поглощая в себя остатки боярства, становился на его место в управлении, а при Петре Великом, преобразованный в гвардию и приправленный дозой иностранцев, сверх того предназначался стать проводником западной культуры и военной техники. Государство не скупилось на вознаграждение дворянства за его административные и военные заслуги, увеличивало податное бремя народа

на содержание дворян, роздало им огромное количество государственных земель и даже закрепостило за ними до двух третей сельского населения. Наконец, после Петра дворянство во всем своем составе через гвардию делает случайные правительства, освобождается от обязательной службы и с новыми правами становится господствующим сословием, держащим в своих руках и управление и народное хозяйство. Так формировалось это сословие из века в век, перелицовываясь по нуждам государства и по воспринимаемым попутно влияниям. К моменту воцарения Екатерины II оно составило народ в политическом смысле слова, и при его содействии дворцовое государство преемников Петра I получило вид государства сословно-дворянского. Правовое народное государство было еще впереди и не близко.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

(Приготовлены к печати А. А. Кизеветтером).

Первое издание четвертой части «Курса русской истории» вышло в конце 1909 года, т. е. за полтора года до кончины автора. Подготовка к печати этой части курса явилась последним научно-историческим трудом Василия Осиповича Ключевского, если не считать небольшой статьи об Александре II, которую он написал уже во время своей предсмертной болезни.

Эта статья войдет в приготовляемый к печати IV сборник статей В. О. Ключевского (прим. изд.).

Работа над подготовкой к печати четвертой части курса шла с большой интенсивностью. На ряду со сличением многих литографированных изданий этой части курса, которые выходили в разные годы в течение преподавательской деятельности Василия Осиповича, некоторые лекции подвергались переработке в связи с вновь опубликованными в различных изданиях и исследованиях историческими данными.

Среди этих работ Василий Осипович перенес тяжелое горе; 21 марта 1909 г. скончалась его жена Анисия Михайловна. Ее памяти Василий Осипович и посвятил четвертую часть своего курса.

Весь последний год своей жизни Василий Осипович прохворал болезнью, которая свела его в могилу. За это время он пересматривал только-что выпущенную часть курса и, по всегдашнему своему обыкновению, делал на своем экземпляре карандашные отметки относительно тех исправлений и дополнений, которые считал нужным внести в следующее издание. Эти отметки предоста-

вляются теперь вниманию читателей в Приложении к настоящему изданию. Их можно разделить на две группы. Одна группа представляет собою стилистические варианты. Она интересна для изучения стиля Василия Осиповича; по этим вариантам можно видеть, какие строгие требования предъявлял он себе самому, как к стилисту. Другая группа отметок относится уже к содержанию четвертой части курса и по преимуществу состоит из указаний на различные источники, из которых Василий Осипович предполагал внести в свой текст те или другие дополнительные данныя. В Приложении к настоящему изданию читатель найдет воспроизведение этих отметок, а также и разъяснение их значения, поскольку это представлялось нужным в виду их краткости.

ВАРИАНТЫ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Вариант.*
27	2 снизу	экспедиций	воровских экспедиций
34	3 снизу	тяжелым и вместе вечно-подвижным	тяжелым и подвижным
35	11 снизу	династической	фамильной
37	8 сверху	политиком	дипломатом
37	9 снизу	на дороге и на работе	в дороге и на работе
53	10 снизу	меткость	правильность
124	6 сверху	полицейских	полковых
129	8 снизу	крестьянину	крестьянину XVIII в.
140	14 сверху	для показа	на показ
141	12 снизу	Русским купцам	Притом русским купцам
146	15 снизу	только	лишь
154	9 сверху	вечно движущихся	текучих
164	15 сверху	за это изобретение он сделан был	за это изобретение изобретатель Курбатов сделан был
171	14 сверху	подходящие	наиболее подходящие
171	3 снизу	Софьина	Софьина министра
172	6 снизу	содержать	кормить
184	6 сверху	извозчиков, даточных	извозчиков, каменщиков, даточных
213	5 снизу	денежные счета	денежные отчеты
225	13 снизу	и на его собственные предложения	и на его, Зотова, собственные предложения
242	10 сверху	указывал Петру	указывал ему
245	13 снизу	влиятельному	деятельному
323	10 сверху	ослабить	облегчить
370	12 снизу	чего ожидал	как надеялся
381	14 снизу	жить	бывать
435	4 снизу	а фрейлинам	а фрейлинам и даже кавалерам
437	9 сверху	Мирная и беззаботная	Мирная и беззаботная, не выносившая слез и ничего черного, траурного
450	12 снизу	Еще	Всего

*К стр. 110 (104—105) *).*

В строках 3 и 4 сверху (2 снизу) *), где говорится о приводимой Фоккеродтом цифре дворян в России, Василий Осипович подчеркнул карандашом слова «во время первой ревизии» и на поле пометил: «Фоккер., 113». Цифра 113 есть ссылка на соответствующую страницу второй книги «Чтений в Обществе Истории и Древностей Российских» за 1874 год, где помещен русский перевод записки Фоккеродта «О России при Петре Великом». Кроме того на первой странице своего экземпляра IV тома «Курса» Василий Осипович пометил: «противоречие 110 и 442 стр.», а на 442 (428) стр. IV тома «Курса» сказано, что Фоккеродт «сообщает цифровые данныя о неподатных классах русского общества, относящиеся к концу царствования Анны».

Из всего этого явствует, что Василий Осипович колебался, отнести ли сообщаемую Фоккеродтом цифру 500 тысяч для обозначения количества дворян с их семействами ко времени производства первой ревизии при Петре I, или эту цифру надлежит отнести ко времени написания Фоккеродтом его записки, т. е. к концу 30-х годов XVIII в.

Текст записки Фоккеродта действительно дает повод к таким колебаниям, ибо сначала Фоккеродт говорит о числе людей податных классов по данным первой ревизии, а потом тут же прибавляет: «русских дворян с их семействами *вообще считается* до 500 тысяч» (Чтения в Общ. Ист. и Древн. 1874 г., кн. II, Материалы,

---

*) В скобках — страницы и строки настоящего издания.

стр. 113). Это «вообще считается», по контексту слов Фоккеродта можно относить и к моменту производства первой ревизии, и к моменту написания им его записки.

К стр. 113 (108).

Против слов строки 11—15 сверху (1—5): в указах уже при царе Михаиле появляется термин со странным сочетанием непримиримых понятий: *родовые поместья.* Этот термин сложился из распоряжений тогдашнего правительства «мимо родства поместий не отдавать»,—на поле Василий Осипович пометил: «ср. Времен. IV, Материалы, 25».

Эта помета означает ссылку на четвертую книгу «Временника Московского Общества Истории и Древностей Российских (1849 г.)», где в отделе «материалов» напечатано «дело» о поместье псковского помещика Клементья Еремеева. Здесь на стр. 25 находим челобитье новгородского помещика Тимофея Еремеева, от 15 мая 1640 г., в котором челобитчик протестует против того, что дядя его, псковский помещик Клементий Еремеев, находясь при смерти, «твое Государево жалованье родителей наших выслугу свое поместейцо в псковском уезде сдает в чужой род псковскому помещику Павлу Григорьеву сыну Бешенцову мимо нас родителей своих; а сдачи, Государь, за то наше родственное за свое поместье дядя мой Клементей у Павла Бешенцова емлет деньги; а твой государев указ: мимо своего роду в чужой род поместей роздавать невелено».

К стр. 187 (180).

Строки 3—4 снизу (8—9 сверху): в табличке ревизских душ и государственных доходов и расходов за 1724 г. против цифры — 4.614.637 руб. карандашом приписано 53%; против цифры — 4.040.090 приписано 47%.

К стр. 247 (252).

Против строк 13 снизу (3 сверху) и следующ., где говорится о подготовке инструкции магистратам, на поле помечено: «Испр. по ст. Кизеветтера о город. депут. наказах, 56». В статье А. А. Кизеветтера «Происхождение городских депутатских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 г.» (см. «Исторические очерки» М. 1912 г.) приведены из дел главного магистрата новые данные о ходе выработки инструкции магистратам. По этим данным оказывается, что выработка названной инструкции замедлилась не вследствие равнодушия купечества к замыслу Петра I, а по той причине, что главный магистрат по собственному почину созвал в Москве всероссийский съезд депутатов от всех посадов для обсуждения проекта инструкции, а эти депутаты потребовали, чтобы проект предварительно был разослан по городам на заключение посадских мирских сходов.

К стр. 259 (248).

Против строки 9 сверху (8 снизу), где приведены данныя Кирилова о количестве управителей, приказных служителей и фискалов в канцеляриях и конторах, помечено: «прв.», т.-е. «проверить».

В сочинении Кирилова «Цветущее состояние всероссийского государства» (книга II, стр. 133) даны цифры:

Канцелярий и контор	905
В них: управителей	1195
приказных и других служителей	3683
фискалов	234
Итого	5112

*

К стр. 288—289 (278).

В конце стр. 288 и в начале стр. 289 (278, 11—14 сверху) речь идет о том, как применялся на практике указ 1701 г. об обязательной замене русской одежды одеждою немецкого образца: «у городских ворот расставлены присяжные наблюдатели бород и костюмов, которые штрафовали бородачей и носителей нелегального платья, а самое платье тут же резали и драли». Против этих строк на поле стоит помета: «См. Чт. О. И. Др. Р. 1899, I, смесь».

В первой книге «Чтений в Обществе Истории и Древностей Российских» за 1899 г. в отделе «смеси» напечатана заметка И. С. Беляева: «Штраф за русское платье при императоре Петре Великом». Автор заметки извлек из дел Камер-коллегии (Архив Мин. Юстиции, дела Камер-коллегии, вязка 22, д. 14) довольно подробные данныя о том, как выполнялась караульная служба у городских ворот по наблюдению за выполнением указа 1701 года и как собирались штрафные деньги с нарушителей этого указа.

К стр. 407 (394).

Против 7—8 строк сверху (5—6) на поле приписано: «Зап. Ек., 537: 17 миллионов». Эта ссылка на составленную Екатериной II автобиографическую «Записку на российском языке» — см. «Сочинения императрицы Екатерины II», издание Академии Наук, под редакцией А. Н. Пыпина, т. XII, стр. 517. В этом и в следующих далее случаях страницы, указываемые в пометах Василия Осиповича, не совпадают с пагинацией находящегося в продаже академического издания тома XII «Сочинений» Екатерины II. Объясняется это несовпадение тем обстоятель-

ством, что Василий Осипович пользовался особым изданием этого тома, выпущенным в самом ограниченном количестве экземпляров и в продажу не поступавшим. Мы везде указываем соответствующие страницы издания, находящегося в продаже.

В упомянутой «Записке» (Сочин. XII, с. 517) Екатерина II пишет: «в 1762 г. при вступлении моем на престол я нашла сухопутную армию въ Пруссии на две трети жалованье не получавшею. В статс - конторе именные указы на выдачу семнадцати миллионов рублей не выполненными». Ср. ibid., стр. 629 — «Исторический отрывок»: — «на штатс - конторе было 17 миллионов долгу».

Против стр. 9 (13) снизу к слову «откупщик» (в характеристике П. И. Шувалова) сделана карандашной отметкой выноска и на поле приписано: «аферист, казнокрад и взяточник—Щерб. 65, 63, XVIII в. II, 391», а против стр. 8—7 (12) снизу к словам: «изобретатель особой «секретной» гаубицы, наделавшей чудес в семилетнюю войну, как рассказывали», на поле добавлено: «а на деле никуда негодной ibid. 66». Эта ссылка на Герценовское издание сочинения кн. М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России». В этом сочинении приводятся факты из деятельности Петра Шувалова, указывающие на корыстолюбие и недобросовестное обращение с казенными деньгами названного сановника, а также говорится и о непригодности изобретенной им гаубицы. Помета «XVIII в. II, 391» означает ссылку на издание Бартенева «Осмнадцатый век», том II, где помещена статья Васильчикова «Семейство Разумовских», в которой упоминается о Петре Шувалове.

К стр. 411 (398).

Против строки 8 (13) след. снизу помечено: «Сол. 23, 142». В «Истории России» Соловьева в томе XXIII приведена выписка из манифеста 1752 г. декабря 15-го: «Империя так силою возросла, что лучшего времени своего состояния, какое доныне ни было, несравненно превосходит в умножившемся доходе государственном и народе, изъ которого состоит и комплектуется высокославная наша армия, ибо как в доходах, так и в упомянутом народе едва не пятая часть прежнее состояние превосходит».

К стр. 412 (399).

Против строк 10—11 (4—5) сверху, где говорится о государственном дефиците в конце царствования Елизаветы, на поле помечено: «7 милл. Зап. Ек. 583 и 585».

В «Исторической заметке Екатерины II», написанной около 1767—1768 гг. (см. Сочинения имп. Екатерины II, изд. Академии Наук, т. XII, стр. 567), читаем: «Au mois de Juiltet de l'année 1762:.. les finances étoient épuisés à un tel point, qu'il avoit les ans un manquement de 7.000.000 roubles».

К стр. 444 (430).

Против строк 1—2 снизу (15 сверху), где говорится о количестве возмутившихся крестьян, которых пришлось усмирять по вступлении на престол Екатерины II, на поле помечено:

«Зап. 642: 150 т. мон. и помещ. 583: 200 тысяч мон. и завод. Более 100 т. церковных. Сб. И. О. X. 37».

Это — ссылки на записки Екатерины II в академическом издании. В Исторической заметке 1767—1768 гг.

(Сочинения импер. Екатерины II, изд. Академии Наук, т. XII, с. 567) Екатерина II пишет: «il y avoit près de deux cent mille paysans tant de ceux, qui travailloient aux forges, que des sujets appartenant aux couvents, qui s'étoient revoltés». В другом историческом отрывке (ibid., с. 629—630) Екатерина II пишет: «К заводам приписных крестьян я нашла 49 тысяч в явном ослушании и открытом бунте против заводчиков и, следовательно, власти той, которая их приписала к заводам. Монастырские крестьяне и самых помещичьих почиталося до полтора ста тысяч, кои отложилися от послушания и коих всех усмирить надлежало».

Последняя ссылка сделана на стр. 37 тома X «Сборника Русского Исторического Общества»; там напечатано письмо в русском переводе Екатерины II к Вольтеру от 11/22 августа 1765 г. и в нем, между прочим, говорится: «крестьяне, принадлежавшие духовному ведомству, часто терпели тиранические притеснения, чему еще более содействовала частая перемена властей, почему они взбунтовались в конце царствования императрицы Елизаветы, так что при моем восшествии их было более ста тысяч взявшихся за оружие».

К стр. 450 (435).

Против строк 12—13 сверху (12—13 снизу) помечено: «Герц. 158». Это ссылка на Герценовское издание «Записок» Екатерины II. Там на стр. 158 читаем: «у императрицы не было определенного часа ни для сна, ни для вставанья, ни для обеда, ни для ужина, ни для туалета».

К стр. 12 (4) снизу; к словам: «а фрейлинам доставалось и больнее» на поле приписано: «и даже кавалерам. Зап. Ек. 87». На стр. 86 т. XII «Сочинений Ека-

терины II», изд. Акад. Наук, читаем: «je savois qu'elle battait ses femmes, ses entours et même ses cavaliers quelquefois dans la colère».

К стр. 452 (437).

К 4 (9) стр. сверху: к словам «мирная и беззаботная» на поле приписано: «невыносившая слез и ничего черного, траурного (Бильб. I, 376 п. 1)».

В I томе сочинения Бильбасова о Екатерине II на стр. 376 в примечании 1 говорится об этом свойстве Елизаветы Петровны на основании депеши Гиндорфа, извлеченной из Лондонского архива: «Елизавета Петровна не выносила слез, как равным образом не любила она и траурного платья, вообще ничего черного: She cannot bear the sight of black clothes». Депеша Гиндорфа от 8 августа 1747. Лонд. Архив Russia № 53; Лафермьер, 193.

К стр. 453 (439).

К строкам 3—4 снизу (1—2 сверху) приписано на поле «Герц. 133. Брск. 335». Это ссылки на Герценовское издание «Записок» Екатерины II и на издание академическое, редактированное А. Н. Пыпиным и за смертью его законченное Я. Л. Барсковым.

Тут же помета на поле: «посланник и судно. Зап. Ек. 188». Этой ссылке соответствует стр. 181 академического издания «Записок Екатерины» (Сочинения, т. XII); тут описывается неудобное устройство малого летнего дворца Петра Великого и, между прочим, говорится: «un jour il arriva que dans le temps que je ne sais quel ministre étranger entrait chez nous pour ses audiences, la première chose qu'il rencontra fut une chaise percée, qu'on emportait pour la vider».

К стр. 454 (439).

К стр. 4 снизу: слова «умная и добрая» (по отношению к Елизавете) обведены карандашом скобками, а на поле приписано: «жестокая и подозр.». Зап. Ек. 143.

Этой ссылке соответствует стр. 129 т. XII академического издания «Сочинений Екатерины II», где рассказывается о суровом отношении Елизаветы к Чоглоковым по поводу одного случая из придворной жизни.

К стр. 1—2 снизу приписано: «пополнить х—ку по Зап. Ек—ны. 548». Здесь имеется в виду отрывок, набросанный Екатериной под заглавием «Caractères», в котором дана довольно подробная характеристика императрицы Елизаветы Петровны (Сочин. Екатерины II, изд. Академии Наук, т. XII, стр. 530—532).

К стр. 457 (441).

К стр. 1 вверху (6 снизу) сделана сноска к приписке под страницей: «Лакеи—его любимое общество. Театр марионеток и куклы. Бильб. I, 199, 204 п. Неприличное поведение 205 i. Бражничанье с егерями. Блб. I, 302. Игра в куклы на жениной постели. Зап. Ек. 107 и 111».

Здесь сделан ряд ссылок не прямо на Записки Екатерины II, а на «Историю Екатерины II» Бильбасова, очевидно потому, что на всех указанных выше страницах своего сочинения Бильбасов, делея выписки из Записок Екатерины II о поведении Петра Федоровича, приводит тут же цитаты из других источников, подтверждающие справедливость сообщений Екатерины II. Так, на стр. 199 тома I своего сочинения Бильбасов к выписке из Записок Екатерины о кукольном театре Петра Федоровича прибавляет в примечании указание на то,

что «в депеше от 8-го марта 1746 г. Дальон сообщает об этом театре, как существующем уже три месяца», и далее приводится цитата из депеши Дальона из Парижского Архива. На стр. 204 Бильбасов в примечании дает выписку из Записок Екатерины об увлечении Петра Федоровича куклами и обществом лакеев, а в тексте он приводит места из составленной Бестужевым 11 мая 1746 г. инструкции для Петра Федоровича, подтверждающие эти сообщения Екатерины II. На стр. 205 Бильбасов приводит то место из названной иструкции, в котором говорится, что Петр Федорович неприлично вел себя за столом, издевался над служителями, обливал их вином, позволял себе даже непристойные шутки с посторонними лицами, «употреблял подлые слова и делал подлые мины». На стр. 302 Бильбасов приводит выписку из Записок Екатерины II о том, что Петр Федорович «проводил целые дни в собачне или принимал доклады своих егерей о благосостоянии своры собак, при чем пил и бражничал с егерями».

Ссылке на стр. 107 и 111 Записок Екатерины об игре Петра Федоровича в куклы на жениной постели соответствуют стр. 104 и 108 т. XII «Сочинений Екатерины» академического издания.

К стр. 458 (443).

Против строки 5 (15) снизу на поле приписано: «робкое сердце и слабая голова Ек. Зап.». 105. Эта ссылка соответствует стр. 102 т. XII академического издания «Сочинений Екатерины II», где находим фразу Екатерины о Петре Федоровиче: «il était très peureux de coeur et sa tête était faible».

К стр. 464 (448).

Перед текстом приписано: «пополнить по рассказам Екат. (Зап. 504—536, особенно 524)». Эта ссылка соответствует стр. 479—509 т. XII «Сочинений Екатерины II» академического издания.

К стр. 474 (457).

К стр. 8 сверху (13 снизу) приписано: «Дополн. по Соч. Ек. II т. 12 стр. 764—767». На указанных страницах академического издания тома XII «Сочинений Екатерины II» приведены полные тексты писем Петра III к Екатерине II после переворота 28 июня 1762 г. и писем Алексея Орлова, относящихся до смерти Петра III.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

---

*) Заглавие, приписанное автором к строке 1-й стр. 348-й первого издания (прим. изд.).

**) Заглавие, приписанное автором к строке 3-й снизу стр. 422-й первого издания (прим. изд.).

BOUND BY

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 058019925